

"Заклинатель драконов"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Анастасия Вернер

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ДРАКОНОВ

Мне кажется, на свете существует три вида страха.

Постыдный страх, присущий каждому живому существу на этой планете. Нам не хочется бояться, но противные холодные руки тянутся к сердцу, сжимают его, заставляя нас задыхаться от собственной слабости, которую мы не в силах побороть.

Благородный страх, который присущ не каждому. Испытывал его лишь тот, кто по-настоящему был к кому-то привязан крепкими семейными или, быть может, любовными узами. Эти узы приковывают людей друг к другу, и когда им грозит внешняя опасность — мы боимся.

Иступленный страх. Страх, который вонзается острыми иглами в каждую клеточку тела и, как бы странно это ни звучало, заставляет кричать от восторга.

Я боялась. Боялась до такой степени, что готова была выпрыгнуть из седла навстречу ледяным вихревым порывам.

В скорости всегда есть что-то особенное. И адреналин, который бешеным темпом бежит по крови. И ветер, который бьет в лицо с такой силой, что слезятся глаза. И громко стучащее сердце, замирающее в те мгновения, когда приходится совершать очередной маневр.

Я крепче вцепилась в седло. Посмотрела вправо. Огромная тень метнулась в нашу сторону, взмахнула крыльями, поднимаясь выше, а затем из клыкастой пасти вырвалась струя огня.

Мы с Фенькой терпеть не можем огонь. Рьяный, необузданный, неукротимый и очень-очень обжигающий. Из всех четырех стихий он самый болезненный для нас.

— Феня, вниз! — резко скомандовала я.

Дракон среагировал мгновенно, спланировал вниз по спирали, уходя от обжигающих языков пламени.

— На счет три! — крикнула сквозь свистящий ветер. — Три!!!

Фенька взметнулся вверх, оставив позади огненный поток, и начал набирать скорость. Достигнув нужной высоты, широко расправил крылья и, накренившись влево, стал падать вниз.

Одной рукой я крепко держалась за седло, а второй выпустила ледяные иглы. Они устремились точно в нашего противника, заставив того пикировать вниз, чтобы увернуться.

Фенька изящно развернулся и спланировал аккуратно над головой Борзого Сокола. Размахнувшись, кинула в соперника специальным снарядом, прозванным среди наездников «бомбочка». Послышался взрыв, за ним — отборный мат. Над мужчиной образовалась плотная красная дымка.

Бомбочка не убивает, лишь на время усыпляет бдительность, выводя противника из строя. Этого времени достаточно, чтобы прорваться вперед.

Ударив ногами по чешуйчатым бокам, направила своего дракона обгонять остальных участников гонок.

Мы с Фенькой быстро приблизились к мерзкому типу по кличке Рогатый Дог и его шипастому дракону. Так, тут нужно быть предельно осторожными. С этими ребятами лучше не шутить. Огнем на нас не дыхнут, зато шипами закидают точно и превратят в мертвых ежей.

— Давай «бочку», — шепнула, наклонившись, своему дракону.

Фенька подлетел ближе. Шипастый повел мордой в сторону, словно что-то учуял, и, заметив незваных гостей, попытался достать до нас, размахнувшись хвостом.

— А ну-ка покажи этим гадам! — возмутилась я.

Рогатый Дог прекрасно знал, что их кто-то преследует. Но увидеть нас не мог, поэтому заставлял своего дракона произвольно выпускать шипы, надеясь попасть наугад.

Фенька уходил от них с легкостью. Сложив крылья, он стрелой метнулся к растерянному наезднику. Одним резким выпадом сбил вражеского дракона с траектории. Потом развернулся и с размаху ударил хвостом в бок. Рогатый Дог не отказывал себе в эпитетах, когда пытался вернуть равновесие животному.

Мы же устремились вперед. К финишу.

Ничего, осталось совсем немного.

Еще нескольких наездников я вывела из строя запасенными бомбочками. Один раз пришлось уйти от очередной струи огня.

И, наконец, мы зашли на второй круг — последний.

— Фенечка, малыш, давай, поднажми, — тихо попросила я.

Впереди показались очертания нашего последнего противника.

Тима Донга.

Три прошедших года — абсолютного чемпиона Недельного залета. Что ж, может, в этом году мне повезет и я смогу обогнать его хотя бы на начальных этапах гонки?

— На этот раз мы победим, — ободряюще шепнула Феньке.

Пригляделась внимательнее к очертаниям темной фигуры. Проверила тросы. В прошлый раз я позорно вылетела из седла и болталась в воздухе, пока Фенька не приземлился. В этот раз такого не будет. В этот раз я пересеку финишную черту если не первой, то хотя бы второй.

Мы старались приближаться как можно тише, потому что любой взмах крыльев мог стать решающим.

Тим Донг летал на темном драконе, что было логично, ведь сам мужчина владел четвертой стихией — тьмой. Воочию эту силу я еще не видела, хотя и знала о ней немало.

Приближаться к наезднику было страшно. Я постаралась отбросить лишние мысли в сторону — мне хотелось сохранить ясную голову.

Фенька уже почти достиг противника, но вдруг дракон Донга с невероятной скоростью устремился вверх, сделал петлю и спланировал аккурат за нашими спинами.

Я услышала свист за несколько секунд до того, как в меня попал снаряд, и успела направить Феньку вправо, уходя от бомбочек. Черт! Нас едва не сбили!

Стиснув зубы, стала направлять своего дракона в разные стороны, уклоняясь от снарядов. Этот Донг совсем очумел! Главное, он даже магию не использует, пытается добить нас примитивными средствами, берет на измор. Нет уж, не на тех напал!

Проблема заключалась в том, что его дракон был намного больше моего. Фенька еще молодой совсем, ему не хватит сил сбить нашего противника.

Я не оборачивалась на темную фигуру наездника. На это не было времени: бомбочки летели со всех сторон. Поэтому просто замахнулась и решила выпустить ледяные иглы наугад, но в самый последний момент испугалась. Вдруг попаду? Вдруг это обернется для мужчины

смертельным исходом?

Вздохнув, вновь ухватила вторую руку за седло.

Ладно. Главное — продержаться до финиша. Донг все равно сзади!

Стоило об этом подумать, как прямо над нами пронеслась огромная устрашающая тень. Сердце екнуло. Фенька успел издать испуганный рык. А затем из пасти вражеского дракона вырвалась тьма.

Это был огонь, но только черный и, увы, такой же обжигающий. Я едва успела выставить ледяной щит. Дымка окутала нас полностью, не скрыв наших очертаний.

Тим Донг запустил в меня бомбочку.

Едкий красный дым застилал глаза. Я закашлялась. Феньке сейчас было не лучше. Продолжать полет в таком состоянии нельзя — велика вероятность врезаться в скалы и разбиться.

— Дружок, спускайся! — чуть не плача от обиды, крикнула я.

И снова проиграли.

Как же я ненавижу этого Донга!

В загоне из всех углов, как обычно, воняло так, словно все присутствующие посчитали своим долгом опорожниться. Я поморщилась и, покрепче перехватив трос, прикрепленный к седлу, повела Феньку на его место.

Шум, гам, громкие возгласы, пьяный смех, грубые высказывания стали уже привычными для моих неизощренных ушей. Особо нетерпеливые наездники распивали пиво и рассказывали о гонке, разбавляя свою речь такой матерной бранью, что различить радость в этих словах можно было только по интонации. Драконы выглядели за деревянные перегородки и издавали призывное рычание, пытаясь заставить своих хозяев обратить на себя внимание.

Говорят, драконы — порождение хаоса. Говорят, они хищники и готовы любыми способами добывать себе еду. Говорят, человеческое мясо для них как опиум.

За долгие века люди сделали все, чтобы истребить драконов как вид.

Все, да не все.

Здесь собрались те, кто не верил в эти глупые домыслы и не поощрял жестокость по отношению к братьям нашим **большим**.

Мы все — одна большая семья, несмотря на то что являемся соперниками в борьбе за участие в Недельном залете. Нас объединяет одна слабость — любовь к драконам, и это же заставляет скрываться в дальних землях.

Фенькино стойло находилось в самом конце загона. Место, конечно, неприметное — это хорошо. Но и одинокое. Дракончик скучал, что меня очень расстраивало. Однако в финансах я сейчас была ограничена, а там места дешевые.

— Ну ты чего, расстроился, что ли? — с улыбкой спросила я и провела рукой по голубой чешуе.

Мы как раз дошли до нужного деревянного заборчика, построенного больше для вида. Драконы в любой момент могли покинуть стойло по мысленному призыву хозяина, поэтому преграда была условной.

Седло я снимать не стала, так как наши полеты еще не закончились. Зато прием свеженького сырого мяса и чистка шкуры, что драконы воспринимали скорее как массаж после тяжелого соревнования, считались обязательными.

Взяла специальную щетку и принялась водить ею по чешуйчатой морде.

— Не расстраивайся, Фенька, мы тут всего три месяца. У нас все впереди. Уж поверь мне, однажды этот Тим Донг пожалеет о том, что к нам сунулся.

Фенька скосил взгляд, что-то заметил и стыдливо зарычал. Я поспешно обернулась. Тим Донг с непроницаемым видом прошел к концу загона и завел темного дракона в стойло, расположенное аккуратно напротив нашего.

Мы с Фенькой затравленно переглянулись, тщетно стараясь скрыть накрывший нас ужас. Вблизи дракон Донга оказался больше моего раза в два, если не в три!

— Без паники, — шепнула я. — Он толстый и неповоротливый, — попыталась успокоить Феню.

Фенька придирчиво глянул на соперника, смущенно потупился и уперся носом мне в бок, мол, чеши дальше.

Не то чтобы я прямо глаз не сводила с Тима Донга, но периодически поглядывала исподтишка на его действия. В какой-то момент он решил накормить своего питомца... хлебом. У меня вырвался тихий смешок.

— Какие-то проблемы? — Мужчина тут же повернул голову, словно только и дожидался каких-то звуков с моей стороны.

— Нет. — Я поспешно потупилась и уставилась в пол.

Да уж, парень из меня хоть куда! С такими повадками точно девчонкой будут считать.

— А вообще, — низко прохрипела, подражая мужскому голосу, — я хотел тебя поздравить с победой.

На меня посмотрели совсем уж недоверчиво.

— Спасибо, — скупое отозвался Тим Донг.

Поговаривали, что когда-то он не справился с драконом и тот полоснул его крылом прямо по горлу. Всадника спасли, а вот его голосовые связки — нет. И с тех нор Тим Донг сипел так, будто находился при смерти.

Если совместить это с повязкой, закрывавшей половину его лица, разговаривать с этим человеком вообще не возникало никакого желания.

Я набрала в легкие побольше воздуха и выдала авторитетным голосом:

— Сегодня ты, может, и заслуженно победил, но впереди еще несколько туров, так что советую не обольщаться.

Темный дракон презрительно фыркнул.

Тим Донг, в отличие от своего питомца, оставил мою речь без внимания. Он спокойно закончил все свои дела в загоне и даже головы не повернул в мою сторону.

Я пожала плечами и принялась скармливать Феньке сырое мясо. В какой-то момент заметила, что мужчина вышел из загона и остановился напротив меня.

— У тебя усы отклеились, — снисходительно «обрадовал» он и уверенной походкой направился к выходу.

Я судорожно провела рукой над верхней губой и с ужасом поняла, что усы действительно отклеились!

Неужели я только что выдала себя?!

— Знаешь, Фенька, притворяться парнем уже не кажется хорошей идеей, — удрученно сообщила своему дракону, поставила пустое ведро и щетку в угол и, попрощавшись, закрыла стойло.

Вздохнув, поплелась туда же, куда шли все участники гонок, в том числе и Тим Донг. В кабак.

К сожалению, женщинам в подобных соревнованиях участвовать нельзя. Поначалу, когда я сунулась сюда без прикрытия и мне невежливо посоветовали уходить по-хорошему, я думала, что для этого есть объективная причина. Но всему виной оказались предрассудки. Глупые, наиглупейшие предрассудки! Женщины не ходят на петушинные бои, потому что это не дамское занятие. Женщины не делают ставки на скачках, потому что у них нет права голоса. Женщины не участвуют в гонках, потому что за них кто-то должен отвечать.

Это несправедливо. Если всех собравшихся здесь объединяют любовь к драконам, тяга к полетам, к скорости, к высоте, азарт и предвкушение победы, то почему же люди до сих пор не могут выйти за рамки общепринятых понятий?!

Увы, если с причинами происходящего еще можно как-то бороться, то предрассудки искореняются лишь временем.

Его-то у меня и не было.

Фенька рос не по дням, а по часам, и прятать его в родном графстве стало опасно. Не дай бог, кто-нибудь увидит и донесет стражникам. Феньку тут же убьют. Поэтому я прятала его в этих загонах. Но обязательное условие для предоставления места — участие в гонках.

По правде сказать, в этом нет ничего плохого. Именно благодаря соревнованиям я поняла, к чему меня действительно тянет.

Мы с Фенькой как единое целое. Чувствуем любое колебание в эмоциях друг друга. Он мой самый лучший друг. Стремление уверенно лететь против ветра, рассекая пушистые облака, у нас в крови. Мы с ним вместе жаждем не просто свободы, а чего-то большего, когда сердце уходит в пятки от предвкушения победы. В этом году мы обязательно должны попасть на Недельный залет. Соревнование невероятно опасное, но оно того стоит.

Только вот для начала надо выиграть хотя бы один промежуточный этап, а из-за Донга это становится все сложнее. К тому же никто не должен узнать, что я девушка. В принципе притворяться парнем не так уж трудно: ходи себе, плюй на каждом углу, рассказывай пошлые анекдоты и периодически проверяй, не отклеились ли усы.

Сначала я хотела перевязать лицо и рассказывать всем про страшное увечье. Но потом увидела Тима Донга и поняла, что буду выглядеть глупо, словно пытаюсь подражать.

У него повязка закрывала ровно половину лица. Говорят, под ней такой шрам, что на него не могут смотреть даже девушки легкого поведения. А уж они-то точно всего повидали.

Хотя я их понимала. Этот мужчина пугал сам по себе.

— Джон! — заорали сзади грубым басом. — Джон!!!

Я не сразу поняла, к кому обращаются. В обычной жизни меня зовут Марита Хорвин, но здешние знают под именем Джона Рута.

Повернулась и печально вздохнула.

— Ты когда за аренду загона платить будешь?! Месяц уже почти прошел!

Крупный седой мужчина с близко посаженными глазами и огромным носом-картошкой был арендатором.

— Скоро заплачу. Вот женюсь на богатенькой девчонке и сразу заплачу за несколько месяцев вперед!

Вообще-то шутка так себе. Но мужчина заржал. Я тоже улыбнулась.

— Не смей задерживать, как в прошлый раз, понял?

— Понял-понял.

Как будто это от меня зависит.

— Ладно, беги праздновать победу, малютка Джон! — заявили мне и даже хлопнули по плечу, вышибая весь воздух из легких. — А, стой, ты ведь не победил! Аха-ха-ха!!!

Я огорченно посмотрела вслед удаляющемуся толстяку, который трясся от смеха, и поплелась в кабак.

Как бы мне ни хотелось скорее сбежать домой, нужно было выдержать эти несколько часов. А то тут не в почете те, кто не заходит выпить хотя бы кружку пива. Видите ли, тогда ты «настоящий мужик». Да если бы это измерялось количеством пива...

Уже при подходе к приземистому домику слышались дикие матерные кличи, ор, битье стекла, ну и прочие звуки, означающие, что «настоящие мужики» веселятся и празднуют.

Я открыла дверь и зашла внутрь, привычно поморщившись от неприятного запаха. Тут смешались и дух алкоголя, и мужской пот, и женские приторные духи, попахивало даже загоном для драконов, ведь он располагался буквально в шаговой доступности.

Огромная стойка находилась в центре зала. Вокруг нее — столики, набитые наездниками, не

спешащими раскрывать свои настоящие имена. По помещению сновали активные служанки с аппетитными формами. Во всяком случае, в этом меня однажды заверил Рогатый Дог, ткнув пальцем в одну из девушек и сказав: «Грудь — во!»

А на втором этаже находился увеселительный дом.

В общем, если подумать, все не так уж плохо. Особенно если учесть, что гонки проходят в горах, на территории, отделенной от ненужного внимания остального мира глубокой расщелиной. Простым смертным сюда не добраться.

Я быстрым шагом подошла к стойке, заказала себе огромную кружку пива. Кивнула наезднику по кличке Факс, посмеялась над унылыми шуточками и, схватив свой заказ, почти бегом направилась к лестнице.

Номер моего убежища на следующий час — тридцать шесть. Комната почти всегда свободна. В основном потому, что тут небольшая скрипящая кровать, два стула, давно не мытые пол и окна, да и вообще помещение больше напоминает чердак. Зато неприметное — то, что надо.

Я открыла незапертую дверь, подошла к окну и вылила содержимое кружки на улицу.

— Ты уже пришла? — раздался позади веселый женский голос.

Без союзников поддерживать репутацию парня «хоть куда» довольно трудно.

С Симоной мы знакомы всего три месяца, но девушка спокойно отнеслась к моей тайне, и теперь в номере тридцать шесть мы вместе отдыхаем от внешнего мира.

— Слышала, Донг тебя снова обогнал, — сочувствующе сказала подруга и уселась на кровать.

Я примостилась на подоконнике и грустно улыбнулась. Развязала косынку, которая скрывала волосы. Подстричься под мальчика я не могла, но и показывать косу, доходящую до пояса, тоже не имела возможности.

Владение ледяной стихией сказалось на цвете волос. Я знала, что сейчас, в нежном свечении луны, они похожи на топаз и переливаются разными оттенками от почти прозрачного белого до синего. Но при свете дня волосы были просто бледно-голубыми. Ничего особенного.

Если я не взмывала ввысь, где студеные порывы ветра пробирают до самых костей, а находилась среди всей этой массы людей, голова жутко потела. Поэтому, когда я снимала косынку, чувствовала невероятное облегчение. Ох, еще бы распустить волосы, но нельзя: коса плотно прилегает к спине.

— На самом деле Донг — уже не главная проблема. Мне нужно придумать клятвы, — подавленно сказала я.

Симона поглядела на меня с сочувствием. Несмотря на то что лунный свет едва-едва освещал комнату, жалость угадывалась и в движениях девушки, и в ее сокрушенном вздохе.

— Клятвы — это глупость, — постаралась утешить подруга. — Наговори первое, что придет в голову, а там уже разберетесь.

Я мягко улыбнулась.

Симона — рыжеволосая красавица. У нее яркая внешность: тонкие черты лица, большие глаза, прямой нос и пухлые губы. Небеса наградили ее прекрасной фигурой, которую девушка не скрывала. Больше, конечно, не по собственной прихоти, а из-за требований заведения. Но даже несмотря на свою профессию, Симона о семейной жизни знала ровно столько же, сколько и я.

То есть ничего.

— Я должна придумать клятвы, которые обязана буду исполнить перед мужем. Но какие клятвы можно принести человеку, которого ни разу не видела?

— Свадьба завтра? — уточнила Симона.

Я кивнула и уставилась в пол.

— Хочешь, устроим тебе побег?

— Я не могу, ты же знаешь. Нельзя нарушить договор. К тому же его деньги спасут нас от нищеты. — Стоит признать: оправдывалась я больше для себя.

— Тогда просто не думай об этом. Кстати, я тебе тут кое-что принесла! — нарочито радостно воскликнула рыжая подружка и, подскочив ко мне, продемонстрировала... ночную сорочку.

— Это зачем? — не поняла я.

— Это для вашей первой брачной ночи.

— Она же прозрачная, — пролепетала, заливаясь румянцем.

— Именно. Это поможет — разгорячит страсть и сделает процесс не таким противным.

Знаю, что Симона хотела успокоить. Но ее слова только усилили панику.

Подруга про брачную ночь рассказала намного доходчивее, чем сбивающаяся и нервничающая мама. Девушка даже постаралась объяснить, какой должна быть последовательность моих действий. Но легче от этого не стало.

— Спасибо, — поблагодарила я и слегка трясущимися руками приняла подарок.

— Слушай, тебе не стоит так переживать. Обязательно выпей успокаивающей настойки, а то муж от тебя сбежит.

— Я не хочу, чтобы он от меня сбежал, — пробормотала в ответ.

— О чем и речь! Ты же восемнадцать лет ждала этого брака, так что расслабься и наслаждайся.

— А знаешь, ты права. Нужно думать о хорошем. У меня будет свадьба, — расплылась я в глупой улыбке, от которой Симона скривилась. — Настоящая свадьба. Будут платье, фата, муж. Будет много-много подарков и красивый бал, я прекрасная невеста, и все будут мне завидовать.

— Это больше напоминает какой-то дамский любовный роман, но если тебе от этого легче...

— Нет, постой. Нельзя думать о хорошем. Если мои фантазии не сбудутся, мне станет только хуже. Надо заранее подготовить себя к самому печальному исходу событий.

— Я даже боюсь спрашивать, к какому.

Поразмыслив немного, серьезно сказала:

— Муж захочет меня убить.

Брови Симоны плавно поползли вверх, выражая удивление.

— Это логично. Вряд ли герцог Бёме мечтал обзавестись навязанной женой, поэтому он просто избавится от меня. Будет улыбаться на нашей свадьбе и, пока никто не видит, трепетно касаться моей руки. А в нашу первую брачную ночь заколет меня кинжалом.

— Напоминает готический роман.

— А его любовница окажется соучастницей преступления. Потом она начнет шантажировать герцога и грозиться, что все расскажет детективу.

— Скорее роман в жанре ужасов.

— А потом они оба скончаются при странных обстоятельствах, и его деньги неведомым образом исчезнут.

— Или даже детектив.

— Кажется, я больше не хочу замуж.

Симона тяжело вздохнула и, приблизившись ко мне, положила руки на плечи.

— Марита, ты красивая, образованная леди. Герцогу Бёме невероятно повезло, что именно ты станешь его женой. Не забывай об этом, когда начнешь приносить клятвы. И ни в коем случае не рассказывай ему про свою двойную жизнь.

От этих слов легче не стало, но я все равно благодарно улыбнулась:

— Спасибо.

— Пока не за что. — Симона ободряюще сжала мою ладонь. — Послушай, сегодня я должна работать в зале, так что мне сейчас придется уйти.

— Хорошо, я подожду немного и выйду следом.

— Марита, только не навернись! Свадьба уже завтра, и до нее точно ничего не заживет!

Мы рассмеялись.

Подруга сказала еще несколько успокаивающих фраз, затем плавно приблизилась к выходу и выскользнула в коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Я вернула косынку на голову. Посидела на подоконнике еще некоторое время, после чего отправилась вниз. Не стала задерживаться возле стойки, спокойно вышла из кабака и направилась к загону.

Мне казалось, что, будучи почти замужем, имея в лучших друзьях дракона и умудрившись три месяца успешно притворяться парнем, к жизни я уже приготовилась.

Но выяснилось, что все это не имеет к реальности никакого отношения.

«Настоящая суровая жизнь» поджидала меня за углом загона. Она схватила меня за куртку с высоким воротником, скрывающим часть бледно-голубых волос, и приподняла над землей.

Я испуганно затрепыхалась, поскольку Тим Донг с такой силой впечатал меня в деревянную стену, что еще немного — и мог проломить мной приличную дыру.

— Хватит выливать сюда пиво, — яростно просипела моя смерть. — Видишь это окно? Видишь?! Прямо за ним находится мой дракон. Еще хоть раз почувствую запах алкоголя рядом со своим стойлом, размажу тебя по стенке, и тогда забудь про Недельный залет. Понял?!

— Да-да-да, прости! — Ох... я, конечно, стойкая, но умоляюще вопить мужским басом выше моих сил. Так что... в общем, Тим Донг не зря насмешливо хмыкнул. Я бы тоже посмеялась, если бы какой-нибудь парень запричитал при мне девчачьим голоском.

Мужчина меня отпустил. Пока я нервными движениями оправляла воротник, мой злейший враг наклонился и подхватил с земли... ночную сорочку.

Держа ее двумя пальцами, словно какую-то заразу, Донг поднял вещь на уровень моих глаз и недоуменно изогнул бровь, которую не скрывала повязка.

— Твое? — уточнил он.

— Ага, стащил у одной красотки из здешних, — затравленно выдавила я, тщетно стараясь придать голосу побольше настоящей мужской уверенности. — Это для моей... моей... любовницы... в смысле она скорее, моя подруга. — Понимая, что меня сейчас либо засмеют, либо вновь впечатают в стену, я обманчиво оптимистично провозгласила: — Она у меня хоть куда! Просто огонь!

Донг брезгливо вернул мне ночную сорочку.

Не успела я облегченно выдохнуть, как услышала в свой адрес:

— Хватит притворяться.

— Что? — испугалась не на шутку.

— Ты — глупый пацан. Никакие фальшивые усы, пиво и хвастовство несуществующими победами этого не изменят. Ты либо приходи сюда настоящим, либо убирайся к чертовой матери.

За что это такие грубости, интересно?!

— А чего это ты сам тут ошиваешься? — попыталась отразить атаку. — Не твое дело, какие у меня победы! Иди... вон, лучше сам девушку подцепи!

Я зло махнула рукой в сторону двери в кабак.

Тим Донг прищурился одним своим глазом и сделал шаг назад.

— Я бы с радостью, да не могу, — сказал он.

Развернулся и пошел в сторону загона.

Ох... умнее меня в мире человека не сыскать! У него же шрам на пол-лица, еще и голосовые связки повреждены. Какая уж тут девушка.

— Тяжелый день? — уточнила я, нагоняя его уже в загоне.

— Нет, день прекрасный. И я бы многое отдал, чтобы он никогда не закончился.

— А... — открыла было рот, но мне в лицо уткнулся чужой палец.

— Хватит. Болтать, — раздраженно просипел Тим Донг.

— Я просто еще раз хотел поздравить с победой, — хмуро буркнула и обогнала его, скрываясь в Фенькином стойле.

Тяжело вздохнув, покачала головой.

— Дружок, полетели домой.

Дракон, почувствовав мое крайне пессимистичное настроение, успокаивающе уткнулся мордой в ладонь.

Я оглянулась.

Донг уже дошел до своего темного дракона и вновь начал скармливать ему хлеб. Ненормальный.

— Домой, Фенька. Хватит с нас на сегодня, — решительно сказала и принялась проверять, надежно ли закреплено седло.

Каждая девушка мечтает выйти замуж. Кто-то слушает болтовню ровесниц, кому-то романтические истории рассказывают мамы, тетки и гувернантки, а кто-то читает дамские романы, столь нелюбимые интеллигентным обществом. Фантазия тут же пускается в пляс, рисуя идеальную картинку будущего бракосочетания, где двое — обязательно до безумия влюбленных — целуют друг друга, стоя на краю обрыва. Багровые лучи закатного солнца достигают их счастливых лиц, шум прибоя заглушает веселый смех, а белоснежное платье невесты развевается под теплыми порывами ветра.

Я себя иллюзиями не тешила.

Дата свадьбы с Ричардом Бёме была назначена в тот день, когда Марита Хорвин появилась на свет. Наша семья и семья Бёме тогда владели соседствующими графствами, и наши отцы заключили договор, согласно которому бракосочетание первенцев разного пола скрепит мир.

Время шло, мы с Ричардом росли, но видеться нам запрещали. Этот пункт в договоре выделили жирным шрифтом. Моя мама была крайне недовольна таким условием, но, полагаю, отцы боялись, что мы не понравимся друг другу с самого начала и сделаем все, чтобы расторгнуть помолвку.

Отец Ричарда умер от черной смерти, когда мне было семь. Мой папа повесился годом позже. Нет, не из-за потери друга, а из-за собственных долгов.

К этому времени король Актории изрядно подрастерял свое влияние. Старший граф Бёме успел воспользоваться ситуацией, и когда Актория вела войну с Осилией — страной, один из портов которой переходил то к одной, то к другой стороне, — заставил соседние графства присоединиться к нему. Это «заставил» носило двойственный характер: с кем-то были заключены договоры, как, к примеру, с нами, к кому-то применена сила.

Расширение территорий, богатство, влияние и возможность содержать собственную армию вынудили короля даровать графу титул герцога.

После смерти отца этот титул перешел к законному наследнику — Ричарду Бёме. Как только я выйду за него замуж, мое графство Годгест официально войдет в состав герцогства Хильдеберхт.

Глубоко копаться в истории я не пыталась. Мой преподаватель заверял, что леди нет необходимости анализировать происходящие события. К тому же мама постоянно повторяла:

— Ты должна быть образованной, но при этом во всем потакать своему мужу и показывать ему, что он намного умнее тебя.

Именно это она приговаривала, пока мы тряслись в неудобной карете.

Три младшие сестры оживленно обсуждали предстоящую свадьбу. Матушка вслух радовалась, что в скором времени можно будет выводить в свет остальных дочерей.

Я же смотрела в окно. Смотрела с открытым от восхищения ртом.

Герцогство Хильдеберхт было прекрасно.

Если в нашем графстве отец всегда пытался заселить новые деревни и приютить чужаков из соседних королевств, чтобы было с кого собирать побольше налогов, то территория герцогства семьи Бёме состояла в основном из незаселенных долин. Пространства эти были огромны. Зачастую приходилось пересекать неровные возвышенности, по которым уходила вдаль извилистая каменистая дорога. По краям же с одной стороны возвышались либо могучие горы с небольшими трещинами по всей плоскости, напоминавшими водную рябь, либо мощные стволы деревьев древнего леса, кроны которых бросали злое щие тени на дорогу.

А с другой стороны нашему взору предстали долины.

На пути их было несколько. И каждая уникальна по своей красоте.

Я до слез пожалела, что в данный момент трясусь в душной коробке кареты и не могу подбежать к обрыву, раскинуть руки в стороны и полететь. Ветер развевал бы волосы, которые я обязательно распустила бы и кричала бы во весь голос от радости, чувствуя, как бешеный стук сердца отдается в ушах.

Первую долину я увидела ранним утром. С высоты холма она казалась такой огромной, что захватывало дух. Посередине вся земля была вспахана и засеяна зерном. По краям же остались зеленые островки, которые тянулись к холмам метелками высоких трав, а те, в свою очередь, острыми пиками тянулись к облакам. Небо, словно отвечая на подобный знак дружелюбия, спускало на землю золотистые лучи солнца.

— Столько слухов о его богатстве, а это всего лишь зерно, — прошептала я себе под нос.

— Что ты там бормочешь, Марита? — тут же отреагировала матушка. От волнения она размахивала веером во все стороны, но от резких движений раскраснелась еще больше.

— Она клятвы репетирует, — воскликнула Майя, вторая по старшинству дочь в семье Хорвинов.

— Нет, просто я только что поняла, почему герцог Бёме так богат. Пока остальные титулованные особы собирают налоги и пытаются нагрabить как можно больше в военных походах, герцог выращивает зерно и продает его, — ответила я.

Матушка возмущенно цокнула:

— Дорогая, что я тебе говорила? Будь мудрой, не умной! Нельзя, чтобы твой муж решил, будто ты умнее его.

— Я не умнее, — успокаивающе улыбнулась. По-моему, она волновалась больше меня.

— О-о-о, я уже не могу дождаться, когда мы приедем! У меня сердце колотится от страха! Я тоже хочу замуж за герцога!

Это Ария. Ей всего четырнадцать, и она любит помечтать о том, как выйдет в свет и встретит на балу свою настоящую любовь.

Мама несколько раз пыталась повлиять на нее, призывая думать при выборе жениха о собственной выгоде, но я попросила повременить с этим еще немного. Пусть ребенок помечтает. Мечты — это прекрасно, особенно когда ты веришь в них всем сердцем.

— Ты, кажется, совсем не волнуешься, — мягким, тоненьким голоском сказала Софи.

Ей десять. Из всей нашей семьи только мы с ней унаследовали от отца магический дар.

Малютка нарядилась в розовое платье с некогда дорогими, а теперь уже изрядно потертыми кружевами. В этом платье когда-то ходила я. Из-за тяжелого финансового положения, на которое обрек нас своей смертью отец, мы донашивали вещи друг за другом. Но Софи, кажется, не испытывала стеснения.

— Я просто знаю, что все будет хорошо, — улыбнулась в ответ.

На самом деле у меня было восемнадцать лет, чтобы смириться. Переживаний за это время накопилось столько, что сейчас я старалась двигаться навстречу судьбе с гордо поднятой головой.

Вторая долина появилась где-то в полдень. Сестры понемногу изнывали от тяжелой и долгой дороги, а я нашла свою отраду в пейзаже, раскинувшемся прямо за окном.

Никогда еще не видела подобного. Летая на Феньке, я наблюдала всякие красоты, но именно на эти мне страшно захотелось посмотреть с высоты драконьего полета.

На этот раз передо мной во всей своей силе, своенравности и непреодолимости предстала река. Потоки бурлящей и кипящей жадной жизни воды врезались в камни и бились о берега, всем своим видом показывая, что рамки, в которые старалась впихнуть их природа, им не подходят. Река протекала по всей долине, огибала холмы и устремлялась вдаль, заставляя с завистью смотреть, как ее воды свободно уносятся прочь. По берегам росли ели. Их было так много, что с высоты они казались мхом, заполонившим все пространство и местами прикрывшим

непокорную реку от любопытных глаз.

— А когда вы встретитесь с герцогом, вы сразу влюбитесь? — с любопытством поинтересовалась Софи.

Я повернула голову в ее сторону, вымученно улыбнулась и решила, что сегодня неподходящий день для разочарований.

— Конечно.

— А когда я вырасту, я тоже женюсь на герцоге?

Мы с сестрами рассмеялись.

— Ты не женишься, а выйдешь замуж, — строго поправила мама свою младшую дочь. — И я лично приложу все усилия, чтобы твой муж был очень выгодной партией!

— А я тоже хочу себе выгодную партию, — мечтательно вздохнула Ария.

— Тебе еще рано, я первая! — возмутилась Майя.

— Мы выйдем в свет одновременно, забыла, что ли?! — Ария аж подпрыгнула. — Просто ты замуж выйдешь раньше меня!

— А Марита не выходила в свет, и все равно у нее будет муж, — тихонько заметила Софи и посмотрела на меня удивленными глазами.

Я взглядом попросила помощи у матушки, и та с энтузиазмом принялась объяснять (в десятый, к слову сказать, раз), как так вышло.

Софи была не права. В свет я выходила, но не как выгодная партия, а как «та самая будущая герцогиня Бёме». Но это даже «светом» назвать трудно. Так, несколько балов в соседнем графстве, на которые нас пригласили только в знак уважения к моему покойному отцу.

Из-за того, что мы небогаты, наша семья считалась нежелательным гостем на подобных мероприятиях.

Но скоро все изменится.

— Марита, ты запомнила, о чем мы с тобой говорили? — взволнованно спросила матушка, когда закончила с объяснениями неувязок в моем замужестве.

Я кивнула, но маме моего согласия не требовалось. Нервно дергая веером, она принялась повторять:

— Будь милой, обходительной. Старайся улыбаться, не возникай не по делу! Скорее всего, там соберется множество титулованных особ. Веди себя естественно, осанка королевская, походка аккуратная. Сидеть с прямой спиной, к герцогу обращаться с уважением, не забывай добавлять «ваша светлость»! И не ешь ничего со стола, накладывай на тарелку, откусывай маленькими кусочками, поняла? Еще не хватало, чтобы он счел тебя обжорой!

— Все будет хорошо, матушка, — попыталась я ее успокоить.

— Когда ночью отправитесь в его покои, ты не волнуйся, лежи смирно, ничего ему не говори и,

даже если будет больно, не смей этого показывать!

— А почему ей будет больно? — озадачилась Софи и снова посмотрела на меня расширившимися от удивления глазами.

Я поспешно отвела взгляд.

Матушка попыталась уйти от скользкой темы, осторожно переключив внимание ребенка на не менее интересные вещи.

А передо мной появилась третья долина.

Я словно во сне увидела, как на зеленом лугу пасутся дикие лошади. Как они бьют копытами о землю, скачут, прекрасно осознавая собственную свободу, пересекая долину от одного края до другого, огибая огромные кустарники и деревья с несколькими стволами и обильной листвой. Деревьев этих было немного, но они походили на огромные почки, выросшие на извилистой ветке.

Я откинулась на спинку сиденья и грустно улыбнулась.

Мы с Фенькой обязательно пролетим над этой местностью. Во что бы то ни стало. Обязательно.

К замку герцога карета прибыла около двух часов пополудни.

Проехали к высоким башням через огромный сад. Дорога без гравия была старательно утоптана, так что карету моментально перестало трясти. Ворота уже открыли.

Замок не походил на те, что я видела прежде. Обычно к замкам вели откидные мосты, вокруг стояли высокие стены, а внутри обязательно находился двор. Но мы прибыли скорее к поместью, нежели к замку в привычном понимании этого слова. Центральная его часть напоминала большой каменный квадрат, в каждом углу которого возвышалось по башне.

На ступеньках, ведущих к парадной двери, стоял герцог Бёме.

Я приникла к окну, стараясь справиться с колотившимся от страха сердцем.

Одежда на мужчине была дорогой. Черный фрак, под ним — короткий жилет, украшенный золотыми нитями, искусно повязанный галстук, бежевые штаны, черные кожаные туфли. Волосы темные, длинные, забраны в хвост. А вот лицо... я даже непроизвольно сглотнула и приказала коленям перестать дрожать.

Лицо было пугающим.

Нет, само по себе благородное: нос с небольшой горбинкой, скулы четко очерчены, узковатые глаза, брови под стать волосам чернично-черного цвета. Но лежал на этом лице отпечаток чего-то недоброго. Красивое лицо, это трудно отрицать. Однако если приглядеться внимательнее, то на лице угадывалась маска презрения, даже морщинки возле носа словно вросли в кожу.

Как только карета остановилась на подъездной аллее, один из лакеев открыл дверцу и пододвинул к ней подставку из четырех ступенек.

Мы вышли, опираясь на руку мужчины, затем сделали реверансы. Матушка принялась сыпать любезностями. Герцог обвел нас настороженным взглядом, словно размышлял над чем-то. Он

смотрел то на меня, то на Майю, то на Арию.

И тут я догадалась: он не знает, кто из нас его будущая жена!

— Ваша светлость, позвольте представить: Марита Хорвин, ваша невеста. — Сделав шаг вперед, я аккуратно подтолкнула Софи к герцогу.

Мне хотелось всего лишь начать наше знакомство с безобидной шутки. После которой матушка испуганно ахнула, а Майя и Ария стали в ужасе переводить взгляды с меня на моего будущего мужа. Софи смущенно теребила тесьму на поясе своего платица, а герцог... на его лице не дрогнул ни один мускул.

Сделав вид, что ничего не заметил, он холодно сказал:

— Полагаю, невеста все же вы. Прошу, входите. Арнольд проводит вас в ваши покои. Прошу, не отказывайте себе ни в чем, служанки исполнят любую вашу просьбу. Венчание пройдет в шесть вечера в храме, который находится на территории замка. Возьму на себя смелость попросить вас не опаздывать.

С этими словами граф развернулся и со статью царского льва скрылся в своем замке.

Моя свадьба оказалась вовсе не такой, какой описывали ее мама, гувернантка и любовные романы.

Из нас пятерых переодеться не нужно было лишь Софи, а на сборы отводилось всего три часа.

Ричард Бёме не обманул: служанки действительно были готовы исполнить любую нашу просьбу. Правда, когда я попросила веревку и мыло, они почему-то сделали вид, что ничего не услышали.

Меня превратили в невесту за каких-то три адских часа. Матушка была уверена, что на подготовку отведут как минимум в два раза больше времени. Но герцог оказался неумолим. В итоге на меня нацепили белое свадебное платье. Насильно заставили съесть две ножки курицы, которые держала служанка, чтобы я не запачкалась, и одно пирожное, чтобы за столом я ела совсем чуть-чуть, как образцовая леди.

Служанки бегали туда-сюда, сестры одновременно ныли и рассуждали о моей свадьбе, матушка пила капли от сердца и кричала на всех подряд.

А я отстраненно наблюдала за тем, как из моих длинных волос пытаются соорудить соответствующую прическу, на которую без проблем закрепится фата, и раздумывала, как сбежать из замка на гонки. Во-первых, придется придумать подходящую причину на тот случай, если меня все же поймут. Во-вторых, убедить герцога выдавать мне деньги на несуществующие расходы.

Через три часа на меня торжественно нацепили фату и повели под руки, помогая спуститься на первый этаж.

У входа уже стоял герцог, напоминая мне своим видом об ужасной традиции: до храма жених с невестой едут в одной карете.

Надо сказать, произошла небольшая задержка, потому что платье у невесты оказалось слишком пышным и в дверцу не входило.

Общими усилиями меня все же разместили на бархатном сиденье. Герцог сел напротив, причем, оглядев его с ног до головы, я вдруг поняла, что он остался в том же фраке, в котором выходил нас встречать. А чем он занимался все это время?!

Внезапно на меня повеяло легким духом алкоголя.

Лицо у мужчины было таким мрачным, что мне даже показалось, будто оно потемнело, особенно под глазами.

Из-за напряжения, царившего в карете, я принялась нервно ерзать, но в этом мешке, ошибочно названном платьем, делать это оказалось непросто. А когда я волнуюсь, мне надо чем-то себя занять, иначе могу начать грызть ногти или разреваться.

— Прошу прощения за мои необдуманные действия при нашей первой встрече, ваша светлость, — выдохнула я, чем заставила этого каменного идола хотя бы оторваться от созерцания вида за окном.

Мужчина в упор посмотрел на меня... и кивнул. Все.

— Это была просто шутка, — пробормотала я.

— Я это понял, леди Хорвин, — сказал он мне.

Герцог снова погрузился в себя и повернул голову в сторону.

А я нервно теребила изящные кружева платья. Ох, мама меня уже давно по рукам ударила бы.

— А какое зерно вы выращиваете? — чтобы не молчать, спросила я. И поспешно добавила: — Ваша светлость.

Мысленно обругала себя. Манеры! Не забывать про манеры!

— Простите? — Герцог вновь оторвался от окна. На секунду мне даже показалось, будто с его кожи сошла эта ужасающая темнота.

— Когда мы проезжали поля, я заметила, что вы выращиваете зерно. Простите мне мое любопытство.

— Да, вы излишне любопытны, — холодно бросил он мне и вновь уставился в окно.

В этот момент я поняла, что мой брак по расчету совсем не из тех, где двое становятся если не полноценной семьей, то хотя бы друзьями.

Не удержавшись, обреченно прикрыла глаза.

Осознав это, я впала в отчаяние, попыталась представить себе нашу дальнейшую жизнь бок о бок... и не смогла. В том, что на сборы нам отвели намного меньше времени, чем полагалось, не предоставив хотя бы дня, чтобы освоиться на новом месте, угадывалось стремление герцога разделаться с этим событием как можно быстрее. Так он пытался вскрыть нарыв на коже: болезненно, зато эффективно.

Кроме того, прямо перед бракосочетанием он выпил.

Да, конечно, я тоже не хотела выходить замуж за незнакомого человека. Но если я просто не хотела, то он всем своим нутром сопротивлялся этому. Он не желал со мной разговаривать, смотреть на меня, я была ему не то чтобы неинтересна... Я была ему не нужна.

Под гнетом этих мыслей, сливающихся в комок страха и безнадежности, я выпала из реальности. Конечно, я видела, как мне помогли выбраться из кареты, как мы под руку с герцогом прошли в храм. Помню, как удивилась, поскольку ожидала увидеть тьму приглашенных гостей, но вместо них заметила всего лишь нескольких человек, в нетерпении ожидающих нас на лавочках перед алтарем.

Но я так и не осознала до конца, к какой бездне приближаюсь с каждым шагом.

Так как отца у меня не было, а дядя не смог присутствовать на свадьбе, к алтарю меня вел жених.

Мы остановились перед священником, который поспешно принялся зачитывать венчальную молитву.

Все это время я наблюдала за своим будущим мужем. Тот сначала смотрел на пол, затем глянул на меня, но почти сразу отвел взгляд. Он посмотрел на витражные окна, и на секунду в его глазах промелькнуло искреннее желание сбежать отсюда как можно дальше.

Настало время приносить клятвы.

Ко мне священник обратился первой.

— Клянусь быть своему мужу верным советчиком и твердой опорой во всех жизненных неурядицах, — медленно начала говорить я. — Клянусь поддерживать его во всех начинаниях. Клянусь оставаться рядом и в хорошие, и в плохие дни. Клянусь доверять, ценить, уважать и беречь, делиться надеждами, мыслями и мечтами, если он того захочет. Клянусь делать каждый его день ярче предыдущего.

Мои клятвы были выверены до каждой буквы, потому что я очень боялась поклясться перед Богом в том, чего выполнить не смогу.

Герцог тоже не спешил раздавать серьезные священные обещания незнакомке.

— Клянусь давать тебе все самое лучшее, что есть у меня. Клянусь сопровождать тебя по жизни, заботясь о том, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Клянусь уважать тебя как личность и принимать все твои интересы, которые могут быть отличны от моих собственных. Клянусь заботиться о тебе, как о самом себе, — с таким же каменным лицом проговорил Ричард Бёме.

После этого мы выпили священного вина и обменялись кольцами.

Удивительно, но никто из нас в клятвах так и не обмолвился о верности.

Со стороны семьи Бёме собралось не так много родственников. Мать Ричарда — Элен Бёме, статная элегантная леди с проседью в темных волосах и ужасно колючим взглядом. Она явно не жаловала вычурность и на свадьбу сына надела темнозеленое платье и большую шляпку без лишних украшений, которыми так любят обвешивать себя дамы высшего света.

Присутствовала здесь и младшая сестра Ричарда Герда, приехавшая вместе со своим мужем графом Эсбьерном. Невысокая брюнетка с узнаваемыми чертами лица, напоминающими черты моего мужа, уже в положении. Честно говоря, смотреть на ее округлившийся животик было немного неловко.

Она также не любила вычурность и предпочла серебристый цвет, не разбавленный никакими посторонними цветами и предметами вроде брошек. Только на шее у нее сияло бриллиантовое кольцо.

Приехали еще два барона из соседних земель, представленные как друзья Ричарда. Один из них привез жену и трех дочерей, другой только двух сыновей, которым Майя и Ария постоянно строили глазки.

Стол накрыли в самом замке. Он был пышно сервирован, а среди изысканных блюд попадались даже такие, каких я никогда в жизни не пробовала. В наших краях подобного просто не готовят.

Я не ела. То ли из-за того, что перед венчанием меня успели накормить, то ли из-за кома в горле, возникшего ровно в тот момент, когда нас с герцогом посадили на соседние стулья во главе стола.

Отчужденность и скрытая неприязнь к моей персоне у мужчины так и не прошли.

— Леди Хорвин, удовлетворите мое любопытство: куда же запропастился граф Редгал?

Я удивленно посмотрела на Элен, но мать Ричарда обращалась не ко мне, ведь я уже считалась герцогиней Бёме.

— Ох, наш дядюшка решил как раз накануне свадьбы появиться при дворе! — тут же поддержала разговор матушка. — Заодно и всю свою семью прихватил.

— Вам несказанно повезло, что брат вашего покойного мужа так уважает короля. Боюсь, что мой сын появится в столице только в случае войны, — рассмеялась мать Ричарда.

После этого разговор свернул в сторону столицы, дворца, дворцовых интриг, фавориток короля, моды и того, как важно в наш беспокойный век владеть информацией. Потом Ричарда укорили в излишней отгороженности от мира и посоветовали водить свою жену на балы и задаривать подарками.

Моя мама тут же подхватила эту тему, и женщины, а заодно и все собравшиеся девушки, стали обсуждать, какие аксессуары особенно красят истинную герцогиню.

Я покосилась на своего мужа, за все это время не проронившего ни слова. Надо сказать... он нашел себе поистине интересное занятие: перекатывал горошины с одной стороны тарелки на другую. И взгляд у него при этом был до того уставший, что я ему искренне посочувствовала.

Наклонившись к герцогу, тихо спросила:

— Ваша светлость, не хотите исполнить свой супружеский долг?

Вилка в руках супруга дрогнула, и горошина выкатилась за пределы каемки.

— Что, простите? — Мужчина удивленно посмотрел на меня.

— Вы только и ждете, когда же этот вечер кончится. — Я красноречиво указала на горошину. — А мне в корсете невероятно тяжело дышать. Вы можете спасти меня, а я могу спасти вас.

Мужчина настороженно начал вглядываться в мое лицо, словно силился что-то понять. Затем тихо сказал:

— Простите, я не всегда могу разобрать, когда вы шутите.

— Сейчас я не шучу, ваша светлость. Спасите меня.

Герцог отвернулся, помолчал, понаблюдал за царившим в комнате балаганом и в какой-то момент властно прервал разговоры:

— Приносим свои глубочайшие извинения всем, кто почтил нас сегодня своим присутствием, но нам с супругой пора на покой.

Удивительно, но именно наши мамы поддержали нас активнее всего. По правилам приличия Актории хозяин дома должен был дожидаться девяти вечера, после этого проследить, чтобы гости ни в чем не нуждались, и только после этого отправляться в опочивальню.

Но родители, кажется, увидели в происходящем какой-то хороший знак, и потому отпустили нас без лишних укоров.

Герцог помог мне подняться по лестнице, терпеливо дожидаясь, пока я преодолею расстояние, передвигалась мелкими шажочками (кто виноват, что мне выдали такое платье?!). Затем в полнейшем молчании мы приблизились к... чьей-то двери.

— Это ваша спальня, — сказал супруг и пропустил меня внутрь.

Я нерешительно разглядывала свою новую комнату и вдруг заметила, как мужчина вытащил из кармана маленький ключик.

— А вот эта дверь ведет в смежные покои.

Ричард подошел к углу спальни, до которого не достигал свет свечей, из-за чего разглядеть что-то на стене было невозможно. Повернул ключ в замочной скважине и... скрылся в темноте.

Я недоуменно заглянула в проход и скорее услышала, чем увидела, как закрылась дверь, ведущая в его покои. Что это значит?! Он ушел?!

Может, он меня оставил, чтобы я переоделась? Но я не смогу снять это платье без помощи камеристки! Вдруг он ее предварительно вызвал, чтобы самому не возиться?

Я присела на краешек огромной кровати и решила ждать. Прошло минут пять, затем десять, но никто ко мне так и не зашел. Я могла бы вызвать служанку, но делать этого решительно не собиралась, потому что была очень-очень зла и расстроена одновременно.

К этому моменту меня готовили и мама, и Симона, и любовные романы, которые приходилось от всех прятать. И что в итоге? Мой супруг просто сбежал!

Не так должна была начаться моя семейная жизнь! Мы же муж и жена!

Я вскочила на ноги и быстрыми маленькими шагами зашла в темный проход. Просеменила по деревянному полу и налетела на закрытую дверь. Мало того что он сбежал, так еще и заперся! Да уж, поступок настоящего мужчины. Оставил за собой всю полноту власти. Захочет — зайдет ко мне, не захочет меня видеть — спокойно закроется у себя.

Зло фыркнув, выскочила в коридор, едва не запуталась в длинном подоле платья, подошла к главной двери его спальни и яростно постучала. Мне очень хотелось ворваться туда и что-нибудь крикнуть, но я прекрасно понимала, что передо мной предстанет не какой-нибудь Рогатый Дог, а герцог.

Который почему-то не хочет открывать.

Но я была очень настойчива.

В конце концов, когда стук уже начал гипнотизировать и меня стало клонить в сон, дверь открылась. На пороге стоял недовольный Ричард в ночной камизе, доходящей до колен.

Я решительно прошла в покои, не позволив его сиятельству отослать меня прочь.

Услышала, как за мной закрыли дверь. Повернулась к нахмурившемуся герцогу.

— Вы, видимо, запомнили, зачем мы с вами поднялись в мою спальню, ваша светлость, — сделав вид, что не поняла причин его отсутствия, милым голосом сказала я.

— Леди Хорвин, — начал было мужчина, но запнулся и исправился: — Прошу прощения. Герцогиня Бёме, вы вольны вернуться в свою спальню и насладиться сном.

Вот как.

— Ваша светлость, я ваша жена. И без вашей помощи мне это платье сегодня не снять.

Повернулась к нему спиной. Ждать, пока мужчина все-таки приблизится ко мне, пришлось вечность. Так мне показалось в тот момент. И хотя внешне я пыталась проявить спокойствие и уверенность, внутри этого не ощущала совсем. Мне стало страшно. Это был постыдный страх.

Говорить, что ты все знаешь, очень легко. Беда в том, что по рассказам представлять нашу совместную ночь — одно, а почувствовать на деле чужие пальцы на своей спине — совсем другое. Когда герцог расстегнул первую пуговицу на лифе, я не удержалась и вздрогнула. А потом как-то смущенно сжалась.

— Похоже, мне нужно объяснить вам, что последует дальше.

В памяти тут же всплыл наш разговор с Симоной. Она почему-то была уверена — мой муж должен знать, что делать.

Это как-то неприятно ударило по самолюбию, но я приказала себе оставаться бесстрашной. Не время думать о других женщинах.

— Я знаю, что будет дальше. Матушка рассказала мне, — добавила поспешно. Мои предыдущие слова он мог понять неоднозначно.

В отличие от некоторых я все восемнадцать лет помнила, что выйду замуж, и не позволяла себе даже глядеть в сторону других мужчин.

Так, Марита, откуда эта злость?

Сосредоточившись на действиях герцога, приказала себе успокоиться. Мужские пальцы расстегнули дорожку из пуговиц на спине, я же сделала это на груди. Лиф платья упал на пол. Герцог терпеливо начал развязывать шнуровку корсета.

— У вас красивые волосы. — Казалось, он сказал это, лишь бы заполнить неловкую паузу, возникшую во время долгого раздевания.

— Спасибо. — Я смущенно улыбнулась.

— Вы владеете ледяной стихией? — тихо шепнул он, и его теплое дыхание коснулось моего плеча.

Кожа моментально покрылась мурашками, а я, сама того не ожидая, немного задрожала, словно на меня подул леденящий ветер.

Как-то все не так. Где же... где нежность? Где то самое притяжение, которое чувствуют мужчина и женщина, обнажаясь друг перед другом?

— Да, ваша светлость.

— Пожалуйста, не дрожите так, — недовольно попросил он.

— Простите, — пролепетала я и сделала глубокий вдох.

Симона предупреждала, что мне может не понравиться, но строго-настрого запретила показывать это будущему мужу.

— Прошу вас, успокойтесь, я начинаю чувствовать себя зверем.

Похоже, мои попытки не увенчались успехом.

— Вы не зверь, — покачала я головой.

— Мы должны справиться с этим, вы же понимаете? — Кажется, герцог отступил назад, после чего глухо сказал: — Не обязательно делать это сегодня. Мы можем сделать это, когда вы будете готовы.

— Нет! — выдохнула я и решительно повернулась к нему. Взглянула прямо в глаза. — Нет. Я ваша жена, а вы мой муж, поэтому мы поступим так, как молодожены поступают после свадьбы.

Смелыми движениями избавилась от корсета, а затем, не раздумывая, сняла сначала верхнюю юбку, затем нижнюю. Теперь на мне была лишь прозрачная сорочка, которую мы со служанкой надели на меня тогда, когда матушка вышла в коридор, и белые чулки, подвязанные белыми лентами.

Я выпрямилась и храбро посмотрела на своего мужа.

А он все это время не отводил от меня глаз.

И хотя за окном уже наступили сумерки, небо потемнело, а луна еще не появилась, предоставив нам возможность зажечь свечи перед наступлением ночи, свечей в этой комнате

не оказалось. Был лишь тусклый свет, льющийся из окна.

Наверное, я казалась герцогу тенью, но вот его лицо открылось моему взору во всей красе.

Его взгляд скользнул по моей шее, задержался на груди, спустился к талии, ниже, ниже, к ногам... герцог изучал свою новоиспеченную жену. Судя по всему, увиденное ему понравилось. Когда мужчина вновь посмотрел в мои глаза, я едва смогла распознать в этом человеке знакомые черты. Теперь не оставалось сомнений: его лицо действительно потемнело, но не так, как это было в карете. Темнота словно говорила о медленной потере контроля над собой. Щеки впали, под глазами появились темные круги, губы плотно сжались, а глаза... почернели. И вовсе не из-за расширившихся зрачков. Они действительно стали черными.

Наверное, это были лучшие десять секунд, которые мне довелось пережить за день. Я почувствовала себя желанной, мне захотелось, чтобы мужчина приблизился ко мне, коснулся меня.

Но затем в герцоге произошла странная перемена.

Он почему-то вновь оглядел мою фигуру с ног до головы, и его лицо исказила гримаса ярости. От меня не укрылось, как резко он сжал кулаки, а затем и вовсе сделал шаг назад.

— Марита, скажите, у вас уже был опыт любовных отношений? — холодно спросил герцог.

— Что? — Я моргнула, пытаюсь сориентироваться в перемене его настроения.

— У вас были любовники? — в лоб спросил он.

Я пошатнулась и задохнулась от возмущения:

— Да как вы...

— Не надо. — Одним властным движением руки он перекрыл рвущийся наружу поток злости. — Вы не обязаны оправдываться. Я понимаю, брак по расчету нас обоих ни к чему не принуждает. Не стану лезть в вашу личную жизнь, но и вас прошу не касаться моей.

С этими словами он развернулся, подошел к двери, ведущей в смежную спальню, и открыл ее. Для меня.

— Возвращайтесь к себе, герцогиня Бёме. Завтра утром я хочу еще раз обсудить условия брака с вашей матушкой. Надеюсь, вы будете присутствовать. Спокойной ночи.

Я не могла поверить своим ушам.

Меня словно окатили ведром помоев. Схватив лежащие на полу вещи и неловко прикрыв ими наготу, которую обеспечивала прозрачная сорочка, я быстро прошмыгнула мимо застывшего герцога.

Все мамы думают, что их дети ничего не понимают в любви.

Это совсем не так.

Прочитав приличное количество любовных романов, я знала, что, если ты встречаешь своего суженного, между вами пролетает искра, которая заставляет сердце биться чаще, ладони

потеть, а мысли постоянно возвращаться к возлюбленному.

Между нами с герцогом Бёме искры не было.

В Актории маги — нередкое явление. Королевство находилось на материке Грисконь, что располагался на севере и считался частью развивающегося мира. На южных материках дела обстояли совсем иначе.

Насколько я могла узнать из книг, рабство там сохранялось до сих пор. И к магам было совсем другое отношение. Их боялись, уважали, покупали услуги. В пустыне за мой дар создавать ледяные глыбы кочевники могли отдать все что угодно.

В Актории маги жили и работали наряду с обычными людьми. Их не боялись, не уважали сильнее, чем они того заслуживали, и в рабочей среде за услуги платили немногим больше, чем обычным людям.

Среди аристократов магический дар считался неким бонусом, прилагавшимся к самому человеку, его титулу и деньгам. Для магов нанимали учителей, обучающих контролировать свою силу и использовать ее в благих целях.

Пока известно о четырех стихиях: огонь, воздух, лед и тьма. Многие священники считают, что мир только движется к постижению магии, а некоторые, наоборот, говорят, что мир ее утрачивает. Издавна считалось, что существуют основные стихии, которые поддерживают равновесие, но среди магов не встречалось даров земли и воды в естественном состоянии. Их словно бы заменили лед и тьма.

Тьма, наверное, самая непознанная стихия из всех. Это огонь и воздух, собранные воедино. Тьма может обжигать, а может пронестись мимо тебя стремительным ветром — все зависит от желаний хозяина.

Говорят, опутав носителей дара буквально с ног до головы, она проникает в их сознание и выуживает все страхи, желания, сомнения, чтобы свести с ума. Не знаю, правда ли это. До Тима Донга мне не приходилось встречать магов тьмы.

Правда, так было до вчерашнего дня.

Каждая стихия накладывает внешний отпечаток на своего владельца. У меня, например, светло-голубые волосы — намек на то, что я владею льдом. Огненные маги все как один рыжие. Маги воздуха — пепельные блондины. А у магов тьмы черные волосы.

Возможно, именно поэтому я не сразу распознала в герцоге эту стихию — слишком уж обычные у человека внешние данные. Если бы не потемневшие глаза и тени на лице, я бы, может быть, еще долго не смогла догадаться, что происходит.

Утром мне помогала одеться камеристка. Я выбрала нежное лиловое платье, которое приятно сочеталось с цветом волос, не такое пышное, как свадебное, с небольшим вырезом и длинными рукавами с манжетами. Прическу решила не делать, попросила только заколоть на затылке непослушные пряди.

Не успела сделать и шага из комнаты, как ко мне ворвалась матушка в компании Элен Бёме и двух гувернанток. Свидетели удостоверились, что на простыне осталась кровь.

— Все хорошо, моя дорогая? — внезапно обратилась ко мне мать Ричарда.

— Да, спасибо за беспокойство, леди Бёме. — Я вежливо склонила голову.

— Надеюсь, не за горами тот день, когда вы порадуете нас наследниками.

— Ну, за этим дело не станет, правда же? — расхохоталась моя мама и заставила меня покраснеть. — Как эти голубки вчера убежали от нас, а?

Элен Бёме — мать Ричарда — веселья моей матушки не поделила. Она как-то странно на меня посмотрела и опять нацепила на себя ту маску холодной непрístupной женщины, которую я наблюдала вчера за праздничным столом.

— Пройдемте завтракать, — предложила она.

Мы спустились в столовую как раз вовремя. Герцог Бёме уже ждал нас, занимая свободные минуты чтением утренней газеты. Заметив входящих дам, он галантно поднялся, дождался, пока все рассядутся.

Мне пришлось сесть рядом с мужчиной.

Он придержал для меня стул и, пока я садилась, внимательно смотрел на мою руку. Да, к сожалению, узкий рукав платья обтягивал не только кожу, но и повязку, которой пришлось перебинтовать неглубокую ранку. Издалека это походило на складку, но герцог, кажется, догадался, в чем дело. Не могла же я порезать ладонь — тогда было бы слишком очевидно, откуда взялась кровь на простыне.

— Надеюсь, леди всем довольны? — учтиво спросил Ричард, когда мы сели.

За столом на этот раз сидели только я, муж, моя мама, его мама и его сестра.

— Не переживай, дорогой, мы привыкли ночевать в твоём мрачном замке, — улыбнулась Герда.

Мрачном? Да не такой уж он и мрачный... по сравнению с хозяином.

— Надеюсь, Роланд о тебе заботится, — сухо произнес герцог, и я так и не смогла разобрать, тревога это или обычная учтивость. — Не хотелось бы, чтобы ты потеряла ребенка из-за недосмотра твоего недальновидного графа.

— Речь обо мне? — в столовую вошел муж Герды, широкой важной походкой приблизился к своей жене, поцеловал ее в лоб и сел рядом.

Его нежный жест вызвал у меня грустный вздох.

К столу подали первые блюда: омлет, фрукты и хлеб.

— Речь о вас, граф Эсбьерн, — прямо сказал Ричард. — Хочу высказать надежду, что вы не убьете мою сестру.

— А я несказанно рад, что у вас наконец-то появился повод досаждать кому-то, кроме меня и моей жены.

Все присутствующие разом посмотрели в мою сторону, и от такого внимания я чуть не подавилась изюмом.

— Леди Хорвин, выскажете ли вы какие-то пожелания по заключенной сделке прежде, чем я поставлю под договором свою подпись? — перевел тему герцог, обратившись к моей матери.

«По заключенной сделке». Я не ослышалась? Так он назвал наш брак?

— У моего сына совсем нет чувства такта, — вздохнула Элен Бёме. — Ричард, эти вопросы нельзя решить после того, как мы поедем?

— К сожалению, нет. После завтрака я отправляюсь в столицу к графу Редгалу. Мы должны согласовать все нюансы договора и подписать бумаги, а потом мне предстоит оформить в банке расписки о ежегодных выплатах семье Хорвин.

Я застыла от изумления. Герцог Бёме только что вполне конкретно сказал, сколько бумажной волокиты принес ему наш брак и как ему это не нравится.

На растерянное лицо моей матери страшно было смотреть.

— Нет, ваша светлость, пожеланий у меня нет, — сухо отозвалась она. — Кроме одного, — добавила, с демонстративным стуком положив вилку на тарелку. — Не обижайте мою дочь. Прошу меня извинить, что-то мне нехорошо. Я, пожалуй, отдохну перед отъездом.

С этими словами матушка тяжело поднялась из-за стола. Все мужчины поспешно встали вслед за ней и почтительно дождались, пока матушка скроется в коридоре.

Я посмотрела на нетронутый омлет.

Это будет долгий завтрак...

...Даже не представляю, как я его пережила. Сначала мне пришлось усиленно делать вид, что я не замечаю ни напряженной тишины, ни направленных на меня виноватых взглядов. Потом изображала из себя памятник, когда семья Бёме решила выяснить отношения между собой и на повышенных тонах обсудить, какие замечания в данной ситуации уместны, а какие нет.

Когда один из самых ужасающих завтраков в моей жизни закончился, я не стерпела и облегченно вздохнула.

А через несколько минут нагнала герцога Бёме в коридоре.

— Простите, ваша светлость, — окликнула его, призывая остановиться и обернуться.

— Вам что-нибудь нужно? — хмуро спросил Ричард.

Я подошла к нему на приемлемое расстояние, остановилась и смело посмотрела в глаза.

— Я бы хотела попросить вас немного подкорректировать условия «сделки».

Мужчина удивленно приподнял брови:

— В чем именно?

— Дело в том, что, живя дома, я каждую субботу занималась в вечерней школе иностранных языков. В Буклоне. Это город.

— Я знаю, что это, Марита, — раздраженно вздохнул герцог. — Хорошо, я выделю вам средства на обучение.

С этими словами он развернулся и попытался скрыться в комнате, предназначение которой я еще не успела узнать (возможно, это его кабинет, а может, библиотека или еще что-нибудь). Я поспешно схватила его за рукав, но тут же одернула руку, поскольку на меня посмотрели невероятно колючим взглядом.

— Это еще не все, — пролепетала в ответ. Сделала шаг назад. — Я бы хотела, чтобы средства на обучение вы передавали мне лично.

— Вечерняя школа иностранных языков в городе и средства вам лично, — с какой-то странной насмешкой в голосе повторил мой муж. — Вы считаете меня глупцом, герцогиня?

— Нет, ваша светлость, — с вызовом ответила я. — Этой ночью вы оскорбили меня, а сегодня за завтраком — мою мать. Так что глупцом вы станете, если не удовлетворите мою скромную просьбу.

Мужчина, явно не ожидавший такой наглости, на секунду опешил. После чего собрался с мыслями, вздохнул, устало махнул рукой:

— Обещаю поговорить с управляющим.

— Благодарю. — Я сделала скромный книксен. — Приятной поездки, ваша светлость.

С этими словами развернулась и поспешила отойти от этого человека как можно дальше.

Герцог Бёме покинул свой замок, чтобы решить все важные вопросы с моим дядей, который временно распорядился финансами нашей семьи и занимался делами графства.

Мне казалось, что путь до столицы и обратно не займет много времени.

Но Ричард отсутствовал две недели.

— Вы же будете меня навещать? — спросила я у своей матушки в тот же день, когда уехал мой муж.

Стало невыносимо думать, что я останусь в этом замке совсем одна.

— Конечно, мы будем тебя навещать, — тут же закивала Майя.

Мы сидели в покоях матери, где мои сестры приводили себя в порядок под строгим надзором служанок, я меланхолично заплетала косу Софи.

— Не забывайте про меня, — сказала как-то совсем угрюмо.

— А ты его уже любила? — с придыханием спросила младшая сестренка.

— Софи, не крутись, — попросила, когда бледно-голубая косичка выскользнула у меня из рук. Пришлось переплести заново.

— А у вас будут дети? — не унималась она.

В такие моменты я чувствовала себя самым глупым человеком на свете. Вопросы мне задавали элементарные, но у меня не находилось на них ответа.

Пришлось искать помощи у мамы.

— Дети рано или поздно будут у вас всех, — громко объявила она.

— Я не хочу детей! — возмутилась Ария. — Они маленькие и гадко пахнут! А еще они постоянно плачут!

— Вы бы себя видели в люльках, — устало вздохнула матушка. — Мы с гувернанткой еле справлялись!

— А я бы хотела детей, — тихо поделилась со мной Софи. — Мы бы с ними играли с феями и катались на драконах.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на недовольное лицо матушки.

Сестренка и раньше рассказывала про фей, с которыми она играет по ночам. Маме эти фантазии не нравились, но я ребенку мечтать не запрещала. Нет ничего плохого в том, что она сможет укрыться в волшебной реальности от жестокости внешнего мира.

Драконов Софи обычно рисовала, но вслух про них заговорила впервые.

— Драконов истребили много лет назад, — осторожно сказала я.

— Нет! — возмутилась сестренка, вскочила на ноги и выбежала из комнаты.

Я с сожалением посмотрела на свои руки, догадавшись, что косу сегодня так и не доплету.

Софи вернулась через минуту и продемонстрировала мне огромную книгу. Открыла нужную страницу и указала пальцем на иллюстрацию с изображением дракона:

— Они вот такие!

Хм, а действительно, есть что-то общее. Только у реальных драконов чешуя не такая гладкая, морды длиннее и хвосты у всех разные, но все же мощные и чаще всего с выпуклостями, а не как у кошек.

— Красивые, — улыбнулась я.

— Они дружат с феями, — поделилась со мной Софи.

— Марита, ты заплетешь сестре косу или нет?! — возмутилась мама, заметив наши перешептывания. — Карета уже ждет, а мы никак не соберемся!

— Вы можете поехать завтра, — предложила я, посадив Софи перед собой, и вновь принялась колдовать над ее волосами.

— Ты же знаешь, что мы не можем! — Впервые за долгое время я увидела в глазах матери жалость. — Девочкам нужно готовиться к летнему сезону, и надолго оставлять дом без хозяев нельзя, а то слуги совсем от рук отобьются.

Она затянула Арии корсет потуже и, передав дочь в руки служанок, тяжело вздохнула, в упор

глядя на меня. А потом сказала:

— В брак с вашим отцом мы вступили по расчету. У меня имелось большое приданое, а ему требовались деньги, потому что раньше ваш дядя был ужасно расточителен и проиграл почти все состояние семьи в карты. Поэтому я очень рада, что у моей старшей дочери такая хорошая партия. Герцог молод, красив и богат. Ты ни в чем не будешь нуждаться рядом с ним, моя дорогая. Поверь моему опыту, любовь разрушает отношения, она порождает ссоры и недомолвки, поэтому ты должна быть счастлива, что сможешь построить крепкую семью на холодном расчете.

Я поджала губы и молча доплела косу Софи.

Мои родственники уехали после обеда вместе с матерью и сестрой мужа — те тоже решили вдруг уехать по «невероятно важным делам».

Почему-то я не могла отделаться от чувства, что все просто стараются сбежать отсюда как можно дальше, чтобы не видеть угрюмого лица герцогини.

Впрочем, долго страдать в одиночестве я тоже не собиралась.

Можно сказать, что двухнедельное отсутствие мужа благотворно повлияло на мое времяпрепровождение.

Во-первых, я наконец-то в полной мере познакомилась со своим новым домом. Дом был под стать своему хозяину: на первый взгляд строгий, построенный в классическом стиле, он все же не походил на большинство замков. Четыре этажа, множество комнат.

То, что герцог не сам их обставлял, чувствовалось сразу — слишком уж была видна рука профессионала. В каждой комнате — свое художественное решение и свой оттенок. Вот я прохожу мимо сиреневых стен, смотрю на сиреневые гобелены, присаживаюсь на диваны, обитые сиреневым бархатом. А в следующей комнате передо мной лежит черный ковер из медвежьей шкуры, и вся мебель вместе с декоративными украшениями того же цвета.

На первый взгляд передвигаться по квадратному замку, в котором всего четыре этажа, было довольно легко. Но оказалось, что в комнатах зачастую по два входа. На новом месте тяжело сориентироваться, и первое время я просто путалась в коридорах, в которые сворачивала.

Во-вторых, я решила отвести большую часть времени на чтение. И, надо сказать, для этого представился самый удачный момент, ведь герцога в замке не было, а значит, я могла читать как хотела и что хотела.

Дамские романы общество не приветствует. Я порылась в библиотеке замка, но ничего из того, что любила, не нашла. К счастью, переезжая, догадалась взять с собой свою библиотечку. Поэтому пришлось прибегнуть к старому способу: надевать на книги фальшивые обложки и делать вид, что читаю философский трактат о пользе религии, на самом же деле наслаждаться приключениями любимых героев.

Я всегда предпочитала читать в одиночестве — слишком уж это для меня интимный процесс. И почти никогда не читала молча. В особенно напряженные моменты могла возмущаться вслух, комментировать действия героев, хмыкать и фыркать, а уж сколько раз билась о книгу собственным лбом, вообще не сосчитать.

Не хотелось бы, чтобы это увидел герцог.

В-третьих, мне предстояли гонка и борьба в Недельном залете. В этом вопросе я тоже времени даром не теряла. У меня был блокнот, где я записывала сильные и слабые стороны каждого из участников, пытаюсь просчитать дальнейшую тактику и способы устранения соперников в полете.

В общем, без герцога мне совсем не было скучно, и его возвращения я не ждала.

Ну, почти.

— Миледи, ванна готова, — сообщила одна из служанок.

Эту особенность я подметила еще в родном графстве — слуги всех без разбора величают «миледи» или «милорд».

— Спасибо.

Прошла в ванную комнату, из которой вышли несколько лакеев с пустыми металлическими ведрами. Заметив меня, мужчины синхронно поклонились и продолжили свой путь.

Служанку я тоже попросила покинуть меня на четверть часа — очень уж хотелось побыть в одиночестве.

Устроившись в фаянсовой ванне, положила голову на высокий бортик и с наслаждением стала нежиться в теплой воде. Все, чего мне сейчас хотелось, — просто расслабиться, ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Но в груди неожиданно кольнуло легкое беспокойство.

Я открыла глаза и тяжело вздохнула. Фенька переживает. И очень по мне скучает. Связь между нами сильная, но я хорошо определяю, какие эмоции его, а какие — мои.

Уже три дня мы с ним не виделись. Конечно, за драконом сейчас ухаживают, кормят мясом и чистят стойло — я заплатила за все специально, потому что не могла навещать Феню каждый день. Но ему очень хотелось увидеть именно меня.

— Все хорошо, дружок, сегодня вечером полетаем, — прошептала я. Он этих слов услышать не мог, но ему должно было передаться мое утешение.

Неожиданно дверь в ванную открылась, и ко мне зашла служанка.

Я нахмурилась. Во-первых, пятнадцати минут еще не прошло. Во-вторых, кажется, это не та девушка, которая выходила отсюда вместе с лакеями. Но точно сказать не могла, потому что служанок в замке было много, они постоянно сменяли друг друга, и запомнить всех сразу оказалось слишком трудно.

— Миледи, позвольте добавить в воду немного лавандового масла, — мягко предложила девушка.

— Будьте добры, — кивнула ей.

Она присела рядом с бортиком и начала выливать жидкость из флакончика. В воздухе разлился приятный терпкий аромат.

— Сядьте, миледи, я потру вам спину, — с неожиданным энтузиазмом попросила служанка.

Я удивленно покосилась на нее, но решила, что сейчас не лучшее время, чтобы указывать на неуместность подобного обращения.

Девушка принялась намыливать и растирать мочалкой кожу, отчего я непроизвольно поморщилась. Движения ее были резкими, грубыми и причиняли боль.

А потом она вдруг ахнула и приложила руку ко рту.

— Что? — испугалась я.

Девушка ошарашенно указала на фиолетовый синяк на моей ноге. После чего добавила:

— И на спине такой же.

Я смутилась и лихорадочно пыталась придумать оправдание, некстати вспомнив, как забыла прицепить трос к седлу и смачно навернулась с Феньки.

— Он вас бьет? — выдвинула свою версию служанка.

— Э-э-э... кто?

— Герцог, конечно!

— Нет, — пробормотала я.

Но девушка моего ответа словно не слышала. Она зачем-то опустила ткань серого платья на своем плече и доверительно указала на небольшие царапины:

— Ничего страшного, я тоже это испытала. Он иногда себя не контролирует.

Я переводила непонимающий взгляд с красных полосок на чужой коже на лицо служанки и обратно. Пока вдруг с ужасом не поняла, что все эти ахи и охи — не более чем игра. Девчонка была до ужаса довольна собой.

— Я надеюсь, вы понимаете, какие грязные обвинения и намеки сейчас бросаете? — спросила, едва сохранив самообладание.

— А я не намекаю, я говорю прямо. Не думай, что ты у него одна-единственная, — едко отозвалась любовница герцога.

— Убирайтесь, — холодно приказала я.

— А кто же тогда намылит вам спинку, миледи?

Служанке было все равно, каков мой статус. Оно и понятно — пока герцог отсутствовал, она могла безнаказанно дерзить даже герцогине.

— Убирайтесь. И пригласите другую девушку.

— Не могу, это меня назначили вашим «комнатным питомцем». Хотите решить этот вопрос, обратитесь к Эрте.

— Убирайтесь! Вон! — Я сорвалась на крик.

Наглая незнакомка словно бы только этого и добивалась. Довольно хмыкнув, она поднялась и покинула ванную комнату.

Как только дверь за ней закрылась, я поспешно вылезла из воды, оберлась полотенцем, судорожно надела камизу, поверх нее — шелковый халат. Завязала пояс и босиком бросилась в коридор.

Поймав первую встречную служанку, расспросила ее, кто такая Эрта и где ее найти. Оказалась, что это главная служанка. Нашлась она на кухне.

— Миледи? — удивилась полная женщина. — Вы что-то хотели?

— Да, — зло сказала я. — Девушка, которая помогала мне сегодня принимать ванну, больше никогда не должна появляться в этом замке.

Эрта посмотрела на меня снисходительно.

— Вижу, Элина вас все-таки навестила, — хмыкнула она.

Элина. Ужасное, мерзкое, противное имя!

— Вам смешно? — не поняла я.

— Нет, миледи. — Эрта подарила мне еще одну снисходительную улыбку. — Постараюсь выполнить вашу просьбу.

— Будьте так любезны.

С этими словами я развернулась и быстрым шагом поднялась по лестнице — кухня находилась в подвале, чтобы запах еды не мешал обитателям замка, и вела напрямик в столовую, чтобы можно было быстрее подавать блюда.

Почему-то я была уверена, что с Элиной мне придется разбираться самой. Поведение Эрты лишь подтвердило опасения, преследовавшие меня со дня замужества.

Слуги относились ко мне как к маленькой девочке, попавшей в этот замок по чистой случайности, и ни во что не ставили ни саму меня, ни мой статус.

Гонки всегда проводились в полночь, но из замка я стала выбираться, как только сумерки плавно сменились еще неплотной, но уже достаточной для побега темнотой. Под моим окном стена оказалась гладкой, несмотря на то что каменная кладка была старой. А вот под окном мужа обнаружилось столько выбоин, что это место представлялось просто идеальным для побега.

Я вытащила из-под кровати черную льняную сумку и начала преображаться.

Первым делом заплела косу. Придерживая ее у спины, обмотала талию плотной тканью, призванной не только удержать волосы, но и создать видимость, что груди у меня нет. С этим, кстати, возникли некоторые сложности. Еще когда я обучалась в пансионе для благородных девиц, мне говорили, что, наградив меня слишком объемными женскими прелестями, Бог наказал за грехи в этой или прошлой жизни. Видимо, это действительно так. Как бы плотно я ни наматывала ткань, грудь все равно чуточку выделялась. Поэтому поверх шерстяной рубахи я надевала объемную куртку, чтобы уж наверняка скрыть свои формы.

Штаны я когда-то взяла из папиных вещей, которые мама приказала сложить в коробки и спрятать на чердаке. Как всегда, затянула их кожаным ремнем, чтобы не свалились в самый неподходящий момент.

Ботинки тоже были папиными. Легкие, позволяющие свободно менять положение в седле и защищающие ноги от холода.

Последним штрихом стали голубые накладные усы и косынка, концы которой я завязала на затылке. А также легкая подводка черным углем под глазами — в книгах так делали пираты. Это чтобы уже наверняка никто меня не узнал.

После того как все приготовления закончились, схватила сумку, закинула ее на плечо и проникла в комнату герцога. Вытащила веревку, нашла, куда ее привязать, и, высунувшись из окна, начала спускаться по стене.

После удачного приземления дело оставалось за малым.

Веревку так и оставила, надо надеяться, что стражникам не придет в голову изучать территорию вокруг замка. Я наблюдала за ними все три дня и выяснила, что к главному входу они даже не приближаются — чаще всего рассредоточиваются по саду, подъездной аллее и перед воротами.

Красться пришлось по кустам. Сад имел вид лабиринта, который стража обходила каждый час. Подгадав время, добралась до высокой стены, пробежалась вдоль нее и с удивлением обнаружила, что и на ней есть выбоины.

Да по ним же просто идеально лезть вверх! Интересно, к герцогу уже кто-то пытался пробраться? Или кто-то от него убежал? В любом случае, мне это только на руку, так что рассказывать об этом Ричарду и навсегда лишать себя идеального пути для побега я не собиралась.

Феньку позвала только тогда, когда отошла от замка на приличное расстояние.

Дракон почувствовал мой мысленный призыв и уже через пятнадцать минут опустился на полянку, которую я выбрала, специально позаботившись, чтобы он не повредил крылья о ветки деревьев.

Я очень соскучилась по полетам.

Когда мы взмыли вверх, не удержалась и раскинула руки в стороны, наслаждаясь холодным ветром, бьющим по лицу острыми иглами. Да, было немного больно, после гонок у наездников иногда зуб на зуб не попадает, а руки приходится окунать в горячую воду из-за холода, от которого даже перчатки не спасают. Но все мы сознательно идем на эти жертвы.

Душевное тепло, которое приятными потоками разливается по телу, когда ты тянешься к облакам, а под тобой раскидываются невероятные ландшафты, стоит любого холода.

Фенька покинул территорию герцогства Хильдеберхт и влетел в графство Годгест. Вернее, если муж сейчас действительно заполняет нужные бумаги с моим дядей, то графства Годгест официально уже не существует.

Здесь два промышленных города, один из которых — Буклон. А вот в герцогстве Хильдеберхт

нет ни одного. Когда отец Ричарда завоевал близлежащие территории, он приказал уничтожить любой намек на мануфактуры, а жителям предложил на выбор два варианта: либо остаться в деревнях, которые возводили на месте уничтоженных городов, либо перебраться в другие промышленные центры под специальную расписку.

Поэтому в обществе распространились самые разные слухи о нынешнем герцоге Бёме. Ведь, не имея в своем распоряжении ни одной фабрики, он тем не менее был невероятно богат.

Преодолев огромную расщелину и скрывшись среди горных массивов, мы с Фенькой добрались до места проведения гонок.

Я повела дракона в стойло, чтобы почистить ему шкуру и побыть наедине со своим другом.

Вот только друг, вместо того чтобы вприпрыжку бежать на свое место, сунул морду в стойло темного дракона.

— Фенька, ты что! — испугалась я. Причем не столько за животное, сколько за себя.

Нельзя трогать чужих драконов! Нас могут за это дисквалифицировать!

— А ну пошел отсюда! — ожидаемо просипел Тим Донг, и Фенька получил тряпкой по носу.

Меня едва не хватил инфаркт.

Фенька зарычал. Причем зарычал не зло, а очень-очень-очень обиженно. А если Фенька обиделся, то это все.

Голубой дракон недовольно замахал хвостом. И хотя загон был рассчитан на огромных животных, предполагалось, что между стойлами они будут ходить в длину, а не в ширину и не размахивать при этом хвостом.

Но прежде чем я успела дернуться и предотвратить непоправимый урон, наносимый как помещению, так и наезднику, с громким: «Да на!» — в Феньку полетел кусок хлеба. Дракон раскрыл пасть, слопал угощение за несколько секунд, раскидал крошки по полу и, невероятно довольный собой, зашел в стойло.

Я добрела до конца загона и с искренним изумлением посмотрела на Тима Донга. Тот как ни в чем не бывало чистил темного дракона.

Заметив мой взгляд, мужчина недовольно просипел:

— Ты мог бы лучше следить за своим драконом!

Я поджала губы, развернулась на пятках и с таким же изумленным видом подошла к Феньке.

— Ты выпрашиваешь у него хлеб?! — возмутилась очень-очень тихо.

Фенька стыдливо сжался и опустил голову.

— Я не знала, что драконы любят хлеб! — шепотом пожурела его. — Ты мог мне намекнуть! Зачем выпрашивать хлеб у наших злейших врагов?!

Чешуйчатая морда виновато отвернулась.

Всплеснув руками от избытка эмоций, я вернулась к стойлу темного дракона.

— Надеюсь, он тебя не сильно замучил, — проговорила мужским басом. — Если надо, я верну деньги за хлеб.

— Забудь, — огрызнулся Донг.

Он закрыл стойло, остервенело бросил туда тряпку и удалился.

Так, похоже, сегодня Тим Донг не в духе.

Что ж, это, возможно, сыграет нам на руку.

...Настроение Тима Донга не то что не сыграло нам с Фенькой на руку, а повергло меня в давно забытую панику.

Я с расширившимися от ужаса глазами наблюдала, как темный дракон выводит из строя Рогатого Дога.

Тим Донг, как обычно, шел впереди. Рогатый Дог обогнал меня всего за несколько секунд до того, как мы полетели на второй круг. Я сначала разозлилась, а теперь благодарила Бога за удачу.

Донга, казалось, разрывало от ярости.

Тьма не просто окутала шипастого дракона, она его ослепила. Животное металось из стороны в сторону, до меня долетали его жалобный вой и дикий крик наездника, который пытался удержаться в седле. Тьма не сдавалась. Я видела, как Донг взмахнул руками, и из пасти его дракона вырвалось черное пламя, заставившее противника резко уйти вниз, потерять равновесие и скрыться в глубинах бесконечных расщелин, которыми были изрезаны горы.

Я осталась один на один с Донгом. Все остальные наездники либо уже вышли из строя, либо оказались настолько медлительны, что до сих пор не закончили первый круг.

— Фенька, давай в обход, — скомандовала дрожащим голосом.

Дракон Донга был больше по размеру, а значит, маневры давались ему тяжелее.

Трассу не ограничивали какими-либо рамками. Мы облетали горы два раза — кто первый придет к финишу, тот и победил. А уж каким путем — никого не волновало. Наездники старались не удлинять дистанцию, предпочитая открытый бой постыдным попыткам избежать противника.

Но я вдруг остро поняла, что люблю свою жизнь и совсем не готова с ней расстаться.

Мне казалось, что, выведя из строя Рогатого Дога, Донг ринется к финишу. Но он неожиданно обернулся. Мы были слишком далеко друг от друга, чтобы я смогла увидеть его глаза. Но и без этого меня с головы до пят пронзил дикий страх.

— Улетаем, улетаем, Феня, вперед!!! — заорала я, разворачивая дракона.

Донг сегодня не хотел никого обгонять.

Не знаю уж, что на него так повлияло: может, он был на что-то зол, может, просто хотел показать всем свою силу, может, его свела с ума собственная стихия. Но Тим Донг решил добить всех своих соперников.

— Быстрее, быстрее, Фенечка!

Я вовсе не струхнула. Я испугалась до смерти.

Черная тень преследовала нас, даже когда мы совсем свернули с трассы. Фенька то разгонялся, то замедлял полет, потому что эти места были нам незнакомы. Как назло, еще и туман ограничивал видимость.

Я изо всех сил старалась не потерять контроль над драконом, помогала Феньке огибать острые пики невысоких гор и при этом следила за бешеной тенью, пытающейся поддеть нас то справа, то слева.

В какой-то момент скорость Фени достигла предела. И от невысказанного ветра, заставляющего слезиться глаза, с меня сорвало косынку.

Не знаю уж, чего я испугалась больше: того, что Донг догонит и увидит мои волосы, или того, что Донг догонит и просто убьет. Как бы там ни было, я приняла отчаянное решение: применить стихию первой.

Стоило нам вырваться вперед, отстегнула трос, прикрепляющий меня к седлу и в теории обеспечивающий безопасность, повернулась лицом к хвосту своего дракона. И создала первую ледяную преграду.

Без моего руководства Фенька замедлил ход, но это не помешало мне попытаться задержать Донга. Я отчаянно махала руками, создавая стены из льда между двумя торчащими из тумана пик.

Вот только Донг раз за разом пробивал их своей тьмой.

Это походило на какой-то театр абсурда. Мы летели по незнакомой местности. Я, не чувствуя рук от холода и дрожа от страха, пыталась остановить надвигающуюся смерть.

Фенька неожиданно жалобно взвыл и резко ушел вправо. Я вцепилась в седло, но крен был такой сильный, что моя правая нога потеряла опору и выскользнула.

Меня просто выдернуло из седла и выбросило навстречу безжалостному ветру. Внизу ждала пустота. Серая. Туман был повсюду.

Фенька панически зарычал и, вернув себе равновесие, бросился за мной в бездну. Я летела спиной вниз и, каким-то чудом умудрившись не орать, отчетливо видела каждую деталь, предшествующую скорой смерти.

Дракон не успевал. Он разинул пасть, собираясь выпустить глыбы льда, чтобы хоть так остановить мое падение. Я в панике закрутила головой, но Фенька ничего не понимал. Он боялся намного больше меня и не осознавал, что о лед я разобьюсь с вероятностью в сто процентов.

Неожиданно сквозь свист в ушах до меня донесся яростный крик:

— Нет! Закрой пасть! Лети вверх!

А потом надо мной пронеслась знакомая тень.

В следующую секунду я почувствовала, как, сама того не сознавая, вцепилась в крепкие драконьи лапы.

Из-за пронизывающего до костей ветра я мало что запомнила за время этого перелета. Единственное, стало больно, когда темный дракон навис над Фенькой и опустил меня в седло. На лету сделать такое было непросто, поэтому я упала на спину Фени животом.

После чего увидела, как Донг ударил ногами своего питомца и устремился прочь.

Когда мы вернулись к загону, я сползла с Феньки, словно мешок картошки. Перед этим мы остановились в лесу, потому как без косынки на людях появляться было нельзя.

После пережитого ноги меня не держали, а руки тряслись, словно помнили каждую секунду смертельной опасности.

Я лежала на земле и пыталась отдышаться.

В какой-то момент почувствовала мокрый нос, уткнувшийся мне в щеку. Феньке было очень стыдно, что подвел. Мне было стыдно, что я подвергла его такой опасности, да и сама чуть не погибла.

— Он нас с тобой спас, — выдохнула и приникла к чешуйчатой морде. — А до этого чуть не убил. Он нас чуть не убил, Фенька!

Дракон согласно фыркнул и брякнулся на живот, заставив землю содрогнуться.

— Если бы я сегодня умерла, ты бы так и не узнал, что я все-таки вышла замуж, — пробормотала тихо.

Ответом мне послужило еще одно фыркание.

— Больше не выпрашивай хлеб у Донга, понял?!

Фенька лизнул мне щеку то ли в знак согласия, то ли в знак примирения. А так как язык у него был размером с мою голову, вытирать его слюни пришлось долго и тщательно.

Избавившись от липкой слизи, я вспомнила, что мне нужно где-то раздобыть новую косынку. Вдохнув, заставила себя подняться на ноги и поманила дракона к кабаку. Мы подошли к задней стене.

— Вынюхивай Симону, — приказала я.

Фенька недовольно рыкнул, но, поймав мой строгий взгляд, поспешно подошел к деревянной стене и принялся.

Затем указал мордой на нужное окно. После чего стал хмуро сопеть, пережидая, пока я взберусь на его голову и схвачусь за выступ окна.

— Симона! Симона! — тихо позвала и постучала по стеклу.

Через несколько секунд наружу высунулась рыжая девушка.

— Марита?! Ты чего?! — зашипела она.

— Мне нужна тряпка, которой можно прикрыть волосы! Пожалуйста, спаси меня! — умоляюще прошептала я, непроизвольно покачиваясь туда-сюда на Фенькиной голове.

— Дорогая, что там такое? — из глубины комнаты донесся мужской голос.

— Сейчас принесу, — тут же отреагировала подруга и закрыла окно.

Мы с Фенькой ждали ее на том же месте — два одиноких и крайне травмированных друга. Оба прокручивали в голове произошедшее и пытались до конца осознать последствия. То есть я и раньше знала, что бои здесь без правил. Но мне казалось, что до смерти все же не дойдет.

— Знаешь, Фенька, мы с тобой связаны, — задумчиво произнесла я. — Дракон и его всадник владеют одной стихией, и не бывает такого, чтобы ледяным драконом мог повелевать маг тьмы, да?

Фенька согласно выпустил пар из ноздрей.

— Тогда почему ты ему подчинился? — Я непонимающе уставилась на животное.

Кажется, Феня и сам не понимал — почему.

Но факт оставался фактом: Донг управлял моим драконом. Донг. Управлял. Моим. Драконом.

— Вы чего тут сидите? — Раздавшийся рядом голос Симоны заставил нас обоих подскочить от страха.

— Тебя ждем, — сглотнула я. — Принесла?

Девушка протянула мне новую косынку. Она почти не отличалась от старой.

— Ты не знаешь, Донг сейчас в загоне? — спросила я, завязывая косынку на голове.

— Ну, минуту назад был в зале, пил пиво.

— Фух.

Мы с Симоной отвели Феньку в стойло. Я коротко рассказала подруге, что произошло на гонках. Она внимательно слушала и терпеливо ждала, пока я покормлю питомца и вернусь вместе с ней в кабак.

Так как свободных комнат уже не было, мы сели за столик на первом этаже.

Я тут же посмотрела на Тима Донга, который внимательно слушал Рогатого Дога. Они сидели за одним столом, и у каждого было по кружке пива в руке и по девушке на коленке. Ну как так? В небе — кровные враги, а тут ведут себя, словно дружат всю жизнь!

— Кто это с ним? — спросила у Симоны, исподтишка разглядывая девушку, сидящую на коленях у моего соперника.

— С Донгом?

— Угу.

— Это Селена, она новенькая.

— Что за имя такое — Селена?

— Чем оно тебе не нравится?

— На селедку похоже.

— Ты что, ревнуешь? — хмыкнула Симона. — Тебе нельзя, ты замужем, забыла?

— Такое непросто забыть, — проворчала я. — Этот Донг меня раздражает. Только погляди на его довольную рожу.

Подруга посмотрела на меня с улыбкой и, откинувшись на спинку стула, глотнула моего пива.

— Ах, дорогой, люблю, когда ты ругаешься, — с удовольствием протянула она.

А я зло взирала на врага номер один. В какой-то момент тот почувствовал чужой взгляд и посмотрел в мою сторону.

— Он думает, что он король гонок. Что можно пугать кого захочется и когда захочется, — хмуро сказала я. Но взгляда от него не отвела. Он от меня тоже. — Ты только глянь на него. У него же все есть: и победа, и девушка.

Тим Донг уткнулся носом в волосы Селены и таким образом прекратил игру в гляделки.

— Я его ненавижу, — вздохнула, а затем гневно добавила: — Он запретил мне выливать в окно пиво, представляешь?

Помолчала мгновение, вновь посмотрела на мужчину, и слова вырвались как-то сами собой. Я говорила тихо, чтобы не выбиваться из общего гама голосов, но каждая фраза была пропитана искренней яростью.

— Знаешь, я ненавижу таких, как он. В нем все пропитано тщеславием, себялюбием. В моем мире так вести себя могут герцоги, а он кто? Король? Нет, он просто жалкий зарвавшийся хам. Я сделаю все, чтобы доказать ему, что он такое же ничтожество, как и все мы.

— Джон, ты слишком пристально смотришь, — предупреждающе сказала Симона.

— Да что такого-то?

— Обычно, если на мужчину так смотрят, значит, он очень нравится.

Меня аж передернуло. Я поспешно перевела взгляд на подругу.

— Фу! — высказалась исчерпывающе.

— Даже боюсь спрашивать, как прошла твоя свадьба.

— Замечательно. Мой муж такой же, как этот Тим Донг. Если их познакомить, они сплуются.

— А как... брачная ночь? — осторожно спросила Симона, посмотрев на меня с плохо

скрываемой жалостью.

— Мой муж предпочитает царапать спины своим любовницам, а не законным женам.

— То есть...

— Не было ничего, — ворчливо подтвердила я и вновь уставилась на Тима Донга. А затем задумчиво изрекла: — Бомбочки против него не работают. Стихия тоже. Я должен подобрать такое оружие, которое застанет его врасплох. — И тут меня осенило. — В субботу у меня появятся наличные деньги. Точно! Куплю метательное оружие.

— Ты что, решил его убить? — испугалась Симона.

— Конечно нет! — тихо возмутилась я. — Только ранить. Но ранить так, чтобы у него остался шрам на всю жизнь. Каждый раз, когда он будет на него смотреть, станет вспоминать свой проигрыш.

— Слушай, ты совсем на взводе, — покачала головой Симона. — Может, мне заказать тебе джина?

— Нет уж, на сегодня плохого хватит. Я, наверное, пойду к Феньке. Пора уж домой.

— Не расстраивайся, все образуется, — напоследок попыталась утешить подруга.

— Конечно, ведь в следующей гонке я одолею Донга, — хмыкнула я и попрощалась.

В загон зашла в полной уверенности, что никаких сюрпризов уже не будет. Добрела до стойла Феньки, погладила дракона и вдруг услышала за своей спиной странное копошение.

Обернулась и во все глаза уставила на Донга, скармливающего хлеб темному дракону.

К-как?! Он же только что обнимался с Селеной!

Мы с Фенькой переглянулись. Не знаю, понял ли питомец ход моих мыслей, но, когда я решительно повернулась к чужому стойлу, неодобрительно засопел.

— Спасибо, что спас мне жизнь, — низким голосом поблагодарила своего злейшего врага. — Но, будь добр, не распространяйся об этом.

Надеюсь, это прозвучало грозно.

— Я уже забыл, — не глядя на меня, просипел в ответ мужчина.

— Это не просьба, — важно сказала я. — Ты никому не скажешь об этом инциденте, а я сохраню твою тайну.

Вот тут мужчина напрягся. Медленно повернул голову и непонимающе посмотрел на меня одним глазом.

— Какую тайну? — сделал он вид, что не понял.

— У тебя не повреждены голосовые связки. — И прежде, чем он спросил: «С чего ты взял?» — я добавила: — Ты орал, как девчонка.

Не утруждая себя дальнейшими объяснениями, надменно провела пальцами по усам и повернулась к своему дракону.

Домой вернулась благополучно.

Наутро нервы немного успокоились, ужас от пережитого теперь походил на страшный сон. А может, в какой-то мере так и было. Джон Рут казался нереальным персонажем, темной стороной меня, которая проявлялась словно бы в отместку за ту Мариту, которая всегда старалась стать прилежной леди.

Как бы то ни было, Марита Хорвин, а теперь уже Бёме — это не настоящая я. Но Джон Рут тоже не я. Иногда мне казалось, что настоящей меня не существует. Днем приходилось сдерживать свои эмоции, быть вежливой, любезной, приветливой, внимательной, соблюдать правила этикета и носить только ту одежду, которая подобает герцогине. Вечером же все демоны, которых я подавляла в себе днем, вырывались наружу. И появлялся Джон Рут, не боявшийся грубых слов, жестоких действий и готовый пойти на все ради победы.

Которая же из этих двух личностей — я? Настоящая я?

Вставать утром мне вновь помогала незнакомая служанка. Это уже начинало пугать: почему бы не выделить мне одну личную камеристку и не дергать остальных девушек? Этой вот явно недоставало опыта для утренних сборов герцогини. Она смущалась, все время опускала глаза и не могла связать двух слов, когда я спрашивала ее про цвет платья. В итоге пришлось просто приказать приготовить мне ванну и, пока меня не будет, заправить постель (может, мое отсутствие ее успокоит?).

Когда мне предоставили возможность понежиться в теплой воде, я даже не удивилась, что помогать герцогине пришла Элина. Она, похоже, специально поджидала возможности оскорбить меня. Чтобы ей за это ничего не было, кроме моей обиды!

— Как вы себя чувствуете, миледи? — спросила служанка. На первый взгляд в ней не чувствовалось ненависти, лишь холодная учтивость.

После вчерашнего полета у меня болели все мышцы. Я расслабленно положила голову на высокий бортик и смотрела на девушку без всяких эмоций.

Она красивая, мне не жалко это признать. У нее прекрасные пышные волосы русого цвета. Хотя на солнце, уверена, они отливают золотыми искорками. Даже простое, неприталенное платье не может скрыть ее роскошных форм.

Она красивая, задетая за живое женщина, чье достоинство я унижаю одним своим присутствием.

Не получив от меня ответа на предыдущий вопрос, служанка задала новый:

— Добавить вам кедрового масла?

— Лучше лаванды. Спасибо, — спокойно сказала я в ответ.

— Смотрю, вы нежно прикипели к лаванде, миледи, — вот теперь в ее голосе проскользнули язвительные нотки.

— Приятный запах, — отозвалась я.

Элина подошла к тумбочке с флакончиками и начала их перебирать.

— Я бы не советовала лаванду, — сказала она, не прекращая поиска. — Герцогу не слишком нравится этот запах.

Я прикрыла глаза и улыбнулась уголками губ, забавляясь этой попыткой меня задеть.

— В таком случае добавьте побольше, — попросила вежливо.

Элина засмеялась. Тем не менее просьбу выполнила, после чего принялась намыливать мочалку.

Девушка опустилась на колени рядом с бортиком ванны и удивленно посмотрела на мой живот. После чего ее губы расплылись в какой-то злорадной улыбке.

— О, я помню, однажды Ричард взял меня прямо на лестнице, это было так грубо и так восхитительно, что у меня тоже появился синяк на животе.

Я поджала губы. Судя по контексту, «взял» он ее вовсе не на руки.

— Не могли бы вы потереть мне спину, — попросила невозмутимо.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить душевное равновесие.

— Я вот о чем подумала, миледи, — дождавшись, пока я сяду, и неторопливо вода мочалкой по моей коже, Элина продолжила нападки. — Ричард уехал несколько дней назад, а у вас синяк только-только окрасился синевой. Где же вы успели развлечься?

— Ночью мне снился кошмар, и я упала с кровати, — тихо сказала, прижавшись щекой к коленям.

— Не будьте так глупы, герцогиня. Даже ребенок придумает оправдание лучше.

— Перед вами я вообще не должна оправдываться, — возразила ей. И тем не менее добавила: — Вы вините меня в том, что потеряли все виды на моего мужа. Но вся Актория знала о дружбе семей Хорвинов и Бёме, и только глухой не слышал о заключенном брачном договоре. Я не представляю, насколько надо быть ограниченной, чтобы пытаться что-то найти в постели априори женатого герцога.

Элина возмущенно открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент я подняла голову и посмотрела на нее с жалостью:

— Он же холоден, как камень. Он бы вам ничего не дал, даже если бы вы решили сбежать вместе, укрываясь от навязанного брака.

— Ты считаешь меня глупой?! — Девушка удивленно подняла брови.

Марита Хорвин должна была придумать деликатный ответ, но проснувшийся в ней и взбунтовавшийся Джон Рут точно знал, что к любовницам мужа уважения обычно не проявляют, и честно сказал:

— Да.

— Ты — маленькая неразумная девчонка, будешь учить меня жизни?! — Кажется, она была восхищена моей наглостью.

Но произнесенные слова были вовсе не наглыми, а правдивыми, и служанка это понимала.

— Я еще слишком мало знаю о жизни, чтобы учить ей.

— Да он несколько лет искал способа избежать брака с тобой! Думаешь, ты ему нужна? Ты для него была помехой и помехой осталась! Я ничего не требую, со мной легко, а на тебя ему приходится тратить деньги и время. Уж поверь, вскоре ему это надоест, и ты, благополучно обвиненная в измене, отправишься в монастырь!

Я судорожно вздохнула и уткнулась лбом в колени, после чего тихо сказала:

— Я ему не изменяю.

— Отнекивайся, сколько хочешь, я-то о твоих подозрительных синяках молчать не буду.

— Пожалуйста, не забудьте помыть все тело и голову тоже, — холодно ответила, возвращая лицу прежнюю отрешенность.

Оставшееся время мы провели в молчании.

Как только помывка подошла к концу, я вернулась в свою комнату, вызвала служанку. Еще одна незнакомая девушка помогла мне одеться, привести в порядок волосы и любезно сообщила, что можно спускаться к завтраку.

Казалось, что я живу от гонок до следующей субботы. Промежуточные дни напоминали тлеющие страницы книги, на которые не нанесли текст, они были просто пустыми. Я думала о своей жизни и уже сейчас понимала, что в ней отыщется всего несколько цельных страниц: суббота, потом гонки, потом суббота, потом гонки, потом суббота... и так до бесконечности.

Неделя без герцога позволила мне освоиться в замке, научиться смелее обращаться со слугами и делать вид, что не замечаю постоянно маячащую перед глазами Элину. Но вместе с тем мне казалось невыносимым находиться в четырех стенах, даже если это длилось всего день или два.

Я прошлась по четырем башням, что примыкали к углам квадратного замка, но ничего интересного там не нашла. Хотела спуститься по дороге, ведущей прямо от замка в низину, где располагались загон для лошадей и курятник. Но, снедаемая сомнениями относительно уместности появления леди в таком месте, так и не решилась мозолить слугам глаза.

К тому же слуги и так не воспринимали меня всерьез. Это чувствовалось не только по тому, как они вели себя со мной (некогда заикающаяся служанка вскоре перестала даже обращаться ко мне «миледи»), а по их взглядам и перешептываниям. Приходилось сохранять спокойствие и усиленно делать вид, что ничего не замечаю. Я могла лишь требовать должного обращения, но не больше, ведь герцогиня — только официальный статус. На деле же уважаемой хозяйкой замка я не была.

Когда наступила суббота, я при пробуждении едва не расплакалась от счастья.

Одевшись и спустившись к завтраку, с удивлением обнаружила, что стол накрывает Эрта.

— Ваш омлет, миледи, — поклонилась она.

— Благодарю. Не хотите присесть со мной? — огорошила ее.

— Простите, мне не положено сидеть за одним столом с герцогиней.

— Я настаиваю, — повторила с требовательной интонацией.

— Еще раз прошу прощения, миледи, но я не могу, — ответила Эрта, тем самым показав, что приказы герцогини ее мало волнуют.

Поклонившись, полная женщина удалилась на нижний этаж.

Задумчиво посмотрев на омлет, я спокойно взяла тарелку и проследовала на кухню.

Гостей мы не принимали, в столовой завтракаю только я, так что слугам не нужно было готовить много и быстро. Они занимали себя тем, что разговаривали на какие-то отвлеченные темы и поглощали остатки еды. Заметив, как я осторожно спускаюсь по довольно крутой лестнице, держа на весу тарелку с омлетом, все мгновенно замолчали.

— Миледи? — удивленно воскликнула Эрта, приближаясь ко мне. — Вы не должны появляться здесь.

— Я знаю, — заверила ее. — Но раз служанке нельзя присесть рядом с герцогиней, герцогиня присядет рядом со служанкой. Насколько мне известно, правила приличия подобного не запрещают.

С гордо поднятой головой прошла к деревянному столу, уселась на лавочку и украдкой тяжело вздохнула, понимая, что в данный момент ко мне приковано два десятка пар глаз.

— Никто не подаст мне вилку? — вежливо спросила у замерших в нерешительности слуг.

Молодой парень среагировал быстрее всех и протянул нужный предмет. Рука у него не тряслась, в глазах не замечалось трепета. Они меня не уважали, и это было вполне закономерно.

Эрта со вздохом опустилась напротив и вопросительно взглянула на меня.

— Вы так и не выгнали Элину из замка, — задумчиво напомнила я женщине, отправляя в рот малюсенький кусочек омлета.

— Я выполнила вашу просьбу, миледи, — не согласилась Эрта, — но без одобрения герцога даже я не могу отправить человека на улицу.

— Я выросла в дворянской семье, у меня прекрасное образование, леди Эрта, — с достоинством ответила ей, — так что мне прекрасно известно, что слуги живут в замке по желанию. Почти у всех у вас есть свои дома в деревне или в городе, где находятся ваши семьи.

Тут я немного приврала. Об этом мне рассказала Симона.

В глазах Эрты проскользнула смешинка.

— Не стоит называть меня «леди», ваше сиятельство, — покорно склонила она голову. — Дело в том, что я действительно не имею права выгонять слуг без одобрения герцога.

— В данный момент это одобрение может дать вам управляющий, — сухо сказала я, давая понять, что все ее попытки обмануть меня не сработают. — Но я на вас не в обиде. Элина может остаться в замке до приезда моего мужа.

В моем присутствии слуги не позволили себе ухмылок, но по их взглядам стало понятно, что о связи Элины с моим супругом они прекрасно осведомлены.

— Скажите, почему вы каждый раз посылаете ко мне новых служанок?

— Так вы можете выбрать себе лучшую, миледи, — ничуть не смутилась Эрта.

— Полагаете, я стану делать из людей лошадей и устраивать аукцион?

Наконец у меня получилось вывести ее из равновесия.

— Простите, миледи, не думала, что вы воспримете мою заботу именно так.

— Ах, это была забота, — задумчиво повторила я. — Мне-то показалось, что вы уверены — в этом замке я надолго не задержусь. Что ж, сердечно благодарю, но в следующий раз проявляйте свою заботу, исполняя приказы герцогини.

Наверное, не стоило переходить на такой сердитый тон. Сделав вид, что сменила гнев на милость, я продолжила:

— Эрта, в этом замке очень много слуг.

— Вас это не устраивает, миледи? — не поняла та.

— В родном графстве я не имела удовольствия лицезреть вокруг столько разных людей. Всех слуг в родном имении я знала по именам. Запомнить же всех вас не представляется возможным.

Я взяла долгую паузу и съела еще кусочек омлета, наслаждаясь напряжением, возникшим среди собравшихся.

Эрта терпеливо ждала продолжения.

— Я бы хотела, чтобы отныне каждый из слуг, служанок, лакеев, грумов, кучеров, лекарей — не важно — прикреплял к одежде табличку со своим именем.

— Боюсь, без согласования... — попыталась отпереться женщина, но я холодно перебила:

— Это не просьба, это приказ герцогини. И если вам нужно мнимое согласование, можете заглянуть к управляющему и посмотреть на официальную бумагу.

Эрта поняла, что отнекиваться бессмысленно.

Гордо подняв голову, спросила:

— Еще что-нибудь, миледи?

— Да. Будьте добры вызвать кучера. Я отправляюсь в город.

Про возможность увидеть официальную бумагу я немного приврала. Мне свои-то деньги, обещанные мужем, пришлось выгрызать зубами.

Управляющий — высокий тощий мужчина, постоянно работающий с финансами, оказался дотошным и крайне пытливым. Несмотря на свое обещание, герцог нужные бумаги так и не подписал. Около получаса мне пришлось объяснять ситуацию, требовать и призывать мужчину смиростивиться. Но тот придрался к моей просьбе и заявил, что в образовательных школах обычно берут годовую оплату, а не подневную.

Такой пурги я давно не плела. Даже сама не помню, что уж там понаговорила про директора, языки, дополнительный кружок, важность знаний... но свои деньги все же получила. Заодно и расписку, по которой беспрепятственно могла пересечь границу графства. Официально границы уже не должно было существовать, но на всякий случай следовало перестраховаться.

Путь до Буклона занял три часа.

За это время я успела окончательно разочароваться в собственном будущем.

Мысли о герцоге и его любовнице лезли в голову, как бы я ни старалась от них отмахнуться.

Ричард Бёме старше меня на восемь лет. И если мне о вынужденном браке сообщили, как только я научилась говорить, то ему было, наверное, года четыре, когда наши отцы заключили договор. Тем не менее у Ричарда имелось достаточно времени, чтобы смириться.

Я всегда являлась хорошей ученицей, быстро обучилась манерам, никогда не возникала не по делу, всегда старалась избегать любых контактов с мужчинами на балах, не считая, конечно, первого танца. Я готовила себя к браку. У меня прекрасное образование. Я могу быть терпимой, внимательной, милой, кокетливой, настойчивой. Какой угодно.

Но я не привыкла быть ненужной.

Мысль о браке преследовала меня с самого рождения. Вот только у Ричарда все произошло наоборот. Он, видимо, считал меня обузой. Той, кто мешает ему жить. Меня ему навязали, и он отчаянно пытался этому сопротивляться.

Наверное, именно поэтому герцог так долго не возвращался в свой замок. Чем можно заниматься в столице целую неделю? Даже думать об этом не хотелось. Присутствие Элины и так убивало во мне глупую детскую мечту о семейном счастье.

В Буклоне меня ждала Симона.

Насколько я поняла из объяснений, ее деятельность фокусировалась именно в городе. Дома удовольствий в графстве были официально запрещены еще моим отцом, но предприимчивые люди в итоге договорились между собой. В какой-то момент с вышестоящими начальниками связывались организаторы гонок и за определенную сумму забирали из злочного места нескольких девушек. На драконах доставляли их на место проведения соревнований, а когда участники разъезжались, возвращали обратно.

Все клиенты, что в одном месте, что в другом, платили одинаково, и процент в карманы вышестоящих лиц тоже шел одинаковый. Поэтому я не могла не платить Симоне, даже из-за нашей дружбы.

Дом удовольствий в Буклоне находился в здании пивоварни. На первом этаже собирались игроки в покер, на втором и третьем шли совсем другие игры.

У Симоны имелась комната на троих. Она и еще две девушки предоставляли мне убежище. Взамен я привозила всякие безделушки из своей коллекции аксессуаров. Подруги Симоны считали, что каждую субботу я прячусь у них от глупого мужа.

Ну...

Кучеру я разрешила при необходимости уехать, но приказала ждать меня на этом же месте через два часа.

Симона встретила у входа в «пивоварню». Провела внутрь к пустому кабинету на первом этаже. Посторожила у двери, пока я преображалась в Джона Рута, и помогла выбраться из окна. Благо — первый этаж. Особых проблем не возникло.

Раньше, когда я приезжала в город, девушка всегда старалась освободиться от... работы и по возможности сопровождать меня. Теперь я стала замужней леди, так что по улицам могла передвигаться в одиночестве.

Через час я вновь вернулась в «пивоварню», но не с пустыми руками. В бумажном свертке лежали «шипучки» — железные кольца с шипами по всей окружности. Длина одного шипа — сантиметр. Специально выбрала такой размер с расчетом, что придется преодолеть еще и одежду. Это позволяло метать кольца как дротики, не боясь нанести серьезный вред противнику.

Симона терпеливо подождала, пока я вновь предстану перед ней в образе Мариты Бёме, и под руку вывела меня из заведения.

— У вас так душевно, мне вот замужем совсем не нравится. Можно податься к вам? — улыбнулась я.

— Марита, даже не смей думать об этом!

— Прости.

У меня совсем вылетело из головы, что она не любит, когда я начинаю шутить относительно ее профессии. Она не считала ее не то чтобы достойной, а элементарно безопасной.

На Симоне было элегантное бежевое платье, волосы аккуратно забраны сзади, еще бы зонтик — и получилась бы истинная леди. На самом деле со стороны и не скажешь, что... впрочем, не важно.

— Никак не могу привыкнуть к тебе в платье, — усмехнулась рыжая девушка.

— Я тоже не могу к нему привыкнуть. Мне штаны милее платьев, — добродушно отозвалась я.

— Знаешь, я за тебя немного переживаю, — поделилась подруга. — Мне кажется, не стоит нарываться на такого человека, как Тим Донг. — Она красноречиво посмотрела на бумажный сверток в моих руках.

Мы шли по тротуару, неторопливо огибая идущих навстречу дам и их кавалеров или гувернанток.

— Я ничего плохого ему не сделаю, всего лишь ослаблю на время, чтобы вырваться вперед. Вот и все.

— Да я даже не об этом. Марита, я разговаривала с Селеной, и знаешь, что она мне сказала? Донг расспрашивал о тебе. Вернее, о Джоне Руте.

Я удивленно посмотрела на нее и... расплылась в улыбке, непроизвольно гордо подняв подбородок.

— Что-то это не похоже на страх, — нахмурилась Симона.

— А это не страх, — сказала я. — Это ощущение собственного превосходства.

— Марита, ты слышала мои слова? Он расспрашивал о тебе! Если он узнает, что ты девушка...

— Не узнает. — Я беспечно махнула рукой. — Ты не понимаешь, он ведь расспрашивал не о Рогатом Доге или Борзом Соколе, а обо мне!

— Ты что, влюбилась? — не поняла подруга.

— Фу, какая гадость, он же старый, — поморщилась я. — Дело в другом. Он пытается выяснить обо мне как можно больше, хочет найти у меня слабые стороны. Знаешь, что это значит? — Я не смогла удержаться от еще одной улыбки.

— Что?

— Он считает меня сильным противником.

— Такое чувство, что ты гордишься этим, — пробормотала подруга.

— Да, горжусь, — не стала скрывать я. — Сам Тим Донг считает меня сильным противником. Не Рогатого Дога, а меня, мелкого Джона Рута! Донг, три года подряд побеждавший в Недельном залете, Донг, управляющий чужими драконами, испугался новичка!

— Ну, не думаю, что он тебя испугался...

— Если в следующей гонке я одержу победу, то уже точно смогу встать на один уровень с ним.

— Он захочет размазать тебя по стенке, ты это понимаешь? — скептически выгнула бровь Симона.

— Пусть попробует.

— Послушай, если он начнет копать, то может догадаться, кто ты такая.

— Он не догадается. — Я успокаивающе сжала руку рыжей девушки. — Во-первых, я осторожна. Во-вторых, думаю, ему тоже есть что скрывать. Он не полезет в чужие тайны, иначе в отместку я залезу в его собственные.

— Я тебя не совсем понимаю, — нахмурилась подруга.

— Все просто. Он... мой муж!

— Что? — опешила Симона.

— Там мой муж! — Голос внезапно сорвался, и я выдавила это хрипло и огорошено. — Посмотри, вон там, рядом с булочной. Это же герцог Бёме. Он в городе?!

— Так, слушай, возможно, тебе не понравятся причины, по которым он сюда заехал, — тут же сориентировалась Симона.

Я зло сжала губы и стала наблюдать, как муж в одиночестве прогуливается по городу. Судя по его шагу, у герцога была вполне конкретная цель.

В столице он, значит, да? Делами занимается? Бумаги подписывает? Деньги в банке пересчитывает?

— Возьми. — Я быстро сунула Симоне сверток с оружием. — Карета стоит на Линч-ли. Отнеси это, пожалуйста, туда. Скажи кучеру, что герцогиня скоро будет. Прошу тебя, пожалуйста.

— А ты куда? — с жалостью глядя на мое раздосадованное лицо, спросила подруга.

— А я посмотрю, на кого на этот раз променял меня мой муж!

Преследовать человека в городе оказалось не так уж трудно. Просто идешь себе, идешь, делаешь вид, что занят изучением архитектуры, и периодически поглядываешь на мужчину в темном фраке. Он не оглядывался, не нервничал, явно не вспоминал, что дома его ждет молодая и красивая жена. Герцог Бёме имел вполне конкретную цель и двигался к ней без всяких угрызений совести.

Когда мы прошли мимо дома удовольствий и не остановились, я даже как-то облегченно выдохнула. А потом вспомнила, что с любовницами встречаются не обязательно там.

Но не успело уныние накатить с новой силой, как герцог добрал до небольшого проулка между двухэтажными кирпичными домами. Словно тень, прошмыгнул туда. Если бы в этот момент я отвлеклась хоть на секунду, потеряла бы его из виду и уже не нашла бы.

В сомнительный проулок заходить не стала, просто заглянула туда из-за угла и увидела своего мужа, разговаривающего с незнакомым мужчиной. Их беседа длилась не больше минуты, после чего Ричард Бёме получил непонятную бумажку, больше похожую на карточку, выполненную из прочного материала. Муж коротко кивнул, развернулся и направился к выходу из проулка.

Я поспешно отошла как можно дальше и вновь принялась наблюдать за герцогом. Мысли лезли в голову — одна страшнее другой.

Никто не заключает сделки в темных переулках. А если заключает, следовательно, сделка незаконная. Кажется, мой муж — контрабандист. Это может объяснить его богатство, которое все высшее общество считает невозможным. Наверное, именно поэтому герцог так и не сказал мне, какое зерно он выращивает. Это вовсе не зерно! Что, если он выращивает растения, из которых потом делают опиум?!

Очнувшись от всех этих мыслей, я очень удивилась, когда поняла, что герцог направляется в отель.

К переживаниям о том, что я вышла замуж за уголовника, добавился старый и давно уже знакомый страх: он пошел к любовнице.

Мужчина скрылся в дверях не очень престижной гостиницы (что странно, деньги ему позволяли останавливаться в самых дорогих заведениях), а я, снедаемая сомнениями, осталась стоять на улице.

Ворваться туда и застать их с поличным? Кричать? Рвать и метать? Может, вернуться в карету и поплакать? Унизить мужа по возвращении домой? Или стоит с ним поговорить? Мама всегда учила, что решать проблемы нужно на холодную голову. Это значит, что можно подойти к нему и сказать, что я недовольна его похождениями. И если он будет так прятаться по отелям, то я тоже буду.

Оценив собственный план, признала его вполне трезвым, умным и действенным.

Побродив еще минут пять туда-сюда, я все-таки решилась. Задрала подбородок и твердой походкой пошла навстречу неизбежному. Пропустила экипаж, пересекла дорогу. Как истинная герцогиня, приблизилась к входу в отель, как истинная ревнивая жена, дернула дверь и налетела на... Тима Донга.

Все мысли, все планы, все переживания, все сомнения, все страхи улетучились в одно мгновение.

С ужасом взглянув на знакомую повязку, не придумала ничего лучшего, как рухнуть в объятия наездника.

Меня, слава богу, поймали, даже испуганно просипели: «Леди, что с вами?!» Я же таким образом выиграла несколько секунд, чтобы обдумать дальнейшие действия.

Здравый смысл полностью исчерпал себя, еще когда я узрел мужа в городе, поэтому теперь в голове билась лишь одна ясная мысль: Донг — мужчина. Я — женщина. Он — мой злейший враг, но не знает о том, кто я. Значит, момент упускать нельзя.

— Ах, спасибо, вы поступили как настоящий джентльмен, — с придыханием пробормотала, пока он и еще один мужчина, выбежавший из-за стойки, помогали мне встать.

— Принести вам водички, леди? — обеспокоенно спросил... управляющий, судя по всему.

— Нет, спасибо, это солнце и духота так дурно на меня действуют. — Я печально вздохнула.

Донг недоуменно посмотрел на нависшую над городом тучу.

— Куда вы направляетесь? — спросил он привычным сипящим голосом, но на этот раз в его интонации проскользнуло недовольство.

— Моя карета находится на Линч-ли, я шла туда, милорд.

Лицо у наездника стало мрачнее некуда, и мне показалось, что на этом наше знакомство точно закончено. Но мужчина неожиданно предложил:

— Вы позволите проводить вас?

Я кокетливо улыбнулась и скромно опустила глаза:

— Почту за честь, милорд.

Мы шли с ним по тротуару, как некогда с Симоной. Донг был страшно неразговорчив и все время смотрел перед собой. Во мне злорадство боролось со страхом неудачи.

В конце концов я не выдержала. Но только собралась задать ему первый вопрос, как мужчина меня опередил:

— Скажите, как мне к вам обращаться, миледи? — спросил он зло, словно и для него я тоже стала обузой, как и для своего мужа.

— Марита.

— Сразу по имени? — Это что, скрип его зубов?!

— Прошу вас, называйте меня по имени, так мне намного легче общаться с людьми, не хочу называть свой титул, — поспешно пробормотала я.

Ну не могла я разговаривать с Донгом как с интеллигентным человеком. Когда обращаюсь к нему «милорд», перед глазами тут же вставала картина — как он в кабаке плюет в пиво.

— А как зовут моего спасителя? — попыталась сгладить его раздражение.

— Называйте меня... Роберт.

Что? Роберт?! Я чуть не засмеялась в голос, но вовремя опомнилась.

— Разве вы не должны гулять по городу с гувернанткой или хотя бы служанкой? — просипел Донг.

— Я уже замужем, — недовольно сказала в ответ и попыталась сменить тему. Говорить о себе мне вовсе не хотелось: — Простите, что отнимаю у вас время, вы, наверное, куда-то спешили, пока я не рухнула на вас.

Тут он должен был как минимум заверить, что ничего страшного не произошло, а как максимум поделиться со мной своими планами.

Но Донг не был бы Донгом, если бы не смешал мне все карты.

— Простите мне мое любопытство, но что вы делали в том отеле?

Если бы мы не были злейшими врагами, я бы честно сказала, что пыталась застать изменяющего мне мужа. Но я потупила взор и смущенно произнесла:

— У нас с мужем годовщина свадьбы, я хочу сделать ему сюрприз.

— Годовщина? — нахмурился наездник. Я непонимающе взглянула на него, и он поспешно просипел: — Вы очень молоды, и не похоже, будто у вас уже наступила первая годовщина свадьбы.

Первая? Кто сказал — первая?

— О, мы женаты всего неделю, — беспечно рассмеялась я. — Но чтобы подарить подарок, нужен повод, вот я его и придумала.

— Не представляю, что это должен быть за подарок, раз вы искали его в отеле. — Донг моей

радости не разделил.

Я перестала улыбаться и настороженно посмотрела на мужчину. Его сюртук был с высоким воротом, а на голове красовалась невысокая широкополая шляпа, наполовину ниже цилиндра. Всем видом он напоминал большую тень.

Но когда я посмотрела на него, мне вдруг на секунду показалось, что я его уже где-то видела.

Заметив мой взгляд, Донг нервно взмахнул руками:

— Простите, понимаю, это не мое дело.

Будучи женщиной, которая все восемнадцать лет мечтала выйти замуж, грезила свадьбой, семейной жизнью и детишками, я частенько смотрела на другие пары и представляла, как им живется. Так что глаз на подобные вещи у меня был наметан.

Донг всего на секунду предоставил мне честь созерцать свои руки, но этого хватило сполна.

— Вы женаты?! — Я чуть не рухнула в обморок, уже по-настоящему.

Мужчина быстро спрятал в карман правую руку, на безымянном пальце которой красовалось обручальное кольцо.

— Эм... угу.

Донг. Донг?! Донг женат?!

На ком?!

— Поздравляю, это счастье — иметь рядом человека, которого любишь.

— Эм... угу.

— А чем занимается ваша жена?

Я всего лишь хотела поддержать беседу, но со стороны Донга неожиданно донеслось недовольное сопение. Перед глазами тут же предстало воспоминание, как его тьма гналась за нами с Фенькой именно тогда, когда мужчина был не в состоянии себя контролировать.

Я испугалась, что своими словами могла вывести его из себя. Но собеседник сдержанно ответил:

— Она работает. Там. — Махнул рукой вправо.

Я посмотрела в указанном направлении.

— В доме удовольствий? — переспросила удивленно.

— Это пивоварня.

— Да бросьте, все знают, что это не пивоварня.

Донг посмотрел на меня очень странно. Трудно было определить его эмоции по одному глазу, на который к тому же падала тень от полей шляпы.

— А как зовут вашу жену? — задала я новый вопрос и постаралась как можно логичнее обосновать свое любопытство: — Дело в том, что у меня есть знакомая, которая работает в этом заведении. Быть может, я и вашу жену знаю.

Но вместо того чтобы обрадоваться потенциальным связям с аристократической семьей (думаю, он понял, что я не из рабочего класса), Донг переспросил, словно с первого раза то ли не расслышал, то ли вообще не поверил:

— У вас есть знакомая в этом месте?!

Понимая, что отвечать еще раз положительно уже нельзя (он мог подумать, что благородной леди не пристало водить знакомства с тамошними девушками), я спокойно перевела тему.

— У многих из нас есть странные знакомые, и не говорите, что это не так, — ответила с улыбкой. — Скажите, а чем вы сами занимаетесь?

— Работаю, — огрызнулся Донг. — Там. — Он указал рукой влево.

— Вы проводите канализацию в богатых домах? — не поняла я.

Донг посмотрела на здание, куда указал рукой, прочитал вывеску и сказал:

— Да.

К сожалению, я не умею с ходу определять ложь по взгляду, по движениям или по дыханию. Поэтому оставалось только теряться в догадках, водят меня за нос или нет.

Во всяком случае, насчет своего имени он уже соврал. Кто знает, о чем еще он не сказал правды?

Мы как раз вышли на Линч-ли. Я даже сумела разглядеть экипаж с фамильным гербом семьи Бёме. А потом с ужасом увидела Симону, увлеченно болтающую с кучером.

Быстро схватила Донга под руку и развернулась в обратном направлении.

— Что вы делаете? — удивленно просипел тот. — Мы уже на Линч-ли.

— Я вспомнила, что мне еще нужно зайти в одно место.

— Тучи сгущаются, вы можете попасть под дождь, — мрачно сказал мужчина.

— О, это не займет много времени. Мне просто... нужно... в школу иностранных языков!

Показалось или Донг поджал губы?

— Оправдание для вашего мужа? — Сквозь его сии тяжело было угадать интонацию, но, кажется, пробивалась ирония.

— Честно говоря, да, — не стала врать и быстрым шагом направилась за угол. Только когда опасность увидеть Симону миновала, я отпустила мужчину. — Простите, мне не следовало брать вас под руку. Это поведение, недостойное леди.

— Не беспокойтесь, я сделаю вид, что не заметил этого, — отозвался тот. — Боюсь, мне

придется вас покинуть. Время поджигает, увы.

— Конечно. Большое спасибо, что позаботились обо мне.

— До свидания, герцогиня.

Махать рукой на прощание я не стала. Проследила, чтобы Донг скрылся в толпе, а после этого вернулась к экипажу.

— Тебя нужно успокаивать? — сходу спросила Симона, как только заметила меня.

— Нет, — покачала головой.

— Он там был... с кем-то?

— Не знаю, прежде чем увидеть своего мужа, я встретила Донга.

Симона вернула сверток с оружием и удивленно посмотрела на меня.

— Тима Донга?! — шепотом переспросила она.

— Да.

— И что было?

— Он проводил меня до Линч-ли.

— Ты что, кокетничала с Донгом?

— Да, — не стала я отрицать. — Быть коварной, оказывается, так забавно. Мне кажется, стоит пересмотреть нормы морали.

— Узнала что-нибудь ценное?

— Ты даже не представляешь, насколько, — загадочно улыбнулась и добавила с грустью: — Мне пора возвращаться.

— Мне тоже, но я все равно скажу: ты играешь с огнем.

Не с огнем, а с тьмой. Это намного-намного опаснее.

Мы попрощались с Симоной, я залезла в карету и приказала кучеру трогаться. Не удержавшись, развернула сверток и с любовью и умилением взглянула на острые грани «шипучек». А потом удивленно моргнула.

Я ведь не говорила Донгу, что ношу титул герцогини.

На следующей неделе нам с Фенькой предстояла очень важная гонка, на которой я собиралась одолеть Тима Донга. К ней я готовилась с особым усердием.

В Недельном залете участвовали сильнейшие. Как бы это удивительно ни было, но при том, что драконов веками пытались истребить, наездников в горах собралось очень много. Все они стекались сюда из разных уголков земли и, как правило, не называли своих настоящих имен. Среди нас наверняка встречались люди самых разных профессий, самого разного социального

положения, и вполне возможно, что некоторые имели за плечами судимость. Но на гонках мы все становились равны. Единственное, что отличало нас друг от друга, — наша сила и сила наших драконов.

Именно она проверялась на нескольких этапах отборочных гонок. Существовала таблица, куда записывали имена всех участников и их победы. Красная черта отделяла претендентов на участие в Недельном залете от неудачников.

Донг, само собой, находился в верхней части таблицы. На первом месте. Почти абсолютное количество побед.

Мое имя стояло среди неудачников.

Но в следующей гонке я намеревалась это исправить. А для этого мне предстояло сделать практически невозможное. Победы над Донгом ждали от Рогатого Дога, но никак не от зеленого новичка. Так что Симона права: если я смогу исполнить то, что задумала, Донг сожрет мое мясо, а кости скормит своему дракону.

Но я готова была рискнуть.

Как только выдался безветренный день, я дождалась, когда землю окутают сумерки, надела амазонку и заявила конюху, что собираюсь отправиться на прогулку.

— О, миледи, время уже позднее, — пробормотал парень, но я смерила его надменным взглядом.

— Вы хотите остановить меня?

Молодой конюх обвел взглядом фыркающих лошадей, словно обдумывая дальнейшие слова, и тихо выдавил:

— Угу.

Я не удержалась от доброй улыбки.

— Как вас зовут?

— Р-роберт, — выдавил парень.

Еще один Роберт?! Почему в этом герцогстве что ни имя, то сразу Роберт?

— А почему на вас нет таблички? Я приказала всем слугам носить их.

— Она падает.

— Прикрепите булавками.

— Они колются.

— Прикрепите так, чтобы не кололись.

— Но я...

— Что ж, Роберт, я передам герцогу, что вы сделали все, чтобы остановить меня, — клятвенно

заверила его. — А сейчас, когда угроза наказания миновала, вы предоставите мне кобылу?

— Но вас должен кто-то сопровождать, — неуверенно заикнулся парень.

— Роберт, напоминаю, вы перечите воле герцогини.

— Прошу вас, не гневайтесь, миледи. Герцог никому не разрешает покидать замок после заката.

— Почему?

— Это опасно, — икнул Роберт.

— Чем? — никак не могла понять я.

— Ну... я не думаю, что имею право... говорить об этом... я не знаю... — Парень покраснел от волнения.

— Конечно, ты имеешь право рассказать герцогине об опасности, которая может угрожать ее подданным, — величественно сказала я.

Роберт еще раз оглянулся на лошадей, словно они придавали ему смелости, и только после этого решился.

— Граница герцогства Хильдеберхт на западе находится рядом с морем...

— Мне это известно.

— А за морем есть пустыня, где живут воздушные кочевники урки.

— И это мне известно.

— Они нас ненавидят.

— Почему? — нахмурилась я.

Роберт развел руками:

— Никто не знает, но они постоянно нападают на территории герцогства и сжигают деревни. Однажды даже напали на замок, поэтому герцог запрещает покидать его после заката.

Я внимательно посмотрела на пареню, нервно мнущего край котты, и насторожилась. Не придумал ли он эту легенду специально, чтобы задержать слишком безответственную герцогиню?

— Замок выглядит вполне себе целым, — недоверчиво сказала я.

— Угу, — кивнул парень.

Я устало закатила глаза.

— А чей это жеребец?

Роберт поспешно проговорил:

— Это жеребец герцога, и его может оседлать только сам хозяин.

— Герцог выбрал себе самого быстрого жеребца?

— Конечно, миледи, — испугался Роберт.

— Ладно. Запряги мне кобылу.

— Н-нет, я не могу...

— Роберт. Это не просьба.

— Но миледи...

— Ты хочешь, чтобы я совершила свою прогулку быстро или чтобы до ночи пыталась заставить тебя передумать?

Отчаявшись достучаться до разума герцогини, Роберт устало махнул рукой.

С лошадьми, как с драконами — главное, войти в доверие и установить контакт. Неторопливая кобылка, которую из-за дамского седла даже галопом не пустишь, сильно замедляла путь. Если бы сейчас я была на жеребце, то уже давно добралась бы до долины, на которой запланировала провести тренировку с Фенькой. Однако, хоть леди и полагалось выглядеть несколько приземленной в плане знаний, душой я не была.

Строптивного жеребца, у которого уже есть хозяин, приструнить практически невозможно. Практически... однажды мне уже доводилось работать с подобным животным: после смерти отца его коня никто не мог оседлать. Покупать его тоже никто не хотел, и мама уже почти решила пустить его на мясо, когда мне наконец удалось наладить с ним контакт.

Лошади, как и драконы, очень чуткие и очень ранимые.

К ним нужен особый подход, но это требует длительного времени.

Желание испытать жеребца герцога было сильным (нравятся мне сложные животные), но разум подсказывал, что Ричард может воспринять это как нарушение личного пространства. Поэтому пришлось подавить собственные амбиции и просто не лезть, куда не надо.

Из-за того, что моя кобыла бежала неспешной рысцой, за час я так и не добралась до нужной долины. Мне хотелось полетать с Фенькой над огромными полями зерновых, я даже бинокль (правда, театральный) с собой взяла, чтобы приглядеться, что же там все-таки выращивают. Но пришлось остановиться в лесу, так и не добравшись ни до одной из долин.

Неподалеку слышалось журчание реки. Я привязала кобылу к дереву рядом с берегом, чтобы животное смогло утолить жажду. Сама же стала переодеваться.

Сделать это в лесу оказалось не так-то просто, особенно без камеристки, но все же я справилась. Перекинула сумку с женской одеждой через седло и пошла как можно дальше от лошади (они очень боятся шума и тряски земли), ища при этом подходящее место для приземления крупного дракона.

Фенька прилетел через пятнадцать минут.

— Привет, дружок! — Я тут же полезла обниматься.

Дракон был намного выше меня, хотя по сравнению со многими своими сородичами считался низкорослым. Обнять его в прямом смысле этого слова было проблематично, поэтому я просто припала к голубой чешуе, в сумерках принявшей темно-синий оттенок.

Тут же почувствовала, как слюнявая морда уткнулась мне в сумку.

— Что, почуял еду? — Я поспешно отклонилась в сторону. — И откуда этот хитрый взгляд?

Фенька пригнулся к земле и попытался подобраться к еде снизу.

— Эй! Что за наглость? — пришлось щелкнуть его по носу.

Дракон фыркнул и обиженно отошел.

Я медленно открыла сумку, запустила туда руку, наблюдая, как друг с любопытством принюхивается.

— Мы с тобой в скором времени совершим невозможное. Если все получится, следующая победа будет нашей. Но для этого нам придется выжать из себя все, на что мы способны. Согласен?

Фенька повернулся, внимательно на меня посмотрел, потом перевел голодный взгляд на мою руку, повел сначала одним ухом, затем другим.

— Согласен?

Облизнулся. Моргнул. И только после этого кивнул.

— Держи.

Я кинула ему буханку хлеба.

Дракон схватил ее на лету зубами, куснул половину, зачавкал. Вторая половина брякнулась на землю. Фенька распробовал вкус моего угощения, скривился и выплюнул его.

— Серьезно? — разочарованно воскликнула я.

Теперь начала подозревать, что хлеб у Донга был какой-то особенный. Что, если он туда чего-то подмешивал? И именно это позволило ему командовать Фенькой?

— Ладно, раз трапеза не удалась, пока совсем не стемнело, приступим к тренировочным полетам.

Мы всегда летали над облаками. Если кто-то и мог разглядеть нас с земли, то все равно не мог понять, что это за огромная тень, похожая на птицу.

— Разгоняемся, — командовала я, пытаюсь перекричать ветер. — Уходим вправо. Теперь выше. Еще выше. Молодец, дружок. Мы с тобой должны подобраться к Донгу как можно ближе. Держись параллельно земли. Знаю, трудно удержать равновесие, но постарайся, ладно? Мы должны лететь очень плавно, чтобы Донг нас не заметил.

К сожалению, на полет у нас был от силы час.

Полюбоваться видами я так и не успела. Все мое внимание было приковано к дракону, которому оказалось неожиданно тяжело справиться с дополнительной нагрузкой. Мы выучили с ним один маневр, но без крайней необходимости использовать его я не собиралась.

Фенька был молодым, энергичным драконом, но и неопытным тоже. Это чувствовалось в слишком нервных взмахах крыльев. Ему с трудом удавалось лететь плавно, из-за чего не получалось маневрировать с тем изяществом, которое было присуще дракону Донга.

В общем, нам еще учиться и учиться.

Окончив с тренировочными полетами, мы опустились возле реки, но на этот раз на большем расстоянии от того места, где находилась моя лошадь.

В темное время суток стылая вода уже не манила так, как это было при свете дня. Холода мне хватило и среди облаков. Так что я разлеглась на траве неподалеку от берега.

Обратная сторона той радости, какую приносили полеты, заключалась именно в холоде. У меня обветривались губы, в особо морозные деньки щеки превращались в два красных помидора, а про цыпки на руках и говорить нечего. Обычно наездники прикрывают лицо тряпкой, но тогда Фенька не будет меня слышать. Перчатки я надевала, но они не особо помогали.

Всадников, летающих на драконах, отличают вечно ледяные руки.

Ушиб на животе все еще ныл, но я надеялась, что к гонкам он заживет. Пока же было больно сидеть в седле.

Задумчиво потирая больное место и разглядывая звезды, я рассеянно прислушивалась к фырканью Феньки. Он любил поваляться, извиваясь в траве. Так он вроде бы чесал себе бока и спину.

Однако вместо привычного «хпры» внезапно раздалось злобное рычание.

Я моментально вскочила на ноги.

Фенька пятился в мою сторону, «ругаясь» на обычные кусты.

— Дружок, ты чего? — не поняла я.

Дракон недовольно посмотрел на меня, словно спрашивая: «Ты что, правда не понимаешь?!». И вновь сердито рыкнул.

Я настороженно прищурилась, пытаюсь понять, что животное увидело в кустах. Но лес уже окрасился ночным мраком, так что разглядеть ничего не удалось.

Фенька не прекращал рычать, поджал уши и негодуяще размахивал хвостом.

Понимая, что мне в любом случае придется это сделать, я пошла посмотреть, что же скрывается за кустами.

На самом деле я люблю приключения. В книгах. Там они выглядят интересными и задорными. В реальности передвигаться по ночному лесу было страшно. От осознания, что ты слабая и беспомощная девушка, а единственный твой защитник — трусливый дракон, заставивший

хозяйку самостоятельно разбираться с неприятностями, становилось не по себе. Если там разбойники, кто знает, что они попытаются со мной сделать. Страшно подумать, что произойдет, если они еще и Феньку увидят.

Я поняла, что больше не хочу приключений.

Поспешно повернувшись, врезалась в Фенькину морду, испуганно отшатнулась и не устояла на ногах. За кустами начинался покатый склон, по которому я кубарем скатилась вниз.

Фенька ужаснулся чуть ли не больше меня и тут же кинулся на помощь. С болезненным стоном я поднялась на ноги, злобно одернула шерстяной свитер и возмущенно взглянула на дракона. Тот пристыженно поджал уши и смущенно дернул головой, указывая на что-то.

Мы находились в низине. Осмотревшись, увидела, что прямо передо мной возвышаются холмы. Позади раскинулся лес.

Это сразу настораживало. Создавалось впечатление, что низменность таким образом ограждена от любопытных глаз.

Но больше всего меня испугала темная дыра в одном из холмов, очень напоминающая пещеру в горах. Расстояние до нее было вполне приемлемым — низина отличалась приличными размерами.

Фенька зарычал.

— Так, дружок, пошли-ка отсюда, — не сводя взгляда с устрашающего холма, сказала я.

Но не успела сделать и шага в сторону, как вдруг земля содрогнулась.

Не знаю, что со мной произошло, но в тот момент я не сумела справиться с накатившим ужасом. На моем счету было множество опасных ситуаций, из которых мне удавалось выкрутиться исключительно благодаря холодному разуму. Но почему-то именно сегодня я впала в ступор.

Наверное, отчасти так проявилось природное любопытство.

Мозг знал, что нужно собирать остатки сил и со всех ног нестись подальше от этого места. Но сердце, тянущееся к приключениям, к азарту, к погоням, хотело узнать, что это.

Из черной дыры вырвалось... даже не знаю, как это назвать. Оно было огромным. Невероятно огромным. Раз в десять больше моего Феньки. У него были крылья, у него была серая чешуя, у него были огромные клыки, у него была цепь на шее.

Оно вырвалось, чтобы прогнать отсюда незваных гостей, а я в ужасе смотрела прямо в разъяренные янтарные глаза. Цепь звенела, и тянулась, тянулась, тянулась...

Фенька зарычал.

Огромное чудовище с трудом передвигало лапами, словно что-то не давало ему прыгнуть, распрямиться во весь рост и заставляло заваливаться набок.

В какой-то момент цепь кончилась. Ошейник впился в шею, опрокинул монстра назад. Но не успели мы с Фенькой прийти в себя, как оно поднялось. А затем из пасти хлынула тьма. Окажись я здесь одна, мне был бы конец.

Но в этот момент передо мной возник Фенька и выпустил ответную порцию льда, защищая нас от черного огня.

Я оправилась от шока и быстро запрыгнула в седло. Ударила дракона по бокам, заставив взмыть вверх. Вслед понеслись обжигающие языки темной стихии, но благодаря резкому маневрированию нас с Фенькой даже не задело.

Мы не полетели к облакам — слишком большой угол, подниматься будем медленно, а струям черного огня ничего не препятствует. Поэтому я направила дракона вдоль крон высоких деревьев.

Через несколько секунд услышала горький, полный отчаяния вой, от которого покачнулись ели и сотряслась земля.

Как-то на эмоциях я сказала Симоне, что ненавижу таких, как Тим Донг.

Я слукавила.

С рождения мне прекрасно удавалось фантазировать без всяких ограничений. Но я никогда не позволяла себе искать кого-то авторитетного и уже тем более подражать ему. Пример отца показал, что это ни к чему хорошему не приводит. Однако, если сейчас представить хоть на секунду, что такое возможно, в моей жизни появился безоговорочный претендент на это место.

Если бы не ожесточенная вражда между нами, Тим Донг был бы моим кумиром. То, как он управлялся со своим драконом, действительно заслуживало восхищения.

Да уж, Марита, ну ты даешь. В день самых важных для тебя гонок летишь на Феньке и задумчиво разглядываешь тень злейшего врага.

Я не люблю, когда что-то потрясает до глубины души. Обычно после такого становлюсь рассеянной, невнимательной... задумчивой. А это плохо сказывается на моих действиях.

Вот и сейчас.

Вместо того чтобы привести в исполнение свой план по уничтожению Донга, я улыбалась, наблюдая, как он обгоняет своих противников. У меня выдалось всего несколько секунд, чтобы позволить себе отвлечься на это прекрасное зрелище.

Тим Донг не изображал из себя короля гонок. Он им являлся.

Они с его драконом представляли собой завораживающую картину. Никто на моей памяти не управлялся со своим животным так, как он. Они были словно единым целым. Не таким целым, каким я считала нас с Фенькой. Эти двое прекрасно понимали друг друга без слов, стоило одному чуть отклониться, второй словно продолжал это движение.

Я вечно ору в полете: «Фенька, вверх!», «Вниз!», «Давай дадим ему жару!»

Донг не отдавал приказов вслух, но при этом его дракон безоговорочно исполнял сложные маневры, разгонялся в два счета, скрывался среди облаков, подрезал противников и всегда знал, когда использовать стихию.

Я мотнула головой, стараясь отгородиться от зависти перед этой непоколебимой уверенностью, которой мне так не хватало, и сосредоточиться на гонке.

Среди участников насчитывалось множество достойных наездников, которые хотели победить ничуть не меньше меня.

Рогатый Дог — огромный, коренастый мужик с таким низким хриплым голосом, что его невозможно было слушать, потому что начинали дрожать колени.

Серый Крыс — тощий, пронырливый, и дракон ему под стать: белый, владеющий воздушной стихией, маленький и ушлый.

Дэн Ли — воздушный кочевник, прилетевший сюда с другого берега моря, его злой взгляд каждому показывал: этот человек намерен бороться до конца.

Факс — ему не подчинялась ни одна стихия, но при этом его рыжеватый дракон умудрялся развивать такую немыслимую скорость, что мог дать фору самому Донгу.

Борзой Сокол — лишился одного глаза во время Недельного залета, что позволило им с Донгом найти общую тему для разговоров за кружкой пива, но сделало заклятыми врагами среди гор. Ведь каждый из них пришел сюда за победой.

И Марита Хорвин — девушка, переодетая парнем и с какого-то перепуга решившая, что достойна компании этих акул гонок и может обогнать самого Тима Донга.

По традиции на втором круге остались сильнейшие.

Я прекрасно понимала, что подобраться вплотную к Донгу не смогу, пока не устраню остальных претендентов на победу.

Мой план был выверен до мельчайших деталей.

Соперники подобрались сильные, но за три месяца полетов я разгадала их слабые стороны и теперь в полной мере пользовалась знаниями, выводя из строя одного за другим, пока не оказалась один на один со своим злейшим врагом.

Мы с Фенькой вымотались до предела, а до конца круга оставалось всего ничего. Донг шел впереди.

— Ну, дружок, сделаем это, — выдавила я на сбивающемся дыхании.

Мне стало страшно. Одна малейшая ошибка, и все мои старания пойдут прахом. Но тяга к победе, к странному желанию оказаться лучшей, обогнать того, кого, казалось бы, невозможно обогнать, была сильнее.

Набрав в легкие побольше воздуха и едва не подавившись, я ударила Феньку по бокам и приказала спускаться вниз.

В ущелье возле самой земли образовывалась дымка. Именно в ней мы и скрылись. Донг нас не видел, но медлить тоже было нельзя.

Подгадав момент, Фенька вынырнул аккурат рядом с настороженным всадником. Донг нас поджидал, и я готовилась к этому. Мне вовсе не требовалось его обгонять, только пролететь совсем рядом, чтобы выпустить ряд «шипучек».

Острые наконечники врезались в его куртку, пробили плотную ткань, впились в кожу и вызвали острую боль. У меня было три «шипучки», все они друг за другом попали в цель.

Донг вцепился в раненую руку. Стиснул зубы, чтобы не взвыть, и на секунду перестал контролировать своего дракона.

Этой секунды оказалось достаточно.

Выровнявшись перед носом темного дракона, Фенька пересек победную черту первым.

Зрители, среди которых были судьи, выбывшие участники и несколько любопытных девушек, на мгновение удивленно замерли, увидев, кто стал первым в этой гонке. А потом радостно заголосили.

Я оглянулась на Донга, ожесточенно пытающегося выдернуть мое маленькое оружие. И нахмурилась.

Я ведь его победила. Только что сделала практически невозможное.

Тогда где этот сладкий вкус победы?

Почему я думаю только о том, что это подло?

Победа над Донгом оказалась сродни чуду.

В кабаке мне просто не давали прохода, поздравляли и по-отечески трепали то по голове (вернее, по косынке), то по плечу. Но я, вместо того чтобы радоваться, тревожно отсчитывала минуты, когда этот ад наконец-то закончится.

Свободных комнат уже не было, укрыться не получилось, поэтому пришлось сидеть в зале с кружкой пива, которое я, как обычно, не пила.

Появиться в кабаке — негласная обязанность любого наездника. Любого, но, видимо, не Донга. Я ожидала, что он как минимум станет прожигать меня испепеляющим взглядом, но мужчина просто скрылся сразу после гонок и больше не объявлялся.

Я заставила его себя ненавидеть. Он из тех, кто не привык проигрывать, и теперь его ненависть будет преследовать меня до тех пор, пока не объявят участников Недельного залета.

Это было неофициальное объявление войны.

Хотелось бы, конечно, позлорадствовать по этому поводу, но мне требовалось вернуться домой.

После того как в замок прискакала испуганная лошадь с вещами герцогини в торбе, слуги поставили на уши все герцогство. Объяснить, что кобыла понесла из-за громкого рева огромного чудовища, я не могла, поэтому пришлось сочинять неубедительную легенду. По поводу смены одежды тоже: решила искупаться, благо взяла с собой запасную... мальчишечью.

В тот день возвращаться пришлось на Феньке. Он опустился в лесу на то место, где забирал меня, когда мы улетали на гонки. На всякий случай я приказала дракону на своих четырех отойти подальше и только потом улетать.

Когда герцогиню увидели возле ворот, стражники тут же позвали Эрту, которая всю ночь

втолковывала мне, насколько опасно поступать так, как поступила я.

И если нотации меня не пугали, то голубь, отправленный герцогу с вестью о том, что произошло с его женой, вызвал искренние опасения. Я сначала даже хотела послать Феньку перехватить птицу, но потом вспомнила, что сообщение до герцога и так не дойдет: он же уже не в столице.

Тем не менее все эти события пошатнули мое душевное равновесие. Вместо того чтобы наслаждаться победой, я тревожно разглядывала карту герцогства.

За этим занятием меня и застала Симона.

— Ты что это делаешь? — нахмурилась она, заметив, как я вывожу пером непонятные круги на бумаге.

— Отмечаю кое-что, — отозвалась туманно.

— Джон, ты в порядке? — с намеком спросила она.

— Угу.

— Ты не выглядишь радостным.

— Мне нужно кое с чем разобраться.

Симона пододвинула стул поближе и обеспокоенно вгляделась в мое лицо. Затем тихо уточнила:

— Марита, что-то случилось? Донг что-то тебе сделал?

— Нет, пока еще нет, — успокаивающе отозвалась я.

— Тогда в чем дело? Да отложи ты это хоть на секунду! — Разозлившись, подруга выхватила из моей руки перо.

Я устало вздохнула:

— Верни, пожалуйста, я еще не закончила.

— А что ты делаешь?

Симона смотрела на меня с искренним волнением. Я сомневалась несколько секунд, стоит ли делиться с ней своими переживаниями, но в конце концов решилась.

Нагнулась поближе и зашептала:

— Несколько дней назад я наткнулась на темного дракона.

— Питомца Донга?

— Нет, кто-то держит незнакомого мне дракона прямо в герцогстве. Я взяла карту в библиотеке и отметила близлежащие деревни. Кто-то из местных жителей держит дракона на цепи.

— На цепи? — непонимающе переспросила девушка.

— Да. — Рассеянно посмотрела на черный кружок, отметивший место нахождения животного. — Было темно, когда я его увидела. Но клянусь, он сидел на цепи. И... еще... не знаю, как объяснить, но мне показалось, что у него нет одной лапы. Он заваливался набок. Конечно, в темноте трудно оценить, но...

— Что это значит?

— Не знаю. — Я покачала головой. — Но если кто-то проводит эксперименты над этим драконом, я должна что-то сделать.

— Что?

— Да не знаю я. Но не оставлять же все как есть! Кто-то издевается над животным, а я не могу сделать вид, что ничего не видела.

Симона поджала губы и обвела зал встревоженным взглядом.

— Донга тут нет, — сказала она.

— Знаю.

— Вдруг он прямо сейчас готовится к мести?

— Мне пока не до него.

— Знаешь, меня пугает, что между разъяренным мужчиной и незнакомым драконом ты выбираешь дракона.

Я моргнула, словно только после этих слов вырвалась из своих переживаний. А потом устало вздохнула:

— Не могу больше здесь сидеть. Мне надо домой.

— Так лети.

— Ты всегда меня поддерживаешь. — Не удержавшись, я положила голову Симоне на плечо и поджала губы, словно собиралась заплакать. — Спасибо.

— Да не за что, — усмехнулась рыжая девушка. — Давай, отрывайся от меня, а то придется платить.

— Эх, — вздохнула я, сложила карту, убрала перо с чернилами и попрощалась с подругой.

Фенька прекрасно чувствовал мое настроение, так что, в отличие от людей, не стал прыгать от радости, лишней раз напоминая о нашей победе.

Я забралась на дракона, и буквально за пятнадцать минут он доставил меня к замку. Конечно, как обычно, приземлился на приемлемом расстоянии от ворот. После чего скрылся в ночном небе.

Я же перебралась через ограду, прокралась по саду и достигла той части замка, где располагались покои герцога и окно, из которого свисала веревка.

Но не успела за нее ухватиться, как услышала громкий крик, возвещающий о том, что Ричард Бёме вернулся домой.

Если бы мама услышала, каким словечком я выругалась в этот момент, она бы меня выпорола.

Взбираться по стене было совсем не легким занятием и уж точно не быстрым. Пока я усиленно подтягивалась и искала взглядом выступы или углубления, куда можно поставить ногу, со стороны парадного входа уже доносились вежливые приветствия.

У меня сердце ухнуло в пятки. Я вдруг остро осознала: мне не успеть. Преодолен только первый этаж, а герцог уже входит в дом. Сколько времени ему понадобится, чтобы отдать указания слугам и отправиться в свои покои? В том, что он первым делом пойдет именно туда, я не сомневалась. Время позднее. К тому же наверняка Ричард вымотан после дороги.

Кряхтя и пыхтя, я выложились до предела своих возможностей, что было очень непросто после ожесточенной гонки, но в открытое окно забралась раньше, чем муж вошел в комнату.

Не успела обрадоваться своей удаче, как услышала приближающиеся шаги и отголоски чужих голосов.

Оглянулась на окно. К подоконнику была привязана веревка. Едва не выругавшись очень плохим словом, прикрыла раму, надеясь, что сквозняк не заставит моего мужа подойти и проверить, почему осталась щелочка. Поправив ляжку сумки, на цыпочках прокралась к дверце смежного коридора и едва успела ее за собой закрыть, как герцог вошел в комнату.

Я судорожно выдохнула, осознав, насколько была близка к разоблачению. Даже не представляю, как смогла бы оправдаться и объяснить такой свой вид. Подумалось вдруг, что скажи я правду, мне бы тоже не поверили.

С облегчением оторвавшись от двери, сделала осторожный шаг по направлению к своим покоям, но неожиданно услышала знакомый голос.

— Милорд, я так рада, что вы вернулись, — проворковала Элина.

Недолго думая вновь припала к двери.

— Элина? Ты что здесь делаешь? — Кажется, муж удивился. С чего бы? Не сам ли позвал?

— Пришла помассировать вам плечи, чтобы снять усталость после долгой дороги.

Долгой, как же. Замучился ехать, бедный.

— Ты здесь больше не работаешь, — хмуро отозвался Ричард Бёме.

— Эрта позволила мне вернуться, — уязвленно сказала Элина.

— Не Эрта хозяйка этого замка. — В голосе герцога промелькнула злость. — Надеюсь, у тебя хватило ума не подходить к моей жене?

Я покачала головой.

Не хватило, дорогой.

— К черту твою жену, — заявила Элина.

После чего послышались скрип кровати и двусмысленное копошение.

Я ошеломленно застыла.

Что?! К черту жену?! Жена находится в соседних покоях! Да что эта девушка вообще о себе возомнила?

— Слезь, мне сейчас не до того. — Это были последние слова, которые я услышала от герцога, потом меня окатило волной ярости.

Медленно ступая по скрипучему полу, вернулась к себе и заметалась по комнате.

Сегодня был знаменательный, удивительный, волшебный день — мне удалось победить Тима Донга. И что же? Вместо того чтобы дать мне хотя бы перед сном осознать сей будоражащий факт, жизнь преподнесла этих двоих.

Я — герцогиня Бёме. И я не позволю им так насмехаться над собой.

Куртку, усы и косынку спрятала в сумку, запихнула ее под кровать. Переодеваться не было времени, так что я просто накинула на себя халат и плотно его завязала. В будуаре нашла салфетку и стерла черноту с нижних век.

После чего схватила канделябр с тремя потухшими свечами и величественно отправилась уличать супруга в измене.

Открыла дверь и спокойно зашла в его покои.

— Доброй ночи, ваша светлость, — поприветствовала вежливо.

Мои самые худшие ожидания не оправдались. Элина сидела верхом на герцоге и смеялась, но оба были одеты. Услышав мой голос, Ричард резко сел, одним ловким движением скинул с себя любовницу.

— Герцогиня?

Он что, удивился? Ну да, тут рядом моя комната. Потрясающая новость, не правда ли, ваша светлость?!

— Не волнуйтесь, я не собираюсь обременять вас лишними разговорами. Всего лишь зашла спросить, как прошла поездка в столицу. И заодно подержать вам свечку. Вернее, свечки.

— Время позднее, почему вы не спите? — проявил невероятную выдержку герцог.

— О, всего лишь чужие стоны нарушили мой сон.

Я с вызовом переводила взгляд с мужа на его любовницу и обратно. Высоко подняв бровь, спросила:

— Мне уже можно зажечь хотя бы одну свечу? Или эта неловкая пауза продлится до самого утра?

— Элина, оставь нас с герцогиней наедине, — холодно сказал герцог, не сводя с меня колючего взгляда.

Девушка вскочила на ноги и поспешно вышла из комнаты, предварительно зло на меня посмотрев.

Как только дверь за ней закрылась, я не без иронии сказала:

— А вы по-прежнему меняете свои решения в самый последний момент, ваша светлость.

— Вы хотите меня в чем-то обвинить? — Он продолжал сидеть на кровати и изображать из себя святую невинность.

Я пожала плечами.

— Кто я такая, чтобы обвинять вас в чем-то, не правда ли? Раз вы решили не брать эту девушку прямо сейчас, то в свечах уже отпала необходимость, — сказала ему.

После чего подошла к окну, распахнула его, поставила канделябр на подоконник, а сама судорожным движением отцепила веревку и скинула все на землю, чтобы удар от падения канделябра заглушил шум от падения веревки.

— Вы выкинули свечу? — удивленно спросил герцог за моим плечом.

Я вздрогнула и обернулась.

— Да.

— Зачем? Я бы тоже хотел ею воспользоваться.

Это что... какой-то намек?

— Простите, ваша светлость, вы меня в чем-то обвиняете? — решила воспользоваться его же тактикой.

— Пожалуй, да, — задумчиво кивнул он. — В предъявлении необоснованных обвинений.

Мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не открыть рот от удивления.

— Необоснованных? Вы только что развлекались со своей служанкой. И это при живой жене!

В комнате горели всего две свечи по обе стороны от изголовья кровати. Все, что позволяло мне рассмотреть лицо герцога — это тусклый лунный свет.

Глаза Ричарда потемнели, на этот раз причиной тому была ярость.

— Как лицемерно с вашей стороны, герцогиня Бёме, обвинять меня в постыдной связи, не гнушаясь при этом врать мне в лицо.

— Что? — опешила я.

Герцог сделал шаг вперед, и его зловещая фигура нависла надо мной. Я уперлась попой в подоконник, а спиной отклонилась назад, поплотнее запахивая края халата, чтобы не было видно мужской одежды под ним.

Это движение не укрылось от моего мужа.

— Я вас не трону, — сказал он.

«И зря», — подумала я.

Вслух сказала:

— Не понимаю, о какой лжи идет речь.

— Я знаю о вашем любовнике.

Удивленно моргнула. Когда до меня дошел смысл его слов, ошарашенно уставилась на лицо мужчины и по его грозному выражению поняла: он нисколько не сомневается в своем обвинении.

— У меня нет любовника, ваша светлость, — попыталась опровергнуть клевету.

Ричард Бёме сделал шаг назад, посмотрел на меня с брезгливостью. Отвернулся и принялся расстегивать пуговицы на фраке.

— Не представляю, с чего вдруг вы могли подумать обо мне в таком клю...

— Не надо оправданий, — грубо оборвал он меня.

Скинул фрак прямо на пол. Я продолжала стоять у окна и боялась пошевелиться.

— Элина рассказала вам о синяках? Клянусь богом, они не имеют отношения к какому-то любовнику. Я упала с кровати.

— Элина не говорила мне о ваших синяках, — холодно отозвался герцог.

Он принялся расстегивать рубашку.

— Тогда с чего вы решили, что у меня есть любовник?

— Я не решил. Я его видел.

Рубашка также полетела на пол рядом с кроватью. Герцог был по пояс обнажен.

— Что за вздор! — возмутилась я. — Не знаю, кого вы там видели, но я уверена, что не знакома с этим человеком! К вашему сведению, я все время нахожусь на территории замка, мне даже друзей завести невозможно, не то что...

— А как же суббота? — насмешливо перебил герцог.

Он повернулся ко мне. Увидев его обнаженный торс, я смущенно опустила глаза.

— Румянец стыда выдает вас, герцогиня, — сказал Ричард и подошел к шкафу. Вытащил оттуда ночную камизу.

— Это не стыд, ваша светлость.

— Значит, в вас намного больше черствости, чем я полагал ранее.

Я зло стиснула зубы. Сделала глубокий вдох, призывая себя к спокойствию. Но эти беспочвенные обвинения в мой адрес вновь всколыхнули затаившуюся ярость.

— Да как вы смеете! — холодно процедила я. Оторвалась от подоконника, схватила с пола его фрак, подошла к герцогу и сердито бросила вещь на кровать. — Ваша наглость не знает границ! Вы держите в замке любовницу, которая считает, что можно в красках описывать ваши с ней пошлые развлечения, и при этом смеете что-то говорить обо мне? Я хорошая жена, ваша светлость, и я бы никогда не позволила себе пасть так низко, как это сделали вы!

Герцог смотрел на меня так внимательно, что, кажется, за время моей пылкой речи ни разу не моргнул. Под глазами у него темнели тени, лицо осунулось. Он немного горбился, что выдавало усталость.

— Я воспитан как джентльмен, моя дорогая герцогиня, — таким же ледяным голосом отозвался Ричард. — Отрицать свою связь со служанкой не собираюсь, но могу вас заверить, это было до нашей свадьбы. Я человек чести, Марита, и, будучи женатым мужчиной, не позволяю себе вольностей.

Комната освещалась всего двумя свечами, отбрасывающими на стены и на нас злое тень. Герцог стоял лицом ко мне, и на нем эти тени плясали с особым изяществом, словно тянулись именно к тому, кто владеет тьмой.

Однако, даже несмотря на полумрак, я заметила два шрама у него на животе. И, кажется, какие-то рубцы на левой руке. Но разглядывать мужа так откровенно было бы высшей глупостью с моей стороны.

— Честь в наше время — слишком ненадежная монета, мой дорогой герцог, — подражая ему, сказала я.

— Хотите сказать, ваша школа иностранных языков — не предлог, чтобы выбраться в город и встретиться с любовником?

— Хотите сказать, вы все две недели провели в столице? — парировала я.

Герцог удивленно приподнял брови.

— Не отвечайте, — покачала головой. — Я видела вас в Буклоне. Вы человек чести? Тогда как вы объясните собственную ложь?

Мужчина стиснул зубы.

— Я не обязан оправдываться перед вами.

— Ваши слова позорны для того, кто считает себя джентльменом. И если вы любите посещать дом удовольствий, то не смейте бросаться низкими обвинениями в неверности в мой адрес.

— Это вздор, — поморщился муж. — А вот откуда вам известно, как выглядит дом удовольствий, мне бы очень хотелось это знать.

— Я знаю не только это, ваша светлость. О ваших незаконных сделках я тоже прекрасно осведомлена.

— Простите? — нахмурился герцог.

От меня не укрылось, как яростно он сжал ночную камизу, которую держал в правой руке.

— Я видела в проулке вас и еще одного мужчину.

— Вы за мной следили?

— Проходила мимо, — не смутилась я.

— Вот как, — задумчиво изрек герцог.

После чего кинул камизу на кровать, засунул правую руку в карман штанов, порылся там, что-то нащупал и извлек бумажку из плотного картона. Стоя вполоборота, протянул мне. Я осторожно ее приняла.

— Петушинные бои? — удивилась, прочитав надпись на билете.

— Мероприятие не для слабонервных, — насмешливо сказал муж, понаблюдав за моим виноватым лицом.

— И не для джентльменов, — нашлась я.

— Именно так. Вы ведь сохраните мою тайну?

Я недоуменно посмотрела на герцога и поджала губы. Он насмеялся надо мной. У него даже тьма сошла с лица, и кожа приобрела более-менее естественный оттенок.

— Сохраню, — хмуро отозвалась я и протянула ему билет.

После того как волна злости схлынула, я остро осознала, как близко стою к мужчине. А он так и не удосужился одеться.

— Вызвать слугу, чтобы он помог вам сменить одежду? — неловко спросила, вновь уставившись на пол.

— Как видите, я и сам прекрасно справляюсь.

И он начал расстегивать ремень штанов.

Заметив это, я быстро посмотрела на потолок и почувствовала, как начинаю краснеть.

— Что-то еще хотите мне сказать, герцогиня?

— Не желаете ромашкового чая, ваша светлость? — не сводя взгляда с красивого рисунка, спросила я.

— Зачем? — не понял он.

— Он помогает расслабиться... и... снимает нервное... напряжение, — выдавила заикаясь.

— Вы смущаетесь? — удивился герцог.

Я поджала губы и покрутила головой.

— На потолке есть что-то, чего я не знаю? — спросил Ричард.

Я вновь покрутила головой.

— Раз так, вы можете отправляться в свои покои.

— В свои покои? — переспросила я и быстро опустила глаза, так, чтобы фигура герцога не попала в поле зрения. — Разве мне... не нужно тоже раздеться?

— Можете спать в одежде, как вам будет угодно. Спокойной ночи, герцогиня.

— Но...

— Спокойной ночи.

Я поспешно кивнула, развернулась и быстро направилась к двери.

— Марита, — окликнул меня герцог. Я обернулась. — Ключ.

— Что?

— Верните мне ключ от смежного коридора. Он должен быть у меня.

— А, — догадалась я. Так как Ричард уже успел надеть ночную камизу, я подошла к нему более уверенной походкой и протянула маленький ключик, смущенно сказав: — Он, видимо, у вас выпал. Я нашла его на полу.

— Я так и понял. Непонятно только другое: что вы делали в моих покоях? — изогнув бровь, иронично спросил супруг.

— Спокойной ночи, ваша светлость, — хмуро сказала я и вышла из комнаты.

На следующее утро я встала намного раньше мужа и к тому моменту, как он спустился к завтраку, уже сидела за столом.

На меня посмотрели с легким удивлением, после чего сделали вид, что я не более чем простой элемент декора.

Герцог уверенным шагом дошел до стола, сел и, даже не проявив элементарной вежливости и не поинтересовавшись, как мне спалось, углубился в чтение утренней газеты.

Я наблюдала за ним минуты две, пока он не решил рассеянным движением взять чашечку чая. Отпив немного, муж поморщился.

— Что это? — спросил у маячившей рядом служанки. Посмотрел ей на грудь и добавил: — Анна.

Девушка смутилась, робко глянула на меня и, видимо, вспомнила, что таблички — именно моя идея.

— Это ромашковый чай, — тихо сказала она.

Герцог перевел на меня озадаченный взгляд.

— Успокаивает, не правда ли? — мило улыбнулась я.

Отложив газету, Ричард Бёме выпрямился, взял вилку для салата и нож и принялся поглощать еду.

- Как вам спалось, герцогиня? — вспомнил он о важности светской беседы.
- Прекрасно. Благодарю за беспокойство, ваша светлость.
- Ромашковый чай как нельзя кстати.
- Стараюсь угодить своему мужу.
- В таком случае должен вам сообщить, что я не люблю ромашковый чай.
- Он полезен для нервной системы, — твердо сказала я, намекая, что все его жалкие попытки меня смутить сегодня не подействуют.

Ричард решил пойти по другому, более извилистому пути.

- Из столицы я привез вам подарки, дорогая жена.
- Как это мило с вашей стороны, дорогой муж.
- Это украшения и ткани. Вы в любой момент сможете вызвать модистку, и она сошьет вам платье, какое захотите.
- Вы очень любезны, ваша светлость.
- Это не любезность. Я хочу, чтобы наряды моей жены соответствовали ее статусу.

Чашка в моей руке дрогнула и ударилась о блюдо.

- Что вы имеете в виду? — холодно спросила я.
- В данный момент вы выглядите бедно.
- Вас это смущает?
- Меня это не устраивает. Если хотите быть женой герцога, будьте добры выглядеть соответствующе.

Я гордо приподняла подбородок и надменно ответила:

- Как скажете, ваша светлость. Надеюсь, вы не забыли выделить мне средства для вечерней школы? Завтра я должна быть в Буклоне.

Он хотел меня уязвить, и у него это получилось.

Но он же не думал, что я оставлю последнее слово за ним?

Ричард поджал губы.

- Об этом трудно забыть.
- Вот и славно. Приятного аппетита, ваша светлость.

Я встала из-за стола и направилась в гостиную. Злобно одернула подол платья, когда поняла, что герцог даже не поднялся, показав тем самым, что не собирается соблюдать нормы приличия в моем присутствии.

Он действительно привез украшения и ткани. Первые я рассмотрела с искренним интересом, вторые брезгливо отложила.

Когда пришло время отправляться в Буклон, взяла с собой красивое ожерелье из топаза и несколько золотых подвесок. Их я подарила соседкам по комнате Симоны, а вот дорогие камни вручила подруге.

Мне нравилось проводить время с этими девушками. Несмотря на то что все они являлись болтушками и обсуждали в основном мужчин, с ними мне было интереснее, чем с собственным мужем.

Следующие несколько дней ничего не происходило.

Я надеялась, что с приездом герцога в замке станет не так уныло. Но все вокруг усиленно делали вид, что герцогини не существует, поэтому для меня мало что изменилось.

Правда, по распоряжению герцога лошадь для одиночной прогулки мне больше не выдавали. Я могла бы покататься и со слугой, но тогда видами герцогства придется наслаждаться без Феньки. А без него для меня все не так. К тому же без его помощи мне не подобраться к неизвестному темному дракону, закованному в цепи.

Я с нетерпением ожидала гонок, чтобы вырваться отсюда и полетать наконец на своем драконе. Мне уже не хотелось победы, только свободы, хоть на пять минут. К тому же требовалось заплатить за загон и за еду, чтобы моего питомца не оставили голодным.

Можно было бы улизнуть в любую ночь, но в последнее время герцог ходил мрачнее тучи и как-то очень невежливо огрызался в ответ на любые попытки с ним заговорить. Поэтому рисковать и лишний раз сбежать из замка я банально боялась.

Это утро тоже началось совершенно обыденно.

Мне выделили постоянную камеристку, которая помогала собираться по утрам. Синяк на животе полностью окрасился в желтый и уже не болел. Платья я по-прежнему носила исключительно те, что были у меня, когда я являлась леди Маритой Хорвин, дочерью разорившего графа. Назло герцогу.

Спустилась к завтраку. За столом уже сидел муж и привычно читал утреннюю газету.

— Приятного аппетита, ваша светлость, — вежливо поздоровалась, уже не обижаясь на то, что он не встает в моем присутствии.

— Добрый день, герцогиня, — скупое отозвался Ричард, не отрываясь от чтения.

Я присела и взглянула на суп, который почему-то подали утром.

Поводив ложкой по бульону, украдкой посмотрела на герцога, но тот не проявлял признаков жизни. Его лицо было скрыто широкими листами газеты.

— Вы верите в драконов, ваша светлость? — начала я совсем не светскую беседу.

На самом деле от своего мужа я не ждала ничего, кроме: «Марита, не забивайте себе голову этой чепухой». Но газета неожиданно опустилась, явив мне настороженный взгляд герцога.

— Простите? — не понял он.

— Говорят, драконов давным-давно истребили. Вы в это верите?

— Само собой, — кивнул он и вернулся к чтению, закрывшись черно-белым листом бумаги.

— Мне кажется, я видела дракона, — сообщила ему.

Газета опустилась, и на меня посмотрели совсем недоверчиво, словно бы раздумывая: это шутка или нет?

— Возможно, это была птица, — сухо сказал Ричард.

— Возможно, — пожала я плечами. И, заметив, как муж норовит вновь укрыться за газетной страницей, поспешно сказала: — Но крылья у этой птицы были очень большие. И летела она слишком высоко.

— Полагаете, это был дракон?

— Не исключаю такой возможности.

— Откуда вам знать, на какой высоте летают драконы?

Я сглотнула неожиданно выступившую слюну и беспечно махнула рукой:

— Вы правы, этого я знать не могу. Но если бы в вашем герцогстве водился дракон, вы бы об этом знали, верно?

— Марита, мне жаль вас разочаровывать, но драконов не существует, — хмуро буркнул герцог и все-таки отгородился от меня пресловутой газетой.

Я уныло поковырялась ложкой в супе и, поняв, что есть совсем не хочу, собиралась уже встать из-за стола и пойти заниматься своими делами.

Но неожиданно в столовую ворвался растрепанный слуга, подбежал к герцогу и выдавил, запыхавшись:

— Ваша светлость, урки напали на Пирхолд.

Ричард Бёме так резко опустил газету на стол, что даже не заметил, как она накрыла его тарелку.

— Предупредите Эрту, пусть проследит, чтобы все укрылись в северной башне. И моя жена в том числе!

Он вскочил на ноги, на ходу рявкнул:

— Запрячь копя, подать меч!

И скрылся за белыми дверями столовой, оставив меня в замешательстве переваривать информацию.

Долго сидеть за столом мне не дали.

Буквально через несколько минут в комнату ворвалась Эрта и едва ли не силком потащила меня в сторону северной башни. Помимо нас туда бежали несколько молодых служанок с

детьми разного возраста: начиная от малюток в кульках, кончая мальчиками и девочками лет десяти.

— Его светлость поехал воевать с урками? — спросила я у главной служанки.

— Не время для вопросов, — отмахнулась та, на ходу раздавая указания, что брать с собой, и призывая сохранять спокойствие.

— Скажите, этих урков обычно много? — настойчиво продолжала спрашивать я. — Они нападают стаями? Пытаются задавить числом?

— Да, Марита, много! — разозлилась Эрта. — Они чуть не превратили этот замок в руины! Как ты думаешь, мало их?!

Ко мне обратились по имени и на «ты». Похоже, я изрядно надоела.

— Как Ричард будет отражать атаку, имея при себе всего десяток стражников? — Рискую заполучить врага до конца своей жизни, я все же задала новый вопрос.

Эрта яростно замахала на меня рукой и принялась помогать женщине по имени Клара поднимать по лестнице двух маленьких ребят.

Воспользовавшись тем, что мою руку отпустили, я дернулась в сторону и побежала в обратном направлении, на возмущенный вопль Эрты крикнула только:

— Я кое-что забыла в своей комнате!

Если она и хотела бежать за мной, то сделать этого не смогла: людей на узкой лестнице было много, а Эрта слишком полная и неповоротливая.

Я действительно бежала в свою комнату. Я действительно в ней кое-что забыла.

Мужскую рубашку, мужские штаны и сапоги. Переодеться без помощи камеристки оказалось довольно сложно. Если бы я так не торопилась, то, возможно, смогла бы сделать это без потерь, как в тот день, когда тренировалась с Фенькой. Но сейчас была совсем другая ситуация, и она требовала немедленного реагирования.

Вытащив небольшой ножик из кармана сумки, я разрежала шнуровку на корсете, и после этого процесс пошел намного быстрее.

Заплетать косичку не осталось времени, пришлось собрать волосы в хвост, чтобы не мешали.

После этого я понеслась к конюшне. Роберта там не обнаружилось. И вообще нигде не обнаружилось. Отыскав свою кобылку, принялась ее седлать.

У меня не было оружия, и я не имела ни малейшего понятия, где находится деревня, на которую напали. Но при этом совершенно точно знала одно: у меня есть магия льда, которая может спасти невинные жизни.

К тому же, наблюдая на гонках за Дэном Ли, я успела изучить повадки и методы, к которым любят прибегать воздушные кочевники.

Ехать по следам ускакавшего герцога и его верных стражников оказалось несложно: их лошади

неслись так, что следы от подков глубоко впечатались в землю.

В какой-то момент в следах отпала необходимость. Неподалеку раздавались чужие крики и лязг метала. А над лесом поднимались огромные столбы черного дыма.

Я ударила лошадь по бокам, пустила ее галопом и уже через несколько минут вырвалась из леса прямо в сердце битвы. Первое, на что обратила внимание: воздушные кочевники превратили дома ни в чем не повинных людей в пепелище.

Выпрыгнув из седла, присела, уклонившись от пущенной в меня стрелы. С неба.

Воздушная стихия имеет свое преимущество перед всеми остальными. Она позволяет ее обладателям летать.

Вот когда я действительно пожалела, что рядом нет Феньки. Эх, была бы у меня возможность подняться в небо, мокрого места от них не осталось бы...

— Марита, пригнись!!! — заорал Ричард справа от меня.

В такие моменты мне не нужно повторять дважды. Я моментально припала к земле и услышала свист клинка над своей головой. Отвернулась, чтобы не видеть упавшего в двух шагах тела.

— Ты что здесь делаешь?! — схватив меня за руку и в одно мгновение поставив на ноги, заорал герцог.

— Я могу помочь!

— Ты должна сидеть в безопасном месте! — Его едва не раздирало от ярости. Лицо стало настолько темным, что показалось, будто мужчина преобразается в дьявола.

— Я могу помочь!

Прекрасно понимая, что это нужно доказывать не словами, с размаху ударила ногой по земле, и из ее недр вырвалась острая ледяная пика, устремившаяся вверх и подбившая одного из кочевников.

Хотела создать еще одну, но в это мгновение меня отвлек женский крик.

Он раздался из горящего дома.

Мы с Ричардом кинулись туда одновременно и вместе остановились у входа прямо перед обвалившейся балкой.

— Я создам ледяной коридор, — сказала ему.

Муж стиснул зубы, но, оценив положение, хмуро кивнул.

Выставив руки перед собой, позволила стихии сорваться с кончиков пальцев и с удовлетворением увидела, как в маленьком домике возникают прочные ледяные стены, мешающие огню.

Как только главная опасность была устранена, я бросилась внутрь.

— Марита, стой! — крикнул Ричард.

— Прикрой нас!

В доме находились женщина и ее маленькая дочь. У обеих лица измазаны копотью, в глазах паника. Поднимать хныкающую маму нам с девочкой пришлось вместе. Я еще по своей Софи замечала, что дети на стресс порой реагируют адекватнее взрослых.

Как только мне удалось вывести женщину и ребенка из горящего дома, Ричард, ожидавший снаружи, схватил меня за плечи и встряхнул:

— Ты что творишь?!

— Они бы сами не выбрались!

— Нельзя так рисковать своей жизнью!

— Я могу помочь! Позволь мне помочь!

Надо, наверное, отдать ему должное. Он не стал орать на меня в то время, когда кочевники пускали горящие стрелы и в дома, и в людей.

— Упрямая девчонка! Делать будешь то, что я скажу! — грозно крикнул муж.

Я уверенно кивнула.

— Дальше есть река, сможешь перевести по ней людей?

Еще один кивок.

— У меня и так мало людей, я не могу послать с тобой воина.

— Сама отобьюсь, если что, — жестко ответила я, выдернула руки из его цепких пальцев и побежала в обратную сторону, останавливаясь рядом с каждым встречным и призывая идти за мной.

Кочевников было много. Воздушная стихия обеспечивала им беспрепятственный полет и возможность обстреливать местных жителей с неба.

Я провела людей до реки, присела возле берега и создала ледяной мост, на который начала заводить одного человека за другим.

В груди что-то надрывалось каждый раз, когда я видела полный надежды взгляд, обращенный ко мне. У этих людей были обожжены руки, ноги, лица. Дети плакали не переставая. Я стиснула зубы и приказала себе сохранять холодную голову. Когда во время гонки что-то не удавалось, самой главной ошибкой была паника.

Здесь так же.

Как только большинство жителей оказались на другой стороне реки, отвела их подальше в лес и создала крепкие ледяные стены. А затем начала раздавать кубики льда и попросила приложить их к ожогам. Единственное, чего я не могла сделать, — это успокоить. Я не умела успокаивать.

Молодых мужчин здесь не было, только женщины, дети и старики. И каждый из них подходил ко мне и спрашивал: за что с ними так и где сейчас их сын, внук, муж, отец?

У меня не было ответов. В какой-то момент поняла, что этого мне больше не выдержать, и выбежала из ледяного укрытия.

Мне просто нужно было глотнуть свежего воздуха. Устало прислонившись к шершавому стволу дерева, вдруг заметила двух кочевников, подбирающихся к нашим стенам.

Если я и боялась, то в тот момент не почувствовала этого. Голова была ясная, мозг прекрасно знал, что нужно делать и как реагировать.

Как только двое мужчин в красно-белых одеяниях вскинули руки, я присела и с невероятной злостью ударила ладонями по земле. Лед вырвался из земли рядом с кочевниками, ударил в мужские тела и пригвоздил к дереву. Сжав кулаки, я заставила стихию расползтись по телам врагов, чтобы во льду оказалось все, кроме их голов.

Тут следовало бы добавить какой-нибудь дерзкий комментарий вроде: «А теперь подумайте над своим поведением», — но я только покачала головой и прислушалась к звукам, доносившимся с другого берега небольшой реки.

Лязга металла я не слышала.

Вернувшись в укрытие, попросила самую крепкую и более-менее соображающую женщину посторожить вход и, если что, немедленно голосить изо всех сил.

Бегом добралась до места битвы и замерла, как только увидела, во что урки превратили деревню. Врагов уже не было видно, только огонь, который они оставили после себя. Ричард стоял в окружении нескольких воинов с мечами — видимо, подкрепление.

Приблизившись к своему мужу, не удержалась от жалостливой гримасы.

Его фрак изорвался в клочья и валялся на земле. Мужчина остался в белой рубашке, на которой тоже виднелись дыры, а на коже — ожоги и раны.

— Марита? — заметил он меня. Повернулся, болезненно поморщился.

— Люди там. — Я указала рукой на лес.

— Все хорошо?

Судорожно кивнула.

— Тебя не ранили?

— Нет, а тебя?

— Как видишь.

Я отвела взгляд и с удивлением обнаружила, что все собравшиеся воины — стражники замка и просто деревенские мужики — очень странно на меня смотрят.

Ах да...

На мне же мужская одежда.

— Сказать людям, чтобы возвращались, ваша светлость? — сделав вид, что ничего не замечаю, спросила с уверенностью в голосе.

— Да, — кивнул Ричард и повернулся к одному из воинов в доспехах, а потом отдал указания: — Высылайте сюда северный гарнизон и закажите несколько кубов дубовых досок.

— Вы хотите, чтобы солдаты занимались постройкой деревни? — поморщился собеседник моего мужа.

Зря он это сделал, на самом деле.

— Мои слова вызывают у вас презрение, сэр Кэлинг? — процедил герцог.

— Простите, ваша светлость. Конечно нет. Все исполню.

Ричард Бёме кивнул и повернулся к другому воину.

Муж стоял ко мне боком, и я прекрасно видела его истерзанную рубашку. Большие дыры обнажили кожу на левой руке.

Сначала показалось, что зрение меня подводит.

Моргнув несколько раз, я пригляделась повнимательнее и почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Эти раны я узнала бы из сотни других, даже если бы мне сейчас завязали глаза и приказали опознать их на ощупь. Эти маленькие точки... маленькие, потому что длина лезвий, которыми их нанесли, всего сантиметр. Я сама их выбирала. Я сама кидала эти «шипучки» в Донга. Я видела, как они врезались в его руку именно в такой последовательности, вверх от запястья к плечу, одна за другой.

— Марита, что с тобой? — услышала голос своего мужа.

И вдруг почувствовала, что ноги меня не держат.

Колени подкосились, и я рухнула на землю в полубморочном состоянии.

О господи. Ричард Бёме — это Тим Донг.

— Сэр Кэлинг, доставьте мою жену в замок и позовите лекаря! — рявкнул герцог, опускаясь на колени рядом со мной.

— Все нормально, нормально! — выдавила я, заставив себя сесть. — Я в порядке... ваша светлость.

— Уверены? Вы побледнели.

— Надо... надо вернуться за людьми, — заикаясь, пробормотала я, не сводя взгляда с ладони, которой он меня поддерживал.

Обветренная.

— Сэр Кэлинг! — позвал Ричард.

— Нет, нет, я схожу с вами, — сказала поспешно.

Заставив себя собрать всю свою волю в кулак, поднялась на ноги и первой направилась к лесу. Дышать было тяжело. И вовсе не из-за пережитого сражения.

В голове билась одна-единственная мысль — обветренные руки.

— Вы выбрали необычный наряд, чтобы появиться перед моими людьми, — насмешливо сказал Ричард Бёме, вырывая меня из омута паники.

Я его шуточного настроения не разделяла. Не выдержав, резко повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Вы знаете, почему они нападают на герцогство? — спросила в упор. — Только, пожалуйста, не смейте мне врать! Я ваша жена. Не лгите мне.

— Да, знаю, — серьезно ответил он.

Я плохо представляла, что собой представляет герцог Бёме.

Но я прекрасно знала, кто такой Тим Донг.

— Не волнуйтесь, я не стану спрашивать, какова причина, — сказала, заметив, как настороженно он разглядывает меня. — Но если есть хотя бы маленькая вероятность того, что это заслуженно, то месть только ухудшит ситуацию. Ваша светлость.

— Какая месть, Марита? Воздушные кочевники живут за морем, чтобы пересечь его, мне понадобятся корабли и армия. Не могу же я оставить свое герцогство незащищенным!

Я грустно улыбнулась.

Да, вы не можете, ваша светлость.

Если у меня еще и оставались сомнения по поводу своей догадки, то все они развеялись, когда герцог Бёме исчез на два дня. В это же время Тим Донг не явился на гонки. Его дракон пропал из стойла.

Задумчиво разглядывая место, которое мой муж арендовал для своего питомца, я поймала себя на мысли, что в чем-то понимаю его поступок.

Урки напали на невинных людей. Они пытались истребить деревню, лишили семьи крова. Они не гнушались стрелять в женщин и детей. Герцог нес ответственность за своих людей и не мог позволить варварам нападать снова и снова.

Но Ричард Бёме не мог отомстить, потому что этому препятствовало множество политических факторов.

Зато это мог сделать Тим Донг.

Его дракон способен пересечь море, а наезднику под силу в одиночку нанести такой же урон, какой он получил от своих врагов.

Мне же оставалось только ждать и надеяться, что мой муж вернется домой живым.

Брак моих родителей был заключен по расчету, и они этого не скрывали. Матушка всегда говорила, что именно такие отношения — самые крепкие. Она, кажется, больше всех радовалась, когда был подписан договор с семьей Бёме. Наверное, я буду чувствовать нечто похожее, когда моя дочь найдет себе достойную партию (если у меня, конечно, когда-нибудь будет дочь).

Во-первых, леди Мариту Хорвин уже можно было не выводить в свет. Не требовалось переживать, смогу ли я проявить себя так, чтобы мной заинтересовался хотя бы один мужчина из приличной семьи и не испугался того, что за мной нет приданого.

Во-вторых, мое замужество позволило сестрам со спокойной душой принять эстафету под названием «найди себе жениха».

Мама отца никогда не любила и, возможно, не испытывала к нему не то что симпатии, даже уважения. Когда он покончил с собой, она сказала только: «Жаль, на могильной плите нельзя написать: „Тут похоронен старый трусливый пень“». Всю свою любовь, которую мама так и не смогла излить в браке, она старалась вложить в нас.

То, что Элен Бёме попыталась расторгнуть договор ее покойного мужа, расстроило матушку даже больше, чем смерть собственного супруга.

Поступок моего отца плохо отразился на нашей семье. Считается, что если в роду есть самоубийца, то во всех его родственниках течет дурная кровь.

Вскоре, правда, недопонимание с Элен Бёме было улажено. Герцогиня согласилась, что память о покойном муже и уважение его желаний превыше общественного мнения.

Все это время матушка убеждала меня, что с браком по расчету мне очень повезло, потому что чувства все портят. Она сказала, что когда ты ничего к человеку не испытываешь, то и боли от его поступков нет.

Стоя в покоях герцога, я обводила внимательным взглядом каждый сантиметр огромной, пышно обставленной комнаты и думала, что моя мама ошиблась.

Чувства должны быть.

Многие считают, что выгодность браков по расчету в том, что двое становятся друзьями, партнерами. Это помогает им вместе принимать решения, не ссориться. Они поддерживают своего супруга в трудных ситуациях и при этом не наседают друг на друга, просто потому что не любят той любовью, о которой так много пишут в книгах. Им все равно, даже личная жизнь друг друга неинтересна.

Но дружба — это тоже чувство.

Ненависть — чувство.

Намного хуже, когда между супругами нет ни дружбы, ни ненависти, остается только безразличие. Когда ты ходишь по замку, словно тень, и твоему мужу совершенно не важно, где ты, с кем ты. Тебя для него просто нет. Ты можешь выпрыгнуть из окна — он отвлечется от чтения газеты, только чтобы посмотреть на лужу крови.

Я все время боялась, что мое замужество будет похоже на брак моих родителей. Но мой брак получился еще хуже.

Мне хотелось стать хорошей, заботливой, внимательной женой, но сделать что-либо для герцога Бёме я оказалась не в силах. Он видел во мне не женщину, а навязанную сделку, помеху, лишний предмет декора. Ричард не хотел со мной разговаривать, и еще больше нас отдаляла друг от друга тема любовников и любовниц. Мы воспитывались в интеллигентных семьях и, хотя знали о том, что супруги могут договориться между собой о различных ситуациях в семейной жизни, наверное, не были к этому готовы.

Я совершенно не понимала Ричарда Бёме. Он был как закрытая книга, мрачный, неприступный. Даже не сообщил мне, что тоже маг. За завтраком мужчина делал вид, что моей персоны не существует, о брачной ночи не вспоминал и словно назло не спешил выгнать Элину из замка.

Но теперь, когда я знала, что он — Тим Донг, мне казалось, что завеса, скрывающая его личность, начала приоткрываться.

Так странно было смотреть на его спальню и видеть в ней герцога Бёме. Кровать и расписные колонны, которые ее подпирали, были из дорогого дерева. Ричард не поскупился на шелковую ткань для декоративных штор. Пол выложили черно-белой плиткой, на которой красовался ковер из дорогой оленьей шкуры. К ножкам кровати тянулись настоящие рога.

Ни намека на то, что здесь может спать Тим Донг.

Если заглянуть в мои покои и присмотреться повнимательнее, то заметить присутствие Джона Рута не составит труда. Иногда между гонками проходило больше трех дней, тогда я боялась хранить все компрометирующие вещи в одной сумке, поэтому прятала их по углам.

Но сколько бы я ни оглядывала покои своего мужа, с каждой секундой все больше казалось, что Тима Донга не существует, а то, что он и герцог — одно лицо, лишь плод моего больного воображения.

Однако в тот момент, когда Ричард Бёме не спустился к завтраку, а затем слуга, которого я послала проверить, как дела у мужа, сообщил, что его нигде нет, мною был поставлен последний штрих на невидимой картинке.

Я его понимала.

Это для меня мой статус казался чем-то непривычным, а для него он означал ответственность за свое герцогство и за людей, которые здесь живут.

Да...

В браке между супругами должны быть чувства, хоть какие-то.

Я почти не знала Ричарда Бёме. Единственное, что я к нему испытывала, это желание заехать ложкой по лбу, чтобы он хоть после этого соизволил на меня посмотреть.

Но Тим Донг вызывал во мне как минимум уважение. И это давало надежду, что между нами есть хоть что-то общее.

Он, возможно, тоже не знает, кто он. Днем — герцог, холодный и отстраненный, внимательно следящий за делами на своей земле. Ночью — неизвестный наездник, который может сделать все что угодно, и никто ему не закон, ведь он сам себе закон.

Если он стремится к тому же ощущению безграничной свободы, которого можно достичь среди бескрайнего неба, тогда, возможно, у нас есть будущее.

Я не хотела быть хорошей женой для Ричарда Бёме.

Но для Тима Донга — могла попробовать.

Шел первый день с того момента, как мой муж не вернулся домой.

Что удивительно, слуги особо не суетились и тревогу не били.

— Такое уже бывало? — спросила я за завтраком, когда Эрта расставляла фрукты на столе. — Герцог уже пропал, никого перед этим не предупредив?

Женщина посмотрела на меня с едва заметной жалостью:

— Да, миледи.

— И как долго он обычно отсутствует?

— Каждый раз по-разному, — пожала плечами Эрта и, видимо, чтобы не отвечать на новые вопросы, поспешила скрыться на кухне.

Этим же утром я приказала вызвать модистку.

Ричард Бёме потребовал, чтобы его жена соответствовала своему статусу. Марите Бёме было под силу стать идеальной герцогиней.

Вечером я отправилась на гонки и первым делом проверила стойло темного дракона. Оно пустовало. Донг на соревнования не явился.

Несмотря на отсутствие моего сильнейшего врага, на этот раз мне так и не удалось победить. Наверное, ненормально волноваться за малознакомого человека, из-за которого ты однажды чуть не погибла. Но червячок сомнений и беспокойства пробрался в душу именно на гонках, из-за чего я потеряла холодную сосредоточенность. И проиграла.

К утру следующего дня один червячок превратился в целую тысячу. Волнение не отпускало ни на секунду. Беспокоилась я искренне, а не потому, что так поступают хорошие жены.

В голову постоянно лезли страшные мысли. У кочевников имелся огонь, которым они поджигали стрелы. А при желании ветром можно было направить огонь в нужную сторону. Например, в сторону моего мужа, который там сейчас совсем один.

Будь моя воля, я бы оседлала Феньку и отправилась бы помогать мужу.

Но я не могла.

В полдень замок посетил сэр Кэлинг, который заметно расстроился, узнав, что герцог Бёме уехал в неизвестном направлении и никто не знает, когда он вернется.

— Сэр Кэлинг, скажите, что сделали с теми двумя кочевниками, которых я... которые были пойманы? — спросила у мужчины, когда тот уже собирался покинуть замок.

— Сейчас они находятся в Буклонской тюрьме, миледи.

— Вы знаете, почему урки на нас напали?

— Нет, миледи. — Кажется, это было сказано искренне.

— Эти двое что-нибудь рассказывают?

— Пока нет, ваше сиятельство.

Я кивнула и сцепила руки перед собой, чтобы скрыть свое нервное состояние.

Сэр Кэлинг откланялся и последовал на подъездную аллею, где его уже ждала лошадь. Я вышла как раз в тот момент, когда рыцарь забрался в седло.

— Скажите, работы по восстановлению деревни уже начались? — выкрикнула вопрос, о котором вспомнила слишком поздно.

— Да, миледи.

— А где сейчас находятся жители, у которых сгорели дома?

— Простите, миледи, не знаю, имею ли я право отвечать на эти вопросы. Спросите у его светлости. Думаю, он предоставит вам всю нужную информацию, — явно испытывая неловкость, ответил сэр Кэлинг и, развернув своего коня, ускакал прочь.

Остаток дня я слонялась по замку, пытаюсь хоть куда-нибудь приткнуться, но беспокойство не утихало. Не спасало даже чтение.

Не иначе как по иронии судьбы в книге описывали мать главной героини, которая дожидалась своего мужа с кровавой войны, сидя в башне и каждую ночь глядя на горизонт.

Я попробовала так сделать, но уже через несколько часов усомнилась в достоверности этой истории. Во-первых, в башне было холодно. Во-вторых, хотя в ней имелись все необходимые вещи, чтобы переждать осаду урков, на медвежьей шкуре я отсидела себе пятую точку и еле смогла разогнуть затекшие ноги. В-третьих, пейзаж, открывающийся из башни, оказался не очень хорошим. Вместо прекрасного заката передо мной раскинулся лес с виднеющимися вдалеке холмами.

В итоге я решила дожидаться герцога на софе, которая стояла в гостиной.

На ней же и задремала с книгой в руках.

— Герцогиня? — разбудил меня голос Эрты. — Уже поздняя ночь, вам пора в свои покои.

Я сонно открыла глаза и покачала головой:

— Нет.

— Моя дорогая, не факт, что герцог вернется сегодня.

Моя дорогая? Так ко мне могла обращаться мама, но никак не служанка.

— Значит, буду ждать его столько, сколько понадобится. Вы свободны, Эрта, — хмуро отозвалась я и, закрыв глаза, вновь погрузилась в объятия Морфея.

Спустя некоторое время почувствовала, как кто-то накрыл меня теплым пледом.

Герцог вернулся ранним утром, за несколько часов до рассвета.

Я проснулась от громкого разговора. Поняв, о ком говорят, тут же вскочила на ноги и, путаясь в юбках, быстро пошла к парадному входу.

Ричард Бёме был жив — уже камень с плеч. Но, как я и опасалась, серьезно пострадал. Порезов и кровоточащих ран на нем не наблюдалось, а вот ожоги...

Моему мужу помогли идти два лакея. Мужчина хромал на одну ногу и сжимал зубы от боли.

Ричард заметил меня, нахмурился, поморщился и вновь стал смотреть куда-то в сторону, словно герцогини тут и не было.

Я последовала за мужчинами, с удивлением отмечая, что сонные слуги быстро готовят герцогу ванну, а Эрта несет огромный таз с листьями мяты.

— Вы считаете, это ему поможет? — насмешливо спросила у главной служанки.

— Так пожелал его светлость, миледи, — спокойно отозвалась женщина.

Кивнув, я развернулась, спустилась вниз по лестнице, выбежала на улицу и поднялась в северную башню. Схватила медвежью шкуру и вернулась к будуару герцога.

— Он просил его не беспокоить, — упрямо возвестила Эрта, держа в руках пустой таз.

— Я его жена, и только мне решать, когда его беспокоить, — сказала зло, не обращая внимания на воинственный вид служанки, обошла ее стороной и зашла в ванную комнату.

Остановить меня она не пыталась.

Герцог лежал по шею в воде среди зеленых листьев, голову положил на бортик, мокрые волосы падали на уставшее лицо. Мята было так много, что она скрывала от меня обнаженное тело мужа. И хорошо.

Я подошла ближе, бросила шкуру на пол из керамической плитки и уселась рядом.

Ричард неохотно открыл глаза и с удивлением взглянул на меня.

— Мята не поможет, — сказала я, выставила руки над водой и создала кубик льда.

Муж смотрел на меня так, словно перед ним сидела какая-то незнакомая женщина.

Мне стало неловко, но я постаралась сохранить на лице спокойствие и уверенность. Не спеша создавала все новые и новые кубики льда и кидала их в воду.

— Скажите, ваша светлость, что будет с жителями деревни, которые лишились крова?

— Вам это правда интересно? — устало уточнил герцог.

Я не сумела скрыть обиду:

— За кого вы меня принимаете? Считаете, что я настолько черствая, что меня не может интересовать судьба других людей?

— Я приказал управляющему найти им квартиры в городе. Временно они проживут там, пока деревню будут отстраивать заново.

— Спасибо за ответ, — буркнула я.

Совершать хорошие поступки моментально расхотелось. Какая разница, если муж все равно считает себя вправе говорить такие вещи в моем...

— Даже не поинтересуетесь, где я был все это время? — тихо спросил он, прерывая поток нерадостных мыслей.

Я повернула голову и поймала на себе внимательный, изучающий взгляд.

— Если вы не хотите говорить, я не стану требовать от вас ответа. Вам больно, поэтому просто позвольте мне помочь.

Мужчина тяжело выдохнул, посмотрел на воду, потом вновь на меня и, прикрыв глаза, положил обе руки на бортики ванны.

— Я не был с любовницей, если вам это интересно, — глухо сказал он.

На его руках тоже виднелись ожоги — красные полосы обгоревшей кожи. Я осторожно притронулась к одной из ран.

Герцог вздрогнул и резко открыл глаза.

— Разрешите мне помочь, — прошептала я. Не дожидаясь ответа, позволила своей стихии пробежать по поврежденным участкам мужского тела, оставляя после себя крупички инея, оседающие на кожных покровах.

— Боже, — выдохнул герцог от облегчения, которое нес с собой холод.

— Ожоги очень опасны, ваша светлость, — сказала серьезно и принялась вновь создавать кубики. — Вам повезло, что я владею магией, которая может помочь.

— Теперь понимаю, — усмехнулся Ричард и поморщился. — Мне с вами действительно повезло.

Я отвлеклась и от радости самодовольно заерзала на медвежьей шкуре, поэтому испуганно вздрогнула, когда чужая ладонь дотронулась до моих волос.

— Очень красивые, — пояснил герцог, заметив мой ошарашенный взгляд. — Вы вели себя очень смело, когда напали урки.

— Вы тоже, — смущенно улыбнулась в ответ.

— На самом деле это так странно, когда у тебя есть жена, которая тебе не принадлежит, —

задумчиво пробормотал герцог.

— О чем вы? — не поняла я.

Только повернула голову, чтобы взглянуть на мужа, как он, не обращая внимания на боль, приподнялся, сел, рукой, которая только что трогала мои волосы, притянул к себе и поцеловал.

Я удивленно замерла, ощутив его мокрые губы. Это было так нежно, так трепетно, что уже через секунду ступор начал медленно отступать. Я подалась ближе. Ричард убрал руку с моего затылка, провел ею вдоль щеки. А затем с болезненным стоном оторвался от моего пылающего лица.

Я распахнула глаза и уставилась на его нахмуренные брови.

— Вы не должны этого делать, вам сейчас слишком больно, — пробормотала, плюхаясь на медвежью шкуру и прикладывая мокрые ладони к покрасневшимся щекам.

Муж с болезненной гримасой вновь откинулся в воду.

— Ты такая смущенная, — услышала его голос. Герцог словно не мог понять почему.

— Я... я... тут уже достаточно льда. Я п-позову слугу, он поможет вам добраться до ваших покоев, — выдавила, заикаясь, и вскочила на ноги.

— Марита, — тихо позвал Ричард, но я уже подлетела к двери и выскользнула в коридор.

Господи, как испуганный теленок! Что со мной? Почему я вся горю? Аж дышать нечем!

Тоже мне — хорошая жена.

Я чувствовала себя просто отвратительно. Собственный муж поцеловал меня, а я повела себя как малолетняя дурочка. Да что я, не знаю о поцелуях?! Я же столько про них читала!

Следующим утром решила больше не смущаться и вести себя с герцогом совершенно естественно, как истинная леди и примерная жена.

Тем более что с ожогами ему все еще требовалась моя помощь.

Обычно Ричард запирали свои покои на ночь, но, когда я решила просто ради интереса повернуть ручку его двери, та открылась.

Герцог еще спал. Памятуя о том, что я больше не проявлю робости, тихонько зашла в его спальню и осторожно примостилась на второй половине кровати. С собой у меня была книга, поэтому, недолго думая, я углубилась в чтение.

«Артуру претила мысль, что его любимая Сара танцевала с убийцей, скрывающим свое лицо под маской! Она совершенно безрассудная женщина, раз решилась на такую авантюру».

Я фыркнула. Не безрассудная, а глупая. Как можно не узнать, что на балу с ней танцует уже не Артур? Подумаешь, маска. Она же не может скрыть повадок человека.

Тут же смутилась, покосившись на спящего герцога. М-да. Кажется, я — Сара.

«— Сара! — воскликнул Артур. — Вы вели себя безответственно, решившись танцевать с убийцей.

— Бросьте, Артур, он же не мог убить меня прямо на балу.

— Неужели вы не понимаете? Он выбрал именно вас, чтобы насолить мне. Вы в опасности.

— Сэр, уверяю вас, это был всего лишь танец.

— Среди мужчин существует негласное правило, — неохотно проворчал Артур. — Если они ввязались в борьбу, то победитель старается заявить о своей победе, овладев женщиной своего врага».

Я нахмурилась и покосилась на герцога. У вас же нет врагов, ваша светлость?! Хотя я бы посмотрела, что бы вы сделали, если бы кто-нибудь попытался овладеть мной. Не удержалась от коварной усмешки и снова уткнулась в книгу.

«— Хотите сказать, он пытался меня изнасиловать? Этого не может быть. Мы просто танцевали.

— Вы так бесстрашны, Сара, — с восхищением выдавил Артур. — Есть хоть что-нибудь, что заставит вас дрожать от страха?

— Нет, сэр, — горделиво возвестила она.

— А от страсти? — с придыханием спросил Артур».

Я чуть воздухом не подавилась. Отчего-то щеки запылали именно у меня! Два раза перечитала фразу героя.

Он с ней заигрывает? Нет, Сара не должна отвечать взаимностью, она же слишком независима!

От переизбытка эмоций пришлось помахать у лица книгой и вновь углубиться в чтение.

«— Всякий раз, когда я думаю об интимной связи с вами, моя дорогая Сара, меня охватывает трепет».

Я фыркнула. Какие глупые фливорности. Перечитала фразу два раза. Покраснела еще сильнее. Не удержавшись, пролиставала несколько страниц и с ужасом поняла, что интимной связи все же быть!

Ох, нет, к этому надо подготовиться. Закрыв глаза и глубоко вдохнув, решительно открыла нужную страницу.

— Вы всегда так читаете? — удивленно спросил Ричард.

Я испуганно вздрогнула и посмотрела на него.

— Вы уже проснулись? Простите, ваша светлость, надеюсь, это не я вас разбудила?

— Сначала я подумал, что кого-то пытаются, — признался он, а потом спросил: — Что вы здесь делаете, Марита?

— Я пришла к вам.

— В ночной сорочке?

— Ну... да.

— Простите, я не готов.

— К чему? — не поняла я.

— А к чему я должен быть готов? — вывернулся герцог.

— Мне нужно обработать ваши ожоги, — сообщила ему.

— Прямо сейчас?

— Лучше сделать это утром. И вечером тоже. И, боюсь, дня два придется сохранять полный постельный режим, потому что ваша спина, это просто... в общем, даже представить боюсь, где вы побывали, — сделав вид, что крайне озадачена, сказала я.

Полагаю, что только желая сменить тему, герцог быстро пошел на попятную:

— Что мне нужно делать?

— Пожалуйста, сядьте и оголитесь... э-э-э... обнажитесь... кхм... станьте голым по пояс.

Я едва не зарычала про себя! Да что же со мной такое!

Ричард усмехнулся, но просьбу выполнил. Сел, обмотал себя по пояс одеялом и стянул камизу.

Я отложила книгу, расположилась позади мужа и начала удивленно разглядывать его спину, на которой при свете дня отчетливо виднелись небольшие рубцы давних шрамов. После вчерашней обработки на месте свежих ожогов кожа начала слезать. Спина мужа действительно была изуродована, и я даже боялась представить, какие адские мучения он сейчас испытывает.

— Ваша светлость, мне придется снять поврежденную кожу, это больно.

— Вы уверены, что справитесь? — настороженно спросил Ричард, не поворачивая головы.

— Я не слабая впечатлительная девочка, — обиделась тут же. — Вопрос в том, вытерпите ли вы. Я постараюсь обезболить, но даже холод не может...

— Я не слабый впечатлительный мальчик, герцогиня, — усмехнулся в ответ муж.

— Ладно. Тогда я спущусь вниз за какой-нибудь емкостью. Подождите минуту.

Я на четвереньках доползла до края кровати и, оказавшись на полу, босиком пошла к двери.

— Марита, — окликнул Ричард, заставив меня обернуться. — Хотя бы мой халат наденьте.

— О, — смутилась я, поспешно подошла к шкафу герцога, распахнула дверцы и наткнулась на повязку Тима Донга. Она висела на одном из камзолов, искусно притворяясь шарфом.

— Что-то не так? — услышала голос мужа.

— Все так.

Взяла халат, надела его и отправилась на первый этаж просить у Эрты глубокую миску или что-то вроде того.

Теперь понятно, почему в спальне не чувствовалось присутствия наездника. Донг просто был везде, все его вещи лежали на самых видных местах, создавая иллюзию того, что они являются частью интерьера.

Когда вернулась в комнату, чуть не вскрикнула от ужаса. Герцог решил скрасить ожидание чтением моей книги. Я испуганно замерла в дверях и наблюдала, как муж медленно поднимает на меня полный удивления взгляд.

Понадеявшись, что он наткнулся на какой-нибудь самый обычный момент, нерешительно закрыла за собой дверь и уже собиралась вернуться к кровати, чтобы обработать ожоги, но услышала:

— *«Артур покачивал в ладонях сочные груди Сары. „Какая прелесть!“ — выдохнул он и коснулся губами двух наливных персиков. Сара застонала от наслаждения. Вид возбужденного мужского...»* — Тут герцог деликатно закончил свое чтение и громко захлопнул книгу. — По-вашему, это похоже на «Религиозные верования древних народов»?!

Я обреченно прикрыла глаза и, понимая, что терять мне все равно нечего, решительно повернулась лицом к мужу:

— Ваша светлость, я сама удивилась, когда поняла, в чем заключается содержание этой книги.

— Где вы ее взяли?

— В вашей библиотеке, — не смутилась я.

— В моей библиотеке нет таких книг.

— Тогда позвольте от нее избавиться.

Я подошла к мужу и протянула руку, ожидая, что он вернет мне книгу.

— Она ведь ваша, — подозрительно прищурившись, сказал герцог.

— Приличные леди не читают такой литературы, — уверенно ответила я.

— Поэтому вы хихикали над ней все утро?

— Так вы вернетесь мне книгу?

— Нет.

— Почему? — озадачилась я, наблюдая, как он кладет ее рядом с собой.

— Почитаю на досуге.

— Вам разве можно?

— Я же не приличная леди, — пожал плечами мужчина и поморщился от боли. — А там есть что-то, о чем мне не следует знать?

— Не знаю, я же не читала, — не позволила я подловить себя.

После этого забралась на кровать, уселась позади мужа и поставила миску на смявшиеся простыни.

— Будет немного больно, — предупредила на всякий случай.

— Знаю, — ответил герцог.

Осторожно коснулась плеча, от которого тянулся самый большой ожог, доходящий до конца лопатки. Кожа на нем почернела и свернулась. Я старалась, чтобы мои прикосновения были нежными и не причиняли лишней боли. Первым делом попыталась подлечить вздувшиеся волдыри.

Герцог терпеливо ждал и не двигался, пока я снимала поврежденную кожу и бережно позволяла ледяной стихии проникать в покрасневшие места, охлаждая пульсирующий жар.

— Откуда вы знаете, что делать? — неожиданно спросил муж.

Я поджала губы.

Ах, если бы вы только догадывались, ваша светлость, сколько проблем мне доставила огненная стихия! И ваша, к слову, тоже. Первое время на гонках мое тело было усеяно не синяками, а ожогами. Хорошо, что я научилась быстро их сводить, иначе от матушки мне доставалось бы по полной.

— Моя младшая сестренка постоянно совала пальцы в камин и обжигалась, — соврала я.

— Софи? — уточнил герцог.

— Да, ваша светлость.

— Та самая Софи, которая должна была стать моей женой?

Я грустно усмехнулась:

— Простите мне эту неудачную шутку.

— В самом деле неудачную, — согласился Ричард. — Женись я на Софи, кто бы сейчас обрабатывал мою спину?

— Софи тоже владеет магией льда, — резонно заметила я.

— Я понял это по ее волосам. — Герцог помолчал недолго, а затем осторожно сказал: — Ваша сестра положила мне в кабинет книгу про драконов.

— Она так сделала? — опешила я. — Простите, она не имела в виду ничего плохого. Она еще ребенок, поэтому ей нравятся сказки.

— Она верит в драконов?

— Да, — нерешительно сказала я.

— А вы в них верите?

Я замерла. Почему он спрашивает?

Отняв руки от его спины и уставившись на белые простыни, выдавила:

— Я... я предпочитаю поддерживать фантазии Софи.

— Я спросил не об этом, — настойчиво сказал герцог. — Вы верите в драконов?

Сглотнув, выдавила:

— Мне нравится думать, что их не истребили.

— Почему? — Он вдруг повернул голову, явив мне свой профиль, и строго сказал: — Марита.

— Что? — вздрогнула я.

— Моя спина все еще страдает без ваших прикосновений.

— Ой, простите, — выдохнула с облегчением и вернулась к обрабатыванию ожогов.

Герцог спросил меня «почему?», но, после того как я молча принялась водить пальцами по волдырям, понемногу замораживая их, на ответе настаивать не стал.

Я ответила сама.

Мы сидели с ним в тишине, поэтому мой голос прозвучал довольно странно. Но мне вдруг очень захотелось поделиться хотя бы частью своих мыслей с тем, кто... просто поймет.

— Когда я размышляю о драконах, то представляю себе огромных... птиц. Думаю, у них мощные крылья, которые помогают подниматься к облакам. И мне кажется, что полет для них в чем-то сродни свободе. Мне нравится полагать, что драконов не истребили, потому что если это так, то я никогда не смогу хотя бы помечтать о том, чтобы разочек на них полетать.

Герцог молчал и головы больше не поворачивал. От меня не укрылось, как напряглась его спина.

— Понимаю, это звучит глупо, — пробормотала я. — Но неужели вы никогда не представляли себе полет на настоящем драконе?

— Почему вы спрашиваете? — ушел он от прямого ответа.

— Просто хочу понять, считаете ли вы меня глупой фантазеркой.

— Поверьте, я не считаю вас глупой фантазеркой.

— Спасибо, — вздохнула я. — С вашей спиной пока все. Но я видела ожоги у вас на груди, — сообщила, испытывая изрядную долю неловкости.

— Вы снова смущаетесь? — не понял мужчина.

— Нет, — поспешно ответила я и приказала себе сосредоточиться на помощи.

Слезла с кровати, взяла миску с частичками поврежденной кожи и, подойдя к герцогу, опустилась на колени перед ним.

Мой муж был очень крепким мужчиной. Я впервые в жизни находилась так близко к мужской груди, да еще при свете дня. Первым делом меня смутили волосы, о которых я не подозревала. Затем мой взгляд привлекли сильные руки с выступающими на них мышцами. Потом я посмотрела на живот и немного обнаженные бедра.

— Ожоги, герцогиня, — напомнил о себе Ричард.

Все. Сохранять спокойствие и непоколебимую уверенность больше не было сил.

Я покраснела. Покраснела очень сильно.

Стараясь не смотреть на лицо мужа, приложила руки к ожогам и зажмурилась.

— Можно вас кое о чем попросить, ваша светлость? — спросила, не открывая глаз.

— Я вас слушаю.

— Не могли бы вы отменить ваш запрет на мои одиночные прогулки?

Я едва не одернула руки, когда почувствовала, как напряглись мышцы его живота.

— Зачем?

— Я бы желала прокатиться в мужском седле.

— Что?

— Знаю, это прозвучит очень странно, но дамское седло просто невероятно неудобное. Мне бы хотелось выехать на нормальную прогулку и пустить лошадь галопом. Но если я сделаю это в присутствии слуги, меня могут не так понять.

— Вы серьезно?

Я открыла глаза и посмотрела на герцога.

Сказать решилась только потому, что знала: Тим Донг, что живет в моем муже, одобрит это желание. Для него такая причина станет весомым аргументом. Но, похоже, я ошиблась.

— Простите, все же леди не стоит ездить в мужском седле, — пробормотала я и уставилась в пол.

— Да, это так, — задумчиво сказал герцог.

... в обед к моему мужу зашел доктор, который подтвердил, что ожоги уже не опасны, но до завтрашнего дня лучше полежать в постели. После лекаря в покои зашел управляющий и пробыл там около часа. Когда он вышел, первым делом нашел меня и сообщил, что я могу одна ехать на прогулку.

Мы встретились с Фенькой этим же вечером.

Я забралась в мужское седло прямо в амазонке. Сменную одежду брать не стала, это ни к чему — долго летать все равно не планировала.

Фенька, учуяв в моей сумке сырое мясо, тут же сунулся проверять, для кого оно.

— Нет, дорогой, сегодня не тебе. Помнишь дракона, которого мы встретили? — Феня надулся. — Я пока не придумала, как его освободить, но покормить его мы с тобой все-таки должны.

Летать в амазонке оказалось дико неудобно и жутко неприятно из-за развевающейся на ветру юбки. Но сегодня наш полет был коротким, поэтому я не стала тратить время на передевания.

Фенька набрал приличную скорость и стрелой промчался перед темным углублением в холме. Я с размаху закинула туда кусок мяса. Услышав возмущенный вой, тут же приказала своему дракону подниматься и улетать.

Посадила его на вершину холма и приказала ждать, чтобы понаблюдать, как отреагирует темный дракон.

Тот даже носа не высунул из своей норы. Я слезла с Феньки и озадаченно посмотрела вниз. Ничего. Дракон не реагировал. Даже чавканья не слышалось, что могло означать две вещи: либо пещера слишком глубокая, либо животное к мясу не притронулось. Жаль, проверить не получится.

Разочарованно вздохнув, повернулась к Фене, но неожиданно мой взор привлекла гранитная плита. Заинтересовавшись, подошла ближе и ошарашенно посмотрела на свое открытие.

Это была могила. На плите аккуратно выгравировано имя: «Джули Бёме».

Я потрясено выдохнула.

У Донга есть темный дракон, на котором он летает на гонках. Значит, и этот дракон — тоже его? Фамилия на могильной плите напрямую это доказывала. Ричард похоронил тут своего родственника? Но почему тут? Почему не на кладбище?

И родственника ли...

Да, конечно, родственника. Не жену же.

В замок я вернулась с распухшей от предположений головой. Под плитой могла покоиться любая женщина из семьи Бёме: бабушка Ричарда, его сестра, тетя, кузина, жена, дочь... и два последних варианта пугали больше всего.

Но, видимо, посчитав, что переживаний на сегодня недостаточно, судьба подкинула мне Элину, выходящую из покоев герцога.

Она прошла мимо меня с такой ленивой грацией, что вместо того, чтобы, возмущившись, указать ей на подобающее место в этом замке, я просто замерла и наблюдала, испытывая невероятное унижение.

Мне резко перехотелось заходить к мужу. Не придумав ничего лучшего, спустилась в столовую, взяла с блюда спелое красное яблоко и надкусила. Поморщилась. Не возвращать же обратно. Пришлось доесть.

Выкидывать косточки отправилась на кухню, и там же, не обращая внимания на удивленных слуг, принялась задумчиво заваривать чай. Только после этого решила зайти к герцогу.

— Добрый вечер, ваша светлость, — поздоровалась спокойно и тихо. — Как ваше здоровье?

Ричард читал. Судя по тому, что сидел он, облокотившись на подушку, спина его уже не слишком беспокоила.

— Намного лучше. Благодаря вам, — отозвался герцог и снова углубился в чтение.

— Я принесла вам ромашкового чая.

— Угу.

Подошла к его кровати, поставила блюдце с чашкой на тумбочку и повернулась к мужу:

— Мне нужно обработать ожоги, ваша светлость.

— Угу, — пробормотал он опять, не отрываясь от книги.

И лицо у него было такое сосредоточенное, что я не удержалась и посмотрела, что же такое он чи...

О господи!..

Это же один из моих романов. Из тех, что лежали в моей комнате!

— Откуда это у вас? — выдохнула я.

— Мм? — Ричард наконец посмотрел на меня. — О, вы не против того, что я решил ознакомиться с... хм... вашей личной библиотекой? — Он насмешливо изогнул бровь.

Я не знала, куда себя деть.

— Это... это мои личные вещи, — проговорила сконфуженно.

— Если мне не изменяет память, мы с вами недавно поженились. Полагаю, раз вы бывали в моих покоях и нашли тут ключ от смежного коридора, то и я могу войти к вам и найти у вас эти милейшие книжечки.

«Милейшие книжечки»?!

Пока я раздумывала над ответом, Ричард задумчиво изрек:

— Знаете, герцогиня, «Опасности, которые таят в себе сатанические секты» мне понравилась намного больше, чем «Религиозные верования древних народов».

Я посмотрела на пол, затем на одну стену, потом на другую, потом на потолок, заглянула в чашку с ромашковым чаем и решила пойти в наступление.

— Знаете, — сказала надменно, — никогда не думала, что мужчина может заинтересоваться обычными дамскими романами. Мне казалось, вы считаете книги о любви пустой тратой времени и бумаги.

— Знаете, — насмешливо сказал герцог, — наибольший интерес для меня представляют не рассуждения о вечном чувстве, а ваши заметки на полях.

Я так и обмерла.

— Что?

— Вот, например, в сцене, где Лилиана подстригает волосы, надевает мужские штаны и угоняет из стойла жеребца графа Элдбрайна, вы написали: «Надо тоже так попробовать».

— Жеребцы намного выносливее кобыл, — смущенно пробормотала я.

— А в сцене, где Адриан нагоняет Лилиану возле реки, вы обвели чернилами фразу «граф не мог оторвать глаз от ее бедер, соблазнительно обтянутых брюками». И подписали «ох-хо-хо».

Я была готова провалиться сквозь землю.

— Мне показалось, там есть грамматическая ошибка.

— Какая же?

— Лишняя запятая.

— На свой скромный вкус скажу, что нет, тут нет ошибки.

— Вы правы, это дело вкуса, — выдавила я.

— Да, а вот в сцене, где между Лилианой и Адрианом произо...

— Ваша светлость, можно обработать вашу спину? — постаралась я увильнуть от разговора.

— Нет, постойте, я еще не закончил, — наигранно возмущился Ричард. — Так вот, в сцене, где описывается брачная ночь Лилианы и Адриана, вы написали: «Спросить у С., что это они делают». И обвели целый абзац.

— Хотите ромашкового чая? — спросила я, мило улыбнувшись.

— Хочу у вас узнать, кто такой загадочный «С».

В этот момент я искренне пожалела, что имя герцога не начинается на «С».

— Это моя подруга, она работает в доме удовольствий, — решившись, выдохнула я.

В конце концов, он и так это выяснил, когда я сдуру согласилась пройтись по городу под ручку с Донгом.

— У вас есть подруга, которая работает в доме удовольствий?!

Он удивился так правдоподобно, что я чуть не начала ему аплодировать.

— Только не смейте просить познакомить вас с ней, ваша светлость, — грозно сказала, уводя разговор от скользкой темы «да как приличной леди можно иметь такие знакомства!».

— Даже и не думал, — соврал герцог.

— Может быть, вы все же позволите обработать вам спину?

— Конечно.

Я выдохнула с облегчением. Подождала, пока муж сядет, обернет бедра одеялом, оголится по пояс, после чего устроилась позади него и принялась лечить остатки ожогов. Волдырей у него уже не наблюдалось, только покрасневшая кожа. Мужу было почти не больно.

Темные волосы мужчины доходили до середины шеи и мешали заниматься его плечом. Я собрала их в хвост и встала на колени, чтобы было удобнее работать одной рукой.

— Марита, — тихо сказал он и повернул голову.

Мой нос уткнулся ему в щеку, и я поспешно отодвинулась.

Только сейчас сообразила, *насколько* близко к нему сижу. Мои нежные прикосновения к его коже вполне можно было принять за интимные.

Ой.

— Что, ваша светлость? — поторопила его, когда он почему-то замолчал.

— Вы, кажется, уже все обработали, — сказал супруг.

У меня вырвался судорожный вздох. Хочет избавиться от меня поскорее?

— Да, ваша светлость.

— Боюсь, что не все, — ответил он. — Спина по-прежнему сильно болит.

— Где именно? — нахмурилась я.

— Везде. — Герцог решил сесть вполоборота, чтобы видеть мое лицо. Я отодвинулась назад. — Мне кажется, что вам стоит остаться в моих покоях. И понаблюдать, как бы чего-нибудь не случилось.

— Хотите, чтобы я провела эту ночь с вами?

— Забавно, не правда ли, когда муж вынужден искать предлог, чтобы его жена осталась с ним?

— Есть немного, — грустно улыбнулась в ответ.

— Так вы останетесь?

Я тяжело вздохнула и перестала улыбаться:

— Знаете, с этим намного лучше справится ваша Элина. Обратитесь за помощью к ней.

Взгляд у герцога стал огорошенным. Мужчина ничего не сказал в ответ. Посчитав это своеобразным прощанием, я поднялась на ноги и пошла к двери. Взялась за ручку и обернулась:

— Выпейте чаю перед сном.

Прежде, чем выйти, услышала негромкое:

— Я не люблю ромашковый чай.

После моей неожиданной победы из «малютки Джона» я превратилась в «мясо Донга». Не знаю, какой умник первым придумал эту кличку, но она приковала ко мне немало заинтересованных взглядов. Интересовались в основном, когда же Донг зайдет в этот кабак и продемонстрирует всем мою голову.

А пока этого не произошло, за мной наблюдали с искренним интересом и предвкушением.

Я чувствовала на себе все эти липкие взгляды даже тогда, когда мне было совершенно не до того, чтобы смотреть по сторонам. Поэтому, ворвавшись в кабак, мелкими шажочками понеслась к стойке, придерживая на весу сумку и изящно лавируя между столиками.

Невольные зрители увидели, с какой страстью Джон Рут налетел на испуганную Симону и повис прямо на ней, то ли обнимая, то ли пытаясь поцеловать.

— Ты чего? — прохрипела девушка, стараясь удержать в руках поднос с напитками.

Я обхватила ее за шею и принялась судорожными движениями отстегивать ожерелье.

— Пока ты не решила, что я жадная бессовестная подруга, посмотри в угол кабака. Смотришь?

— Смотрю, — прошептала Симона.

— Видишь обезьянью морду, которая с наглым видом лапает Селену?

— Ты про Донга?

— Это мой муж.

Я поспешно спрятала ожерелье в сумку, а Симона искренне рассмеялась:

— Слушай, я так и думала, что ты влюбилась. Но ты уже замужем.

— Я не шучу, с такими вещами вообще грех шутить. Это действительно мой муж.

Рыжая девушка удивленно посмотрела на мою крайне серьезную физиономию.

— Так. Садись за стол, я отработаю в зале и подойду к тебе, — строгим голосом проговорила подруга.

Я кивнула и отправилась искать себе местечко.

Сказать мужу о том, что я — Джон Рут, так и не решилась.

Во-первых, одно дело, когда мужчина днем блещет идеальными манерами, а ночью дерется,

говорит гадости направо и налево, матюгается и веселится с девушками не самого тяжелого поведения. Но когда это делает герцогиня, переодеваясь при этом парнем... кто знает, как мой муж на это отреагирует.

Во-вторых, отреагировать на новость он мог очень плохо, вплоть до того, что имел право запретить мне участвовать в гонках. И просто сбегать из дома уже не получится, ведь муж тоже принимает участие в соревнованиях. А если меня вытурят с гонок, то и дракону не позволят тут остаться, а значит, Феньку некуда будет деть... а когда я не смогу за ним присматривать, его некому будет даже покормить.

В-третьих, как бы ужасно это ни звучало, но, пока Ричард не знает, что его жена рядом, он себя не контролирует. А значит, я могу узнать, что он творит за стенами родного замка.

Вот как сейчас, например.

— Слушай, если ты будешь так на него смотреть, он встанет и даст тебе в глаз, — настороженно сказала Симона, присаживаясь рядом.

— Просто не понимаю, как я могла его не узнать, — ответила, продолжая разглядывать мужчину. — Ну это же он. Он! И походка его, и двигается он так же, и эта повязка все равно не скрывает его лицо полностью. Ну это же он! Как я могла его не узнать?

— Значит, это правда? — Симона открыла рот от удивления. — Я подавала пиво герцогу?!

— Тише ты, — зашипела я. — Да, это правда.

Вкратце изложила девушке суть дела. Сначала я сомневалась, стоит ли это делать, но потом поняла, что без ее советов мне просто не справиться.

— Надеюсь, тебе не надо напоминать, что об этом никто не должен знать? — спросила у нее настороженно.

— Я умею хранить тайны, дорогой. — Девушка усмехнулась и, не удержавшись, вновь покосилась на моего мужа. — Знаешь, тут ходили слухи, что Донг женился. Но... как-то не верится, что он и герцог могут быть одним лицом.

— Смотрит, — воскликнула я, поймав на себе взгляд Ричарда. Мы с Симоной синхронно вздрогнули и уставились на тарелки.

— Я чувствую себя преступницей, — прошептала подруга.

— А я чувствую себя невероятно глупо. Эта тетка сейчас его съест! — прошипела я.

— Ее зовут Селена, — обиделась за знакомую Симона.

— Он с ней не первый раз тут сидит, — тихо сказала я. — Она же может быть его постоянной любовницей?

— Вполне, — кивнула Симона.

— И что мне делать? Я же не могу закатить скандал. Или могу?

— Он о тебе знает?

— Нет.

— Узнает?

— Надеюсь, нет.

— Тогда со скандалом лучше повременить.

— О господи! Мой муж изменяет мне прямо у меня на глазах! — в отчаянии прошептала я.

— Так, отставить панику. Мне кажется, Селена единственная, с кем он проводит время. Больше к нему никто не подходит.

— Почему? — обиделась я за мужа.

— Ну... он создает впечатление садиста, — смутилась Симона. — Не то чтобы у нас есть выбор, но, пока он нас не трогает, мы к нему тоже не лезем.

— Вот и не лезьте, — согласно закивала я.

— Нет, я про другое. Ты тоже никого, кроме меня, не заказываешь. Может, он вовсе и не...

— ...не берет ее, — подсказала я, пока девушка пыталась придумать какое-нибудь не травмирующее определение.

— Чего?

— Ну, не берет. Так их отношения обозначила его любовница. Правда, частичку «не» она опустила.

— Ты разговаривала с его любовницей?!

— Я с ней не разговаривала, я ее просто слушала, она очень болтливая.

— Значит, у него все-таки есть любовница? — сникла Симона.

— По его словам, она *была*, но из дома он ее не выгоняет, — проворчала я.

— Я даже не знаю, стоит ли теперь предлагать свой план.

— Конечно, стоит! — обеспокоенно прошептала, когда заметила, как Донг с Селеной поднялись из-за своего стола. — Скорее, они куда-то идут.

Шли они вовсе не «куда-то», а на второй этаж. Его рука недвусмысленно покоилась на пятой точке спутницы. Мое сердце ухнуло в пятки.

— Ладно, смотри, я к нему подойду и предложу свои услуги. Если откажется, значит, еще есть шанс.

— Угу, — кивнула я и повелительно махнула рукой. — Иди быстрее, они уже ушли. Но если он согласится, ты не соглашайся!

— А ты сиди тихо и не дергайся!

Сказать намного легче, чем сделать. Я едва не изгрызла себе ногти, пока нервно ерзала на

стуле и ждала известий.

Симона появилась в зале минут через пять. Медленно подошла ко мне, села.

— Ну?!

— Отказался, — улыбнулась девушка. — Сказал, что мои услуги слишком дорогие.

Я сникла.

— Вообще-то это правда. Кто же знал, что у вас тут тоже кастовое деление. Если бы я предполагала, сколько мне придется платить, я бы в первый день выбрала другую девушку.

— Хочешь от меня отказаться? — изогнула бровь подруга.

— Не-э-эт, — провыла я в сложенные на столе руки.

— Он герцог, мой дорогой Джон, вопрос денег не должен его волновать, — успокаивающе прошептала Симона.

— Угу. Но он же с той теткой все равно ушел в комнату, да?

Поколебавшись секунду, рыжая девушка кивнула.

— Ы-ы-ы... у меня самый ужасный брак в мире, мой муж нашел способ приткнуться к кому угодно, только не ко мне, — тихо прошептала я, пряча лицо в сложенных руках.

— Джон, не расстраивайся, может, все не так плохо.

— А какой номер комнаты? — спросила неожиданно.

— Двадцать девять, а что?

— Ничего. Скоро вернусь, — сказала зло и выскочила из-за стола.

Я решила прибегнуть к тому же трюку, который использовала, когда мне нужно было достучаться до Симоны в одной из этих комнат. Фенька недовольно фырчал, пока его хозяйка, методично переставляя ноги, пыталась залезть на его голову и заглянуть в окно двадцать девятой комнаты.

Все бы ничего, нам даже повезло, что пришлось заходить с торца здания. Но в какой-то момент, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь мутное стекло, я услышала странное журчание внизу.

Фенька недовольно засопел. Я недоуменно скосила взгляд. На земле Рогатый Дог нашел себе дерево и решил сходить в туалет рядом с ним. Хорошо хоть спиной ко мне, не то моя психика точно бы не справилась.

— Ты чего это там делаешь, Мясо Донга? — заорал он.

— Ревную, — шикнула я.

— А-а-а, святое дело! — одобрил наездник. Послышался звук застегиваемой ширинки. —

Надеюсь, с твоей девахой не Донг?

— А что? — нахмурилась я.

— Ну его дракону явно не нравится, что ты подглядываешь.

Я повернула голову и увидела два огромных янтарных глаза, вззирающих на меня с таким недовольством, что кровь в венах мгновенно застыла.

Темный дракон был выше Феньки, поэтому ему даже не пришлось вставать на задние лапы, чтобы злобно на меня фыркать, раздувая своим дыханием мою косынку.

— Это не то, что ты думаешь, — прошептала я животному. — Понимаешь, твой хозяин сейчас, возможно, делает очень, очень плохую вещь. Я совсем не хочу ему насолить, честное слово.

Темный дракон предупреждающе зарычал.

— О нет! — Я испуганно покачала головой. — Ты же не передал ему беспокойство, да? О господи! Фенечка, сматываемся скорее!

— Оба-на, — раздалось насмешливое восклицание Рогатого Дога. — Этот юнец за тобой следит, — сказал он кому-то. — Ты только сильно его не бей, ладно? Он мне нравится.

— Да зачем его бить? Его и так дисквалифицируют за попытку нагадить сопернику. — Мой муж усиленно хрипел, но это не могло испортить его любимую манеру говорить так, что по телу от ужаса бежали мурашки.

— Я не трогал твоего дракона! — возмутилась я, понижая тембр голоса до предела собственных возможностей.

В этот же момент Фенька решил наконец встать четырьмя лапами на землю. Не ожидая, что дракон пошевелится, я не удержала равновесия, взмахнула руками и упала. Надо отдать должное — даже не вскрикнула. Из легких вышибло воздух, и все, что услышали наездники, это мое мужественное «Бкх».

— Ладно, пойду я, тоже полапаю чью-нибудь попку, а вы тут убивайте друг друга.

«Убивайте?!» — испугалась я. И именно это стало причиной моего быстрого выздоровления. Вскочила на ноги, отвела от себя обеспокоенную морду Феньки и самым честным мужским голосом проговорила:

— Я не трогал твоего дракона. Сам посмотри: ни царапинки, ни пылинки. Он аж блестит!

— Она, — сказал Донг.

— Что? — не поняла я.

— Ее зовут Кара.

Я в искреннем удивлении уставилась на темного дракона. Это огромное чудовище — девочка?!

— Она очень милая, — соврала дрожащим голосом.

Мой муж задумчиво засунул руки в карманы брюк и обманчиво ленивой походкой начал

приближаться ко мне.

— А ты что здесь делаешь, Рут? — вежливо спросил он.

Я испуганно сглотнула. Меня этой вежливостью не обмануть. Я-то вижу, как у него под глазом начала сгущаться тень ярости.

Он меня ненавидит. Сегодня на гонках уступил победу Рогатому Догу только ради того, чтобы тот помог ему зажать нас с Фенькой в тиски. Конечно, официально никто об этом не говорил, но я тоже не слепая.

— Я-а... хотел... п-поговорить с Селеной, — не придумала ничего лучше, чем это жалкое оправдание.

Позади раздалось фыркание.

— Кара считает, что ты врешь, — сообщил Донг.

Он сделал шаг ко мне, а я отступила назад, не позволяя ему уменьшить расстояние между нами.

— Ладно, ты меня раскусил, — примиряюще подняла руки. На самом деле говорить с мужем, притворяясь не той, кто ты есть, было бы забавно, если бы не его незримое желание размазать меня по стенке. — Я должен сказать начистоту! Я влюблен!

Донг остановился, непонимающе на меня глянул.

— Влюблен в эту прекрасную женщину Селену, — пояснила я.

Муж отчего-то поморщился.

— Малютка Джон, я прекрасно знаю твою любовницу, — холодно просипел он.

Я озадаченно подняла брови.

Кажется, постоянно слушать обвинения в том, что у меня есть какие-то любовницы и любовники, становится нашей семейной традицией. Увы, мама этого не одобрила бы.

Только я открыла рот, чтобы возразить, как Донг прищурился и задумчиво изрек:

— Знакомая кофточка.

Я непонимающе посмотрела на свою одежду. Куртка расстегнута, под ней — мужская рубашка... сегодня вроде не холодно, свитер ни к чему.

Догадка осенила внезапно.

Рубашка! В ней я была, когда помогала Ричарду отбиваться от урков!

Подняла испуганный взгляд и чуть не вскрикнула от пронзившего ужаса: Донг уже стоял совсем-совсем рядом. И если к Марите он проявлял хоть какую-то нежность, то Джона бесцеремонно схватил за грудки и в одно мгновение прижал к стене кабака.

— У тебя слишком маленькие яйца, чтобы соревноваться с ее мужем.

Я так и не поняла, чего мне хотелось больше: завопить от страха или укоризненно заявить: «Да простит вас Господь за такие слова».

Понимая, что и в том, и в другом случае я буду говорить тоненьким девчачьим голоском, решила сохранить молчаливый ужас на лице.

За меня ответил Фенька.

Поняв, что угроза для его хозяйки стала вполне реальной, он зарычал.

Донг отпустил мою бедную рубашку, не поворачиваясь к дракону, создал черный магический шар и одним легким движением пустил его в свободный полет.

— Поймать, — жестко приказал он.

Фенька с Карой наперебой понеслись за новой игрушкой.

У меня подкосились колени.

Как... как он это сделал...

В душе смешались страх, трепет и восхищение. И желание узнать, в какой момент мой муж стал заклинателем драконов.

Донг не сводил с меня пристального взгляда. Моя побледневшая физиономия его немало позабавила.

— Как видишь, я могу даже не участвовать в гонке, чтобы победить, — надменно просипел он. — Но я участвую и побеждаю честно. И не использую постыдные приемчики, до которых опустился ты.

Он сделал шаг, еще шаг, подошел так близко, что навис прямо надо мной, заставив вжаться в стену. Расставил руки по обе стороны от моей головы и ядовито прошипел:

— Если ты седлаешь дракона, значит, соблюдаешь законы чести. Я не собираюсь пакостить тебе по-мелкому, я раздавлю тебя в схватке, понял?

Он, наверное, очень стремился напугать меня до смерти.

Но у меня от этой непоколебимой уверенности, широких плеч, напряженных рук, от его желания бороться честно до конца, даже с таким глупым наездником, как я, перехватило дыхание. И если раньше его дерзкие победы вызывали восхищение, то теперь оно переросло в настоящее обожание.

Правда, обожание схлынуло почти так же неожиданно, как и появилось.

Потому что Донг зачем-то опустил глаза на землю и увидел мою сумку. Нагнулся, чтобы поднять и с царским видом протянуть ее мне. Льняная тряпица была совсем небольшой и вмещала самое основное. Шнуровка на ней разошлась от удара и обнажила содержимое.

— Ты уронил свои пожитки, — насмешливо сказал мужчина, а затем его рука дрогнула. — И ожерелье.

Ричард Бёме даже не заметил, что последнее слово сказал своим настоящим голосом. В его

глазах на секунду промелькнула такая боль, что у меня сжалось сердце.

— Это я заберу с собой, — сглотнув, выдавил он вновь осипшим голосом. — Похоже, его можно продать за не хиленькую сумму.

Герцог строил из себя плохого наездника, который больше напоминает грязного разбойника, нежели человека.

А я вдруг ясно вспомнила, как он увидел прозрачную сорочку в руках Джона Рута, а потом ее же на Марите Бёме.

Господи! Вот почему он был так уверен в том, что у меня есть любовник!

Заметив в моей сумке ожерелье, которое подарил своей жене, Ричард пришел в ярость. Я поняла это сразу. Плотно сжатые губы, стиснутые кулаки, побледневшие участки щек, не скрытые повязкой. И эти ужасающие тени, больше похожие на пульсирующие вены.

В данный момент он был готов придушить Джона Рута.

Ситуация требовала пафосного завершения. Мне следовало бы сорвать с себя косынку и усы, распуścić волосы и торжественно воскликнуть: «Вот она — я!»

Но вместо этого я резко выхватила из его рук свою сумку, пригнулась, выскользнула из тисков и, как сказал бы Рогатый Дог, драпанула.

Драпанула со всех ног, не оглядываясь.

Я одновременно и испугалась собственного мужа, и поняла, что никакие разговоры сейчас не помогут.

«Фенечка, освобождайся от гипноза!!! — мысленно заорала дракону. — Феня!!! Нам надо домой!!!»

Я вылезла из окна спальни герцога только после того, как он отправился на гонки, и залезла в него же до того, как муж вернулся домой.

Я знала, что нам нужно поговорить. Знала, что должна раскрыть свою тайну. Но мне необходимо было подумать, как сделать это наиболее безболезненно для себя. Как бы эгоистично это ни звучало, но между мужем и гонками я выбрала гонки. И если он попытается меня их лишить, я... не знаю, что сделаю, но просто так этого не оставлю.

Этой ночью сон был беспокойным.

Жутко неприятно становилось от одной мысли, что герцог считает, будто я имею постыдную связь с Джоном Рутот. Меня волновало, что я не могла довериться своему мужу, а он не мог довериться мне. Между нами все еще лежала огромная пропасть.

Я должна была перебросить первую доску, которая станет началом моста. Иначе ничего не получится. Мы так и останемся несчастными супругами в навязанном браке.

Утром решила принять ванну и настойчиво попросила Эрту, чтобы на этот раз меня *никто* не беспокоил. Мне нужно было подумать.

Я чувствовала Фенькину тревогу, и из-за этого сердце разрывалось от тоски. Он, слава богу, под гипнозом Донга пробыл совсем недолго. Как только я мысленно приказала прилететь ко мне, дракон тут же освободился от чужого воздействия.

Теперь мы боялись на пару с ним: нас очень тревожила эта непонятная способность моего мужа.

Я была уверена, что меня не побеспокоят, поэтому расслабленно лежала в теплой воде и пыталась собраться с мыслями. Когда дверь распахнулась с громким ударом о стену, испуганно вздрогнула и поспешно села, расплескав немного воды.

В ванную ворвался Ричард, захлопнул за собой дверь и быстро приблизился ко мне.

Я прикрыла грудь руками.

Он сел прямо рядом и посмотрел мне в глаза.

— На секунду я подумал, что ошибся в вас, — сказал он. — Вы... вы же так смущались, Марита. Это... самое очаровательное, что я видел в своей жизни.

У него было такое растерянное лицо, что меня пронзил дикий стыд. Ричард еще никогда не выглядел при мне таким... огорошенным, не понимающим, что ему делать. Под глазами лежали уже привычные тени, а волосы на этот раз оказались распущены.

— Ни одна куртизанка не может сыграть такие эмоции, и я на секунду решил, что несправедливо обвинил вас в наличии любовника. Но потом я нашел у него это.

Ричард продемонстрировал мне злосчастное ожерелье. Он раскрыл ладонь, и украшение с тихим плеском упало в воду.

— Когда я клялся перед Богом дарить вам все самое лучшее, я не хотел, чтобы вы бежали с этим к своему любовнику.

После этого герцог встал и вышел из ванной комнаты.

Отчаянно застонав, я спрятала лицо в мокрых ладонях.

Я настоящая эгоистка! Стараясь уберечь собственную... попу, даже не попыталась понять, каково моему мужу. Я мучила его своей ложью. Я — эгоистка. Причинила уже однажды боль, когда пустила в него несколько «шипучек». Нельзя было допустить, чтобы по моей вине он получил еще один удар под дых.

Я ему скажу. Обязательно. Но не просто так заявлюсь среди ночи и выложу всю правду. Я покажу ему, что для меня значат гонки. Я покажу, как мне важно участвовать в этих соревнованиях, как я люблю полет, как люблю своего дракона, покажу, что жить не могу без этой свободы.

Если Тим Донг хоть немного похож на меня, он поймет.

Осталось только дождаться следующих гонок.

Сидеть три дня рядом с мужем, который был уверен в измене жены, оказалось выше моих сил. Я постыдно сбежала к маме и сестрам.

Возможно, в этот момент я совершила большую ошибку: муж, убежденный в том, что супруга завела себе любовника, вполне мог поступить так же. В отместку.

Я едва не сорвалась, едва не вызвала Феньку, едва не позволила Ричарду увидеть моего дракона до гонок. Но потом поняла, что это точно будет большой ошибкой. Он должен понять, что я — борец. Что я могу постоять за себя, могу стремиться к победе наравне со всеми.

Он должен увидеть Мариту Хорвин на соревнованиях и только после этого узнать правду. Поэтому я приняла решение уехать, чтобы не мозолить ему глаза.

Гонки стали тем самым днем, к которому готовишься без усталости. Трепет от ожидания с каждым днем все рос и рос и в конце концов превратился в настоящий мандраж.

Сердце бешено колотилось от страха, когда я вызвала Феньку к нашему старому месту, с которого мы улетаем до того, как я переехала в замок герцога.

Эта гонка станет решающей для нашего с Ричардом брака.

В загоне, как обычно, воняло и едой, и отходами, и вообще какой-то гадостью. Перед началом соревнований мы, как правило, приводили животных в порядок и только после этого собирались на месте старта.

Тим Донг тоже был в загоне. Он холодно скользнул по мне взглядом и продолжил чистить шкуру своего питомца.

А я — мелкий Джон Рут — вместо того, чтобы проигнорировать Донга, прошла мимо его стойла и улыбнулась. По-доброму так, словно уже была готова поделиться своей тайной, с полным и безоговорочным доверием распахнув перед ним душу.

Наверное, это выглядело странно. Но я была готова показать мужу, кто я есть на самом деле.

Гонка началась как обычно — с громкого клича судьи.

Драконы взмыли в воздух и зашли на первый круг.

Участников собралось много, каждый из них стремился к победе. А победить — значит обогнать Тима Донга. Я, наверное, единственная стремилась только догнать его.

Облетая других участников, я не трогала их. Они боролись друг с другом, иногда пытались достать меня, но мы с Фенькой уворачивались, пресекая любые попытки сбить нас с пути.

Мы летели к Донгу, который, как обычно, с самой же первой секунды вырвался вперед.

А когда мы догнали его, я не стала подрезать темного дракона, кидать в его всадника «бомбочки» или «шипучки», даже не использовала стихию.

Донг напряженно ждал, когда сможет ответить на мое нападение, но вместо того, чтобы бороться с ним, я вновь улыбнулась. Фенька поравнялся с Карой. Я раскинула руки в стороны, откинулась назад.

Я пыталась безмолвно сказать: «Посмотри, какая красота. Ты чувствуешь этот ветер? Я чувствую его каждой клеточкой тела, даже моя куртка насквозь пропиталась ветром. Я не могу без него жить».

Затем вновь вцепилась в седло и заставила Феньку уйти вниз, чтобы через секунду взмыть к вершинам гор, а оттуда — снова вниз. Облететь Донга со счастливым смехом.

Это моя попытка показать ему скорость. Он должен увидеть, какой восторг во мне вызывают все эти перепады высоты, как я обожаю, когда становится нечем дышать, а пальцы невозможно разжать, потому что они примерзают к седлу.

Я это люблю.

Вот такая я странная.

Мы зашли на второй круг, и к нам присоединились другие участники. Сегодня Рогатый Дог был в хорошем настроении и с безумным смехом заставлял животное пускать шипы в произвольном порядке. Его пытались приструнить и огненной струей, и ледяными глыбами, но это так и не смогло усмирить его пыла.

Тим Донг ударил ногами своего дракона и обогнал меня, принципиально вырвавшись вперед. За ним тут же рванули остальные участники, жаждущие победы.

Я не жаждала победы. Не сегодня.

Со спокойной душой пересекла финишную прямую верхом на Феньке и уже собиралась отправиться к своему мужу.

То, что слишком сильно расслабилась на этой гонке, поняла только в тот момент, когда почувствовала боль в теле.

Какой бы восторг я ни испытывала от полета, это никогда не позволяло мне терять бдительность на соревнованиях, где борьба велась не на жизнь, а на смерть. Где каждая гонка могла стать последней, потому что риск был невероятно велик.

Я собиралась лететь к своему мужу и каяться во лжи.

Но, опустив глаза, увидела огромный драконий шип, торчащий у меня из живота.

Трясущейся рукой прикоснулась к ране. На ладони осталась кровь.

— У-у-у! — взвыл Фенька.

Больно. Ему больно. Нам больно.

Я дотронулась до шипа, поскольку никак не могла осознать, откуда эта штука взялась во мне.

— А-а-а! — теперь это уже был мой крик.

Дыхание стало тяжелым, прерывистым. То и дело из горла вырывался болезненный стон. Паника плотными тисками сжала горло.

Мне нужна помощь.

— Черт, нет, — бормотала хрипло, пока спускала Феньку на землю. — Нет, нет, нет...

Я прижимала руку к тому месту, в которое вонзился шип, чувствуя, как по ладони бегут неторопливые струйки крови. В голове осталась одна мысль: *я умру*.

Мне пришлось слезть с Феньки. Я старалась делать это медленно и осторожно, но от каждого движения боль становилась сильнее. Как только оказалась на земле, тут же прижалась к дереву и застыла, тяжело дыша.

— Помогите... помогите... — шептала еле слышно. По лбу катился пот. — Помогите... кто-нибудь... помогите.

— У-у-у, — недовольно завыл Фенька, наворачивая круги вокруг меня.

Перед глазами все поплыло. Его мельтешащая фигура смазалась, превратившись в голубое пятно.

Я всхлипнула и почувствовала, как изо рта вырываются беззвучные рыдания.

— Р-р-а-а! — зарычал дракон и громко ударил хвостом по земле.

— Тихо, Феня, тихо, — начиная приходить в себя, пробормотала я. — Ты прав, надо что-то делать. Сейчас... сейчас... я что-нибудь придумаю... потерпи.

Кровь не останавливалась. Кто-то должен был вытащить из меня эту штуку.

У дракона Рогатого Дога шипы были разной длины. Они предназначались для атаки на других драконов. Я внезапно почувствовала, как зашевелились волосы на затылке. Медленно опустила глаза и несколько секунд тупо пялилась на шип. Судя по диаметру, он небольшой. Не удержалась от облегченного всхлипа. Мне крупно повезло.

— Дружок, останься тут. Не уходи никуда. Я пойду за помощью, — прерывисто выдавила я.

Нетвердой походкой направилась в кабак. Одной рукой зажимала рану, другой прикрывала живот сумкой. Никто не должен был увидеть, что со мной произошло.

Когда я только узнала о гонках, сунулась сюда без всякой подготовки. Так с ходу и представилась встреченному арендатору Маритой. После чего мне даже не намекнули, а ответили матом, что девушек на эти соревнования не принимают.

Тут имелся врач, который после каждых гонок обязательно кого-нибудь подлечивал. Но мне нельзя было идти к нему, иначе все узнали бы, кто такой Джон Рут.

Перед глазами поплыло в тот момент, когда я добралась до лестницы. Не знаю, заметил ли кто-то мое странное состояние — не осталось сил смотреть по сторонам, но если кто и заметил, надеюсь, списал это на алкогольное опьянение.

Не выдержав, прислонилась к стене и сделала глубокий вдох.

Мимо меня спустились два человека.

— Джон, ты в порядке? — Кто-то положил мне руку на плечо. Судя по голосу, это был Факс, один из участников соревнований.

— Угу, перебрал маленько, — часто моргая, выдавила я, с трудом понижая голос. — А ты ведь... — Я устала на женские ноги. Подозрительно знакомые женские ноги. — Ты ведь

Селена, да?

— Да, — ответил мне мелодичный голосок.

— Не знаешь, Донг здесь?

— Не-а, он даже не приземлился, сразу куда-то улетел.

Домой он улетел. Проверять наличие жены.

— А в какой комнате Симона?

— Малютка Джон, я же за ними не слежу. Она вроде с Сизым, а они обычно в девятнадцатом бывают. Ты ее только не отвлекай, хорошо?

Селена, словно заботливая мамочка, погладила меня по плечу.

— Эй, дорогуша, харэ трогать всяких неудачников, — оскорбился Факс и повел девушку дальше.

С трудом опираясь на стену, я добралась до девятнадцатой комнаты. Прислонилась к двери и услышала характерные стоны. К сожалению, подругу я знала недостаточно, чтобы определить по ним, она ли за дверью.

— Симона! Симона! Симона, ты там?! Мне нужна твоя помощь!

Я не звала, я хрипела. При этом колотила в дверь кулаком. Пока хватало сил, конечно.

От напряжения кровь из раны пошла быстрее.

Я едва не потеряла сознание, упорно пытаюсь добиться хоть какой-то реакции от людей в комнате.

— Джон? — Симона распахнула дверь и удивленно уставилась на меня, поправляя съехавшую лямку платья. — Ты чего здесь делаешь?

— Мне нужна твоя помощь, — прошептала я.

— О господи, ты весь потный и бледный. Что случилось? — тихо спросила девушка, обеспокоенно приложив ладонь к моему лбу.

— Бай-бай, красотка, — услышала я от Сизого неприятную фразу, после чего тот шлепнул Симону по попе.

Он пошел дальше по коридору, а подруга поспешно втощила меня в освободившуюся комнату и заперла дверь.

— Марита, что произошло?!

Я отняла сумку от живота.

Услышала испуганный вздох.

— Ты ранена?! — дрожащим голосом выдавила подруга.

Кивнула.

— Мне нужна помощь, Симона. К местному врачу я не могу пойти, нужно лететь в город и искать лекаря там.

— Надо... надо найти твоего мужа, — пробормотала девушка.

— Нет! — воскликнула я и даже глаза открыла, чтобы гневно на нее посмотреть. — Нет. Моему мужу мы ничего не скажем.

— Ты спятила? Он все равно здесь, он поможет!

— Во-первых, не здесь, — сквозь зубы выдавила я. — Во-вторых...

— Мы должны ему сказать! Я не знаю, что делать с ранеными наездниками! Я не врач!

— Симона! — разозлилась я. — Ричард ничего не должен знать! Гонка должна была показать ему, что у меня все под контролем, что я в безопасности! Это похоже на безопасность?! Если он узнает, запретит мне участвовать в соревнованиях!

— И правильно сделает!!!

— Тише! Пожалуйста, тише, — в отчаянии прошептала я. — Симона, прошу, не паникуй. Я знаю, что делать, только помоги мне, ладно?

— Мы должны сказать твоему мужу, — покачала головой девушка, обхватив себя руками. — Ты посмотри, у тебя из живота торчит эта штука. И кровь идет. Боже мой, я не могу смотреть.

Она стиснула зубы и отвернулась.

— Слушай, — я постаралась придать голосу уверенности, хотя почти шептала, — мы с тобой сейчас сядем на Феньку и полетим в Буклон. Ты найдешь врача, и все будет хорошо. Симона, без тебя мне не справиться.

— Да никто сейчас не работает! На дворе ночь!

— Да, но в моем графстве есть наш семейный врач. Только ты сможешь уговорить его помочь мне.

Облокотилась на подоконник, так как ноги подкосились.

— Марита! — испуганно воскликнула Симона.

— Все нормально. Нормально. Ты сможешь мне? Потому что, пока мы тут с тобой говорим, я истекаю кровью.

— Да, да! — тяжело дыша, сказала подруга. — Марита, слушай, я... нам запрещено уходить отсюда до утра, — виновато выдавила она. — Я скажу, что была с Джоном Рутон, но с меня попросят выручку.

— Деньги не проблема, если я не умру.

— Только вот этого не надо, ладно? — возмутилась девушка. Подошла ко мне, позволила опереться на свое плечо.

— Нет, стой, — покачала я головой. — Открой окно.

Симона послушно исполнила мою просьбу.

— Фенька, иди сюда, — прошептала тихо.

— Он тебя услышит? — дрожащим голосом уточнила подруга.

Меняхватило только на то, чтобы кивнуть.

Дракон появился через минуту. Встал на задние лапы, передними облокотился о стену кабака и подставил голову. Мы с Симоной по чешуйчатой шее залезли в седло.

— Боже, боже, боже, — шептала я, стиснув зубы от боли.

Из-за этих манипуляций шип сдвинулся. Кровь пошла сильнее.

Симона села позади меня, чтобы я не упала во время полета, и испуганно вскрикнула, когда мы взмыли вверх.

— Только не теряй сознание! — панически заорала она мне на ухо. — Я не знаю, как управлять драконами!

— Ты... ты просто говори ему, что делать... дальше он сам, — пробормотала в ответ. — Фенька, лети к моему прошлому дому!

Мы и так туда летели.

На середине пути мне стало совсем плохо. От перепадов высоты затошнило.

— Кажется, я не выдержу, — прохрипела подруге.

— Что?! Нет! Нет, только не умирай! — воскликнула Симона. Снова мне на ухо. Еще и затормошила.

— Я не умираю, мне просто очень-очень плохо! — подумала и в отчаянии прошептала: — Я умираю.

— Что... что мне делать?!

— Мы сейчас облетаем Буклон. Ты можешь оставить меня там? Вы посадите лекаря на Феньку и прилетите ко мне, — едва перекивая ветер, предложила я.

— Это займет много времени! — панически крикнула Симона. — Ты не дотерпишь?

— Я просто не долечу.

После этого схватилась за горло и поняла, что рвоту не сдержать.

Фенька поспешно опустилсЯ среди деревьев, и меня стошнило. Я не могла даже нормально наклониться. На одежде осталось несколько пятен.

Через несколько минут мы снова взлетели, но на этот раз направлялись в Буклон.

— Когда вас забирают на гонки, где они сажают драконов? — пытаюсь нормализовать зрение и унять головокружение, спросила я.

— На территории заброшенной фабрики, она огорожена высоким забором.

Эту часть пути я запомнила совсем плохо.

Перед глазами мелькали странные картинки, абсолютно не отложившиеся в памяти. Кажется, я все-таки задремала. Очнуться заставило яростное торможение Симоны. Она орала на меня так громко, что я поморщилась. Потом попыталась слезть с дракона и чуть не рухнула прямо на девушку.

Та каким-то чудом дотащила меня до входа в «пивоварню». Запомнила чужие голоса, но совершенно не запомнила, что они говорили. В какой-то момент меня подхватили и помогли Симоне поднять на второй этаж. В ту самую комнату, где я проводила время каждую субботу.

— Марита, держись. Еще чуть-чуть, ладно? Только не умирай, я сейчас позову людей на помощь, — бормотала подруга, помогая мне улечься на кровать.

Я схватила ее за руку и ожесточенно прохрипела:

— Не смей звать Донга!

— Не беспокойся об этом. Все... все будет хорошо.

С этими словами она оторвалась от меня и выбежала в коридор, громко хлопнув дверью.

Я отключилась почти сразу же.

Правда, перед этим успела подумать, что, когда умру, о Феньке некому будет позаботиться. Боль от осознания этого была намного сильнее, чем та, что пульсировала в животе.

Из забытья меня вырвали громкие шаги за дверью и до боли знакомый голос, грозно спрашивавший:

— Сюда?

— Не-э-эт, — простонала я. — Нет, нет, нет, нет...

Щелчок двери, сбившееся дыхание и удивленное:

— Марита?

А то непонятно.

Мое лицо исказила гримаса боли. Я попыталась перевернуться на бок, чтобы муж не увидел меня такой.

— Вы сможете ей помочь? — обеспокоенно спросила Симона.

— Пока не знаю, — хмуро отозвался Ричард.

Я слышала, как он подошел ко мне. Попыталась сжаться, но боль в животе остановила от необдуманного поступка.

Уже через мгновение почувствовала, как мужские руки забираются под спину и под ноги, а затем поднимают вверх. Муж перехватил меня поудобнее и понес из дома удовольствий, бросив на ходу:

— Скажи своей хозяйке, что я заплачу за молчание.

От очередной качки на чужих руках меня снова затошнило, но при этом желание провалиться в сон было настолько сильным, что напоминало состояние бреда.

— Ричард, — прошептала, едва шевеля губами.

Он мне не ответил. Я приоткрыла глаза и посмотрела на его крайне сдержанное лицо.

— Ричард, — позвала чуть громче.

Он меня прекрасно слышал, но отвечать не собирался. Мужчина быстро шел по улице. Куда? Без понятия. Меня интересовал совсем другой вопрос.

— Рик, — едва не рыкнула я.

Герцог вздрогнул, словно я обозвала его матерным словом, а не сокращенным именем.

— Что? — наконец отозвался он.

— Ты оседлал Феньку?

— Да.

Я заметила, как выступили вены у него на шее, словно он стиснул зубы. Улыбнулась слабой, беспомощной улыбкой, а потом зашептала из последних сил:

— Я кормлю его мясом, в основном свининой, но можно и бараниной. Ему нельзя давать курицу, у него от нее понос. Он очень любит летать, ему нужно постоянно проветриваться. Особенно он любит луга, где можно поваляться в траве. Может найти речушку и сунуть морду в холодную воду, надо сразу дать ему подзатыльник, потому что он простудится. А я иногда сочиняю ему истории, чтобы его не мучили кошмары.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — Ричард опустил голову и посмотрел на меня с едва заметным страхом.

— Мы поженились, помнишь? Ты поклялся заботиться обо мне, а значит, о Феньке тоже. Мы с ним одно целое, — прошептала я.

— Марита, если ты умрешь, он тоже умрет, — сказал Ричард холодно.

Что? Нет. Нет! Я обреченно закрыла глаза. Не может все так закончиться. Я не могу позволить ему умереть.

— Не знаю, как глубоко вошел шип и что он повредил, — неожиданно заговорил Ричард. — Ты можешь потерять сознание от болевого шока.

— Ладно, — апатично отозвалась я.

Он неожиданно яростно меня встряхнул, заставив распахнуть глаза.

— Борись до конца, — холодно приказал муж и со всей дури постучал ногой в дверь, напротив которой остановился.

К счастью, я потеряла сознание раньше, чем мы вошли.

Смерть пахнет апельсинами.

Этот мягкий сладковатый аромат тоненькими змейками извивался в воздухе, взрывался, расплывался по пространству, оседал на коже, впитывался в поры, проникал в душу. Терпкий запах чувствовался повсюду.

Он был моей агонией.

Апельсинами пахло, когда я открывала глаза, когда пыталась вдохнуть, когда грудь разрывало от боли, когда я задыхалась. Апельсинами пахла даже рвота.

Вместо пота на теле выступал тягучий сок, лился по коже и заставлял меня метаться по постели, пытаясь от него избавиться.

Я чувствовала, как кто-то промокал мне лоб тряпкой, но этот кто-то не понимал, что меня не спасти. Запах апельсинов был повсюду.

Повсюду была смерть.

Я помнила те редкие мгновения, когда приходила в себя. Открывала глаза и пыталась глотнуть хоть немного свежего воздуха, но легкие его не пропускали. Губы пересыхали, кости ломило, голову, казалось, разрывало изнутри. И я возвращалась в апельсиновый сад.

Пока тело корчило, борясь с инфекцией, я уходила в свой маленький мир. Апельсиновый мир.

В нем были красивые аллеи и изящные арки, увитые плющом, на котором росли фрукты. В саду уютись яблони, груши, персиковые деревья, но с веток каждого из них свисали апельсины.

Рядом со мной находился Фенька. Я его не видела, но знала, что он где-то поблизости. Его чешуйчатая морда наверняка скрывалась среди листвы. Стоило закрыть глаза, и я каждой клеточкой тела чувствовала его присутствие, его беспокойство, его собственную агонию из-за того, что он может потерять меня.

— Если тебя не станет, он умрет от тоски, — сказал Ричард Бёме.

Он тоже был в моем апельсиновом саду.

Всегда такой уверенный в себе, с темными растрепанными волосами, без своей привычной повязки и сипящего голоса, но, как обычно, манящий, притягивающий к себе даже при такой усталости.

Каждый раз, когда я видела его среди деревьев, мне хотелось подойти и осторожно коснуться его щеки, улыбнуться и сказать, что все будет хорошо. Что ему нужно отдохнуть, потому что впереди гонки, на которых он всегда останется абсолютным победителем.

В моем апельсиновом саду он был все тем же сильным соперником, но я его совсем не боялась. Я им гордилась. Так, как жена может гордиться своим мужем.

— Ты должен позаботиться о Феньке, — сказала ему.

— Даже я не смогу заставить его жить, если ты умрешь, — покачал головой муж.

— Ты — заклинатель драконов. Ты сможешь.

— Борись, — приказал Ричард.

— Ты что, не чувствуешь? Смерть пахнет апельсинами.

— Борись!

Я грустно улыбнулась. Он оставался непоколебимым как всегда. Наверное, стоит подойти к нему и...

Сама не заметила, как оказалась рядом с мужем. Вдруг остро захотелось, чтобы он просто обнял меня и сказал, что мы с этим справимся. Он позаботится о Феньке, а я смогу с чистой совестью уйти к ангелам.

Подняла трясущуюся руку и осторожно коснулась его щеки. Он смотрел мне прямо в глаза. Его кожа начала темнеть.

— Мы с Фенькой были так одиноки, — прошептала я. — Два урода в огромном мире. Я никому не могла рассказать о том, что у меня есть друг. Не могла ни с кем поделиться своими чувствами. Меня никто не понимал. И в небесах мы были так одиноки.

— Нет. В небесах вы были свободны.

Он обхватил мое лицо ладонями и склонился, чтобы сорвать с обветренных губ последний поцелуй.

Но не успел.

В груди закололо, вернулась головная боль, стало тяжело дышать.

Я распахнула глаза и поняла, что очнулась.

Этот белый потолок был мне знаком. Родной дом. Моя комната. Шторы на окнах занавешены, но даже сквозь них пробивались лучи света.

— Пить, — прошептала я.

Дышать было очень тяжело. Губы пересохли.

— Пить, пожалуйста, пить, — еле выдавила.

Повернула голову, ища взглядом хоть кого-нибудь, кто сможет помочь, и вздрогнула от неожиданности, когда рядом опустилась тень. К моим губам приставили пиалу с водой.

Ричард дождался, пока я все выпью до дна, и отстранился. В полумраке его силуэт был пугающим. Мужчина сидел на обитом бархатом стуле и молчал.

— Феня, — попыталась сказать хрипло.

— Он в порядке, — ответил муж. Его голос был до того уставшим, что это заставило меня приглядеться к лицу мужчины повнимательнее.

Ричард не походил на себя. Кожа бледная, под глазами синяки от недосыпания, волосы растрепаны, на щеках и подбородке щетина.

Герцог поднялся и вышел из комнаты, оставив меня одну. Я с недоумением прислушивалась к голосам за дверью.

— Вызовите доктора, — попросил муж.

Он вернулся в мои покои, но, вместо того чтобы подойти ко мне, остался стоять возле двери. Оперся плечом о косяк и скрестил руки.

Я уставилась в потолок и прошептала:

— Не получилось из меня идеальной жены.

— Герцогиня, пожалуйста, не говорите ничего. Вы очнулись намного раньше, чем мы ждали, поэтому не тратьте остатки сил.

Какой же у него сухой, безэмоциональный голос.

Пока мы ждали доктора, муж так и не подошел к моей кровати. Я обреченно закрыла глаза. Кажется, это конец. Для него я мало того что лгунья, так теперь еще и обезображена болезнью.

Ожесточенно втянула носом воздух и с облегчением поняла, что тут не пахнет апельсинами. Комнату явно проветривали, от стены к стене пролетала приятная свежесть.

Дверь открылась.

— Привет, Ричард, — услышала голос незнакомого мужчины. Видимо, доктора. — Она очнулась? — Он удивился настолько, словно шел сюда, чтобы зафиксировать время смерти.

— Да. — Это все, что сказал герцог.

Врач оказался более разговорчивым.

— Майя! — воскликнул он с порога. — Вы теперь станете моей любимицей!

— Ее зовут Марита, — хмуро поправил Ричард.

— Марита? Клянусь богом, когда ты принес ее ко мне, ее звали Майя, — уверенно заявил доктор. Подошел к моей кровати, и я наконец смогла на него посмотреть. — Здравствуйте, Марита. Меня зовут Роберт. Я ваш спаситель. Не расскажете, как себя чувствуете?

— Почему вы тоже Роберт? — хрипло спросила я.

Врач нахмурился. Обеспокоенно приложил ладонь к моему лбу.

— Все еще лихорадит, но жар спадает, — пробормотал он.

— У меня кости ломит, — тихо ответила я. — Мне жарко. И дышать тяжело. Пот стекает со лба.

— Зато вы живы! — оптимистично воскликнул Роберт. — Честное слово, Майя, признавайтесь, как вы это сделали?

Я непонимающе посмотрела на него.

— Ее зовут Марита, — донесся усталый голос мужа.

— Вас лихорадило всего три дня, — пояснил доктор. — Я уж думал, что вас придется вытаскивать с того света.

— Что... что со мной? — тяжело дыша, пробормотала я.

— А что вы помните, Майя?

— Марита! — воскликнул Ричард.

— Да-да, — отмахнулся Роберт и с любопытством взглянул на меня. — Помните, как оказались у меня?

— Да, — только и сказала я.

— Знаете, Ма...рита, ваш корсет меня покорила, — с восторгом заявил мужчина. — Это был просто панцирь! — Посмотрев на мое огорошенное лицо, он махнул рукой. — Вы правы, это не смешно. Драконий шип попал вам вот сюда. — Он ткнул пальцем себе в левую часть живота. — Эта ваша повязка могла бы спасти вам жизнь, если бы вы не шевелились. Но из-за ваших действий шип сместился и задел один из органов.

— Сердце? — выдохнула я.

— Нет, что вы, сердце находится не здесь.

— А что?

— Селезенку.

Сил на то, чтобы говорить, не осталось совсем. И губы пересохли. Заметив это, Роберт поспешно попросил:

— Дорогой муж, принеси-ка жене воды.

После того как Ричард вышел из комнаты, забавный настрой доктора исчез.

— Марита, не стоит смотреть на меня так испуганно, — серьезно сказал он. — Я понимаю, что вам страшно, но все обошлось.

— Это экспериментальная медицина, нельзя так просто... — хрипло прошептала я, но фразу не закончила, так как закашлялась.

— Да, дорогая. Но это спасло тебе жизнь.

— Вы оперировали?

— Да. Так что ты либо доверишься мне, либо нам придется попрощаться. Сожми мою руку один раз, если готова прислушаться к моим советам.

Я колебалась несколько секунд, а затем нашла его ладонь и сжала.

— Хорошо. Я задам тебе два странных вопроса, а потом придет твой муж, и я осмотрю шов. Ладно?

Я кивнула.

— Помнишь, тринадцать лет назад в Акторию пришла черная смерть?

Новый кивок.

— Кто-то из твоей семьи заболел?

Я покачала головой.

— А ты?

Вновь покачала головой и нахмурилась. Вопрос был совсем абсурдным. Если бы я тогда заболела, то точно не дожила бы до сегодняшнего дня.

— Ладно. Спасибо, что ответила. Пока твой муж где-то гуляет, давай-ка попробуем самостоятельно приподнять твою сорочку.

Доктор начал стягивать с меня одеяло, но я слабым движением накрыла его ладони своими, а потом тихо спросила:

— Кто такая Майя?

— А? — удивился Роберт. Посмотрел на мое отчаянное лицо и почесал в затылке. — Да Ричард приводит вас ко мне, не могу же я всех по именам запоминать. Прошу прощения, герцогиня, что назвал вас Майей, — в его голосе промелькнули саркастические нотки.

В этот момент в спальню вернулся Ричард с большой кружкой воды.

Я жадно присосалась к ней, после чего позволила мужу задрать сорочку и прикрыть ноги одеялом.

— Идеальный шов, просто идеальный, — приговаривал Роберт, ощупывая мой живот. — Воспаления вроде нет. Да, не беспокойтесь насчет небольшого ожога вокруг шва. Тут поработал огненный маг, чтобы риск возникновения инфекции был минимальным. Надеюсь, вы все-таки выживете.

— Он шутит, — заметив мое посеревшее лицо, поспешно сказал герцог.

Удивительно, но Ричард не смотрел на меня с отвращением, будто это не в моих органах покопалась чужая рука.

— Я выпишу вам травы, которые помогут сбить жар. Но, думается мне, лихорадка уже прошла, мы наблюдаем только остатки болезни. Надо же, всего три дня. Ах, были бы вы трупом, я бы с таким удовольствием покопался в вас!

Прижав руку ко рту, я едва успела сдержать рвоту. Герцог поспешно подставил тазик мне под подбородок.

— Ты не мог бы придержать свои врачебные шутки? — зло спросил он Роберта.

— Ох уж эти леди с тонкой душевной организацией, — проворчал тот, пока я смущенно отплевывалась. — В общем, на неделю прописываю вам полный постельный режим. Не вставайте, герцогиня, и на этом боку не спите. Ни при каких условиях, иначе, если шов разойдется, вы умрете. И сейчас я не шучу.

— Она все поняла и будет послушно лежать в кровати, — мрачно подтвердил Ричард.

— Тебе тоже не мешало бы поспать, — сказал Роберт. — Опасность миновала, так что выпей ромашкового чая и поспи.

— Я не люблю ромашковый чай, — выдавил сквозь зубы муж.

— Да, и я тебе запрещаю участвовать в сегодняшних гонках. Чего доброго, с дракона свалишься, и опять тебя зашивать, — проворчал Роберт, выходя из комнаты.

— Обойдусь без твоих советов, — огрызнулся Ричард.

Закрыв за ним дверь и повернулся ко мне.

— Он знает про гонки? — слабым голосом спросила я.

— Да. — Помолчал, затем добавил: — Этой мой личный врач.

Хотела сказать, что он чокнутый, но вместо этого прошептала:

— Прости.

— За что?

— Ты увидел меня такой.

Ричард устало провел рукой по волосам. Вздохнул, прошел к креслу, обитому бархатом, сел, широко расставив ноги, провел рукой по щетине. После чего хмуро сказал:

— Мы поговорим, когда тебе станет лучше. Но я должен спросить: Дог сделал это специально?

Так странно было слышать от него обсуждение гонок, когда он выглядел измотанным герцогом, а не непоколебимым Тимом Донгом.

Я покачала головой.

Увидела, как герцог кивнул, принимая мой ответ, поднялся на ноги и направился к двери.

— Ричард, — выдавила хрипло, — ты меня туда больше непустишь, да?

Он обернулся. Посмотрел на меня как-то очень странно. И сказал простое:

— Нет.

— Пожалуйста... — судорожно всхлипнула я.

— Этот шип тебя чуть не убил, — зло перебил он.

Я стиснула зубы, натягивая одеяло до подбородка. Услышала, как муж повернулся, дошел до двери.

— Ты только что лишил меня неба, — прошептала ему вслед. — Это не шип. Это ты меня убил.

Не знаю, услышал он это или нет.

Когда дверь закрылась, в комнате запахло апельсинами.

Я то засыпала, то просыпалась. В комнате находилась моя давняя служанка Эми, которая подавала пить, когда от жажды пересыхало горло, и подставляла ночной горшок, когда у меня уже не было сил терпеть.

Она со мной почти не разговаривала: то ли боялась потревожить, то ли опасалась, что лихорадка перекинется на нее.

Через несколько часов, несмотря на травы, которые прописал Роберт, у меня снова начался жар. Я пыталась скинуть с себя одеяло, но Эми жалостливым голоском умоляла этого не делать.

В полдень проснулась матушка и первым делом побежала ко мне. Так она и зашла в камизе и чепчике, босая, заставив устало открыть глаза и сделать вид, что вовсе не дремала.

— Доченька моя! — воскликнула она. — Ах, как я рада, что ты поправилась!

Я выдавила из себя слабую улыбку.

Что мама знает? Что ей сказал герцог? Не мог же он сообщить, что во мне был драконий шип.

— Я не переставала молиться, моя дорогая! — заявила родительница, присаживаясь на кровать. — Уж поверь, тому, кто сделал это с тобой, воздастся по заслугам! Бог все видит!

Я в страхе сжала край одеяла и подтянула его к подбородку.

— А что со мной сделали? — спросила хрипло.

— Ты не помнишь? Ох, я молила Бога, чтобы ты забыла те ужасные мгновения своей жизни!

Я недоуменно посмотрела на Эми, понимая, что от матушки пояснений не добьюсь.

— Его светлость сказал, что, когда вы выехали на прогулку, на вас напал серийный маньяк.

— Ах, негодная девчонка! — воскликнула мама, повернулась к сжавшейся девушке и зашикала на нее, пытаясь таким образом отослать прочь.

— Серийный маньяк? — выдавила я.

— Да, дорогая, в этом нет твоей вины. На его счету уже семь убитых девушек, но скоро его поймут, не волнуйся. Тебе так повезло, что герцог решил навестить тебя в нашем поместье!

— Да, — только и сказала я.

— Не переживай. Ты скоро поправишься. У тебя маленький порез на животе, но Роберт уже

три дня прикладывает туда подорожник, скоро все заживет. У твоего мужа великолепный доктор.

Ах, мама, если бы все раны лечились подорожником!

— Да, — пробормотала я.

— Ты такая бледная, — покачала она головой. — Как только поправишься, я прикажу сделать тебе ванну с лимонным соком. Натру кожу рассолом, а волосы смажем шоколадом, чтобы они не теряли прежнего блеска.

— Да, — выдавила отчего-то грустно. — Мне бы хотелось немного отдохнуть.

— Конечно! Не переживай, служанка все время приглядывает за тобой, — поспешно сказала матушка и поднялась на ноги.

Я улыбнулась уголками губ, наблюдая, как она покидает спальню.

Днем меня разбудила Эми, вернее, ее злобное шипение:

— Прошу, миледи, уходите! Вашей сестре нужен отдых!

Я открыла глаза и посмотрела на испуганную Софи.

— Нет-нет, пусть останется, — пробормотала поспешно.

Услышав это, сестренка сорвалась с места, подбежала ближе и без лишних церемоний забралась ко мне на кровать. Она была первой после доктора, кто осмелился ко мне прикоснуться.

— Ты горячая, — тихо сказала она, взяв меня за руку.

— Мне жарко, — слабо улыбнулась ей.

— Я сейчас исправлю.

В следующее мгновение почувствовала холод, мягко опутывающий тело.

— О Софи, — благодарно выдохнула я. — Где ты этому научилась?

Ожоги на гонках помогли мне освоить эту технику. Преподаватель такого не объяснял, я нашла ее в учебнике по лечебным свойствам магии.

— Его светлость сказал, что нужно делать, — опустив глаза, ответила Софи, словно ей было стыдно.

— Ричард? И давно ты меня... лечишь?

— С самого первого дня, как только тебя привезли. Его светлость только мне разрешил заходить. И доктору. — Софи почему-то шмыгнула носом.

— Ричард все три дня сидел со мной?

Девочка кивнула.

— Я пыталась помочь, но жар всегда возвращался, — виновато выдавила она.

— Софи, ты что, все хорошо, — догадалась я. — Ты ни в чем не виновата!

— А сейчас тебе лучше?

— Да... спасибо. Ты меня спасла.

Вечером пришел Роберт. Вернее, его словно втолкнули ко мне в комнату, а доктор в ответ зашипел:

— Да иду я, иду! Ничего с ней не случится! — Увидел меня и расплылся в улыбке. — Майя!

— Марита, — донеслось из коридора.

— Закрою-ка я эту надоевшую дверь, — шутливо сообщил Роберт.

Мне уже было намного лучше, поэтому я смогла спокойно рассмотреть своего врача. Внешность у него оказалась необычной. Все лекари, которых мне доводилось видеть, были людьми в возрасте, с проседью в волосах. Роберт не выглядел даже на тридцать. Невысокий, худощавый, бледный и на лицо совсем непривлекательный. Но при этом он обладал той самой харизмой, которой иногда очень не хватает врачам. Ею же он блеснул, весело спросив:

— Ты что, еще не умерла?

— Сразу видна ваша исключительная забота о пациентах, — хмыкнула я.

— Ты не вставала с кровати после нашей последней встречи?

— То есть с утра? Нет.

— Не спала на левом боку?

— Не волнуйтесь, нет.

— С мужем не шалили?

— Что? — опешила я.

— Ты права, это не мое дело. Но не шалите, для тебя это сейчас очень опасно. А где жар? — удивился он, когда приложил руку к моему лбу.

— Нет жара, — развела я руками.

— Ах ты, хитрюга, — хмыкнул доктор. — Сама себя охлаждаешь?

Я смущенно улыбнулась и кивнула.

— Твоя сестра неплохо с этим справлялась, — нахмурился Роберт. — Тебе сейчас не стоит тратить силы.

— Но...

— Не спорь. Ты даже не представляешь, что твой организм пережил за эти три дня.

Уж поверьте, представляю.

— Можно я скажу вам странную вещь?

— Для врачей не существует странных вещей, — отозвался мужчина, пытаюсь что-то найти в своем чемоданчике.

— Пока я пребывала в бреду, мне казалось, будто... все вокруг пахнет апельсинами.

Роберт недоуменно нахмурился:

— Действительно, странная вещь. Может, из-за лихорадки обострилось обоняние?

— Когда я очнулась, в комнате не было и намека на запах апельсинов.

— Хм... — Врач задумчиво почесал подбородок. — Тринадцать лет назад мой дядя скончался от чумы. Знаешь, что он сказал мне перед смертью? Апельсины. Я-то думал, он хочет есть.

— Вы были со своим дядей, когда его настигла черная смерть?! — выдохнула я.

— А то, не мог же я запереть его в доме и убежать!

— Вам очень повезло, что вы не заразились, — пробормотала я.

— Никакого везения, чистая медицина. Только я пока не понял, в чем она заключалась, — пожал плечами Роберт. — А теперь позволь мне тебя послушать. — Он вытащил из сумки несколько листов и свернул их в трубочку.

— Это еще что? — нахмурилась я.

— Ноты для фортепиано.

Приложил один конец трубы к моей груди, к другому же сам приник ухом.

— А вам разрешено лечить людей? — опасливо уточнила я.

Роберт задумался, не отрываясь от своего занятия.

— Хм... в наше время у контрабандиста больше прав, чем у врача, который действительно хочет лечить людей. Сердечко у тебя бьется немного чаще, чем должно бы, но в целом ты очень быстро поправляешься.

— Это какой-то новый метод? — уточнила я.

— Да, я сам его открыл, — похвастался Роберт, убирая листы обратно в чемоданчик.

— Как?!

— А ты легко ранимая барышня? — уточнил он.

— Очень легко ранимая.

— Тогда ты не обрадуешься, если я скажу, что однажды провел незабываемую ночь с одной заморской красавицей, и в какой-то момент мы решили, что было бы очень забавно...

— Боже милостивый, просто скажите, что проводили эксперимент.

— Я так и сказал, — ухмыльнулся Роберт. — Кстати, через несколько дней поставим тебе пиявки.

— Что?!

— Тебе нужно немного оправиться, пить больше воды, чтобы восполнить запас жидкости в организме. А потом пиявки очистят плохую кровь.

— Я не хочу пиявок!

— Да кто тебя спрашивает, из нас двоих только я доктор.

После этой не самой удачной шутки Роберт надавал мне указаний и откланялся.

До самого вечера я ждала, что ко мне зайдет кто-то помимо служанки, но так и не дождалась.

Ночью меня разбудил тихий голос Софи:

— Она спит?

— Миледи, пожалуйста, не тревожьте вашу сестру, — в отчаянии прошептала Эми, которая пристроилась на софе.

— Ты пришла сбить жар? — сонно пробормотала я.

— Да.

— Иди сюда, сестренка.

Софи быстро забралась на кровать, уселась и приложила ладони ко лбу.

— Доктор Дэвисон говорит, что ты скоро поправишься.

— Доктор Дэвисон — это Роберт?

— Да, — кивнула Софи.

Я прищурилась, пытаюсь разглядеть силуэт сестры в полумраке, создаваемом зажженной свечой.

— А что у тебя на голове?

— Это косички, я сама их заплела, но под чепчиком не видно, они прямо вот отсюда начинаются, — похвасталась Софи, указывая на свою макушку. — А еще у меня есть вот что, смотри!

Она продемонстрировала мне листок бумаги, на котором углем был нарисован... медведь с рогами в брюхе?

— О-очень красивое животное, — одобрительно протянула я.

— Это дракон, — смутилась сестренка. — Я подарю его герцогу Бёме.

— Э-э... сейчас?

— Да, — кивнула она.

Я посмотрела на часы.

— Софи, не думаю, что это удачный момент. Герцог уже спит.

Или на гонках. А если быть точнее — хорошо проводит время с Селеной.

— Сделай это завтра утром, — тихо добавила я.

— Он не спит, он читает, — уверенно сказала сестренка.

— С чего ты взяла?

— Я видела. Он лежит на софе рядом с твоей спальней.

Приподняв брови, я удивленно посмотрела на притихшую Эми. Заметив мой взгляд, та поспешно кивнула:

— Это правда, миледи.

— И давно он там лежит?

— Уже четыре дня, — пожала плечами служанка.

— Эми... а вы... вы не могли бы его попросить... кхм... попросить зайти ко мне? — От неожиданной новости в горле пересохло и говорить стало невероятно трудно.

— Конечно, миледи, — кивнула Эми.

— Софи, не оставишь нас? — тихо попросила сестру.

Та надула губы и испустила печальный вздох:

— Я знаю, что вы будете делать. Он тебя поцелует, и я не смогу подарить ему рисунок! — обиделась она.

— Так подари его сейчас, — смущенно пробормотала я.

— Вы хотели меня видеть, герцогиня? — услышала усталый голос мужа.

Софи поспешно слезла с кровати, сделала неловкий книксен и только после этого подошла к его светлости и вручила рисунок.

— О, это мой дракон? — Ричард ленивым движением принял подарок. — Спасибо, Софи.

— Не за что, ваша светлость, — покраснела та и выбежала за дверь.

— Эми, не оставишь нас наедине? — тихо попросила я мнущуюся у входа служанку. После того как дверь за ней закрылась, непонимающе обратилась к мужу: — Ваш дракон?

— Да, Софи нарисовала мне дракона.

— Это вы ее попросили? — осторожно спросила я.

— Мне пришлось.

— Что вы имеете в виду?

— Она думала, что ты умрешь, Марита, — с едва заметной злостью сказал герцог. — Она плакала не переставая, и никто не мог ее успокоить. Она думала, что потеряла свою сестру навсегда. Ей всего десять лет. Ты хоть представляешь, что Софи пришлось пережить из-за тебя?

Я совсем не ожидала, что он выплеснет на меня столько гнева.

Ричард, кажется, и сам от себя этого не ожидал.

— Прошу прощения, я не хотел вас задеть, — покачал он головой.

— Как давно вы не спали, ваша светлость? — спросила, с недоумением разглядывая фигуру мужа в свете догорающей свечи.

Зловещие тени падали на его лицо, но даже так я сумела заметить отросшую щетину, бледную кожу и мешки под глазами, указывающие на крайне измотанное состояние.

— Я тяжело засыпаю в последнее время. — Он сказал это, желая заполнить возникшую паузу.

— Возможно, ромашковый чай может вам помочь, — тихо ответила я.

— Даже ромашковый чай не способен избавить меня от ночных кошмаров, в которых я нахожу свою жену в луже собственной крови.

— Это из-за меня вы не можете уснуть? — В горле снова пересохло. Я повернула голову и потянулась к чашке с водой.

Ричард тут же сказал:

— Я подам.

Но подходил он мучительно медленно. Сердце испуганно забилося от понимания того, что муж просто не хочет приближаться к своей жене. Это неудивительно. Он же три дня один ухаживал за мной, видел меня в агонии, вытирал пот с лица и выносил ночной горшок.

Худшее для семейной пары представить сложно.

— Вам претит мысль, что я притворялась мужчиной? — Вопрос вовсе не отражал моих истинных страхов, но косвенно их затрагивал.

Приподняла голову, стараясь лишний раз не шевелиться, и приняла чашку из рук герцога. Глотнула немного, но это не помогло избавиться от кома в горле.

— Мужчиной? — нахмурился Ричард. — Скорее глупым пареньком. Марита, о чем ты думала? — Он непонимающе посмотрел на меня, возвращая чашку на тумбочку. — Ты хоть понимаешь, какой опасности подвергалась каждую секунду? Шип от Рогатого Дога — это мелочь по сравнению с тем, что тебя могли просто скинуть с дракона, и никто не нашел бы твое тело в ущелье.

Наверное, мы оба в этот момент вспомнили, как Тим Донг едва не убил перепуганного Джона Рута. Просто потому, что был не в настроении.

— А как же вы, герцог? — с горечью выдавила я. — У вас есть все, о чем мечтают мужчины вашего возраста: статус, богатство, любящая семья, некогда красивая жена, желавшая исполнить любую вашу прихоть. Тем не менее вы все равно рветесь туда. — Я не спрашивала, я это знала. — Роберт запретил вам участвовать в сегодняшних гонках, но вы ведь были там, да?

— Вас не должно это более волновать, герцогиня.

— Вы там были, — грустно улыбнулась ему. — От вас пахнет драконом, злостью и духами Селены.

Ричард скрестил руки на груди.

— Простите?

— Забудьте, — покачала головой, отчего волосы рассыпались по подушке. — Я вовсе не хотела вас попрекать. У меня нет на это никакого права. Но позвольте спросить, как там мой Фенька? Знаю, вы ничего мне не должны, но он еще как маленький ребенок, за ним нужно прис...

— Ты доставляешь ему невыносимую боль, — перебил меня Ричард.

— Что?

— Пока ты металась в бреду, он чуть с ума не сошел. Пожалуйста, прерви на время вашу связь, чтобы он перестал так волноваться. Или хотя бы передавай ему приятные воспоминания.

— Что сделать? — не поняла я.

Герцог, кажется, опешил.

— Вы не обмениваетесь воспоминаниями?

Я покачала головой.

И увидела, как он неверяще провел рукой по своей отросшей щетине, а затем обманчиво спокойно спросил:

— Марита, твой дракон настолько молод?

— Мне не с чем сравнивать, ваша светлость, — тихо пробормотала я, предчувствуя что-то недоброе.

— Ты сунулась в логово мужиков, готовых друг другу перегрызть глотки за победу, на драконе, с которым у тебя даже не оформилась прочная связь?

Я поджала губы. Простите, ваша светлость, никто не предоставил мне пособие по правильному установлению контакта с драконами.

— Там вся моя жизнь, — выдавила тихо.

— Я тебя туда не пушу, — уверенно покачал он головой.

— Ты меня не удержишь, Ричард.

— У тебя будет все, что ты захочешь. — Он сказал это с каким-то отчаянием, что заставило меня недоуменно посмотреть на него. Ему словно невыносимо было все это терпеть. — Что ты хочешь? Платья? Драгоценности? Я куплю их тебе. Ты отвлечешься на балы, я свожу тебя в столицу. Но на гонки ты не вернешься. Ты не умеешь седлать дракона.

— Так научи меня, — выдохнула я и сама удивилась тому, что сказала.

— Прости?

— Ты же Тим Донг. Я не знаю никого, кто бы так летал на драконе, как ты. Научи меня.

— Забудь об этом, — хмуро оборвал он. — И да, чтобы между нами больше не было этого чудовищного недопонимания: я женатый мужчина, и с тех пор, как мы поженились, на мне никогда не было и не будет духов Селены или кого-то еще. Моя жена далеко не некогда была красивой. Все.

— Но...

— И моя жена будет гулять по саду, выбирать себе фасоны новых платьев, следить за столичной модой и хихикать с подружками за чашечкой чая, как нормальная леди.

— Но...

— Все, — резко оборвал Ричард. — А пока ты не оправилась от полученной раны, ты станешь выполнять все указания доктора. Будут еще какие-то пожелания, герцогиня Бёме?

Я закрыла глаза и плотно сжала губы. Помолчала секунду, а затем выдавила:

— Да.

— Какие же?

— Всего одно, ваша светлость. — Наверное, он ожидал от меня чего-то язвительного, но я только тихо сказала: — Пожалуйста, поспите.

— Что? — удивленно переспросил Ричард.

— Мне больно видеть вас в таком подавленном состоянии. Прошу вас, отдохните.

— Это все?

— И не забудьте про ромашковый чай. Утро вечера мудренее, ваша светлость.

Последующие четыре дня стали для меня настоящей пыткой. Из-за того, что вставать с кровати запрещалось, мне уже начало казаться, что на моем теле появились пролежни. Приходилось занимать себя чтением книг и общением с мамой, сестрами и Робертом, на которого я едва не рычала за его нежелание позволить мне хотя бы пройтись по комнате.

Велико было желание взвыть от тоски, но я всеми силами пыталась вызвать в себе положительные эмоции, чтобы Фенька чувствовал, что со мной все хорошо.

И всеми силами старалась избегать Ричарда. Настолько, насколько это вообще было возможно в моей ситуации. Дело даже не в том, что он решил поиграть в грозного мужа, а в собственном страхе.

Я боялась, что он увидит меня *такой*.

Наверное, странно, что одолевали меня вовсе не обида и гнев, а боязнь выглядеть некрасивой. Даже скорее мерзкой. Вставать мне не давали, мыться я не могла. Волосы стали грязными и походили на скользких змей, а в комнате витал застоявшийся запах пота.

Это стало едва ли не худшим унижением в моей жизни.

Даже когда любовница мужа рассказывала мне про их утехы, я не чувствовала себя так удручающе.

Осложнялось все тем, что темная магия Ричарда нужна была, чтобы снизить риск возникновения инфекции. Поэтому хотя бы раз в день герцог обязательно находился в моих покоях.

Три дня подряд я умоляла Роберта найти другого мага, на четвертый просто озверела и заявила, что, если мой принципиальный врач не позволит мне вымыться, его посадят в тюрьму. Роберт, на удивление, пошел на уступку. Я ожидала, что он засыплет меня указаниями, что делать можно, а чего нельзя. Но этого не произошло.

Спустя несколько часов стало ясно, что этими указаниями он засыпал слуг и Ричарда.

Доктор помог мне подняться с кровати. Подождал, пока я снова привыкну стоять на ногах, и повел в ванную комнату. Когда мы туда зашли, я замерла на пороге, неспешно повернулась и уперлась руками в грудь Роберта.

— Что тут делает Ричард?! — зашипела возмущенно.

— Он твой муж, — шепотом отозвался врач. — Марита, прошу тебя, давай без резких движений. Я не хочу, чтобы все стало очень плохо.

— А я не хочу, чтобы меня мыл Ричард, — тихо уперлась я и сделала шаг назад.

— Нет-нет-нет, ради тебя слуги несколько раз кипятили эту воду, так что иди и мойся, — зашипел Роберт.

— Но я...

— Может, хочешь, чтобы служанка тебя помыла? Заметила шов? Сообщила твоей маме?

— Мм... — неопределенно промычала я.

— Или, может, мне тебя помыть? — шикнул доктор.

Я покачала головой.

— Он увидит меня голой, — прошептала в отчаянии.

— Он твой муж, ему положено видеть тебя голой.

Мы повернулись к Ричарду с невинными улыбками во весь рот, усиленно делая вид, что наши перешептывания его не касались.

Муж стоял, прислонившись спиной к стене и засунув руки в карманы брюк. О том, что он прекрасно слышал наш разговор, говорила лишь насмешливо поднятая бровь.

— Ты все мои слова запомнил? — грозно спросил у него Роберт.

— Не волнуйся, — ответил герцог.

Оторвался от стены, подошел к нам и принял меня из рук врача.

— У вас есть пятнадцать минут, иначе я к вам загляну и надаю по шее. И, надеюсь, не надо напоминать, что, если ей станет плохо, нужно орать во все горло, чтобы я скорее пришел?

— Все будет нормально, — отмахнулся Ричард.

— Уж постарайтесь!

Роберт, недовольно сопя, удалился.

Я нервно мяла кружевные рукава ночной рубашки и не решалась взглянуть на герцога.

— Марита, края ванны очень высокие, мне придется тебя поднять, чтобы...

Я не дала ему договорить. Взмахнула правой рукой и, не отрывая взгляда от пола, создала ледяную лесенку.

— Что ж, можно и так, — хмыкнул муж.

Взял мою ладонь и потянул в сторону.

В ванну я взошла, а потом и спустилась, точно королева. А потом снова стала смущенной и немного испуганной Маритой.

Ричард говорить не спешил. То, что он хочет снять с меня камизу, поняла только тогда, когда он наклонился и потянул ее вверх.

Я тут же прижала руки к бедрам и напряженно наблюдала, как герцог устало выпрямился и непонимающе на меня посмотрел.

— Ты же вроде хотела помыться, — напомнил он.

— Я могу и сама, — пробормотала в ответ. Посмотрела на огромные деревянные ведра, на ковш. Глупо вышло. И так понятно, что не могу.

— Марита, я знаю, что ты обижена, но сейчас не время дуться.

— Я не дуюсь, — надулась я.

— Позволь снять с тебя одежду.

Я поджала губы, уставилась на бортик фаянсовой ванны. Ричард, не дожидаясь моего согласия, вновь присел и, взяв конец ночной рубашки, потянул ее вверх, обнажая ноги. Он сминал

рубашку в руках, закатывал все выше и одновременно поднимался сам, пока его лицо не оказалось напротив моего. Я хотела поднять руки, но герцог предупреждающе покачал головой и стянул одежду, заставив немного наклониться вперед.

Мне стало стыдно.

Мало того что стою грязная, неухоженная, так еще и этот шов. Нитки вылезали из кожи, словно она была тканью. Смотреть на это казалось невыносимым. Я прикрылась руками и зажмурилась.

— Ричард, я... я, кажется, не могу... — выдавила тихо. — Уйдите, ваша светлость, пожалуйста.

— Марита, что случилось? — услышала обеспокоенный голос герцога. — Тебе больно? Я позову Роберта.

— Нет, нет! — поспешно воскликнула и решила открыть глаза. — Мне не больно. Мне не хочется, чтобы вы были здесь.

— Ты все еще злишься на меня? — нахмурился Ричард.

— Нет, к непониманию я привыкла. Я просто не хочу доставлять вам еще больше проблем.

— Вот как. Тогда должен тебе сказать одну вещь.

Если до этого он стоял в нескольких шагах от ванны, то теперь приблизился вплотную к бортику. А значит, и ко мне.

— Какую? — Я испуганно сглотнула.

— Без меня тебе не справиться.

Не обращая внимания на панику в моих глазах, Ричард одним уверенным движением обхватил меня за талию. Не успела вскрикнуть, как вторую руку он положил мне на левую часть живота, чуть ниже груди. Прямо на шов. Тут же по коже прошел жар.

Я опустила глаза и увидела что-то вроде пояса, только вместо ткани была тьма.

— Роберт дал вполне четкие указания, — усмехнулся герцог, заметив мое растерянное лицо. — А еще он был чертовски прав, когда сказал, что я ваш муж и мне полагается видеть вас голой.

Он убрал руку с талии, обхватил мои ладони и отнял их от груди.

Я замерла в нерешительности, остро почувствовав себя пятилетней девочкой. Кожу на животе немного жгло, но ощущение тягучей боли отошло на второй план. Я разглядывала мужа, который набрал воды в ковш и подошел ко мне.

— Закрой глаза, — попросил он.

Исполнила его просьбу и почувствовала теплые струящиеся потоки, стекающие с головы по волосам и по обнаженной коже, покрывшейся мурашками от странных ощущений.

Ричард снова наполнил ковш, а я стояла и, не открывая глаз, рассеянно водила правой рукой по левой. От нее — к шее, разминая затекшие мышцы.

— Вы не брезгуете? — спросила задумчиво.

Вздрыгнула, когда на меня вылили теплую воду.

— В каком смысле? — услышала настороженный голос герцога.

— Вы не смотрите на меня как на урода даже после того, как на моем теле появился этот шов?

...И даже после того, как вам пришлось провести возле моей постели три мучительных дня...

— Марита, ты же моя жена. Я не смогу смотреть на тебя как на урода, даже когда твое лицо покроется морщинами, а живот утонет в жировых складках.

Я недоуменно открыла глаза. Это намек на старость? На старость вместе с ним?

К сожалению, лица герцога не увидела. Он посчитал, что вылил на меня достаточно воды, и теперь отвернулся, чтобы намылить руки.

— Знаете, — сказал он, стоя спиной ко мне, — я понимаю, что вы имеете полное право обижаться на меня. Вы молоды и еще многого не осознаете. Но это не повод выставлять меня из своей спальни.

— Я не выставляла вас из своей спальни, — нахмурилась, услышав это нелепое обвинение.

— Каждый раз, когда я пытался зайти к вам, служанка сообщала мне, что у вас болит голова и вы слишком плохо себя чувствуете, чтобы принимать кого-либо. При этом Роберт вовсе не волновался.

Я смущенно потупилась и пробормотала:

— Вы же его знаете, он не из тех, кто паникует по пустякам.

— Ричард! Ричард! — застучали в дверь. — Твоя жена еще жива?!

— Мы моемся, Роберт! — раздраженно отозвался герцог.

— Мы?!

Муж тяжело вздохнул и отправился докладывать доктору о том, как обстоят дела на самом деле.

Я посмотрела на полоску тьмы, обхватившую живот. Она не позволяла воде добраться до раны, но при этом довольно болезненно щипала кожу. Скорее всего, придется сводить ожог. Как бы нитки не сгорели...

— Я начну с головы, — услышала голос вернувшегося герцога.

Он подошел ко мне и осторожными движениями стал водить намыленными руками по волосам. При этом смотрел на мое лицо. И взгляд у него был довольно странный. Что-то в самом герцоге изменилось, будто кожа потемнела.

Он злился?

— Я сделала это намеренно, — сказала, без страха посмотрев в его карие глаза, цвет которых в

данный момент сменился черным.

— Намеренно не пускали к себе?

— Да, ваша светлость. Не думаю, что вам было приятно ухаживать за мной те три дня, что я боролась с лихорадкой. Мне не хотелось, чтобы я окончательно разошлась вам.

— Не стану врать, что было приятно. — Он помолчал мгновение, а затем добавил: — Зато, когда мне понадобится помощь, вы не откажете себе в удовольствии поухаживать за мной.

Его руки перестали трогать мои волосы. Вместо этого спустились к шее и осторожными, трепетными движениями принялись ее массировать. Я прикрыла глаза от удовольствия и, словно в сладком сне, пошептала:

— А можно еще и спину?

— Можно, — хрипло отозвался герцог.

Вздрыгнула, когда он, будто бы поддавшись странному порыву, очертил линию позвонка. У Ричарда оказались вовсе не теплые, мягкие пальцы. Его кожа была грубой и шершавой и вызывала не самые приятные ощущения.

Я непроизвольно поморщилась и неожиданно выдохнула, ошарашенно замерев, когда почувствовала ласковое прикосновение обветренных губ к своей шее.

Открыла глаза, моргнула, неуверенно посмотрела на лицо мужа, которое находилось намного ближе, чем несколько секунд назад. Нас разделял всего лишь бортик ванны. Если бы не это — Ричард уже давно дышал бы мне в лоб.

— У вас мыло. На губах, — смущенно пробормотала я.

— У вас мыло. На шее, — пожал он плечами.

Его карие радужки полностью окрасились в черный.

Я замороженно уставилась в эти глаза, медленно осознавая, что тьма, которая плещется в них, по-настоящему прекрасна. Все так опасаются этой стихии, но она... великолепна.

Вытянув руку, осторожно стерла пену с его губ. Как же все-таки восхитительно, что они обветренные. Это словно маленькое доказательство свободы, которую постигает мой муж, когда надевает на себя чужую личину. Мы оба постигаем.

— У вас борода, — сказала я с легкой улыбкой. Так странно было не видеть его идеально выбритый подбородок.

— У вас румянец на щеках, — отозвался герцог.

— Он вам нравится? — улыбнулась уже смелее.

— Не то слово.

Меня притянули к себе так резко, что я успела только испуганно выдохнуть и вцепиться в плечи мужа, чтобы удержать равновесие.

— Простите, я вас облила, — пробормотала неловко, но Ричард не спешил меня отпустить. Его рука лежала у меня на спине и крепко прижимала к своей груди.

— Просто держитесь, — тихо попросил он и начал круговыми движениями намыливать кожу.

Я чувствовала его широкие грубые ладони и, вместо того чтобы морщиться от неприятных ощущений, вдруг начала тяжело дышать. Ричард спускался все ниже. Когда его руки коснулись ягодиц, я внутренне напряглась.

А потом почувствовала, как муж уткнулся носом мне в шею. Я самодовольно улыбнулась и непроизвольно хихикнула, когда герцог потерся щекой о мою кожу. Из-за бороды это было щекотно.

Ричард медленно повел левую руку ниже, убрал ее с ягодицы. Заставил приподнять ногу и упереться в бортик ванны.

Хихикать резко расхотелось.

С губ сорвался полувыдох-полустон, когда герцог одним прикосновением провел рукой между ног. Это было настолько бесстыдно и интимно одновременно, что я уткнулась лбом в плечо мужа, чувствуя, как краснеть начинают не только щеки, но и уши.

— Марита, — хрипло позвал Ричард, — мне надо тебя домыть. Отпусти, пожалуйста.

Я нахмурилась, непонимающе оторвалась от него и увидела, как он присел на корточки. Обхватил правую ногу двумя руками и медленно повел их вниз, оставляя на коже мыльные дорожки. Не позволяя мне сменить положение, проделал то же самое с левой.

Затем выпрямился, но вновь прикасаться ко мне не спешил. Отвернулся, подошел к ведру, набрал воды в ковш и начал мыть руки.

Я вернула правую ногу в вертикальное положение. Тихонько пробормотала:

— Мы с вами так и не поговорили о... сложившейся ситуации. Теперь, когда вы знаете о Джоне Руте, вы должны понимать, что у меня никогда не было любовника.

Ричард набрал в ковш чистой воды и повернулся ко мне:

— Не будем об этом.

Ох уж эти тени, что бегут по его лицу... знать бы, что они означают.

— Вы же понимаете, что ваша жена принадлежит только вам? — непонимающе переспросила я.

— Марита, пожалуйста, не сейчас, — выдавил он, отчего-то стиснув зубы.

Неожиданно в дверь постучали.

— Пятнадцать минут прошло! — донесся до нас голос Роберта.

— Дай нам еще две минуты, — гаркнул Ричард, что заставило меня испуганно вздрогнуть.

Его движения были резкими и какими-то злыми. Я решительно не понимала, в чем дело и из-за чего произошла эта смена настроения. Муж всеми силами старался ко мне не прикасаться.

В несколько заходов он вылил на меня ведро чистой воды, помог вытереться полотенцем, рассеял магию с живота и надел чистую камизу.

— Роберт, заходи, — крикнул он.

Доктор тут же ворвался к нам, словно все это время нервно караулил за дверью.

— Ты еще жива? — приветствовал он меня.

— Помоги ей добраться до спальни, — хмуро приказал герцог Бёме и, не сказав более ни слова, быстрым шагом удалился с наших глаз.

— Что это с ним? — удивился Роберт, подходя ближе.

— Увидел меня голой, — уныло отозвалась я.

Мама начала нервничать.

Я лежала в кровати и слушала, как она ругается с Робертом. Видимо, они находились рядом с дверью, потому что слышно все было просто прекрасно.

Матушка не понимала, почему при простом порезе я не встаю уже четвертый день. Она была уверена, что подорожник должен помочь. Роберт пытался внушить ей, что это осложнения после лихорадки и рисковать нельзя. Но мама осталась крайне недовольна его методами и угрожала вызвать нашего семейного лекаря, чтобы тот проверил добросовестность работы Роберта.

Через четверть часа врач зашел ко мне с невероятно мрачным видом.

— Позвольте мне встать с кровати, — попросила я.

— Ни за что, — отрезал он.

— У меня уже ничего не болит, честное слово.

— Конечно, холод обезболивает. Но если шов разойдется, то...

— Все будет очень плохо, знаю. Вы слышали мою мать? Она не шутит, когда дело касается ее детей.

— Так. Принцесса, давайте вы будете лежать в теплой кроватке, а рыцари сами разберутся?

Я закатила глаза.

— Слушайте, Роберт, я больше не могу лежать. У меня затекли руки, ноги, и такое впечатление, будто я вообще разучилась двигаться.

— Нет. И не указывайте мне, как вас надо лечить. Сегодня вы лежите в кровати, Марита. Завтра прикроемся пиявками. А потом уже будем думать, как поступить дальше.

— Пиявками? Завтра? — испугалась я. — Не надо пиявок!

— Да шучу я, шучу, — отмахнулся Роберт. — Не забивайте себе голову.

Он, к сожалению, не шутил.

Обычно сестры с матушкой заходили ко мне в разное время, рассказывали разными словами одни и те же новости, но сегодня после ухода Роберта они ввалились в спальню всей гурьбой.

Причиной стал предстоящий бал у графа Вудбрайта. Ария хвасталась новыми лентами. Майя рассказывала, как они встретились с виконтом Вудбрайтом в Буклоне и как он был невероятно обаятелен и внимателен. Софи ныла, что тоже хочет пойти, а матушка почему-то не выпускала моей руки. Когда гомон сестер немного поутих, она серьезно сказала:

— Дорогая, ты же понимаешь, почему Вудбрайты жаждут видеть нас на своем приеме, хотя раньше они нашу семью не слишком жаловали?

— Теперь что-то изменилось? — не поняла я.

— Теперь они узнали, что герцог гостит в поместье. Они питали надежду, что он посетит их скромный бал.

— Ты же знаешь герцога Бёме, он не посещает балы. Даже в столице почти не появляется.

Матушка крепче сжала мою руку:

— Поэтому тебе как его жене нужно уговорить своего мужа сделать исключение для Вудбрайтов.

— Боюсь, мы не настолько близки, чтобы я могла ему указывать, — пробормотала я.

— Девочка моя, я вовсе не прошу его указывать. Прояви мудрость и находчивость, но постарайся заставить герцога появиться на этом приеме, — настойчиво сказала матушка.

— Но... зачем?

— Чтобы вернуть нам статус уважаемой семьи, которого нас лишил твой отец.

Тут бы следовало добавить «пусть земля ему будет пухом», но мама вновь переключилась на обсуждение бала.

— Марита, ты же пойдешь?! — возмущенно перекрикивая сестер, взывала Софи.

— Конечно, она пойдет, — шикнула матушка.

— Вот Марита болеет, но все равно идет! Я тоже хочу!

— Марита — герцогиня Бёме, — закатила глаза Ария, — ей обязательно нужно появляться на таких балах. А ты пока маленькая и глупая.

— Ария, не трогай свою сестру, — разозлилась матушка, наблюдая за тем, как Софи начинает реветь.

Так проходила каждая подготовка к балу, даже моя свадьба не обошлась без криков и споров.

Но на этот раз голова разболелась намного раньше.

— А где герцог? — устало спросила у мамы.

— После того как ты приняла ванну, он отправился в Буклон по делам.

— О... вот как.

На секунду даже показалось, будто он специально сбежал в город. Жена окончательно ему надоела, и до ее полного выздоровления возвращаться к ней он не намерен.

Но герцог вернулся.

К сожалению, узнать об этом, находясь в спальне, не представлялось возможным, потому что в доме царил хаос — моя семья готовилась к балу. То, что Ричард приехал, поняла только в тот момент, когда он сам зашел ко мне в комнату.

— Ваша светлость? — удивилась, открыв глаза и заметив его в дверях.

Я только-только начала дремать, поэтому пришлось поспешно приглаживать волосы. Посмотрела на Эми, и та без слов выскользнула в коридор, поскольку уже привыкла к тому, что ее постоянно отсылают.

— Как вы себя чувствуете? — спросил муж, проходя на середину спальни.

— Уже намного лучше, благодарю.

— Вам что-нибудь нужно? — уточнил он уже тихо.

— Да, пожалуй.

Я оперлась на руки, приподнялась и подтянула себя на подушки, принимая полусидячее положение.

— Марита, нет! Не двигайся! — воскликнул Ричард.

Но я только усмехнулась:

— Успокойтесь, ваша светлость, вы же меньше всего похожи на Роберта.

Герцог мгновенно оказался возле меня, наклонился и схватил за плечи. Но замер в нерешительности, не зная, то ли попытаться меня уложить, то ли лучше не трогать, чтобы не навредить еще больше.

— Не поправите подушечку? — невинно попросила я, разглядывая недовольное лицо.

Тот понял, что, если не выполнит мою просьбу, я сделаю это сама, и кто знает, чем это может обернуться. Выбрав из двух зол меньшее, Ричард поправил подушку.

Я блаженно прикрыла глаза, наслаждаясь тем, как от смены положения разминается позвоночник.

— Марита, зачем ты это сделала? — строго спросил муж, словно отчитывал маленькую девочку.

— Нет сил больше лежать, ваша светлость, — ответила ему, не чувствуя ни грамма вины. — Не хотите ли составить мне компанию? — спросила, добродушно улыбнувшись.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился муж.

— Присядьте рядом со мной. — Я настойчиво постучала ладонью по постели.

Герцог удивленно поднял брови:

— Присесть к вам?

— Да. — Кивнула. — Вы же не хотите отказать в просьбе умирающей жене?

— Умирающей жене? — Ричард поджал губы, словно пытался скрыть улыбку. — Вы довольно бодры для того, чтобы находиться при смерти.

Я изогнула бровь и надменно взглянула на мужа:

— Ричард. Я хотела с вами серьезно поговорить.

— Вы хотите заставить меня пожалеть, что сегодня я решил заглянуть к вам перед сном? — уточнил он.

— Прощу вас, сядьте рядом, — сказала настойчиво.

Наездники, кем бы они ни являлись в жизни, всегда копили в себе энергию, которую выплескивали в небо. Игривый огонек жил в нас с самого рождения, и нам всегда приходилось подавлять его, чтобы окружающие не подумали, что мы сумасшедшие.

Ричард позволил своему огоньку вырваться наружу.

Глаза мужчины опасно блеснули, руки обхватили спинку кровати, и он в одно мгновение запрыгнул на указанное место, резво перемахнув через меня. Матрас жалобно скрипнул, заставив подлететь нас обоих, точно на качелях.

Герцог Бёме сделал вид, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Пристроился рядом со мной, оперев локоть в мою подушку, и сказал:

— Да, моя дорогая жена, я вас внимательно слушаю.

Спеси у меня заметно поубавилось, но отступить я не собиралась. Сложив руки на простыне, прикрывавшей ноги, спокойно заговорила:

— Ваша светлость, скажите мне честно, чем я вызвала ваше недовольство сегодня утром?

Заметила, как Ричард недоуменно нахмурился.

— Ничем, — осторожно ответил он.

— Прощу вас не врать мне. Я видела, как вы злились.

— С чего вы взяли, что я злился?

— Ваша стихия выдает вас. Когда вы злитесь, ваше лицо темнеет.

— О, вы меня еще слишком мало знаете, чтобы бросаться подобными обвинениями, — ничуть не смутился муж. — Это была вовсе не злость.

— Не злость? — Я повернула голову и непонимающе уставилась на подбородок Ричарда.

— Нет, — тихо выдохнул герцог.

— О, — только и пробормотала я. Задумчиво поглядела на простыню и неловко спросила: — Сегодня вы выезжали в город?

— Именно так.

Кажется, он придвинулся ближе. Я остро чувствовала запах туалетной воды, которой пользовался мужчина. Пахло довольно приятно, и это на самом деле немного пугало. Аромат выбивал из колеи, не давал мыслить здраво.

— Чем вы там занимались?

Мне хотелось быть внимательной и заботливой женой, но это было похоже на допрос.

— Делами, — лаконично отозвался Ричард.

— Не хотите говорить?

Послышался тяжелый вздох. Я вновь решила немного повернуть голову и взглянуть на мужа. Только сейчас заметила, насколько уставшим он выглядит.

— Этот разговор не подходит для нежных и ранимых леди.

— Я не нежная и не ранимая. Вернее, — опустила глаза, взяла его за руку и слабо улыбнулась, — могу быть нежной. Но точно не ранимой. — Посмотрела на опешившего герцога и постаралась как можно мягче сказать: — Поговорите со мной.

Он молчал, казалось, вечность. Разглядывал меня так, словно мысленно пытался что-то для себя определить. Потом пожал плечами и спокойно сказал:

— Поймать маньяка оказалось не так просто, как мы рассчитывали.

Я ошарашенно приоткрыла рот.

— Маньяка? Который убил семерых девушек?

Ричард кивнул.

— Мне казалось, ты придумал эту историю для моей матери, — удивленно прошептала я.

— Нет, — грустно усмехнулся муж. — За два с лишним года семь убитых девушек.

— И никто ничего не сделал?!

— Ты правда хочешь об этом поговорить? — нерешительно уточнил Ричард.

— Да, это же касается моего графства. В смысле, теперь уже бывшего графства, но все же.

— Стража Буклона связывалась с твоим дядей, но он не дал добро на расследование.

— Почему?

Дядя у меня, конечно, увлекается азартными играми, любит проигрывать деньги на скачках, но вряд ли он мог закрыть глаза на убийства.

— Все девушки были не самыми уважаемыми дамами в обществе.

— О, — дошло до меня.

Они принадлежали к профессии Симоны.

— Ты... ты в порядке? — В моем голосе отчетливо прозвучала вина.

Я-то, глупая, думала, он от меня сбежал, потому что я сделала что-то не так... а он действительно уезжал в Буклон по делам. И очень-очень устал.

— Да, я в порядке, — отмахнулся муж. — И я рад, что тебе тоже стало лучше.

— Ричард, — тихо позвала его.

— Да?

— Когда гонка?

Молчание. Долгое, тяжелое, означающее, что своим вопросом я все испортила.

— Марита, послушай, — начал было герцог, и его голос прозвучал крайне недовольно.

— Не надо, Ричард, — оборвала я. — Ты думаешь, я не вижу, что ты пытаешься сделать?

— И что же?

Я все еще сжимала его ладонь.

У наездников не бывает теплых рук, но они бывают нежными и могут крепко держать те руки, которые им очень, очень нравятся.

— У тебя не получится сделать вид, что того мира не существует, — тихо сказала я.

— Я вовсе не...

— Ричард, ты всеми силами избегаешь разговора обо всем, что касается Джона Рута и Тима Донга. Конечно, ты ничего мне не должен, но... просто скажи, когда гонка?

Я не поднимала взгляда, поэтому мне оставалось лишь прислушиваться к напряженному дыханию мужа.

— Сегодня, — наконец ответил он.

— Ты полетишь? — спросила дрогнувшим голосом.

Ричард помолчал несколько мгновений. Я вздрогнула, когда он осторожно погладил меня по голове, а затем задумчиво сказал:

— Честно говоря, день сегодня был тяжелый.

Мне не удалось скрыть грустную улыбку.

— Наверное, прозвучит довольно странно, раз жена ищет предлог, чтобы муж остался в ее постели. Но... если у вас на ночь не запланировано никаких дел, быть может, вы переночуете здесь?

Не знаю, как у меня хватило смелости договорить до конца и ни разу не заикнуться.

Я напряженно ожидала ответа и не решалась поднять глаза. Все смотрела и смотрела на ладонь герцога. Пока не поняла, что он ее аккуратно высвобождает из моей руки. Я тоскливо разжала пальцы. Ричард встал с кровати, оставив меня наедине с уничижительными мыслями, и двинулся к двери.

Я была уверена, что сейчас он уйдет. Но вместо этого он повернул щеколду.

Я удивленно подняла брови. Ричард открыл шкаф, вытащил оттуда шерстяной плед. Задул несколько свечей в канделябре и вернулся к кровати.

— Последние ночи были холодными, — сообщил он.

Взмахнул покрывалом, позволив ему накрыть меня и часть кровати. После чего принялся раздеваться.

Я наблюдала за ним, откинув голову на подушку. Пляшущие тени создавали усыпляющий эффект. Задумчиво улыбнулась, увидев, как муж отточенными движениями избавляется от одежды и надевает найденную в шкафу ночную рубашку. Он уже не первый раз переодевался без слуг. Мне неожиданно понравилось, что мужчина совсем не выглядит беспомощным и может сам о себе позаботиться, если есть такая необходимость.

— Наконец-то я вижу счастливую улыбку, герцогиня, — заметив мой взгляд, усмехнулся Ричард.

— Это для Феньки, — поспешно пробормотала я.

— Очень жаль.

Герцог забрался в постель, помог мне лечь и задул последние свечи. Еще раз проверил, надежно ли я укрыта, и только после этого окончательно улегся рядом.

Не знаю, отказался он сегодня лететь на гонки из-за меня или из-за того, что действительно очень устал. Но то, что сейчас он остался со мной, говорило о многом.

И стало так страшно. Потому что все было как-то так... заботливо. Очень-очень правильно.

Мы с Ричардом не говорили о том, другом мире, где драконы вовсе не злобные монстры, где люди водят с ними дружбу и где наездники наравне с птицами могут коснуться неба. Где у каждого холодные руки и обветренные губы.

Но лежа рядом с мужем, касаясь своим плечом его плеча, я вдруг почувствовала, что нашла родственную душу.

И стало еще страшнее.

Это пробуждение могло быть одним из самых счастливых в моей жизни. Мы сблизились с герцогом, даже ночевали в одной кровати. Больше не возникало глупых разговоров про любовников.

Я открыла глаза и заметила Ричарда, лежащего рядом. Он задумчиво разглядывал меня.

Смущенно улыбнулась и уже почти пожелала ему доброго утра. Но муж вдруг поднял руку и продемонстрировал мне пиявку, которая раскачивалась у него в пальцах, точно гармошка, и настырно пыталась присосаться к его коже.

— Погляди, какая прелесть, — заявил герцог. — Она такая упрямая, что я просто не мог не назвать ее Маритой.

Я в ужасе распахнула глаза и открыла рот, собираясь заорать, наконец-то своим голосом, которому не нужно придавать низких ноток, но вдруг услышала обеспокоенное:

— Нет, нет! Только не кричи! И не дергайся, умоляю!

Я моментально закрыла рот. Повернула голову и в не меньшем ужасе уставилась на возмущенного Роберта.

— Я же просил не пугать ее с утра!

— Она не считает себя ранимой, — пожал плечами Ричард.

Я зло посмотрела на него и наткнулась на очень странный взгляд. Ясно. Это маленький намек: если я не могу справиться со страхом перед пиявками, то что мне делать на гонках?

Собрав все свое мужество и сделав вид, что кровососущее чудовище меня не волнует, приподняла голову и обратилась к доктору:

— Вам разве не следовало дождаться, пока я встану с кровати, и только после этого входить? Как минимум получив мое разрешение?

— Он получил мое разрешение, — ответил герцог. — А встать с кровати ты и так не сможешь.

Я перевела взгляд на мужа. Сам-то уже был полностью одет, только лежал на кровати без обуви. Бороду он так и не сбрил.

— Судя по всему, вы собираетесь воплотить в жизнь свою вчерашнюю шутку, Роберт? — стараясь сохранять спокойствие, спросила у доктора.

Тот увлеченно рассматривал множество скользких тварей в банке и придирчиво выбирал, какую поставить первой, поэтому за него снова ответил Ричард:

— Мы решили, что сейчас самое удачное время для пиявочек. Мариту я сам выбрал.

Марита так усиленно пыталась прицепиться к пальцам герцога, что жирное тельце растягивалось до предела и изворачивалось немыслимыми способами. Оставалось только недоумевать, как муж умудряется вовремя перехватывать ее, чтобы не дать укусить себя.

— Да, более удачное время даже представить трудно, — иронично отозвалась я, всеми силами пытаюсь скрыть страх перед этим червями.

— Что поделать, герцогиня, скоро мне придется вас покинуть, поэтому мы решили провести процедуру так рано утром.

— Думаете, без вас мы с Робертом не справились бы? — уточнила осторожно, непроизвольно заатаив дыхание.

— Мне показалось, что будет правильно, если кто-то поможет вам справиться со страхом, — отозвался муж, не сводя взгляда с маленькой и противной Мариты.

— Волнения излишни, ваша светлость. Я не боюсь пиявок, — уверенно, даже немного нагло, заявила я.

И Роберт и Ричард слегка обрадовались этой новости, поэтому немало удивились, когда выдержка мне все-таки изменила.

Один вид этих гадких склизких червей вызывал приступ тошноты. А уж представлять, как пиявки будут ползать и кусать мою кожу, вообще было невыносимо.

Конечно, я не могла вскочить и убежать, даже метаться по постели не представлялось возможным. Зато я могла отчаянно кричать, чтобы ко мне не приближались с пиявками. Голосила я так сильно, что Роберт до смерти перепугался, как бы мама не услышала и не подумала, что меня убивают.

— Марита, ну чего ты так боишься? Это же милые, прекрасные создания, — успокаивал меня Ричард, усевшись возле изголовья кровати и демонстрируя пиявку, словно это как-то могло воспитать во мне чувство прекрасного.

— Уйдите! Не надо! Я не хочу, чтобы эта гадость прикасалась ко мне!

— Эта гадость поможет тебе жить, — возмутился Роберт.

— Моей маме ставили пиявки! Это больно! И после них остаются укусы!

— Да, но они помогут тебе быстрее поправиться, — пытался достучаться до моего разума доктор.

— Так, я понял, — неожиданно сказал Ричард. — Поступим по-другому.

— Оставим меня в покое? — с надеждой спросила я.

— Нет, я тоже поставлю себе пиявку. — Муж повернулся к Роберту, протянул ему Мариту, с которой, кажется, уже сроднился, а затем вытащил себе другого червя. — Смотри, это безопасно и небольно.

Он положил пиявку на руку. Та некоторое время перекатывалась своим гадким тельцем, после чего нашла для себя идеальное место и присосалась. Ричард даже не поморщился.

— Видишь? И ничего страшного. Теперь ты позволишь нам поставить их на тебя?

Я ошарашенно смотрела на черное склизкое колечко, висящее на его руке.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы ты перестала бояться.

— Но ведь это выглядит просто кошмарно, — скривилась я.

— Зато нестрашно и небольно, — медленно проговорил герцог, явно начиная терять терпение.

— Ричард, они ужасные.

— Закрой глаза и не смотри, — предложил он.

Я колебалась несколько мгновений. Потом вспомнила, что он скоро должен уехать, а значит, чем больше я сопротивляюсь, тем больше вероятность того, что муж не успеет даже полежать со мной. Стиснув зубы, медленно кивнула.

Пиявки кусались. И кусались они очень больно. Не знаю, как Ричард умудрился сохранить на лице такое отрешенное выражение.

Облегчение состояло в том, что после первого укуса боль отступала. Роберт поставил мне трех пиявок на живот, в непосредственной близости от шва. А вот четвертую нужно было поставить на грудь. За это дело взялся сам супруг, выбрав для ответственного шага Мариту.

Пока ее ставили, я крепко жмурилась, но прекрасно чувствовала скользкого червя, которому не понравилось место чуть ниже шеи. Марита спускалась все ниже и ниже, а Ричард усиленно подталкивал ее выше и выше.

Борьба закончилась в тот момент, когда она присосалась в ложбинке между грудей и так больно укусила, что я вскрикнула.

Отрывать ее было нельзя, поэтому Ричард философски пожал плечами, поднялся на ноги и, обойдя кровать, лег рядом со мной. Наверное, если бы не присутствие Роберта, он бы перепрыгнул через меня, как в прошлый раз.

— О-о-о, — донесся блаженный стон доктора. — Тишина... наконец-то... какие же вы все-таки тяжелые пациенты, — негодуяще сказал он. — Мне надо выпить чая. Или бренди.

— Надеюсь, ты любишь ромашковый чай, — хмыкнул Ричард. — В этом доме другого не бывает.

— Я попрошу служанку приготовить, а вы лежите смирно и не шалите, — приказал Роберт строгим голосом и отправился на поиски успокоения для своей нервной системы.

Пропал он надолго.

Мы с Ричардом лежали на кровати и в полной тишине разглядывали потолок. Ну, почти в полной. Через некоторое время после ухода Роберта я услышала странное бульканье. Приподнялась на локтях, посмотрела на банку с пиявками, стоящую на полу. Оказалось, черви при помощи присосок ползли по стеклу к крышке, а оттуда плюхались в воду.

— Вот уж не думала, что пиявки могут устроить себе развлечение, — тихо пробормотала я.

— Они забавные, — согласился муж.

— Твоя такая наливная, — задумчиво изрекла, разглядывая ту, что присосалась к его руке.

Ричард прекратил созерцать потолок и перевел взгляд на мое тело.

— У тебя тоже толстеют, — заметил он.

Я вздохнула. Посмотрела на дверь, затем на шкаф. На окно. Изучила необычный рисунок на шторах. А потом молчать надоело.

— Ваша светлость, — позвала тихо.

— Мм? — неопределенно отозвался муж.

— Вы должны мне деньги.

— В каком это смысле?

— Ну, сегодня суббота. У меня, как вы помните, школа иностранных языков, средства из которой идут на содержание Феньки.

Услышала тяжелый вздох и нерадостное:

— Марита, давай сейчас не будем поднимать эту тему.

— А когда будем? Нам все равно придется поговорить.

— Не сейчас, — отозвался герцог.

Я поджала губы и повернула голову, чтобы посмотреть на мужчину. Мне казалось, он зол или раздражен, но муж внимательно разглядывал мою грудь. Или пиявку? Или все-таки грудь? Или пиявку?

— Ваша светлость, — окликнула его.

— Да?

— У вас такой задумчивый взгляд.

Ричард оторвался от созерцания моей груди (или пиявки?) и посмотрел мне в глаза.

— Кажется, я ошибся, — вздохнул он.

Я удивленно приподняла брови:

— В чем?

На секунду промелькнула надежда, что он скажет что-то вроде: «Простите, мне не стоило запрещать вам участвовать в гонке». Но он сказал с явным неудовольствием:

— Кажется, это вовсе не Марита, а самый настоящий Марит.

Когда до меня дошел смысл его слов, я поджала губы, чтобы скрыть улыбку.

— Думаете? Мне казалось, у пиявок нет определенного пола.

— У этого точно есть, — проворчал герцог.

Он перевернулся на спину и заложил руки за голову, при этом его пиявка так и осталась болтаться на своих присосках. Рукава рубашки слегка натянулись, давая возможность насладиться видом его не сильно проступающих, но все же крепких мышц.

— Вы помните нашу свадьбу, ваша светлость? — спросила я, нарушив молчание.

Ричард как-то странно покосился на меня.

— Она была недавно, неприлично было бы ее забыть, — сказал он осторожно.

— А мои клятвы помните?

— Это какая-то проверка, герцогиня? — попытался отшутиться Ричард. — Если так, то вы рано начали обвивать веревку вокруг моей шеи.

Чтобы посмотреть ему в глаза, пришлось закинуть голову и вдавить затылок в подушку. Думаю, выглядела я забавно, но вопрос повторила настойчиво:

— Так ты помнишь мои клятвы?

— Опосредованно, — туманно отозвался муж, непонимающе глядя на меня и ожидая пояснений.

Я вздохнула. Перевела взгляд на потолок. Хотелось сесть и вести диалог, как приличный человек, но я боялась шевелиться из-за пивок.

— Понимаю, из меня не получилось хорошей жены, — грустно улыбнулась супругу. — Хозяйка в вашем замке из меня ужасная. С первой брачной ночью тоже как-то не заладилось. Ну и... про то, сколько хлопот я вам доставила с этим ранением, напоминать не стоит.

— Марита, не надо. — Заметила, как герцог покачал головой.

— Нет, Ричард, надо. Ты не хочешь поднимать эту тему, но я все равно буду говорить, потому что когда-то перед Богом в храме поклялась делиться со своим мужем мыслями, надеждами и мечтами.

— Насколько я помню, там была еще фраза «если он того захочет», — попытался отвертеться герцог.

— Я все равно продолжу летать, — сказала твердо, проигнорировав его реплику.

— Марита...

— Не знаю, какие там у тебя отношения с Карой, — поспешно перебила, не дав ему договорить, — но мы с Фенькой просто не можем без неба. И я ни за что никогда в жизни не буду сидеть в четырех стенах. Ты волен меня отправить на край света, хоть в пустыню к уркам, я все равно найду Феньку и вернусь на гонки.

Выговорившись, украдкой выдохнула. Боже, как же тяжело было сдерживать возмущение все это время!

— Марита, я вовсе не хотел отбирать у тебя Феньку, — сказал Ричард, и в его голосе явственно послышалось напряжение. — Не знаю, за кого ты меня принимаешь, но мне прекрасно известно, что у дракона нельзя забирать наездника.

Я вновь вдавила затылок в подушку, только ради того, чтобы удивленно взглянуть на мужа.

— Ты не знала об этом? — правильно истолковал мой взгляд мужчина.

Я покачала головой.

— Наездник может жить без дракона. С трудом, но может. Дракон без наездника — нет. Если вас разделить, рано или поздно связь оборвется, и Фенька просто умрет от тоски по тебе. — Герцог помолчал мгновение, а затем добавил немного тише: — Я не убийца, Марита.

Эти слова, наверное, должны были стать бальзамом для моей души. Но они не стали.

Я перевела взгляд за окно, посмотрела на ясное небо практически без единого облачка, представила, как мы с Фенькой окажемся там совсем одни, и грустно вздохнула:

— Ты выделишь мне какой-то день, когда я смогу летать, да?

Ричард недовольно сказал:

— Я не знаю. Именно поэтому сейчас не время об этом говорить.

— Мне этого мало, — возразила я, не собираясь откладывать разговор на неопределенный срок. — И что будет с Фенькой, когда я снимусь с гонок? Где он станет жить?

— Мы найдем ему место.

— Какое? — уточнила расстроено. — В лесу? Чтобы рано или поздно на него кто-нибудь наткнулся? Ты хочешь, чтобы его убили?

— Марита...

— Или, может быть, намного проще посадить Феньку на цепь и навсегда запереть в какой-нибудь пещере?

Мой голос звучал совсем не зло, лишь раздосадованно. Я ляпнула это от обиды на несправедливость и совсем не подумала о последствиях.

— Что ты сказала? — обманчиво спокойно спросил Ричард.

— Просто предположила один из вариантов, — пробормотала поспешно. — Не бери в голову.

Но он уже взял. И метаться или отнекиваться было поздно.

— Ты ее видела. — Ричард не спрашивал, он все прекрасно понял.

Только вот... кого — ее?

— Марита, тебе не кажется, что если дракона посадили на цепь, то для этого имелись причины? — с явной злостью спросил муж.

Ах вот оно что. Этот дракон тоже девочка. Надо же.

— Да. Например, контрабанда, — не смутилась я. Вины за мной нет, ничего плохого я не сделала, поэтому и стыдиться мне нечего.

— Контрабанда чего?

— Драконьей шкуры.

Ричард раздраженно вздохнул. От меня не укрылось, как сильно он стиснул кулаки. А затем возмущенно сказал:

— И ведь когда-то мне казалось, что самой большой моей проблемой с супругой будет ее флирт с незнакомыми мужчинами!

Я непонимающе нахмурилась, открыла рот, чтобы напомнить ему: «Нет у меня никаких любовников!» Но тут вспомнила нашу встречу с Тимом Донгом в Буклоне и смущенно потупилась.

Кажется, я сама себя загнала в ловушку.

— Это твой дракон? — решила вернуться к насущной теме.

— Да, — не стал отнекиваться герцог.

Не знаю почему, но я украдкой выдохнула. Оказывается, все это время во мне жил страх из-за того, что он может оказаться чьим-то еще. Например, Джули Бёме.

— Разве такое бывает? Чтобы у наездника было сразу два дракона?

— Из любого правила есть исключения, — скупое отозвался муж.

Именно странная интонация заставила вновь запрокинуть голову, чтобы взглянуть на него. Увиденное не порадовало.

Герцог смотрел на меня с явным недовольством. И хотя внешне это не было заметно, я почувствовала то самое сожаление, которое возникает, когда кто-то узнает твою тайну раньше, чем ты подготовишься поделить ее с другим человеком.

Ричард Бёме не хотел рассказывать жене про свои секреты.

У меня возникло множество вопросов, начиная с причины, по которой он вынужден был посадить дракона на цепь, заканчивая загадочной могилой на холме. Но я поджала губы и отвернулась.

Ладно. Не стану настаивать. Ему сейчас тоже нелегко. Жена ему досталась очень проблемная.

— Марита, я искренне не понимаю, почему ты не можешь держаться подальше от опасностей и рискуешь своей жизнью? — услышала его усталый голос и, не удержавшись, хмыкнула.

Все он прекрасно понимает.

Ведь в этом и есть смысл.

— Ричард, кажется, Марит отваливается, — усилием воли придав интонации шутливый оттенок, сказала я.

Герцог в общем-то был только рад переключиться на более приятную тему.

— Таких пиявок в пору казнить, — мрачно сказал он, двумя пальцами подхватил отлепившегося слизня и поднял перед собой, чтобы лучше разглядеть. — Он, кажется, всю кровь из тебя

выпил.

— Не знаю, как насчет выпил, но она идет, ваша светлость, — ответила без прежней шутливости.

Из ранки действительно шла кровь.

Ричард кивнул, встал с кровати, отпустил пиявку в другую банку, стоявшую рядом. Взял бинты и вернулся ко мне.

— Может, стоит позвать Роберта? — опасливо уточнила, глядя, как кровь льется на белую сорочку.

— Ты мне не доверяешь, Марита? — поднял бровь герцог, но не остановился. Расстегнул пуговицы и приложил марлю к ранке.

— Ты мне тоже не доверяешь, — не осталась я в долгу и отчего-то смутилась.

Ричард не спешил убирать руку.

Он, конечно, пытался остановить кровь, придерживая повязку. Но в этом явно было что-то еще.

— Как я могу доверять той, которая, не раздумывая, пустила в меня несколько «шипучек»? — резонно спросил муж.

Я прищурилась. Вот ведь подлый, наглый, беспардонный человек!

Приподнялась на локтях и не менее резонно уточнила:

— А как я могу доверять тому, кто чуть не убил меня тьмой?

Ричард склонился ниже и побил мои доводы своей картой:

— А как я могу доверять жене, которая без зазрения совести кокетничает с другими мужчинами?

— Только с одним, — ответила, уверенно глянув ему в глаза. — И всего лишь ради того, чтобы узнать секреты Тима Донга.

— А вы коварны, Марита Бёме, — хрипло отозвался герцог, зависая в опасной близости от моего лица.

Я поняла, к чему все идет, еще в тот момент, когда муж не поспешил убрать руку с ложбинки между грудей. И была совсем, совсем не против.

Хоть Роберт и запретил двигаться, я оперлась на руки и потянулась к его светлости, не сводя пристального взгляда с темнеющего лица.

Ричард колебался мгновение, а затем, прекратив себя сдерживать, запустил пальцы в мои волосы, поддерживая таким образом затылок, и потянулся к приоткрытым губам.

Момент был настолько пикантным, что будоражил в теле кровь. Я прикрыла глаза, чувствуя, как приятная нега разливается внизу живота, и с нетерпением ждала, когда же почувствую на своих губах не дыхание герцога, а его губы.

— Ричард, — послышался нерешительный голос Роберта.

Я испуганно открыла глаза. Заметила, с каким недовольством муж отстранился.

— Что? — спросил с холодными нотками в голосе.

— Выйди, пожалуйста, нам нужно поговорить, — мрачно сказал доктор и первым покинул спальню.

В первую секунду я подумала, что сейчас врач будет отчитывать мужа за то, что я перестала соблюдать режим полной неподвижности. Но затем поняла, что в таком случае он отругал бы нас обоих.

— Я скоро вернусь. — Кажется, Ричард подумал о том же. С невероятным сожалением в глазах он помог мне лечь и вышел вслед за Робертом.

Дверь закрыли, поэтому услышать что-то было невозможно.

Врач с мужем отсутствовали едва ли не четверть часа. Кто знает, сколько еще они могли разговаривать, но у меня отвалилась пиявка, и я начала отчаянно голосить, призывая их вернуться.

Судя по всему, стояли они рядом с моими покоями, так как ворвались в комнату моментально. Оба какие-то странные, то ли обеспокоенные, то ли напуганные, и это явно не из-за пиявок.

Роберт склонился над моим животом, подхватил поспешно уползающую по простыням пиявку и вернул в банку. После чего взял марлю, намереваясь приложить ее к укусу.

Ричард же подошел к изголовью кровати и опустился на корточки рядом со мной.

— Что-то случилось? — взволнованно спросила я.

— Твоя матушка недовольна тем, что ты никак не поправишься. — Он говорил успокаивающим голосом, хотя было понятно, что ситуация сложилась не из легких. — Она хочет заменить Роберта вашим семейным лечащим врачом, которому доверяет.

— Я могу сказать ей, что пока не оправилась после...

— Дело не в тебе, — покачал головой Ричард. — Она из-за возраста не считает Роберта достаточно профессиональным в своей области.

До нас донеслось недовольное сопение доктора.

— Но если меня осмотрит другой врач, он может увидеть шов, — сказала я и без того очевидное.

— Мы решили, что сегодня вечером тебе нужно спуститься к ужину. — По тону моего мужа сразу стало ясно, как ему не нравится эта идея.

— Хорошо, — поспешно кивнула, — я вам давно говорю, что я в порядке.

Роберт коротко хохотнул.

— Она нам говорит, — насмешливо повторил он.

— Занимайся своими делами, — отмахнулся от него Ричард и вновь посмотрел на меня. — Шов держится уже восьмой день, это очень хорошо. Обычно их снимают где-то на десятый.

Со стороны Роберта снова послышался смешок.

— Что-то не так? — поднял бровь герцог.

— Обычно я снимаю их на десятый день, — поправил он, не отрываясь от перевязки.

— В общем, основная опасность миновала, но напрягаться тебе сейчас все равно нельзя.

— Да не волнуйтесь, я в порядке, ужин-то как-нибудь переживу, — ответила с энтузиазмом, который удивил обоих мужчин.

Конечно, они-то не знали, что значит лежать в кровати восемь дней, почти не вставая.

— Пациенты, — закатил глаза Роберт.

— Я должен уехать в Буклон, но к ужину вернусь и сделаю тебе магический корсет.

— Из тьмы? — глупо уточнила я.

— Да.

— Может, не надо? Он очень жжется, хотя никаких ожогов не оставляет.

— Марита, это необходимо. Тьма жжется всегда, чувствительно даже для меня, потому что это такая стихия.

— Можно создать ледяной корсет, — заикнулась было я, чем вызвала возмущенный возглас Роберта:

— Еще чего! Осталось только другие органы застудить!

— Придется потерпеть, — кивнул Ричард, давая понять, что спорить не намерен. Он поднялся, взял камзол, который все это время висел на спинке стула, и начал одеваться.

— Ты по делам, да? — спросила, с грустью наблюдая за его движениями.

Я не ждала, что он скажет, по каким.

Он и не сказал.

— Да. Вечером вернусь.

Как только муж застегнул последнюю пуговицу, подошел ко мне и склонился над моим лицом.

— До вечера, герцогиня, — выдохнул он и сделал то, что не позволил ему сделать Роберт, так не вовремя появившийся в дверях.

Он меня поцеловал.

Ричард не успел вернуться к ужину.

Мы с Робертом ждали до последнего, но, когда матушка специально заглянула уточнить, точно ли я спущусь вниз, нам пришлось действовать по запасному плану. Доктор вручил мне корсет с мягкой подкладкой, чтобы не натер кожу. Если я не буду совершать резких и необдуманных движений, ничего плохого не произойдет.

Жаль, Роберт так и не поделился со мной, откуда у него эта прелестная вещь.

Я спустилась к ужину в темно-зеленом платье с неглубоким декольте, достаточно пышной юбкой и красивыми кружевами, придающими очарования простому фасону и неяркому цвету.

Роберт считался нашим гостем, поэтому имел честь трапезничать за одним столом с хозяйкой дома. Помимо нас с доктором в столовой находились матушка и три моих сестры, увлеченно обсуждающие предстоящий бал.

— Марита, как я рада, что ты поправилась! — воскликнула Ария. Но не успела я обрадоваться такой заботе, как девушка жадно поинтересовалась: — А герцог Бёме посетит бал Вудбрайтов?

Я присела на любезно отодвинутый Робертом стул и затравленно посмотрела на матушку.

— Ты с ним до сих пор не поговорила? — недовольно спросила та.

— Мне кажется, эта затея не увенчается успехом, — виновато ответила я.

— Марита, ты же понимаешь, как нам важно, чтобы наша семья вернула себе значимость и уважение?

— Да.

— Это можно сделать только при помощи фамилии Бёме.

— Я с ним поговорю.

— Будь добра. Бал уже на следующей неделе. — Отчитав меня, матушка обратилась к Роберту: — Доктор Дэвисон, как вам жареная рыба в томатном соусе?

— О, это лучшая жареная рыба из всех, что мне доводилось пробовать, леди, — льстиво отозвался тот и наткнулся на леденящий душу взгляд хозяйки дома.

— Что ж, надеюсь, вкусная еда благотворно повлияет на ваши лекарские способности.

— Мама! — возмутилась я. — Роберт — прекрасный врач. Он профессионал.

— Да, именно поэтому моя дочь уже неделю не может прийти в себя, — холодно сказала строгая родительница.

— Не стоит обвинять во всем Роберта, — заступилась я за него, — меня мучают мигрень и легкая тошнота, только и всего. Ничего серьезного.

— Мне стоит вызвать акушерку? — Матушка устремила на меня заинтересованный взгляд.

— 3-зачем? — Я сглотнула.

— Чтобы установить факт беременности.

— Э-э-э... я... я не думаю, что причина в этом...

— Да, госпожа Хорвин, — поспешно вмешался Роберт. — Эти симптомы вызваны недавней лихорадкой, а не беременностью.

— Простите, доктор Дэвисон, но ввиду сложившихся обстоятельств я не уверена, что могу доверять вашему мнению, — недовольно сказала мама.

— У меня появится еще одна сестра?! — радостно воскликнула Софи, едва не подпрыгнув на стуле. — Я больше не буду самой маленькой!

— Кто сказал, что это девочка? — закатила глаза Ария. — Может, это мальчик? Тогда все наше состояние достанется ему!

— Ничего ему не достанется, глупая! — возмутилась Майя. — Мы к этому времени уже будем замужем, все наше приданое достанется мужьям! А сын Мариты унаследует состояние герцога.

— Наше графство уже в составе герцогства, следовательно — принадлежит семье Бёме и является частью наследства, — возразила Ария.

— Ты что, забыла, герцог заключил договор с нашим дядей!

— А когда у меня появится сестренка?! — перебила всех счастливая Софи.

Я схватила бокал с вином и начала жадно пить.

— Когда Марита родит герцогу ребенка, — ответила за меня мама.

— А когда это будет?! — не унималась сестра.

— Софи, это будет, когда Марита забеременеет, — раздраженно сказала Ария.

Я не удержалась и смущенно почесала кончик носа.

— А когда она забеременеет? — Девочка задала вполне логичный вопрос.

Вопрос, на который не смогли найти ответа ни Ария, ни Майя, из-за чего их озадаченные взгляды скрестились на мне.

— Принесите еще вина, — громко попросила я.

— Марита, а когда ты забеременеешь? — обратилась ко мне Софи.

Я жалобно посмотрела на матушку, но та помогать не спешила, тоже с интересом ожидала ответа.

— Ну... с теоретической точкой зрения лучше знаком доктор Дэвисон, — ляпнула я и всем своим нутром почувствовала его негодование.

— Боюсь, на такую тему лучше разговаривать в тесном семейном кругу, — пробормотал тот. —

Ваша матушка, когда придет время, познакомит вас со всеми аспектами проблемы.

— К сожалению, о том, когда моя старшая дочь забеременеет, я узнаю не раньше, чем она сама, — перевела стрелки мама.

Бумеранг вернулся.

— Так когда это будет?! — в отчаянии воскликнула Софи.

Я мрачно посмотрела на двери, нетерпеливо ожидая, когда же принесут мое вино.

— По правде сказать, — протянула, панически пытаюсь подобрать нужные слова, — это все очень сложно.

— Почему? — озадаченно спросила Ария.

— Потому что... зачать ребенка — значит... совершить... обряд любви. — Мне хотелось провалиться сквозь землю. — Но мы с герцогом пока только узнаем друг друга, и о ребенке говорить еще рано.

Фух. Я это сделала. Сказала тонко и аккуратно, пройдя по лезвию ножа.

Где же мое вино?!

— Тем не менее я рада, что ваши отношения развиваются, — одобрительно сказала матушка, явно довольная изворотливостью дочери.

— В каком смысле? — не поняла я.

Она что-то знает про гонки?! Про то, что мы оба притворяемся и представляемся не теми, кто мы есть на самом деле?!

— Его светлость за эту неделю проявил к тебе необычайную заботу и внимание.

Ах, в этом смысле. Где же мое вино?

— Когда у меня появится муж, я стану специально притворяться больной, чтобы он так же ухаживал за мной, — поделилась с нами Ария.

— Это довольно коварно, миледи, — не остался в стороне Роберт.

— Не стоит так обнадеживать себя на этот счет, дорогая, — авторитетно заявила матушка. — Не каждый знатный человек захочет возиться с больной женой. Именно поэтому я несказанно рада, что наша Марита смогла завладеть вниманием герцога.

Я?! Смогла завладеть его вниманием?! Хорошо, что Ричард этого не слышал. Кто бы мог подумать, насколько удачно мой муж опоздал на ужин?!

Где же вино?

— Я думаю, что его светлость все это время был рядом со мной лишь потому, что кодекс чести не позволяет ему бросить жену в беде, — глубокомысленно изрекла я и печально вздохнула.

Знали бы они, что он делал это из страха, помогая Роберту скрыть шов на моем теле!

— А я думаю, что у меня выросла прекрасная девочка, которая своими женскими чарами смогла укротить такого мужчину, как герцог Бёме. — И пока я пыталась сделать все, чтобы не открыть рот от изумления, матушка добавила: — А значит, в твоих силах уговорить его посетить бал.

Я посмотрела на Роберта и, заметив его усмешку, состроила такое лицо, которое должно было ясно сказать: «Если вы проболтаетесь Ричарду, я лично сожгу вас на костре».

Где же вино...

Двери столовой распахнулись, и мои надежды рассыпались в прах, когда в них появился дворецкий и громко объявил:

— Прибыл его сиятельство Ричард Бёме, владелец герцогства Хильдеберхт.

— Предложите ему присоединиться к нашей скромной трапезе, — любезно отозвалась матушка.

Я обреченно прикрыла веки. Сделала глубокий вдох. Открыла глаза, уверенным движением взяла вилку и принялась поглощаться рыбу в томатном соусе.

Все хорошо. Не думаю, что мои сестры посмеют смущать герцога. Это довольно серьезное нарушение этикета.

Ричард появился в столовой спустя минуту. И хотя он был с дороги, выглядел безукоризненно. Единственное, что могло намекнуть на тяжелый день, — уставший взгляд и до сих пор не сбритая щетина.

— Приношу свои глубочайшие извинения за опоздание, — вежливо сказал он и проследовал к своему месту напротив меня.

Прежде чем Ричард сел, Софи вскочила со своего стула, заставив Роберта галантно подняться.

Девочка маленькими быстрыми шагами обогнула стол, подошла к его светлости и нерешительным жестом вручила ему... рисунок.

И если до этого все присутствующие взирали на мужа с любопытством, то теперь и вовсе затаили дыхание.

— Благодарю, леди Хорвин, — проговорил герцог как истинный джентльмен, склонившись, чтобы принять подарок.

— Софи, ты что, опять рисуешь этих чудиц?! — возмутилась матушка.

— Это не дракон, это волк, — заговорщицки сообщила сестренка.

— Я знаю, миледи. — Ричард отозвался таким тоном, словно это был их шифр по обмену изображениями драконов.

А уж когда муж подмигнул моей сестре, в этом не осталось никаких сомнений.

Софи смущенно покраснела и вернулась на свое место, позволив Роберту облегченно плюхнуться на стул.

— Простите мою дочь, ваша светлость, — тут же заговорила матушка. — Она еще совсем ребенок, верит в сказки, сколько бы учителя ни внушали ей, как опасны драконы.

— Не переживайте, леди Хорвин, Софи прекрасно рисует.

Я с любопытством взирала на Ричарда, и тот, заметив мой взгляд, с каменным лицом повернул рисунок ко мне.

Хорошо, что в этот момент подали вино, и я смогла скрыть свою улыбку за ободком бокала.

Пытаясь зашифровать дракона за личиной волка, Софи немного перестаралась. Или много. В общем, даже не представляю, сколько мужества понадобилось герцогу, чтобы не расхохотаться в голос.

Заметив наши переглядывания, матушка поспешила обратиться к моему мужу:

— Герцог, в ваше отсутствие разговор за этим столом принял весьма любопытный оборот и напомнил мне о моем уже немаленьком возрасте.

— Леди Хорвин, никакой возраст не сможет скрыть вашей красоты и вашего исключительного обаяния. — Ричард поспешил задобрить тещу.

— Ах, к сожалению, старость приближается неумолимо, — отозвалась польщенная мама. — А мне бы так хотелось как можно скорее увидеть внуков.

Вино... вино... срочно вино... я присосалась к бокалу.

— Вам не стоит так изводить себя по этому поводу, — спокойно сказал Ричард. — Уверен, мы с Маритой в скором времени порадуем вас хорошими новостями. Да?

Я подняла взгляд на мужа и глупо спросила:

— Да?

— Да.

С философским видом «ну если кое-кто перестанет разглядывать пиявок на моей груди и перейдет к делу...» протянула:

— Да-а.

Ария с Майей захихикали, а Софи добила:

— Ваша светлость, мне бы хотелось сестренку.

Если бы сейчас в моих руках была книга, она бы впечаталась в мой собственный лоб.

Роберт поспешно накрыл рукой бокал и тихо шикнул:

— Тебе нельзя столько вина.

Мне осталось только удрученно разглядывать рыбу, ожидая бури.

Бури не произошло.

— Понимаю твое желание, Софи, — спокойно отозвался герцог, заставив удивленно посмотреть на него. — Но ты должна знать, что в первую очередь я буду ждать наследника.

У него стальная выдержка!

— Конечно-конечно, мы все прекрасно понимаем, — разулыбалась матушка, как будто мужчина своими словами рассеял ее страхи.

— Раз так, позвольте попробовать эту аппетитную рыбу. Марита, дорогая, не уверен, что тебе можно пить столько вина на ночь, — вдруг обратился ко мне муж, заставив мою руку остановиться на полпути.

Я взглянула на Роберта, который тут же улыбнулся, словно пытался сказать: «Ладно тебе, мы можем и трезвыми дожить до конца ужина!»

Мрачно скривила губы, схватила бокал и осушила его до дна.

Определенно не можем.

Моя мама, если дело касалось щекотливых моментов, была сложным, противоречивым и довольно грубым человеком. Но она была моей мамой, которая воспитывала меня с рождения. Ее пример я наблюдала перед собственными глазами долгие восемнадцать лет. И наблюдаю до сих пор.

Существовали вопросы, по которым у нас с ней расходились мнения, но одно оставалось неизменным: ее авторитет.

Поэтому, когда она попросила уговорить Ричарда посетить бал, я решила выполнить эту просьбу, даже будучи не согласной с ней.

Когда один из самых тяжелых семейных ужинов подошел к концу, муж галантно предложил свою руку, чтобы проводить меня в покои.

Он только не уточнил, что в свои.

Под мое удивленное «э-э-э?» Ричард завел меня в собственную спальню. Я и опомниться не успела, как оказалась напротив его кровати. Все же не стоило мне так налегать на вино. Голова немного кружилась.

С точки зрения этикета ничего предосудительного не произошло. Он — муж. Я — жена. Мы в его спальне. Так и должно быть.

С моей точки зрения, так совсем, совсем, совсем не должно было быть. Особенно после разговора о детях. Это выбило меня из равновесия, я чувствовала невероятное смущение. Все произошло так быстро, странно, неожиданно, что пугало до смерти. Он только-только начал меня целовать, а нам уже вещали о детях.

— С постелью что-то не так? — услышала тихий голос герцога.

Обернулась. Муж стоял в дверях.

— Нет, хорошая постель, — пробормотала я.

— Прости, что опоздал к ужину, — виновато сказал он. — Вы с Робертом использовали корсет?

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

— Это был запасной план.

— А-а, — это все, на что меня хватило.

— Марита, как ты себя чувствуешь? — задал муж вопрос после недолгой паузы, проходя от двери к шкафу и снимая на ходу дорожную одежду.

Ну, если не считать того, что матушка приняла мое состояние за беременность, то...

— Вполне сносно, — вымученно улыбнулась я.

— Ты нервничала за столом, — сказал герцог, избавляясь от фрака, а затем и от рубашки.

— Вовсе нет.

— В твоем положении не стоит пить так много вина, — в его голосе сквозило недовольство.

— В моем положении? — испуганно переспросила я.

— Тебя вытащили с того света, забыла? — Герцог повернулся, изогнул бровь. Оглядев меня с ног до головы, нахмурился. — Ты почему не раздеваешься?

— Не раздеваюсь? — словно глупая деревенщина, повторила я.

— Да. Или тебе нужна помощь? — Ричард недоуменно свел брови на переносице, видимо, заметив что-то в моем лице. — О чем ты думаешь? — зачем-то спросил он.

«О том, как делают детей», — я, конечно, сказать этого не могла.

Но тогда о чем?

О постели? О шторах? О рисунке на потолке? О золотом обрамлении шкафа?

— О твоей бороде, — выдохнула я.

— Прости? — Он только схватился за пояс брюк, но услышав мои слова, замер.

— Просто ты уже давно не брился, вот и все.

— Тебя это оскорбляет?

— Немного щекотно, если честно, — смущенно произнесла я, уставившись в пол.

— Щекотно? — теперь настала его очередь повторять за мной.

— Ричард, — отчаянно выдавила из себя, — сейчас не лучшее время. У меня помимо шва на теле еще укусы от пиявок, они выглядят просто отвратительно. И еще я не надела ту прозрачную сорочку.

— Ту прозрачную сорочку, — эхом повторил муж. — О чем ты говоришь, Марита? — недоуменно спросил он.

Я подняла взгляд и заметила его растерянное лицо.

— Ну, о сорочке...

— Не знаю, чего там ты себе вообразила, но я собирался лечь спать.

— Лечь спать? А я?

— И ты ложись, — разрешил герцог.

Недовольно поджала губы. И все, что ли?

— А почему в ваших покоях? — не отставала от него.

— Потому что твоя служанка не должна снимать с тебя корсет и видеть под ним шов, — как маленькой, пояснил мне муж.

И только после этих слов я смогла расслабиться.

Ох. Все разговоры про детей он не воспринял всерьез. Слава богу.

Я неловко улыбнулась и честно сказала:

— Ричард, без тебя мне от платья не избавиться.

Муж хмыкнул.

— Звучит как комплимент.

Не знаю почему, но я ждала, что он как минимум ласково коснется моей кожи, а еще лучше — поцелует в шею. Эдакий маленький подарок на ночь. Но Ричард избавил меня от одежды настолько механическими и равнодушными движениями, что я едва не прослезилась от разочарования.

Муж надел на меня ночную сорочку, довел до кровати, помог лечь на спину, стараясь не давать совершать лишних манипуляций. После чего переоделся сам.

А затем вдруг вытащил из шкафа два шерстяных пледа, оба свернул вдвое. Одним накрыл меня, другим себя.

— Это зачем? — нахмурилась я.

— Чтобы лучше спалось, — честно ответил он, приподнялся на локтях, задул последнюю свечу. И, повернувшись на бок, прижался к моему телу.

Мне хотелось расспросить его, почему он опоздал, но я только нежно улыбнулась, хотя он этого уже и не увидел.

Утром герцог от расспросов увильнуть не смог.

Проснулись мы как-то не по-супружески, почти одновременно. Я открыла глаза немногим раньше мужа. Успела только усмехнуться про себя, глядя на его расслабленное лицо, неуловимо изменившееся после отдыха от тяжести будних дней, когда вдруг герцог

зашевелился и открыл глаза.

Я испуганно вздрогнула, не ожидая, что меня так быстро застанут врасплох. Ричард моргнул несколько раз. В его взгляде читалось такое недоумение, что пришлось поспешно отвлекать его, пока не посыпались вопросы вроде: «Вы что, меня разглядывали?»

— А чем это ты вчера занимался, если даже опоздал к ужину?

Муж растерялся.

Он, наверное, хотел немного полежать, понежиться, подумать о предстоящем дне. Но вместо этого пришлось взирать на растрепанную сонную жену и пытаться подобрать достойный ответ.

— Мм... — промычал он, протер заспанные глаза и поморгал, пытаясь собраться с мыслями. — Леди, а вы кто?

— Что? — не поняла я.

— Клянусь, вчера я засыпал с такой доброй и милой женщиной.

У меня аж рот приоткрылся, пока я пыталась придумать достойный ответ.

— Значит, не такого поворота событий вы ожидали от брака? — уточнила обманчиво спокойно.

Ричард так по-доброму улыбнулся, что чуть не сбил мой злобный настрой.

— Мне больше по душе покладистые жены, — пошутил он. А может, и не пошутил. Как-то странно это сказал.

— Ах вот как...

Я сделала то, чего, наверное, все же не должна была делать. Села на кровати и, прежде чем герцог успел испугаться и остановить меня, нависла над его лицом, расставив руки по обе стороны от его головы.

— Придется привыкать к моему мерзкому характеру, ваша светлость. Я ведь пытаюсь привыкнуть к вашему, — проговорила тихо, но оттого не менее зло.

Я была готова к любой реакции, но только не к тому, что муж поспешно схватит мой свалившийся шерстяной плед и накроет им себя.

Не успев среагировать на эти странные манипуляции, я нахмурилась, повернула голову, чтобы посмотреть, в чем, собственно, дело. Но не успела даже взглянуть, как одним резким движением меня прижали к кровати. От удара спиной о мягкую перину из меня выбило весь дух.

Ричард, который теперь нависал надо мной, неодобрительно сказал:

— Марита, хватит. Ты в добровольно-принудительном порядке сохраняешь постельный режим.

— Размечтался, — вырвалось в ответ.

Заметив удивленно взлетевшие брови мужа, я поспешила исправить реплику:

— В смысле, я ведь уже хожу. Все нормально, волноваться не о чем.

— Волноваться всегда есть о чем, дорогая моя герцогиня.

Я прищурилась.

— Может, отпустишь меня?

— Что, тяжело терпеть мой мерзкий характер?

— На самом деле масса твоего тела оказалась намного тяжелее характера, — нагло заявила я.

Герцог вздохнул. Отпустил мои руки, пригвожденные к кровати, но увеличивать дистанцию между нами не спешил. Его лицо находилось так близко к моему, что я принялась завороченно разглядывать его бороду.

Она выглядела уже не такой колючей, какой была еще вчера. Отросла? Может, он помыл ее какими-то травами? Лавандой? Но тогда она должна пахнуть. Я не удержалась. Потянулась вверх, вдохнула запах, но ничего, кроме почти выветрившейся туалетной воды, не почувствовала.

Зато взгляд мужа прямо намекал, что такого странного поступка он не ожидал.

— Так где ты пропадал вчера? — поспешно спросила, поражаясь, насколько универсальным может быть «семейный допрос», когда нужно перевести тему.

— А вам обязательно все знать, герцогиня? — выгнул бровь Ричард.

— Ну да. — Мне казалось, что это очевидно. Но раз нужно подтверждение...

— Не думаю, что леди стоит забивать себе голову этой чепухой.

— У вашей жены мерзкий характер, — напомнила я.

— Да. — Ричард склонился ниже, поцеловал меня в лоб. — Я занимался делами, Марита. Это все, что тебе стоит знать.

После этого он отодвинулся, откинул одеяла (сразу все), встал с кровати. Подошел к шкафу, зачем-то схватил штаны и скрылся в будуаре.

Я не поднималась с постели, задумчиво глядела в потолок и пыталась заставить себя не обижаться на его слова. Муж вернулся в комнату минут через десять. Оголенный по пояс. В штанах. И почему он не переоделся здесь?

— Ричард, ты сегодня снова уедешь? — постаралась задать вопрос спокойным голосом.

Герцог повернулся ко мне, взглянул с легким удивлением.

— А в чем дело? — уклонился от прямого ответа.

— Ни в чем, — пожала плечами. — Просто интересно.

Муж помолчал несколько мгновений, а затем сказал немного растерянно, словно не знал,

правильно ли поступает:

— Сегодня могу не уезжать.

— Хорошо, — вновь пожала плечами, делая вид, что меня это мало волнует.

...два последующих дня мы провели бок о бок.

Это было странно и необычно, но именно эти два дня показали нам, что значит быть супругами не в ненависти, не в хладнокровии и безразличии, не в страхе за чужую жизнь, не в омуте тайн, а в обычной повседневной жизни.

Мы начали примериваться друг к другу.

Пришла наша пора выработать тактику на день и стратегию на всю дальнейшую совместную жизнь.

Матушка не бесновалась, поэтому достойных оправданий для жажды совершать опасные поступки у меня не было.

С кровати я встала по собственному желанию. Вызвала служанку, начала одеваться еще до ее прихода, успела приложить к телу корсет. Эми зашла как раз в тот момент, когда потребовалось помочь со шнуровкой.

Ричард уже спустился вниз и, думаю, сказал матушке, что я еще сплю.

Но я больше не собиралась спать. Днем, во всяком случае.

Ходить мне было небольно, шов не разошелся, даже когда я совершила несколько резких движений. Это наталкивало на мысль, что Роберт слишком сильно перестраховывался.

Когда он заглянул ко мне, чтобы провести плановый осмотр, впал, мягко говоря, в профессиональный шок.

Я попыталась объяснить мотивы собственных поступков, после чего он так на меня посмотрел, словно я уже была мертва. Скрестил руки на груди, облокотился на дверной косяк и со скепсисом наблюдал, как я выхожу из комнаты.

— Если несмотря ни на что пациент хочет себя убить, тут я бессилен, — едко отозвался он.

— Роберт, тебе не о чем волноваться, я в порядке, — отозвалась спокойно, стараясь не смотреть на доктора, чтобы не изводить себя чувством вины.

За столом меня увидеть не ожидали.

Ричард на этот раз сидел во главе стола и едва не подавился чаем, заметив меня в дверях.

— С добрым утром, — вежливо поздоровалась я. — Приятного аппетита.

— Марита! — обрадовалась матушка. — А мы уж думали, ты собираешься проспять до самого обеда.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответила, присаживаясь на отодвинутый герцогом стул. — И очень проголодалась.

— В таком случае отведайте жареной рыбы, — сказал Ричард за моей спиной.

— А это что? — спросила я, заметив глубокую тарелку со странным содержимым. Пригляделась и восторженно воскликнула: — Неужели жидкий шоколад?!

— Только все не ешь! — тут же среагировала Софи, зачерпнув лакомство ложкой, и начала поливать вязкой коричневой жидкостью рыбу, словно это был соус.

— Любите шоколад? — спросил Ричард, присаживаясь на свое место.

Вместо того чтобы ответить, я почему-то нерешительно взглянула на маму, словно ища поддержки: «Что мне ему ответить? Леди положено любить шоколад?»

Наверное, сказался наш утренний разговор. Теперь я боялась предстать перед мужем самой собой.

Прежде чем матушка успела как-то отреагировать, Ария воскликнула:

— Она его обожает, ваша светлость! Может есть его ведрами, если не попробуете сейчас, потом и не достанется ничего.

В моем взгляде промелькнул испуг.

— Мм, — задумчиво изрек Ричард, чем заставил меня похолодеть от страха и начать планировать жестокую месть болтливой сестре. — Хорошо, что я не люблю шоколад.

— Не любите? — И почему я так удивилась?

— Нет, — скупо сказал он, отправляя в рот кусочек рыбы.

Я взглянула на столовые приборы, расставленные перед ним.

— Пудинг тоже не любите? — спросила, заметив его отсутствие.

— Слишком сладкий, — пожал плечами герцог.

— Марита, не приставай к мужу с глупыми расспросами, — одернула меня матушка, заставив обратить взор на рыбу. — Ваша светлость, вы уже слышали про бал у Вудбрайтов? — Родительница пошла в наступление.

Я пожалела, что спустилась к завтраку.

— Нет, леди Хорвин, не слышал. — Внешне муж оставался равнодушным, но, сидя в достаточной близости от него, я смогла уловить, как он напрягся.

— Вудбрайты — очень хорошие люди, — быстро вставила свое слово, пока матушка не задала рвущийся с губ вопрос прямо в лоб. — Недавно виконт Вудбрайт встретил нашу Майю и лично вручил ей приглашение.

— Ах, он был так вежлив и обходителен! — тут же воскликнула сестра.

— Все она выдумывает, Вудбрайт разговаривал с ней как джентльмен, но никакой симпатии не было, — возразила Ария, чем увела разговор в банальное, но хотя бы неопасное русло.

Ричард взглянул на меня с едва заметной благодарностью.

Подумал, что я намеренно его спасла? Да, это было сделано намеренно. Но лишь ради того, чтобы самой с ним поговорить.

Оставшееся время завтрака прошло в разговорах на отвлеченные темы. Я внимательно наблюдала за мужем, а он — за мной. Мы изучали друг друга, анализируя повадки, подмечая детали и усиленно делая вид, что не улавливаем настороженных взглядов друг друга.

Муж не любил сладкое. Он не прикоснулся к шоколаду, пудингу, не тронул конфеты и фрукты, попил только чая с хлебом. Вот хлеб он любил. Умял едва ли не полбатона.

Ричард предпочитал зеленый чай с лимоном — наверное, из-за того, что тот придает больше энергии, чем черный. Герцог много работал, уставал, явно привык недосыпать, но при этом старался подбодрить себя перед трудным днем.

После завтрака отправился в библиотеку. Мне очень хотелось последовать за ним, чтобы посмотреть, чем он собирается заниматься, но я боялась показаться навязчивой. В конце концов, в его замке нам удавалось избегать друг друга, в моем родовом поместье мало что должно измениться.

Я пошла вместе с Софи в музыкальную комнату, слушать ее этюд на фортепиано. Сестра не любила заниматься с учителем или сама и все время норовила сбежать, но я научилась с ней договариваться: история про дракона взамен на хорошо сыгранную пьесу.

Девочка шантажу не радовалась, но желание послушать забавную байку иногда перевешивало в ней природную капризность. Мы занимались довольно редко, да и мне это особого удовольствия не доставляло — Софи так фальшивила, что уши сворачивались в трубочки. Но я понимала, что ей нужно хорошее образование. Если я могла повлиять на ситуацию, то моим долгом было сделать все, что возможно.

Жаль, привить ей любовь к музыке у меня так и не получилось.

Во время очередного проигрывания отрывка в четыре руки к нам заглянул Ричард.

— Ваша светлость? — Я так удивилась, что даже забыла встать и сделать книксен.

— Марита, могу я с тобой поговорить?

— Конечно, — ответила поспешно и засемила к двери.

Как только мы оказались в коридоре, герцог тихо сказал:

— Роберт очень недоволен тем, что ты встала с кровати.

— Я знаю, — пожала плечами.

— Уговаривать тебя лечь обратно бесполезно? — уточнил муж.

Я осторожно кивнула, мол, да, бесполезно.

— В таком случае я хочу, чтобы ты временно находилась рядом со мной, — сказал мужчина.

— Временно? — Я приподняла брови.

— Пока не поправишься, — пояснил он.

А потом что? Отойдите, жена, не мешайтесь под ногами? После того как он не захотел рассказывать про свои дела, меня начало тревожить, что он может спокойно обмануть и не позволить в дальнейшем летать на Феньке.

— Как пожелаете, ваша светлость.

Я вернулась к Софи и обрадовала ее новостью, что игра на фортепиано временно откладывается. Сестра тут же побежала искать Арию и Майю, которые сейчас должны были примерять бальные платья.

Мы же с герцогом отправились в библиотеку.

— В последнее время в этом доме жуткий переполох, — задумчиво проговорил он по дороге. — Дело в приеме у...

— У Вудбрайтов, — подсказала я. — Да. Это не первый бал для моих сестер, но сейчас они впервые официально выйдут в свет как выгодные невесты.

Муж едва заметно поморщился, словно эта формулировка вызвала отвращение.

— Мама хотела, чтобы их выход в свет произошел в столице, — продолжила, хотя пояснений герцог не требовал. — Но я уговорила ее. Все же нам сейчас не стоит быть слишком расточительными, а столица не терпит провинциальной моды. К тому же выгодную партию можно найти и на менее пышных балах. Вудбрайты — известная семья, думаю, на их приеме окажется немало хороших кавалеров.

— Ясно. — Ричард не приложил особых усилий для продолжения разговора.

— Матушка очень взволнована, — нервно улыбнулась я, заполняя своей болтовней неловкую паузу. — Все-таки из-за соглашения наших отцов я перестала считаться выгодной партией, поэтому выводить меня в свет не было необходимости. Зато теперь мама имеет и двойные переживания, и двойной праздник. Она всегда мечтала блеснуть своими исключительными способностями подбирать платья.

— Если ты намекаешь на то, что тебе хочется присоединиться к своей семье, то я тебя не держу, — по-своему растолковал мои слова герцог.

— О нет, примерка нарядов обычно крайне тосклива для меня, поэтому я с радостью останусь с тобой.

В моих словах Ричард увидел возможность осторожно прощупать почву. Он слегка повернул голову и, делая вид, что интересуется просто между делом, спросил:

— Не любишь балы?

Зная его затворнический образ жизни и почти оскорбительное игнорирование королевского двора, я бы могла соврать. Но делать этого не хотелось. Он должен знать, что в действительности представляет собой его жена.

— Почему же, очень люблю, — пожала плечами. — В них есть что-то сказочное.

— Сказочное? — уточнил Ричард, слегка приподнимая брови.

— Да. Дамы в пышных платьях, которыми восхищаются мужчины, всегда напоминали мне принцесс. Большие залы, танцы, трепетные соприкосновения, горячительные напитки, веселые игры в саду, кареты, прекрасные принцы. Мне кажется, это сказочно.

Я делилась своими мыслями очень осторожно. Велика была вероятность, что Ричард сочтет меня глупой фантазеркой.

— Ясно, — скупо отозвался он и открыл передо мной дверь в библиотеку, пропуская внутрь.

Я наивно надеялась, что это станет прекрасной возможностью узнать, чем занимается мой муж, если он собирался работать, или какие книги предпочитает, если собирался читать. Но к столу, на котором герцог уже разложил множество бумаг, меня не пустили.

Ричард вежливо попросил оставаться на софе и занять себя чем-нибудь вроде чтения или вышивки, пока он будет разбираться с важными делами.

Я взяла первый попавшийся философский трактат о природе человека и уныло погрузилась в чтение. Мне казалось, рано или поздно муж обратит на меня внимание, но, видимо, убедившись, что я не натворю глупостей, он с головой ушел в работу.

Явно интересную работу.

Ричард сосредоточенно водил пером по бумаге. Его руки немного испачкались в чернилах, но он этого словно не замечал. Когда что-то не получалось, откидывался на спинку стула и задумчиво разглядывал то, что написал.

Меня разрывало от любопытства и желания узнать, что же он делает. К сожалению, софа находилась довольно далеко от стола, поэтому просто привстать и заглянуть не получилось бы.

В итоге вместо того, чтобы читать, я стала нервно придумывать, как раздобыть информацию. В конце концов вскочила на ноги и уверенным шагом пошла в сторону герцога. Тот неохотно оторвался от своего занятия и нахмурился.

— Марита, ты что-то хотела?

— О, нет-нет, занимайся своими делами, — беспечно махнула рукой. — Я всего лишь открою окошко, а то что-то душно.

Проходя мимо стола, замедлила шаг и вытянула шею, словно лебедь, пытаюсь заглянуть через плечо мужа.

Много разобрать не удалось. Ричард составлял какой-то план. На бумаге было несколько колонок со странными наименованиями, которые я не успела прочитать, и от некоторых из них тянулись стрелки.

Подойдя к окну, повернула ручку на раме и дернула на себя, пуская в помещение свежий воздух.

На обратном пути попыталась разобрать хотя бы часть записей, но наткнулась на недоуменный взгляд мужа и смутилась. Уселась на софу. Посидела на ней минут десять, усиленно делая вид, что читаю. Затем вновь поднялась на ноги и пошла в сторону окна.

Ричард нахмурился, а я охотно пояснила свои действия:

— Холодно.

Чувствуя себя шпионом, во время своего «похода» я умудрилась рассмотреть слова «человек Х», «преступление», «жертва» и несколько дат.

Любопытство разыгралось не на шутку.

Уже через несколько минут я стояла перед столом герцога и, невинно хлопая глазами, просила:

— Не одолжите мне перо?

— Зачем? — Меня удостоили усталым взглядом.

— Хочу сделать несколько заметок в книге.

— Книги не предназначены для заметок, — сдержанно отозвался Ричард.

Я поджала губы и протянула ему руку:

— Либо вы дадите мне перо, либо я сама его возьму, перерыв перед этим весь стол.

С достоинством выдержав скепсис, которым меня окатили с ног до головы, я удовлетворенно улыбнулась, когда муж открыл ящик стола и стал вытаскивать оттуда коробку, в которой хранились перья.

Воспользовавшись тем, что он отклонился, тут же перегнулась и принялась изучать бумагу. Читать задом наперед было сложновато, но к тому моменту, как Ричард раздраженно сказал: «Марита, пожалуйста, вернись к своей книге», — я уже все поняла.

— Ты пытаешься раскрыть убийства? — спросила удивленно.

— Послушай, я не хочу, чтобы ты забивала себе голову этой ерундой.

— Ерундой?! Это совсем не ерунда!

Поспешно обогнула стол и, встав рядом с мужем, склонилась над листом бумаги.

— Это те самые убийства серийного маньяка? — спросила, жадно изучая записи.

— Да, но...

— А почему этим занимаешься ты? — перебила я. — Разве в Буклоне нет следователя?

— Есть, но...

— А что означают две черточки?

— Марита! — Не выдержав, герцог взмахнул руками. — Сделай шаг назад.

И пока я непонимающе взирала на мужа, он повернулся на стуле и, обхватив меня за талию, заставил отступить.

— Стой тут, пожалуйста.

— Почему? — обиделась я.

— Потому что я не могу сосредоточиться, когда кто-то висит над душой, — не очень-то дружелюбно отозвался он.

— Но... — заикнулась было, после чего услышала раздраженный вздох.

Герцог согнул руки в локтях и взмахнул ими, как крыльями.

— Это называется «личное пространство», которое гарантирует свободу движений и свободу мыслей.

— Я вас поняла, ваша светлость, — тихо сказала и отступила ему за спину.

Возможно, он подумал, что я решила подойти к окну или приблизиться к крайним полкам с книгами, но я так и осталась стоять недалеко от мужа.

Когда он немного расслабился и вновь принялся изучать свои записи, осторожно склонилась и заглянула ему за плечо.

— Марита, твои волосы, — мученически воскликнул он.

— Ой, — испуганно пискнула и поспешно собрала в хвост длинные пряди, коснувшиеся его шеи.

Придерживая волосы одной рукой, нагнулась еще ниже, заставив мужа отклониться в сторону и недовольно взглянуть на меня.

— Что? — равнодушно пожала плечами. — Все-таки это не финансовый отчет, а убийства, которые произошли в моем графстве. Меня это тоже касается. — Я прищурилась. — Ты выписал все известные факты, да?

Герцог вздохнул с какой-то странной обреченностью.

— Да, — сказал коротко.

— Но тут нет улик. И нет свидетелей.

Муж помолчал немного, затем неохотно проговорил:

— Дело двухгодичной давности. Этим никто не занимался, так что зацепок почти нет.

— И следователь отказался работать?

— Скорее вежливо намекнул, что мы ничего не найдем.

— Тем не менее, ты ищешь, — заметила я.

— Да, — просто кивнул он.

— А что означают эти черточки?

— Нечто общее между жертвами. — Заметив мой удивленный взгляд, муж поспешил разочаровать: — Это внешность и профессия, больше ничего.

— А внешность...

— Блондинки, всем около двадцати.

— Понятно. — В замешательстве я вновь посмотрела на бумагу. — Ты думаешь, удастся найти маньяка? Все-таки он уже два года не объявлялся.

— Что-то мне подсказывает, что это затишье перед бурей. Долго отсиживаться он не будет.

Со стороны Ричарда послышался тяжелый вздох.

Несмотря на всю внешнюю холодность и отстраненность, я понимала, что в глубине души он переживает. Так я открыла еще одно качество мужа: чрезмерную ответственность.

Это выплыло наружу, еще когда он ринулся на помощь деревенским жителям, а затем приказал воинам отстраивать дома, хотя подобное не относилось к их обязанностям.

Но теперь эта особенность оформилась в полноценную черту характера.

Ричард не просто носил титул герцога и пользовался своей властью для того, чтобы быть гостем в известных салонах, купаться в роскоши и без конца тратить деньги. Он действительно был герцогом, который чувствует ответственность перед своим народом. И даже когда к его территориям присоединилось небольшое графство, за которое он отвечал лишь условно, Ричард тут же принял на себя ответственность и стал вникать в чужие проблемы.

Возможно, именно поэтому он не хотел пускать меня на гонки. Он видел во мне молодую неопытную жену, которой нужна опека, иначе она натворит глупостей.

Герцог привык постоянно оберегать всех, кто находился вокруг него. Это была его обязанность. Ричард чувствовал свою власть и потому был уверен, что его решения не подлежат оспариванию. Всегда старался использовать свое влияние во благо, но при этом был непреклонен.

Если ему вежливо указывали на дверь и говорили, что не смогут ничем помочь, герцог Бёме брал все в свои руки и начинал действовать самостоятельно, даже когда дело выглядело безнадежным.

По иронии судьбы я была такой же. Страшно подумать, что произойдет, если между нами возникнет конфликт интересов. Мы ведь доведем друг друга до белого каления, но не уступим. Никогда и ни за что.

Чтобы как-то помочь мужу расслабиться, я сказала, слегка улыбнувшись:

— Должна признаться, что тоже люблю так делать: выписывать все, что знаю, чтобы потом набросать план действий.

— Зачем тебе набрасывать план действий? — недоуменно спросил Ричард.

Я взглянула на него нерешительно, пытаясь понять, можно ли сейчас говорить о гонках. В итоге позволила себе рискнуть.

— У меня есть блокнот, куда я выписывала слабости всех участников соревнований, чтобы понять, как их использовать в свою пользу.

— Этот блокнот?

Сказать, что я выпала в осадок, — ничего не сказать.

Муж вытащил мой блокнот из своего кармана.

— Откуда он у тебя? — медленно выдавила я.

— Нашел в твоей сумке, — ничуть не смутился герцог, взирая на меня с некоторой наглостью и ожидая дальнейшей реакции.

— Ты рылся в моей сумке? — ошарашенно выдохнула я.

— Нет, не рылся. Я забрал вещи из комнаты той девушки, твоей подруги. Блокнот выпал. Случайно.

— Ты мог просто положить его обратно.

— Мог, — пожал плечами Ричард, явно забавляясь моим злобным лицом. — Но мне захотелось передать его тебе лично.

И он бескорыстно протянул мне маленькую черную книжечку.

Я осторожно приняла ее, не сводя настороженного взгляда с довольного лица герцога. Дрожащими руками открыла компактную драгоценность, перевернула несколько страничек, с ужасом ожидая, что муж вырвал все исписанные листы, а оставил только чистые.

Такой подлости он, слава богу, не совершил.

Но без подвоха не обошлось.

— Ты все перечеркал?! — возмутилась я.

— О моя герцогиня, — протянул герцог, поднимаясь на ноги, — я вообще не понимаю, как вы умудрились продержаться на гонках целых три месяца. Все, что тут написано, — полный бред.

— Что?! — опешила я от такой наглости.

Ричард посмотрел на меня снисходительно, что разозлило еще больше.

— Слабое место дракона Рогатого Дога не холка, а хвост, — привел он конкретный пример.

— Ты видел его хвост? Там же одни шипы! А на холке их нет.

— На хвосте очень тонкая чешуя и легко повредить сухожилия. А на холке шипы есть, они маленькие, поэтому их не видно в полете.

Я надулась и уставилась в блокнот. Прочитав замечание Ричарда, не удержалась и фыркнула.

— Серый Крыс отлично уходит от близкого контакта, его нужно доставать на расстоянии.

Муж закатил глаза.

— Серый Крыс владеет воздушной стихией, любая дальняя атака создает свист ветра, который помогает ему вовремя ускользнуть.

Я недовольно засопела и продолжила переворачивать страницы:

— А это что?! Ты вписал мое имя?

— Ты, видимо, считаешь себя непобедимой? — насмешливо выгнул бровь герцог.

— «Джон Рут Громкоголосый»?! Ты назвал меня громкоголосой? — Я задыхнулась от возмущения.

— Марита, ты все приказы орешь Феньке вслух, — огорошил меня Ричард. — Я тебя слышу, даже когда ты летишь в хвосте.

— Я никогда не летаю в хвосте, — отрезала зло.

— Что довольно удивительно, — оказал неоценимую поддержку муж.

Ради интереса нашла имя «Тим Донг», под которым когда-то написала «слабостей нет». После того как блокнот побывал в руках самого Тима Донга, рядом появилась надпись: «Спасибо». И ромашка. Ромашка!

Р-р-р...

...так я открыла еще одну грань характера своего мужа.

Если бы случайный человек увидел герцога Бёме, он бы описал его как сдержанного, в меру приветливого, иногда холодного мужчину, который, несомненно, уважителен к тем, кто этого заслуживает.

Я имела честь лицезреть и другого герцога Бёме.

Вернее, ту сторону его характера, которая приоткрывалась, когда на Ричарда не давили общество и его собственный статус. Когда ему не нужно было строить из себя важного, величественного хозяина огромных земель.

Это были его собственные игривые чертики. Они вылезали тогда, когда их репутации ничто не угрожало, и действовали предельно аккуратно.

Исчерканный блокнот оказался лишь малой частью фантазии Ричарда.

Я не нагружала себя без особой необходимости, поэтому, как только чувствовала слабость, возвращалась в кровать. Постоянно сменять корсет было бы слишком утомительно, поэтому я его не надевала, когда вставала, поддерживала талию и грудь лишь шнуровкой платья. Это позволяло спокойно переодеться самой.

Однажды, лежа с очередным приступом слабости и попивая настойку, которую прописал Роберт, я потянулась к тумбочке, чтобы взять один из «лжероманов». И вдруг заметила незнакомую книгу «Способы изучения наречий в различных языковых системах, их анализа и влияния на культуру народности». Я, конечно, заглянула в нее ради любопытства.

Это оказался один из тех любовных романов, которые мне так нравятся. Но раньше я его точно не читала, да и обложки такой у меня никогда не было.

Как выяснилось, роман действительно был не мой, а Ричарда. Я поняла это, когда, пробежавшись глазами по строчкам, незаметно увлеклась и, дойдя до тридцатой страницы, увидела пометку:

«Я уже почти уснул, но этот момент довольно забавен, не находишь?»

Он написал это как раз после того, как героиня по ошибке едва не ударила героя мечом.

Теперь мое чтение напоминало азартную игру. Я переворачивала одну страницу за другой, пробегала глазами по строчкам, чтобы хоть немного вникнуть в сюжет, и искала комментарии Ричарда. Он вписал их по всему роману.

В момент, когда у героини запотели очки от поцелуя, мне даже показалось, что я слышу интонацию мужа, с которой он говорит:

«Управляющий не понимает, почему я смеюсь. Наверное, он никогда не целовал дам, у которых запотели очки».

Это было похоже на диалог, удивительное ощущение причастности, словно я читала книгу вместе с Ричардом. Я и смеялась, и мысленно соглашалась с некоторыми его доводами, перечитывая отрывки по сто раз. Но именно на «странице с очками» не выдержала и дернула за веревку, вызывая служанку.

— Вы что-то хотели, миледи? — спросила Эми, появившись в дверях спустя несколько минут.

— Принеси мне чернила и перо.

— Конечно, миледи.

Она поклонилась и вышла.

Через какое-то время уже я упоенно выводила буквы на бумаге, с трудом найдя для этого место среди строк и небольших отступов на полях.

«Интересно, откуда ты знаешь, каково целовать дам в запотевших очках? Я не ношу очки».

И продолжила чтение.

До поры до времени вставки Ричарда были невинны и трогательны, хотя встречались и чересчур жестокие. К примеру, на фразу героя: «*Как ты поняла, что я подходящий для тебя мужчина?*» — муж не по-джентльменски ответил: «*Она же старая дева, ты был ее последним шансом*».

Стало понятно, что любовные романы ему не нравятся. Во всяком случае, в их достоверности он сомневался.

Однако с приближением постельной сцены в нем явно проснулся интерес.

Над диалогом героев:

«— Когда ты сидела на лошади передо мной, это была настоящая пытка...

— Ты испытывал возбуждение, не так ли?»

Ричард написал наверняка с философским настроением:

«Неужели и правда никто не понимает, как тяжело мужчине, когда к нему прижимается привлекательная девушка?»

Далее он разошелся еще больше, стал еще откровеннее, настолько, что я отложила перо, понимая, что уже не смогу отвечать на его письменные послания.

Рядом с первой пикантной сценой увидела:

«Интересно, читая все эти любовные романы, ты правда понимаешь, что происходит между героями?»

«А здесь?»

«Что же творится в твоей головке после чтения подобных сцен?»

Я краснела так стремительно, что пришлось открыть окно, лишь бы сбить жар. Если Роберт увидит меня в таком состоянии, подумает, что лихорадка вернулась.

Сделав глубокий вдох, постаралась вернуть себе самообладание и с непроницаемым лицом продолжила чтение.

А потом наткнулась на фразу:

«Скоро ты тоже поймешь, что язык дан человеку не только для разговоров».

И все.

Я как наяву увидела выражение жуткого самодовольства на лице герцога, его каверзную улыбку и пляшущих в глазах чертиков. Вспомнила темнеющую кожу, жесткие, но все равно приятные, сильные пальцы, трепетные прикосновения к своему телу, когда он мыл меня в ванне.

У меня покраснели щеки, уши, стало тяжело дышать, внизу живота появилась странная тяжесть. Застонав от нахлынувших чувств, я накрылась с головой одеялом, словно пыталась убежать от самой себя.

— Миледи, вы в порядке? — в комнату вбежала Эми, видимо испуганная моим болезненным, по

ее мнению, стоном.

— Да, все нормально, — приглушенно заверила ее, не высывая головы.

— Мне позвать вашего мужа?

— Нет, не надо! — воскликнула поспешно. — Лучше принеси мне ромашкового чая, пожалуйста.

— Как скажете, миледи, — пробормотала служанка и удалилась.

Но никакой ромашковый чай не мог успокоить ту бурю в душе, которую породили глупые, глупые, глупые, глупые чертики мужа.

Эта переписка в книге была настолько интимной и будоражащей, что не давала мне покоя всю ночь. Я перечитывала слова Ричарда немыслимое количество раз, и все время ловила себя на постыдной мысли: как мне хочется, чтобы слова превратились в действия! Не когда-то. Не рано или поздно. Не скоро. Сейчас. Вот прямо сейчас, сию же секунду.

Но ночью мы спали в разных комнатах.

Я успела осознать, как мне нравится эта сторона герцога. Очень, очень нравится. К сожалению, она проявлялась настолько редко, что я начинала ощущать себя зависимой, словно бы подседа на опиум и теперь чувствовала невероятную ломку.

А еще я поняла, что с тем, кто тебе безразличен, так себя не ведут.

Это означало, что я нравлюсь герцогу. Нравлюсь как женщина. Что он не разочарован доставшейся женой.

Если раньше его поцелуи можно было растолковать двояко, ведь, как ни крути, а мужу с женой положено целоваться, и он мог просто пытаться понять, доставляет ли ему удовольствие целоваться именно со мной, то теперь не возникало никаких сомнений — доставляет.

Такие залихватские поступки не делают просто так.

Муж позволил себе выпустить из души потаенных чертиков.

А я позволила себе выпустить своих.

Не иначе как по иронии судьбы на следующее утро мы вышли из покоев одновременно.

— Доброе утро, Марита, — поздоровался муж, увидев меня в коридоре.

— Доброе утро, Ричард.

Он был одет с иголочки, на лице — застывшая маска учтивости.

Герцог не собирался поднимать тему подкинутого романа. Больше того: он делал вид, что ничего такого не было. Конечно, в обществе подобное не обсуждается.

Это глупо.

Постыдно.

Недостойно джентльмена.

Не соответствует статусу герцога.

— Как спалось? — вежливо спросил муж, предложив мне руку, чтобы проводить к столу.

— Весьма неплохо, — таким же тоном ответила я. — Как тебе мое новое платье?

Благородные дамы не напрашиваются на комплименты, но я надеялась, что мои слова не вызовут отторжения.

— Впервые вижу на тебе такой яркий наряд, — честно ответил Ричард, обводя прохладным взглядом мою фигуру.

Он был прав. Прежде я не надевала красных платьев.

— Этот цвет показался мне очень удачным. — Я слегка улыбнулась.

— Смотрится довольно эффектно, — согласился герцог.

— Хотя не обошлось без сложностей, — проворковала довольно. Мы подошли к лестнице и начали спускаться. — Пришлось отказаться от камизы. Белая совершенно не подходит сюда по цвету, а красная у меня только одна, да и та прозрачная.

Ричард едва не споткнулся. Мне очень повезло, что у мужа такая хорошая координация, иначе мы могли бы полететь носом вниз.

Удивление, отразившееся на его лице, весьма позабавило.

— Благородным леди все же не стоит надевать таких сорочек, как вы думаете? — спросила, делая вид, что совершенно ничего не заметила.

Не знаю, о чем он успел подумать, но в разговоре сориентировался быстро.

— Честно говоря, я не разглядел, — туманно отозвался он. И с легкой иронией добавил: — Все же была ночь.

— Тогда вам повезло, — легкомысленно взмахнула свободной рукой. — Она на мне совершенно не смотрится.

Мы как раз подошли к дверям, ведущим в столовую. Остановились на мгновение, в которое муж склонился к моему уху и прошептал:

— Я бы с радостью взглянул еще раз.

А затем повернул ручку и появился перед моими родственниками со спокойным, почти непроницаемым лицом.

Зато я неожиданно поняла, как смогу договориться с ним, чтобы он посетил бал Вудбрайтов.

Мы провозились с модисткой весь день. Платье для меня давно приготовили, но раньше я не была уверена, что вообще смогу попасть на бал, поэтому так и не примерила его. Теперь же, увидев предложенный вариант, попросила кое-что изменить. Модистка была не слишком

довольна выбранным фасоном. Вернее, совсем недовольна. Но я настояла, в надежде, что она не побежит к матушке жаловаться раньше времени.

Как только мы закончили, я тут же отправилась к Ричарду. Однако планы нарушила головная боль. Она преследовала меня весь день, но если с утра напоминала о себе скорее странным покалыванием, то теперь оформилась в нечто намного большее. Помимо всего прочего я чувствовала непонятную тревогу. Мне все время казалось, что чего-то не хватает, но я не могла понять чего. Это очень напоминало ощущение, когда мерещится, будто ты что-то забыла дома, хотя, проверяя вещи, видишь, что все на месте.

Я с легкой тревогой промаялась до вечера, а когда модистка ушла, не выдержала и прилегла на кровать прямо в платье. Просто чтобы на секундочку прикрыть глаза, отвлечься, расслабиться и постараться избавиться от головной боли.

Секунда обернулась тремя часами.

Сама не представляю, как умудрилась уснуть *на три часа!* Эми меня не разбудила. Видимо, посчитала, что госпоже нужно отдохнуть, несмотря на то что та задремала в бальном платье.

Я вскочила на ноги, зажгла свечу, с ужасом взглянула на часы и понеслась в комнату Ричарда.

Бал уже скоро, а я так и не попросила герцога посетить его. Если не сделать этого сейчас, будет поздно.

Постучав, повернула ручку спальни и ступила внутрь. В покоях было темно. Сначала я решила, что муж спит, и потому приглушила свет от свечи ладонью. Но в следующее мгновение поняла, что герцога тут вообще нет.

Не зная, что и думать, присела на край кровати и стала ждать. Только через несколько минут догадалась заглянуть в шкаф и проверить, на месте ли вещи Тима Донга.

Их не было.

Ричард Бёме улетел на гонки.

Но почему так рано? Сейчас не полночь. Я непонимающе нахмурилась, поставила свечу на тумбочку и медленно опустилась на кровать.

Он не предупредил, что сегодня будут гонки. Не хотел, чтобы я знала. Но почему Ричард вылетел так рано? Может, из-за Феньки?

Фенька!

Меня пронзила внезапная догадка. Я вздрогнула.

Вот что за чувство преследовало меня весь день. Чувство пустоты. Я не слышала отголосков эмоций дракона. Я его не чувствовала! Это ощущение потери... будто оторвалась часть меня, к которой я так привыкла, что даже не сразу заметила, что меня больше не фонит от чужих эмоций.

Я не разделяла чувства на мои-Фенькины, просто принимала и те и те как должное. Но сейчас часть эмоций исчезла. Осталась пустота.

«Феня! — мысленно позвала. — Фенечка! Что с тобой, малыш?! Ты где?!»

Со мной никогда такого не случалось.

Если раньше все мои призывы обычно напоминали эхо, то теперь я просто разговаривала сама с собой. Это как огромная ментальная стена. Я оказалась внутри собственной головы, и у меня не было возможности достучаться до дракона.

— Феня! Феня! Феня!

Я заметалась по комнате, звала его то мысленно, то вслух.

Господи... а что, если Ричард улетел раньше как раз из-за этого? Что, если с Фенькой что-то не так? Я впервые почувствовала себя настолько беспомощной — заперта в четырех стенах и не могу даже проверить, как себя чувствует мой питомец!

Но ведь если что-то случилось, муж не стал бы скрывать! Или, наоборот, стал бы, чтобы меня не волновать? Но он же не дурак — знает о нашей связи!

Когда она оборвалась?

Клянусь, еще вчера все было нормально. Может, сегодня утром? Или прошедшей ночью? От вопросов и переживаний голова разболелась еще сильнее.

Я перенапряглась. Именно так, как запрещал мне перенапрягаться Роберт. Рухнула спиной на постель и начала восстанавливать учащенное дыхание. Едва сдерживала слезы, потому что боль в животе стала разрастаться.

Приведя эмоции в относительную стабильность, тут же позволила магии сорваться с рук и применила легкую заморозку с обезболивающим эффектом.

Ричарда пришлось ждать долго.

Конечно, я не выдержала. В какой-то момент слабость заставила меня закрыть глаза, а затем медленно погрузиться в беспокойную дрему.

Проснулась ровно в тот момент, когда брякнула щеколда на оконной раме.

— Ричард, это ты? — сонно спросила, увидев в лунном свете человека, перекидывающего ногу через подоконник.

— Марита? — опешил тот.

Свеча давно погасла, поэтому неудивительно, что он меня не заметил.

Я приподнялась на локтях. Волосы тут же рассыпались по плечам.

— Ричард, что с Фенькой? — выдавила сипло.

Огорошенно провела ладонью по лицу и сообразила, что, кажется, плакала во сне.

— Это я у тебя хотел спросить, — невесело отозвался он, запрыгивая в комнату и закрывая за собой окно.

Герцог подошел к канделябру, зажег несколько свечей и повернулся ко мне.

Удивленно застыл.

Ну... его можно было понять.

Жена лежит на кровати в пышном светло-голубом бальном платье, юбки вздыбились, явив белые чулки с синими лентами, лиф платья бесстыдно оголил грудь, волосы спутаны и растрепаны, лицо заревано.

— Марита, что случилось? — побледнел Ричард, стягивая с лица повязку.

— Ты мне что-то не рассказываешь о Феньке? — жалобно спросила я, вперив в него взгляд.

— Объясни, что между вами произошло? Ты что-то сделала? Передала ему плохие эмоции?

— Нет, — отчаянно закрутила головой, — я его вообще не чувствую. Феньки как будто нет.

Ричард подошел к кровати, сел на корточки и взял меня за руку, пристально взглянул в глаза.

— Я понял. Он тоже перестал тебя чувствовать. Ты должна вернуть связь.

— Это я сделала? — моргнула недоуменно.

— Боюсь, что да.

— Как? Я никогда в жизни такого не делала, — опять остервенело закрутила головой.

— Скорее всего, ты почувствовала что-то такое, чем не захотела делиться с Фенькой, и закрылась от него. Теперь надо открыться.

Я вспомнила вчерашние эмоции после прочтения романа, который подsunул мне муж, и похолодела.

— Как... как это исправить? — пробормотала, шмыгнув носом.

— Постарайся подумать о чем-нибудь хорошем. Чем светлее будут воспоминания, тем лучше.

Я озадаченно моргнула. О чем-нибудь хорошем? Но ни внутри, ни вокруг меня не происходило ничего хорошего.

Если только...

— Ричард? — позвала тихо, чтобы мужчина чуть приподнял голову.

Как только он это сделал, я потянулась к мужу и, опираясь одной рукой на постель, другую положила ему на затылок и поцеловала.

Наверное, это крайне недостойно, когда девушка сама делает первый шаг. Такой поступок может охарактеризовать ее с неприличной стороны. Но вот беда, Ричард был именно тем хорошим, о ком я могла подумать.

Мужчина возмущаться, удивляться или отстраняться не стал. Лишь обхватил мое лицо руками и раскрыл губы навстречу, перехватывая инициативу.

Блаженно зажмурилась, ощущая, насколько у него холодные, просто ледяные руки. Наверное, я ненормальная, раз такая странная вещь вызывает во мне невероятный прилив нежности.

Поцелуй прервался внезапно. На меня навалилось такое беспокойство, что я едва не согнулась пополам. Тяжело дыша, отстранилась. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Только когда сумела впитать эмоции Феньки, решила посмотреть на мужа.

Ричард внимательно наблюдал за мной.

— Получилось? — спросил он настороженно.

Я слабо улыбнулась и кивнула. Облегченно выдохнула.

— Не прерывай связь на долгое время, она у вас даже не оформилась до конца, а ты такую нервотрепку ему устроила.

Он защищает дракона, а не свою жену. Никогда бы не подумала, что смогу назвать это милым.

— Спасибо, — сказала с искренней благодарностью. — Если бы не ты, я бы, наверное, не пережила эту ночь.

Чувства Феньки вернули мне ту часть, которая была утеряна, и теперь я ощущала себя цельной, как бы странно это ни звучало.

— Если лечение заключается в поцелуях, то я готов побыть твоим лекарем, — каверзно усмехнулся муж. — Но сначала скажи, что ты тут делаешь? Еще и в таком виде?

— Я пришла к тебе.

Герцог продолжал сидеть на корточках возле кровати. Я перебралась на краешек, свесила ноги и разгладила пышную юбку.

— Зачем? — осторожно уточнил он.

Кажется, кто-то вновь не хотел поднимать тему гонок.

Хорошо, что я здесь не за этим.

— Мы должны поговорить о предстоящем приеме у Вудбрайтов.

— Сейчас?

— Он состоится уже завтра вечером.

— А я надеялся, что ты пришла хвастаться укусом Марита, — с сожалением выдал муж и сопроводил свои слова намекающим взглядом.

Его несдержанность заставила насторожиться, приняхаться и вкрадчиво уточнить:

— Ты пьян?

Герцог покачал головой. И тут же зачем-то положил руки поверх платья на мои колени.

— Надеюсь, только пиво? — понятиливо хмыкнула я.

Мне достался какой-то странный взгляд. А затем неожиданно откровенное:

— Прости, ладно? Только сейчас понял, почему ты его выливала.

— Ну, у меня слишком маленькие яйца, чтобы соревноваться с мужем, — с легким смущением пробормотала, припомнив Ричарду его же слова.

Герцог тому факту, что его цитируют, совсем не обрадовался.

Он выпрямился, размял затекшие ноги и сел рядом со мной.

— Не хотелось бы впредь слышать от тебя такие слова, — попросил он.

— Вы сами подаете мне плохой пример, ваша светлость, — нашлась я. И добавила: — Но нам действительно нужно обсудить предстоящий бал. Моя матушка настаивает на вашем присутствии.

— Она мне об этом уже сообщила, — неохотно произнес муж.

— В самом деле?

— Да. И все-таки, почему ты пришла ко мне в таком виде?

— Ну... это угроза. — От взгляда, которым меня одарил герцог, стало неловко.

— Угроза? Я бы назвал это как угодно, но только не...

— Ты же понимаешь, что матушка в любом случае затащит меня на этот бал, — перебила мужчину, решившись наконец на то, ради чего сюда пришла. — А если ты не пойдешь со мной, то я пойду вот так.

И красноречиво указала на очень, очень низкий вырез платья. Хотя в этом жесте не было необходимости — Ричард давным-давно все прекрасно рассмотрел.

— А-а, — дошло до него. — Действительно, угроза.

Он подвинулся ближе, обхватил за талию и прижался ко мне.

— Хотелось бы все же, чтобы только я знал, где побывал Марит, — согласился супруг.

— Угу, — кивнула, надеясь, что мы движемся в правильном направлении.

— Но я должен сказать, что и так собирался идти.

— Правда? — Я отстранилась и неверяще посмотрела на герцога. — Вот так просто?

— Да, — пожал он плечами, вновь привлек меня к себе и склонился совсем уж низко, устало пробормотав: — Как же все-таки приятно прийти домой и просто отдохнуть на любимом месте.

— Это моя грудь, Ричард.

Послышался тяжелый вздох.

— Если бы ты только знала, как я проклинаяю тот день, когда тебя ранили.

А уж я-то как его проклинаяю...

Сидеть рядом с ним, вдыхать запах алкоголя, перемешавшегося с запахом драконов, чувствовать чужие холодные руки и понимать, что не имею возможности даже увидеть Феньку... Сколько гонок я пропустила, страшно подумать. Как бы меня и вовсе не исключили из соревнований, если такое допустимо...

— Я принесу твою ночную рубашку, — пробормотал муж, нарушая тишину. Оторвался от меня, поднялся на ноги и не самым твердым шагом вышел из покоев.

Вернулся он спустя несколько минут, вручил нужную вещь, а сам отправился к шкафу — переодеваться. Пока я развязывала шнуровку платья, Ричард бросил на кровать шерстяной плед.

— Зачем тебе это одеяло? — не поняла я. — Сейчас ведь очень теплые ночи, хоть голым спи.

Муж раздраженно вздохнул и накинул сверху еще два пледа.

Это был урок на всю жизнь. У герцога ничего не бывает «вот так вот просто».

Он распланировал все.

Ричард знал с самого начала, что ему не удастся ускользнуть от посещения бала, поэтому решил приспособить все события под себя.

Первое, что он сделал, — разбудил меня поцелуем в щеку. Я сонно открыла глаза и увидела сидящего перед собой мужа, уже полностью собранного (даже бороду сбрил!). Не успела улыбнуться, как он меня огорошил:

— Сегодня тебе снимают швы.

— Что? Сегодня? Сейчас?! — переполошилась я.

Ричард положил руки мне на плечи, заставляя лежать смирно.

— Да, сегодня. Сейчас придет Роберт, и с ним будет еще один гость. Ты можешь пока сходить в будуар, если тебе что-то надо. Эми я попросил тебя не беспокоить.

Сообщать такие новости с утра пораньше было чудовищно с его стороны.

— Что еще за гость? Они уже идут? Сколько у меня времени? Я же только проснулась!

— Не нервничай так, — попытался успокоить Ричард. — Роберт знакомит гостя с твоей матушкой.

— Да что за гость? — нетерпеливо спросила, откидывая одеяло и начиная выбираться из кровати.

— Еще один врач. Приехал из столицы специально ради тебя.

— Из столицы?! — Я так и застыла. — Когда вы с ним договорились? Почему ты мне ничего не

сказал?

— Мы не знали, когда он сможет приехать, поэтому я не хотел тебя обнадеживать раньше времени, — спокойно объяснил муж, наблюдая, как я семеню к будуару. — А теперь получился сюрприз.

— Ричард! — воскликнула на ходу.

— Что?

— Я ненавижу сюрпризы!

И громко хлопнула дверью.

Вернулась в комнату как раз за несколько минут до того, как в нее вошел Роберт в сопровождении столичного доктора. Мужчина куда больше походил на тех врачей, которых я видела прежде: лет под пятьдесят, с седыми волосами, важным видом, немного упитанной фигурой и неизменным моноклем. На лице застыло серьезное выражение, никакого намека на улыбку.

— Приветствую вас, герцогиня Бёме, — поклонился он.

В его осанке угадывались столичные манеры.

Я находилась в полусидячем положении, спина опиралась на подушки, ноги прикрывал шерстяной плед, потому смогла только склонить голову в знак уважения.

— Меня зовут Бертрам Роберт Старший, я помогу своему коллеге снять швы.

— Могу я называть вас Бертрамом? — вежливо спросила, задумавшись, откуда в этой стране столько Робертов.

— Конечно, миледи, — отозвался тот, но голос его прозвучал глухо, словно мужчина с головой ушел в подготовку всех нужных инструментов и на глупые вопросы отвечал неосознанно.

Ричард кивнул Роберту, и тот закрыл дверь спальни на щеколду.

Муж стоял возле кровати. Моим приготовлением к операции он занялся сам. Помог лечь, завернул сорочку, прикрыл бедра одеялом.

У Бертрама имелся складной столик, который он поставил к постели так, чтобы тот находился рядом с моим животом, и с него удобно было брать нужные инструменты. Заметив железные тарелочки, в которых лежали ножницы, щипцы и баночки с непонятной жидкостью, я занервничала.

— Это будет больно? — спросила, испуганно сглотнув.

— Нет, миледи. Мне сказали, что вы умеете сами себя обезболить, поэтому примерно представляете, что это за ощущения, — ровным голосом произнес Бертрам.

Роберт стоял чуть поодаль и подходить к нам не спешил.

— Я покажу вам, как правильно применять магию, чтобы вы не переборщили и вместо нервов не заморозили себе органы.

— Что? — переспросил Ричард, видимо не ожидавший, что моя магия может быть настолько опасна.

— Однажды, милорд, меня вызвали зафиксировать смерть одного джентльмена, который не рассчитал своих сил и, когда почувствовал боль в сердце, просто его заморозил. Мы вызвали огненного мага, но сделать уже ничего не смогли. — Тут Бертрам посмотрел на Роберта, и в его глазах промелькнул смех. — Хотя, полагаю, у джентльмена был сердечный приступ, и он умер бы в любом случае.

Роберт хмыкнул.

Я удивленно моргнула. Все-таки у врачей очень странное чувство юмора.

— Так, мм... миледи, — промычал Бертрам, задумчиво глядя на меня.

— Марита, — подсказал Ричард, тщетно пытаясь скрыть улыбку. Да уж, очень смешно.

— Марита, — кивнул мужчина, — возьмите эту настойку. Это средневосточный дурман, разведенный с лимонным соком.

— Вы хотите меня опоить? — удивилась я.

— Это не опасно? — нахмурился Ричард.

— Если бы я хотел причинить ей вред, травил бы мухоморами, — сухо отозвался Бертрам. — Пока не пейте, миледи. Сначала я покажу, как безопасно обезболить рану.

Он склонился над швом и принялся внимательно его разглядывать.

— Пятый стежок съехал, Роберт, — придирчиво сказал мужчина.

— Брось, это идеальная работа. Тем более что я торопился, она могла истечь кровью, — обиженно ответил молодой врач.

— Я учил тебя кропотливой работе, а не «тяп-ляп», — строго отчитал его Бертрам. — Где вы получили такую серьезную травму, миледи? — обратился ко мне доктор.

— Она упала с лошади, — вмешался Ричард. — На камень.

Я недовольно поджала губы. Можно же было и предупредить, что о драконах болтать не стоит! А если бы я сейчас ляпнула что-нибудь не то?

— Большой был камень, — задумчиво проговорил Бертрам, давая понять, что не верит ни единому слову. Но настаивать на правде не стал. Только обратился к Роберту: — Внутренние органы задеты?

— Селезенка. Я все зашил, — буркнул тот.

— Так же, как зашил кожу?

— Может, хватит меня отчитывать? Лучше делом займись, — совсем не по-джентльменски сказал Роберт.

— Что ж, мм... миледи, смотрите.

Бертрам принялся объяснять.

Говоря о кропотливой работе, он не врал. Движения мужчины стали осторожными, медленными и крайне аккуратными. Даже его магия отличалась от моей. Ощущения были другими. Она пробиралась по коже, оставляя после себя голубой иней, означающий, что заморозка действует. Но при этом я не ощущала холода, который всегда оставляла моя стихия.

На секунду даже показалось, будто ничего обезболить не удалось. Но когда Бертрам пощупал место рядом с раной, я не почувствовала его пальцев.

Затем меня напоили настойкой. Ричарду приказали придерживать жену за талию и не давать двигаться. Бертрам с Робертом принялись орудовать маленькими ножницами и щипцами, снимая швы.

— Роберт сказал, что вы прижигали рану магией. Я оставлю вам мазь из огнивальского перца, его собирают на южных островах. Он ядреный, но любую заразу убивает на корню.

Из-за дурмана я находилась в странном состоянии, напоминающем сон на грани с реальностью, поэтому слова мужчин долетали словно сквозь пелену.

— Благодарю, — вежливо отозвался Ричард. — Ей можно будет вставать? Или снова постельный режим?

Я держалась за руку мужа, которой он пригвоздил меня к кровати, и сжимала ладони сильнее, намекая, что убью его, если из-за него мне снова придется проводить дни в положении «лежа».

— Нет, швы снимают как раз потому, что рана заживает. Сейчас это будет глубокий порез. Станете правильно обрабатывать, и ничего страшного не случится. Но нельзя перенапрягаться, как вы понимаете.

— Само собой. Сколько вы возьмете за свои услуги?

Бертрам сказал. Он назвал такую сумму, что я едва не рухнула с кровати.

— Пап, ты что! — Это вызвало возмущение даже у Роберта.

— Милорд ясно дал понять, что деньги его не волнуют, — ничуть не смутился тот.

— Я выпишу чек. Вы сможете забрать деньги в банке, как только вернетесь в столицу, — спокойно заметил Ричард.

Я почувствовала укол совести.

Это же сколько проблем я ему доставила!

Кому вообще нужна такая жена?

Из-за дурмана проспала до самого вечера. Когда проснулась, увидела, что у постели суетится матушка.

— Марита! — воскликнула та. — Наконец-то! Сколько же можно спать!

— А где Ричард? — это был мой первый вопрос, который вызвал у родительницы крайнее негодование.

— Герцог должен волновать тебя в последнюю очередь! У нас бал, а ты до сих пор глаза продрать не можешь!

— Но...

— Без всяких «но». Твои сестры уже давно выбирают украшения, а ты даже платье не надела. Я позвала служанок. Поднимайся скорее!

— А где Ричард? — настойчиво повторила вопрос.

— Не знаю я, дорогая! Сказал, что отлучится по делам. Вставай же, Марита.

— Отлучится? По делам? — переспросила подавленным голосом.

Каюсь, я решила, что он сбежал. Герцог мог. Дождаться наступления сумерек, вызвать дракона и улететь как можно дальше — в этом нет ничего сложного.

Я бы сама так сделала, если бы не хотела куда-то идти.

И вроде очевидно, что он мне ничего не должен. К тому же если учесть, сколько он уже заплатил за мое лечение, то просить его пойти в ненавистное место было верхом эгоизма. Тем не менее стало как-то по-детски обидно.

Помимо всего прочего мне весь вечер пришлось отбиваться от матушки, которая настаивала, чтобы я приняла ванну. И хотя шва уже не было, порез все равно мог вызвать множество ненужных вопросов.

Магия, которую наложил Бертрам, действовала до сих пор. Украдкой приподняв сорочку, увидела, что кожа покрылась синевой. Этого служанкам и матушке тоже не стоило показывать.

Врач предупредил, что долго держать кожу в охлажденном состоянии нельзя, но я не решилась сейчас снять воздействие стихии. Мало ли, вдруг из-за боли я не смогу ходить?

В итоге сборы лишили меня сил едва ли не больше, чем лихорадка. Примерка затянулась, несмотря на то что мне всего лишь нужно было пришить кружева, чтобы скрыть глубокий вырез. Особенно нелепо выглядела попытка с достоинством объяснить, почему я вдруг схватила корсет, скрылась в будуаре и вышла оттуда уже в нем.

Волосы мне укладывали чуть ли не дольше, чем одевали, примеряли и подшивали платье. Матушка настаивала на высокой прическе, мне хотелось оставить локоны распущенными, но спорить уже не было сил, поэтому я уступила.

В какой-то момент стало казаться, что эти сборы мне точно не пережить, но неожиданно в дверях появился Ричард.

Я сидела перед зеркалом и задумчиво разглядывала собственный преобразенный облик, пока служанка укладывала последние непослушные пряди.

— Добрый вечер, ваша светлость, — поздоровалась матушка и сделала книксен, увидев герцога.

Его силуэт отражался в зеркале. Ему невероятно шел темно-синий фрак, он приглушал

привычную мрачность мужчины своим более светлым тоном. Черные бриджи, черные сапоги... волосы забраны в хвост. Элегантность и аристократичность невольно заставляли смотреть на него с восхищением.

Все видели в нем холодного герцога, который идеально держится на людях.

— Я пришел сообщить, что карета уже ждет, — с некоторым величием, присущим только особам высшего света, сообщил супруг.

Я замороженно глядела на его отражение и видела почему-то совсем не одетого с иголки герцога, а скрывающегося за маской отстраненности Тима Донга в черных штанах, высоких сапогах, с распахнутым воротом рубахи.

— Спасибо, ваша светлость, мы сейчас спустимся, — поблагодарила матушка, слегка удивленная тем, что Ричард Бёме пришел сообщить об этом сам, а не послал лакея.

Я сидела спиной к нему и видела мужа только в зеркале.

Он не остался стоять в дверях. Вместо этого неспешно прошел в комнату, держа руки за спиной. Ричард смотрел на меня, а я — на его отражение. Он приблизился к спинке стула, наклонился, а затем его рука оказалась перед моим лицом. В ней была длинная темная коробочка, обитая бархатом.

— Примите этот скромный подарок, герцогиня Бёме, — тихо сказал он.

Я неторопливо протянула руки в белых перчатках к коробочке и, открыв ее, затаила дыхание.

Это было кольцо. Когда-то папа привозил нам разные украшения из столицы, да и в маминых я любила покопаться, поэтому определить, из чего оно сделано, оказалось нетрудно.

Белое золото. Цепочка состояла из нескольких крупных колец, скрепленных между собой и сплошь усеянных множеством маленьких блестящих бриллиантов. Посередине — литой тигр, передние лапы которого сливались с кольцом с одной стороны, а хвост — с другой, словно животное являлось своеобразным мостиком. Выполнено на заказ. Тигр тоже был весь в бриллиантах, но на его теле помимо прочего расположилось несколько ромбиков из оникса, а в глазах сияли изумруды.

Рука дрогнула, когда я представила, сколько должно стоить это великолепие.

Ричард, заметив мое замешательство, взял кольцо и приложил его к моей шее. Неспешно застегнул цепочку. Металл обжег кожу холодом.

— Тебе нравится? — спросил муж, внимательно наблюдая за моим лицом.

Я же во все глаза смотрела на свое отражение, силясь понять, что за статная прекрасная женщина сидит передо мной. Это была не я. Кто-то другой.

— Оно прекрасно, — выдохнула сущую банальность, не зная, как описать все те эмоции, что странным образом смешались внутри.

Передо мной сидела незнакомка.

Это была герцогиня Марита Бёме.

— Я жду тебя внизу, — сказал Ричард. Внезапно почувствовала, как он слегка коснулся губами моего плеча, которое не прикрывала ткань нежно-голубого платья.

Дышать стало трудно. Я трепетно дотронулась до кольца, с сожалением наблюдая, как муж покидает комнату. Затем посмотрела на притихших служанок, на модистку. И на маму.

Она почему-то улыбалась.

Бал. Это праздник, на который мечтают попасть девочки, девушки и женщины самого разного возраста. Само слово «бал» звучит как музыка для наших ушей.

С рождения мы грезим им. Мечтаем приехать в столицу, фантазируем по ночам, в каком платье будем, когда принц закружит нас в первом танце. В наших собственных головах мы настолько прелестны, что можем очаровать его с первого же взгляда, и он с радостью помчится за нами на край света.

Потом мы попадаем на реальный бал, сталкиваемся нос к носу с жестокой действительностью, но ощущение сказочности происходящего никогда не проходит до конца. Это ощущение живет в каждой девушке, которая надевает пышное платье и ступает в бальную залу, ловя на себе заинтересованные взгляды собравшихся.

Я стала маленькой девочкой, чья мечта внезапно осуществилась. Светское мероприятие, множество пестрых, сияющих нарядов вокруг, сотни удивленных лиц и личный принц, ведущий под руку.

— Герцог и герцогиня Бёме, — громко объявил дворецкий, как только перед нами открылись массивные двери залы.

Я больше не была леди Хорвин, дочерью разорившегося графа и «той самой, которая скоро выйдет замуж за герцога». Я была герцогиней.

Осознание собственного статуса что-то изменило во мне, добавило столь недостающих гордости и достоинства. Это заметили и окружающие.

Пока мы спускались по лестнице, я ловила на себе удивленные, восхищенные и даже завистливые взгляды.

Марита и Ричард Бёме теперь станут главной темой недели для всех сплетников округи.

Когда мы спустились, рядом с нами возник хозяин огромного поместья. Граф Вудбрайт.

— Герцог, герцогиня. — Мужчина поклонился и поцеловал мне руку. — Для меня честь, что вы почтили нас своим присутствием на этом скромном приеме. Я приложу все усилия, чтобы вам было весело и вы ни в чем не нуждались.

— Благодарю вас, граф, — слегка склонил голову Ричард.

— Надеюсь, не слишком дерзко с моей стороны предложить вам станцевать главный танец с герцогиней? — заискивающе спросил мужчина.

Это был своего рода знак уважения.

Главный танец предлагают станцевать только той паре, на которую указывает сам хозяин. Если о нем просят, как только молодые люди появляются в дверях, это указывает на их особый статус. Ну, или на подхалимство со стороны хозяев.

— Почту за честь, — нейтрально отозвался Ричард, не выказывая ни радости, ни огорчения от поступившего предложения. — Скажите музыкантам, что мы будем танцевать курдон.

Он заявил это с таким видом, словно дом принадлежал ему.

Я начала понемногу понимать, почему все считают герцога Бёме мрачным, нелюдимым, неприятным человеком. И наладить с ним отношения хотят исключительно из-за денег.

— Как пожелаете, ваша светлость, — поклонился граф Вудбрайт.

Спустя несколько мгновений дворецкий объявил:

— Главный танец танцуют герцог и герцогиня Бёме.

— Ты уверен? — шепотом спросила я, украдкой взглянув на профиль мужа.

— Не бойся. — Ричард крепче сжал мою руку в перчатке.

Я и не боялась. Просто была несколько обескуражена.

Курдон называли еще и танцем новобрачных. Если бы герцог решил устроить по случаю нашей свадьбы большое празднество, мы бы танцевали именно его.

Когда-то я сильно расстроилась, что у меня не было классической свадьбы с ее пышностью, весельем, множеством гостей и самым прекрасным балом на свете. Теперь казалось, Ричард решил наверстать то, чего лишил меня поначалу. Хотя вряд ли он догадывался о моих переживаниях. Наверняка муж тоже не был доволен тем, как прошла церемония.

Все танцующие пары расступились довольно быстро, после чего герцог галантно вывел меня на середину зала.

Заиграла музыка.

Мы поклонились друг другу. Муж сделал шаг, уверенно положил руку мне на талию и увлек навстречу музыке.

Раньше я не танцевала курдон на балах, только с учителем, поэтому жутко боялась сбиться с такта, налететь на герцога, отдалить ему ногу или вообще упасть. Еще хуже становилось от мысли, что это увидят сотни людей.

— Ты плохо себя чувствуешь? — нахмурился Ричард.

В этот момент заметила, насколько сильно сжала руку на его плече.

— Нет-нет, — ответила поспешно, — просто немного волнуюсь.

— Ты выглядишь прекрасно. — Он постарался подбодрить, неправильно истолковав причину моей нервозности.

Мы кружились в танце, и иногда я замечала дам, что-то шепчущих на ухо друг другу. Они

хихикали, прикрыв рот ладонью, и неотрывно смотрели в нашу сторону.

На вытянутых руках мы с герцогом сделали шаг в сторону друг от друга, а как только приблизились настолько, что я едва не коснулась носом его плеча, тихо спросила:

— Почему ты решил посетить этот бал?

Мы снова отделились друг от друга, что дало мужу время на обдумывание своих дальнейших слов. Через несколько мгновений Ричард обхватил меня за талию, склонился над ухом, параллельно заставив совершать круговые движения, и прошептал:

— Кому-то ведь нужно приглядывать за тобой.

Я так и не поняла, что это было: забота или угроза?

Курдон — более спокойный танец, чем вальс. Со стороны он выглядел красиво: медленный ритм, плавно сменяющиеся движения, постоянный контакт партнеров.

Тем не менее танец все равно заставил нас изрядно попотеть.

Когда музыка кончилась, мы с Ричардом выдохнули одновременно. Не от облегчения, а потому что действительно устали.

Под раздавшиеся аплодисменты муж галантно повел меня к столику с напитками.

Пары вновь оживились, заиграла мелодичная музыка, и множество людей в пестрых нарядах, напоминающих распутившиеся бутоны цветов, закружили по залу.

Казалось, мы вернулись к прежней атмосфере сказки и веселья. Глотнув немного простой воды, я с удивлением обнаружила, что Ричард допивает уже второй бокал шампанского. Только после этого обратила внимание на то, что муж как-то странно напряжен.

— Провинциальные балы недостойны твоего внимания? — Я задала вопрос с легкой улыбкой, намекая, что это всего лишь ирония.

— Масштаб не имеет значения, потому что меркантильные монополисты не дремлют никогда, — не разделил моего настроения муж.

Не успела я даже удивиться такому враждебному настрою (ведь буквально несколько минут назад все было прекрасно!), как из ниоткуда появился улыбчивый молодой человек.

— Герцог Бёме! Ваша светлость! Для меня лестно познакомиться с вами!

Лицо Ричарда темнело на глазах.

— С кем имею честь? — Он высоко задрал бровь, одарив незнакомца надменным взглядом.

— Я виконт Хамерсет, ваша светлость, — нервно поклонился юноша. — Если позволите, мне бы хотелось обсудить с вами один невероятно прибыльный проект...

— Мы же на балу, виконт, — раздраженно отозвался муж, — неужели вы не хотите немного повеселиться?

— О, веселье предназначено для неугомонных леди, серьезным мужчинам пристало

заниматься серьезными вещами, — ничуть не смутился юноша, но нервно сглотнул, когда на нем скрестились два наших скептических взгляда.

— Я бы хотел провести немного времени с женой, если позволите, — попытался увильнуть Ричард, нагло используя меня как громоотвод.

— Миледи! — воскликнул виконт, чем заставил меня вздрогнуть. — Вы знаете, сейчас графиня Вудбрайт устраивает игру, и все дамы ждут, когда вы к ним присоединитесь. Графиня просит прощения, что не может лично пригласить вас, потому что леди требуют ее присутствия, но очень надеется, что вы не откажете ей в чести лицеизреть вас, — пафосно произнес он.

Вот именно в этот момент я начала понимать, почему герцог Бёме не любит балы.

Мы едва-едва станцевали наш первый танец, а нас уже разделили.

Господи! Мне рядом с мужем и пяти минут не дали побыть! Ну как тут почувствуешь себя принцессой, когда принца окружили деловитые мужчины с финансовыми темами, а меня чуть живьем не сожрали на безобидной игре в желания?

Все это происходило на террасе, куда я пришла по приглашению графини Вудбрайт. Увы, отказать я не могла. Репутация нашей семьи все еще не была восстановлена, и мама меня придушила бы, если бы своим поступком я запятнала ее еще больше.

Я надеялась весело провести время, коротая долгие минуты, пока Ричард был занят, но на деле оказалось, что играть никто не собирался.

За столом собрались модные, изящные, сияющие молодостью и красотой (графиня Вудбрайт была в их числе, так как своего шарма не утратила даже с возрастом) хохотушки-сплетницы. И так они перемывали косточки каждой пришедшей на бал девице, что я в какой-то момент аж раскраснелась от злости.

Джон Рут внутри меня негодовал.

Но Марита Бёме держала спину, смеялась, где надо, и всеми силами старалась, чтобы струна сдержанности не лопнула в самый неподходящий момент, а изо рта не полилась брань. Долго в таком состоянии я пребывать не могла, поэтому, когда почувствовала, что нахожусь на грани, вежливо сообщила, что отойду ненадолго в дамскую комнату.

Вернулась в бальную залу, попыталась отыскать Ричарда, но, так и не заметив его среди массы людей, сдалась и решила укрыться на втором этаже.

Мне всего лишь нужно было несколько минут, чтобы перевести дух, после чего я смогла бы и дальше спокойно изображать покладистую леди.

Зайдя в первую свободную комнату, вышла на балкон и с наслаждением втянула прохладный ночной воздух. А затем вдруг услышала:

— Вы видели, какое дорогое у нее кольцо?

— Да-да, и она теперь смотрит на нас так, будто уже стала королевой.

— Она даже не понимает, что, если бы не договор, герцог никогда бы не обратил на нее внимания!

Я перегнулась через перила и с грустью поняла, что балкон находился как раз над террасой. Стоило мне покинуть прекрасных леди, как они тут же принялись обсуждать новоявленную герцогиню.

Я вздохнула, облокотилась на перила с искусной резьбой и устремила задумчивый взгляд в небо. Именно в таком виде меня застал Ричард.

Не представляю, как он догадался искать жену здесь. Когда я услышала рядом шаги, испуганно обернулась. Увидев мужа, приложила палец к губам, призывая того к молчанию.

Ричард подошел ближе, недоуменно хмурясь, но говорить на всякий случай стал шепотом:

— Марита, внизу начинается игра в прятки, все выходят в сад.

— Тс! — шикнула я.

До нас донесся веселый смех.

— А вы заметили, что герцог на нее даже не смотрит? А если смотрит, то с таким лицом, будто готов ее убить?

Я грустно вздохнула, подперев рукой подбородок.

— Ну конечно, на что там смотреть! Ему же ее навязали. Он наверняка был в ступоре, когда увидел свою женушку. Им же до свадьбы даже видеться не давали!

Ричард перегнулся через перила, убедился, что понял ситуацию правильно, и недовольно посмотрел на меня.

— Марита, зачем ты их слушаешь? — шепотом спросил он.

— Не знаю, — пожала плечами. — Я хотела уйти, но тут Присцилла Картонье сказала, что ты ее брал.

— Куда?

— Не куда, а где. На приеме у... не помню кого, — снова вздохнула, а потом добавила задумчиво: — Хотя кто знает, может, и куда.

Ричард нахмурился пуще прежнего, снова перегнулся через перила.

— Я никого из них не знаю, — шепотом возмутился он.

— О, — хмыкнула я, — не волнуйся, она врала на этот счет.

— С чего ты взяла? — выгнул бровь он.

— Она сказала, что ты совращаешь только девственниц, потому что тебе нравится смотреть, как они корчатся от боли. Но поделом мне, так я вынуждена расплачиваться за то, что получила в мужа герцога. А еще она отметила, что я очень бледна сегодня, и решила, что ты привязываешь меня к кровати и бьешь плетью.

Ричард только брови поднял, ошеломленный подробностями личной жизни, о которых прежде даже не догадывался.

— Ты ведь понимаешь, что это бред? — осторожно уточнил он.

Я грустно улыбнулась и кивнула. А затем сказала тихо:

— Да, Присциллы Картонье у тебя не было. Но была ведь Элина и... — «И Джули Бёме», так и хотелось добавить мне, но я сказала: — И бог знает кто еще.

— Марита, — настороженно начал герцог.

Пришлось покачать головой.

— Знаешь, я ведь тебя ждала. Все восемнадцать лет ощущала себя чьей-то. А... а ты меня не ждал.

Внизу снова задорно рассмеялись. Одна из леди уверенно заявила:

— Помяните мое слово, в скором времени он найдет предлог и сошлет ее в монастырь, чтобы глаза не мозолила.

Я нерешительно взглянула на мужа. Тот приподнял бровь, но определить, что за эмоции призвано изображать это движение, я так и не смогла. Лицо его было непроницаемым.

— Марита, сейчас в лабиринте проходит игра в прятки, — настойчиво повторил он. — Давай спустимся вниз.

Я не ответила, и в тишине ночной прохлады заговорщицкий шепот одной из сплетниц прозвучал неожиданно громко:

— В ней же течет дурная кровь, если бы не этот договор, герцог никогда бы не связал себя узами с дочерью самоубийцы. Он же не глупец, чтобы портить род Бёме.

Мне словно залепили звонкую смачную пощечину. Я вздрогнула и поспешно уставилась в пол, чтобы скрыть, насколько меня задела эти слова. Сделала глубокий вдох и только после этого смогла сказать негромко:

— Не думаю, что это хорошая идея, ваша светлость. Вы же сами не любите все эти мероприятия. Если хотите, мы можем вернуться домой. Я не против.

Ричард раздраженно вздохнул.

Я недоуменно подняла глаза. С ужасом заметила, как муж яростным движением срывает сливу с прилегающего к балкону дерева и с размаху кидает ее в сидящих этажом ниже девушек.

Не сообразив, что делаю, я инстинктивно шарахнулась от перил. Ричард сделал то же самое, а затем сквозь зубы уточнил:

— Ну что, мы все еще любимся ночным небом или бежим?

— Бежим, — испуганно шикнула я. Вздрогнула от раздавшегося визга и первой сорвалась с места.

Конечно, в бальном платье большую скорость не развить, но до лестницы мы добрались в рекордные сроки. Только на ней замедлили шаг и, не сговариваясь, словно подобные выходки были привычным делом для нас обоих, начали приводить в порядок одежду, чтобы не

выглядеть растрепанными.

— Ты зачем это сделал? — прошипела я, когда мы под руку спускались по ступенькам.

— Был какой-то другой способ вытащить тебя в этот проклятый лабиринт? — уточнил муж, причем голос у него звучал с легким раздражением.

— Ты правда хочешь играть в прятки? Ты же ненавидишь всю эту светскую суету!

— Мы не будем играть, моя дорогая, — тихо буркнул он, и его лицо приняло привычную холодность.

Походкой истинного герцога Ричард завел меня в бальную залу. Неспешным шагом мы двинулись к дверям, выходящим на улицу, словно бы совершали утреннюю прогулку.

В доме осталось едва ли не меньше половины танцующих пар. Все остальные с радостным предвкушающим смехом выходили в сад-лабиринт. Играть в нем ночью оказалось особенно пикантно, и это было, наверное, самое долгожданное событие для большинства здесь присутствующих.

Раньше мне только раз пришлось побывать на этой игре, и она оставила после себя не лучшее впечатление. Даже показалось, что на бал приходят именно ради этих прятков, когда под покровом ночи можно сорвать поцелуй с губ замужней дамы. Или побыть наедине с той, чью симпатию кавалер долго пытался завоевать. А уж для светских повес это было едва ли не что-то типа увеселительного дома.

Я на секунду даже подумала, что Ричард ведет меня сюда именно из-за этого. Но потом поняла, что мы обходим сад стороной.

По походке мужа стало ясно, что ему не терпится сорваться с места и бежать со всех ног, но он не делал этого из-за меня. И дело было даже не в платье. Герцог, похоже, не хотел, чтобы я перенапрягалась, потому что постоянно говорил: «Осторожнее. Не споткнись. Тебе не тяжело? Только не спрашивай, куда мы идем».

А шли мы по подъездной аллее прямым к воротам. Я хмурилась все больше и больше, кидала на мужа очень настороженные и непонимающие взгляды.

Вдали светился маленький огонек. Мы приблизились, и я смогла различить лакейскую форму на незнакомце, который держал канделябр.

— Ваша светлость. Миледи. — Мужчина поклонился. — Лошади готовы.

— Хорошо, — кивнул Ричард.

Мы вышли за ворота, возле которых нас ждал второй лакей, держащий животных под уздцы. Мне предназначалась кобыла с дамским седлом.

— Куда мы едем? Почему не в карете? — шепотом начала спрашивать, пока муж уверенно подталкивал меня вперед.

— Увидишь, — туманно отозвался он.

Я только-только подошла к своей серой кобыле, цвет которой с трудом смогла определить в свете маленького огонька, как вдруг грудь кольнуло. Я замерла и приложила руку к горлу,

потому как дыхание перехватило.

— Что с тобой? — тут же спросил Ричард.

Это была не боль. Странное, очень странное ощущение, словно бы...

— Я... я не знаю, как объяснить.

— Что? Голова? Живот? Марита, что болит? — Он схватил меня за плечи и легонько встряхнул, заставляя сфокусировать взгляд на его лице.

— Ничего не болит, — покачала головой. — У меня просто... это что-то чужое, это... просто... как будто бы это Фенька... — шепотом закончила я несвязанные мысли. — Он как будто рядом, но я это... я это чувствую.

Мне стало зябко, кожа покрылась мурашками.

— Господи, — услышался облегченный выдох Ричарда и, клянусь, я заметила, как он усмехнулся.

Что это значит?

— Садись, — попросил герцог.

Лакей, который держал канделябр, тут же сорвался с места, засеменял к нам и подставил ступеньки. Ричард подал руку, помогая мне усесться в дамское седло.

Сам он запрыгнул на жеребца без особых усилий, после чего кинул несколько монет лакеям. Те поклонились и поспешили к воротам, скрывшись в ночной мгле. Мы же с Ричардом пустили лошадей прогулочной рысцей.

— Ты приплатил лакеям? Зачем? — спросила я, одной рукой удерживая узду, а другой поправляя несколько прядей, выбившихся из высокой прически.

— Чтобы не болтали, — пожал плечами муж, раскачиваясь в седле.

— Так разве мы делаем что-то незаконное? — не поняла я.

— Будет лучше, если хозяин дома посчитает, что мы укрылись в саду, а не сбежали, прихватив его лошадей.

— О, — до меня наконец дошло, что мы в действительности делаем.

Ричард повернул голову, взглянул на меня и заметил, как я потираю ключицу.

— Все хорошо? — настороженно спросил он.

— Да просто это ощущение не проходит, — тихо отозвалась. — Кажется, я теперь не только эмоции Феньки могу чувствовать, но и его самого.

— Связь крепнет. Это нормально. Сначала эмоции, потом начинаешь ощущать его присутствие, потом сможешь обмениваться с ним воспоминаниями, — разъяснил Ричард довольно скупно.

Я моргнула.

— Его присутствие? — уточнила, на секунду забыв, как дышать. Герцог даже рта не успел открыть, как я воскликнула: — Фенька где-то рядом?!

Муж тут же направил жеребца к моей кобыле и выхватил у меня поводья.

— Не смей пускать ее галопом, — угрожающе предупредил он.

— Это действительно так?! Мы едем к Феньке?! Мы правда едем к нему?!

— Марита, не прыгай, пожалуйста, ты сейчас свалишься, — недовольно попросил герцог.

Я действительно была готова выпрыгнуть из седла и со всех ног нестись к дракону. Усилием воли приказала себе собраться, а всю энергию выплескивать на тесьму платья, которую немедленно принялась комкать.

— Этим ты занимался, да? — спросила нервно. — Ты поэтому не появлялся дома до самого вечера? Ты привел Феньку? Он в лесу? — А затем, осененная внезапной догадкой, выдохнула: — Ты на нем летел? Как ты его оседлал?

Ричард скептически поднял бровь.

— Прости, — смутилась я, но затем настойчиво повторила: — Ты его оседлал?

— Нет, он летел за нами с Карой, — с легкой усмешкой ответил муж.

— И как он? Он хорошо себя чувствует? — зачем-то ляпнула, хотя мы оба знали, что, если бы с Фенькой что-то было не так, я бы знала.

Муж снисходительно сказал:

— Да.

— А ты его кормил?

— Нет, решил заморить голодом.

— Ты курицу ему давал? — не разделила я его сарказма. — Очень надеюсь, что нет, потому что его от нее...

— Да, Марита, ты меня предупредила об этом, пока находилась при смерти, — перебил Ричард. — Тебе нужно перестать кормить его сырым мясом. И моих драконов им не трави, — грозно добавил он.

— В смысле? Я твою Кару даже не трогала, — обиделась я. — И чем плохо сырое мясо?

— Ты подкинула его Сил? — Он спросил таким тоном, словно прекрасно знал ответ.

— Какой еще Сил? — не поняла я, но потом почти сразу сообразила, о ком речь. — А-а... дракона на цепи зовут Сил?

— Сильвия, — поправил Ричард.

— Мне казалось, все драконы любят мясо, — пробормотала растерянно.

— Они его едят, но это не самая полезная еда, — с видом настоящего эксперта сказал муж.

После чего потянул кобылу за поводья, заставляя остановиться. Пришпорив своего жеребца, спрыгнул с него и подошел ко мне. Лесенки тут не было, поэтому муж вытянул руки, призвав меня «падать» в них. Я замешкалась на несколько мгновений, а затем приподнялась и совсем не по-дамски рухнула в его объятия.

Ричард осторожно поставил меня на землю. Наклонился и одернул задравшиеся юбки. Я смущенно разгладила складки на ткани.

— Послушай, Марита, — отчего-то серьезно сказал он, заставив поспешно поднять глаза и внимательно посмотреть на его лицо, — ты не только увидишься с Фенькой. Я познакомлю тебя с Сил.

Но не успела я удивиться, как он добавил:

— Это для того, чтобы ты никогда-никогда к ней больше не подходила.

— В смысле?

— Я не шучу. Сил неспроста сидит на цепи. Пока я рядом, все будет нормально, но ты ведь с радостью полезла бы к ней без меня, — горько усмехнулся он. — Я тебя умоляю этого не делать. Никогда, ни при каких обстоятельствах не приближайся к Сильвии.

— Но...

— Или к Феньке не поведу.

— Ладно, не буду, — стусевалась я. — А что с ней такое?

— Увидишь, — лаконично отозвался Ричард и жестом указал отойти в сторону.

Ночь была безлунной, поэтому в темноте его взмах рукой я разглядела с трудом. Поспешно сделала несколько шагов вперед, а герцог развернул лошадей и шлепнул их по крупу, заставляя сорваться с места. Они поскакали домой.

А мы пошли в чащу. Сошли с дороги, пересекли овраг и скрылись среди деревьев. В траве я намочила свои туфельки. Но это была такая мелочь по сравнению с радостью, рожденной фырканьем, что раздалось неподалеку.

— Марита, стой, — недовольно попросил Ричард, но я уже не слушала, прибавила шаг и едва не упала.

Герцог посадил драконов на полянку. Небольшую, но все же идеально подходящую для приземления. Думаю, на деревьях осталось несколько сломанных веток — из-за темного времени суток трудно было разобрать, — но крыльям они не могли нанести существенного вреда.

Даже не знаю, кто из нас первым отреагировал. Я побежала к Феньке, дракон одним прыжком пересек поляну, под радостный вопль повалил меня на землю и начал облизывать.

Все бы ничего, но через несколько секунд послышался свист. Отвлечшись, Фенька задрал

голову, и его нос ткнулся в моего мужа.

— Отойди, — холодно приказал он.

— Хпфы! — обиделся тот.

И принялся наворачивать круги вокруг мужчины, который поднимал смеющуюся жену с земли. Как только меня поставили на ноги, между нами с Ричардом возник огромный черный нос, а затем голубая чешуйчатая морда отделила нас друг от друга.

Я, конечно, тут же плюхнулась на голову дракону, пытаюсь стиснуть в объятиях, но ни на голову, ни на шею длины моих рук не хватало.

На душе стало необычайно легко, словно огромный груз свалился с плеч.

Через некоторое время наши приветственные объятия прервал Ричард. Взял меня за руку и потащил в сторону, вынудив отлепиться от Феньки.

— Нам нужно выдвигаться, но полетишь со мной, чтобы я мог приглядывать за тобой, — заявил он.

— Да не волнуйся, я прекрасный наездник, удержусь в седле даже в этом платье, — весело ответила ему.

Фенька обогнал нас, громко топая лапами, и быстро прижался боком к Каре, намекая, что не пустит Ричарда в седло, пока меня не посадят на моего дракона.

Кара посмотрела на Феню как на глупого ребенка и с размаху зарядила ему лапой по макушке.

— Тише-тише, оставь его, — поспешно воскликнул Ричард и, пока Фенька поворачивал голову, открывая пасть, чтобы выдать очень грозное и очень недовольное рычание, добавил: — Марита полетит на своем драконе.

Фенька довольно замахал хвостом и ударил им Кару. Я не удержалась и рассмеялась. Ричард посадил меня, чтобы я забралась в седло, не подтягиваясь. Сам он подошел к Фенькиной морде.

— А я полечу с ней, и если попытаешься меня скинуть, она тоже упадет. Понял? — Муж щелкнул дракона по носу, заставив смачно чихнуть.

Ричард забрался ко мне и уселся сзади.

Как-то не вовремя вспомнилась фраза, которую он написал в любовном романе:

«Неужели никто и правда не понимает, как тяжело мужчине, когда к нему прижимается привлекательная девушка?» Я отодвинулась подальше.

Мне уже начало казаться, что я стала забывать ощущение полета. Но этого забыть нельзя. Я словно нырнула в давно любимую реку, где мне был знаком каждый камушек, где я с легкостью огибала илистые места и могла с наслаждением отдаться течению.

Так же и в небе. Как только мы взмыли к облакам, прошлая жизнь оказалась позади. Остались только восторг, наслаждение и обветренные губы.

Мы летели где-то четверть часа. Расстояние от моего бывшего графства до нужного места в небе преодолевалось намного быстрее, чем на земле, но мы летели медленно, потому что Ричард так приказал.

И с одной стороны, это было хорошо — во всяком случае, подол платья не бил по лицу, но с другой — у меня было ощущение, словно я пустила Ричарда в священную обитель. Я сама знала, как управлять Фенькой, что ему говорить, знала, как он ведет себя в тех или иных обстоятельствах. И когда у меня за спиной постоянно слышались недовольные замечания, готова была развернуться и выкинуть мужа из седла.

Феньке настолько надоело ворчание, что он решил проявить себя во всей красе. Как только мы приблизились к нужному месту, дракон, не обращая внимания на приказы Ричарда опуститься строго на поляну, спланировал прямо на холм, в котором обитала Сил. Оттуда разогнался, оттолкнулся от своеобразного трамплина и, словно перышко, приземлился на траву, гордо задрал голову.

— Как дитя малое, — недовольно сказал муж, первым спрыгивая на землю.

Протянул руки, намекая, что уже можно падать в его объятия.

Я замешкалась на несколько мгновений, недоуменно глядя вниз и вспоминая промелькнувшую картину.

Было темно. Фенька летел довольно быстро. Но я могла поклясться, что могилы Джули Бёме больше не было.

— Марита, — поторопил муж.

Я опомнилась. Перекинула вторую ногу, оправила юбки и рухнула мужу на руки. Улыбнулась немного вымученно.

Нет. Ее точно не было. Там ничего не было.

Фенька недовольно всхрапнул, когда почувствовал кольнувшие мою душу переживания. На мгновение я решила, что однажды ошиблась и не существовало никакой Джули Бёме.

А потом вдруг поняла, что сегодняшний день Ричард распланировал до мелочей. Пошел со мной на бал, подарил танец, увел из поместья как раз в тот момент, когда наши персоны привлекали меньше всего внимания, позволил встретиться с Фенькой. Доставил сюда.

Он все просчитал.

Мне не хотелось наседавать на него с расспросами, чья это могила или за что урки нападают на его земли. Я думала, он сам расскажет, когда будет готов.

Но оказалось, он вовсе не хотел, чтобы я знала.

Мы с Фенькой чувствовали себя пятилетними детьми, которых отчитывают за то, что они стащили праздничный торт.

— А еще, — приговаривал Ричард, поглаживая шкуру Кары, — они не могут мысленно общаться. И она орет ему приказы вслух, чтобы все остальные могли спокойно ее придушить.

Фенька фыркнул. Я закатила глаза.

— А еще ее молодой дракон не умеет стабильно держать высоту, поэтому его мотает туда-сюда.

Феня обиделся, отвернулся и показал мужу хвост.

Я обошла дракона по кругу и принялась успокаивающе гладить морду.

— А еще она привязывает косу к спине, поэтому не может нормально поворачивать голову и смотреть по сторонам.

Я недовольно поджала губы, но ничего на это не сказала.

— А еще у нее синие усы, — добил Кару Ричард.

— Может, ты уже выведешь Сил? — не выдержала я такого психологического давления.

— Сил выйдет, когда сама захочет, — отозвался Ричард и продолжил: — А еще она кормит Феньку мясом и пьет пиво.

— Да не пью я пиво, — сказала возмущенно. — И вообще, у вас же мысленная связь. Вот и хвастайся своей женой мысленно.

— Кстати, в восемнадцать лет я уже мог обмениваться мыслями с Сил, — заявил Ричард. Я выглянула из-за Феньки, но в темноте увидела лишь очертания мужской фигуры. — Интересно, почему ты до сих пор не можешь?

— Без понятия, — буркнула в ответ.

— Сколько тебе исполнилось, когда ты нашла драконье яйцо? — сменив гнев на милость, спросил Ричард.

Мы с Фенькой все еще обижались на его насмешки, но я решила не отмалчиваться.

— Ну, лет десять, по-моему.

— Ты не уверена?

— Это давно было.

— Марита, подумай хорошо, потому что это довольно поздний возраст.

Я услышала, как зашуршала трава. Посмотрела в ту сторону, где находился Ричард, и увидела, как он подводит к нам Кару.

— Мне было десять, я уверена, — сказала как раз тогда, когда мужчина приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки.

— Странно, обычно драконье яйцо подкидывают детям лет в пять, иногда в восемь. Еще ни разу не слышал, чтобы кто-то нашел его в десять.

— Подкидывают? В смысле? Я думала, яйца несут сами драконы, — огоршено отозвалась я.

— Драконы не размножаются. — Ричард как-то странно посмотрел на меня. — Почему ты так

мало знаешь о них? Отец тебе ничего не рассказывал?

— Отец? — у меня вырвался смешок. — Издеваешься?

— Мать у тебя явно не в курсе. Я думал, у твоего отца был дракон, — пояснил он.

— Ты так говоришь, как будто все родители знают о драконах, — нахмурилась я.

— Как правило. Это ведь логично, кто-то же должен передавать знания.

— То есть твои родители знают? — ошарашенно выдохнула я.

Ричард явно не понял, чем вызвано мое удивление.

— Да.

— И мать? И отец?

— Да, само собой. У отца был дракон.

Фенька недовольно фыркнул, когда почувствовал мою зависть.

Я представила себе Элен Бёме, вспомнила ее статность и росшую с годами надменность. Мне слабо верилось, что эта женщина может спокойно воспринимать драконов. И тем не менее я с завистью подумала о том, что Ричарду несказанно повезло — он был не одинок.

Это редкое счастье, когда тебе есть с кем обсудить свои безумные пристрастия.

Я хотела сказать ему об этом, но неожиданно заметила, как муж напрягся. В этот же момент Кара с Фенькой синхронно повернули головы, словно учуяли что-то. А затем и до меня донесся звон цепи.

К нам выходила Сильвия.

Она была таким же огромным чудищем, какое я видела в прошлый раз. Сейчас она не рычала, не бежала, с трудом переставляя лапы и пытаясь защитить свой дом. Она просто шла. Хромала, причем очень сильно. Подпрыгивала, отчего земля под нами сотрясалась, и помогала себе левым крылом, взмахивая им, чтобы не завалиться набок.

Фенька осторожно перебрался за мою спину.

Кара, наоборот, тут же ринулась навстречу. Она оказалась в два, если не в три раза меньше Сил, у нее не было огромных, торчащих из-под нижней губы клыков. И чешуя у Кары была черная, а не серая.

Тем не менее я каким-то шестым чувством вдруг поняла, что они родственники. Возможно, сестры. Возможно, мать и дочь. Только разве так бывает?

Ричард повернулся к своим питомцам.

Раньше я Кару считала пугающим темным драконом, но Сил превзошла все мои представления о «пугающем». Она не разделила радости Кары. Когда та подбежала к ней, Сил повела мордой в сторону и просто оттолкнулась от земли, отлетая-отпрыгивая в сторону от родственницы и задевая ту цепью.

Я, наверное, впервые в жизни почувствовала жалость к Каре. Такой обиженной морды мне не доводилось видеть даже у Феньки.

Ричард медленно приближался к Сил, примиряюще выставив руки перед собой.

Ночь была на удивление безветренной, поэтому шепот герцога долетел и до нас с Фенькой.

— Тише, девочка, это я. Ты скучала? Я привел к тебе кое-кого. Иди сюда. Иди ко мне.

Я поежилась, хотя до этого не ощущала холода, и пригнулась, словно почувствовала, как на меня что-то давит.

Возможно, это было чувство вины.

Вины за то, что когда-то я считала Ричарда бессердечным. Я помню, как смотрела на него в карете, когда мы ехали в часовню, и думала, что в браке меня ждут одни разочарования. Что в этом мужчине нет ничего, кроме тьмы, о которой он ничего не рассказывал, но и скрыть тоже не пытался. Я считала его бездушным. Его отстраненность была равносильна веревке на моей шее, медленно стягивающей свои смертельные тиски.

Сегодня я увидела проявление любви.

У наездника нельзя спрашивать, кого он любит больше: маму или дракона? Папу или дракона? Своего сына или дракона? Жену... или дракона. Это как заставить выбирать между едой и водой, между возможностью слышать и возможностью видеть, между воздухом и землей.

Перед Ричардом стояло огромное чудовище. Макушка мужчины едва доходила до чешуйчатого подгрудка. Сил улеглась перед своим хозяином и положила голову на согнутую переднюю лапу. Ричард погладил ее по морде, прижался к ней лбом и что-то зашептал. Теперь я уже не могла расслышать что.

Кара ревниво ходила кругами, пытаясь как-то повлиять на ситуацию, неопределенно порывивая, желая привлечь к себе внимание.

Но Ричард был с Сил.

— Фенечка, отвлеки Кару, — тихо попросила я своего друга. — Видишь, как ей тяжело?

Тот по широкой дуге принялся обходить огромного страшного дракона и подбираться к более маленькому.

Я же заметила, как Ричард оторвался от животного и поманил меня рукой.

Кивнув, начала осторожно приближаться. Когда подошла, поспешно вложила свою ладонь в его руку. Он ободряюще ее сжал.

— Сил, дорогая, это моя жена. — Ричард говорил с такой нежностью, что меня невольно уколола ревность. — Она тоже наездник.

Дракон презрительно фыркнул. Из огромных ноздрей прямо на нас вырвался теплый пар.

— Сил не очень разговорчива, — принялся пояснять муж уже мне. — Как видишь, у нее нет лапы. Это боевая травма. Мы любим ее хвастаться.

Ричард сказал это с наигранной важностью, но у меня сердце сжалось от проскользнувшей в его голосе горечи.

— Это произошло на гонках? — спросила я тихо.

— Нет, — хмыкнул он. — На гонках мы с ней были лучшими. Всегда. И тогда мы летали не на наших гонках. Мы летали к кочевникам за море. У них тоже имелись свои гонки. Ну а может, есть до сих пор.

Я открыла было рот, чтобы спросить: «К тем самым кочевникам, которые нападают на твои земли?» — но вовремя прикусила язык. Нет. Не сейчас.

— Кто же сделал это с ней? — задала вопрос немного дрожащим голосом.

— Природа. — Ричард неосознанным движением притянул меня ближе к себе. Его рука в какой-то момент легла мне на талию. А он сам с грустью повторил: — Природа.

Я молча ждала пояснений, наблюдая, как Сил нарочито медленно повернула голову в сторону, словно наш разговор ее мало волновал.

— Она попала в шторм, — добавил Ричард, когда понял, что его предыдущие слова ясности не принесли. — Пыталась спасти наездника, но... лапу уже не вернуть.

— Ричард, не стоит корить себя, — тихо проговорила я, не зная, как реагировать на подобные откровения. Я не сильна в утешениях. И, честно говоря, даже не представляю, как вообще можно утешить в такой ситуации.

— О нет, не я был наездником в тот день, — грустно усмехнулся он.

Я ошарашенно замерла. В голову, словно гвоздь, врезалось одно-единственное имя: Джули Бёме.

Вот кто был всадником. Вот почему ее могила не на кладбище, а прямо на холме, где обитает дракон, пытавшийся спасти ее жизнь.

Меня словно окатили ведром холодной воды. Боже... я бы все могла снести. Вдруг появилось ясное осознание: хоть тысяча любовниц у него была до меня, лишь бы только не с фамилией «Бёме».

Но Джули была Бёме.

А Ричард как ни в чем не бывало продолжил тихо говорить:

— С тех пор Сил в гонках не участвует, да? — Он пристально смотрел на дракона, словно ждал, когда уже она повернет голову и посмотрит на него хоть с какой-нибудь эмоцией. — У нас проблемы с гневом. И с контролем. Мы совершенно не контролируем себя.

Он говорил «мы», будто перекладывал вину на себя.

— Нам очень хочется летать. И мы летаем. Иногда. Нельзя, чтобы она постоянно лежала вот так, даже не поворачивая головы к своему хозяину и к своей дочери. — Ричард вздохнул и зачем-то погладил меня по талии. — Сил тяжело сходится с людьми. Поэтому я всегда должен находиться рядом, чтобы она не причинила тебе вреда. Она может. Уж поверь мне.

Я этого не видела, но прекрасно знала, что его лицо в этот момент покрылось тьмой. Воспоминания точно не из приятных.

— Как же Кара может быть ее дочерью? — тихо выдавила я. — Ты же сказал, что драконы не размножаются.

Ричард то ли хмыкнул, то ли просто шумно выдохнул.

— Те, которые подбрасывают драконьи яйца людям, подарили мне еще один шанс.

Я приподняла голову, посмотрела на его напряженное лицо.

— И кто же подбрасывает нам драконьи яйца?

Муж опустил глаза. Весь его вид выражал явное сожаление.

— О, — пробормотала я, — ты снова не скажешь.

— Это не моя тайна, — тихо ответил он.

— Понимаю. Все твои тайны не твои. Почему урки нападают на герцогство, кто был всадником, когда Сил попала в шторм, кто подбрасывает нам драконьи яйца, что за зерно ты выращиваешь на полях. Все тайны не твои, — тихо повторила я.

Почему-то именно в этот момент Сил повернула голову. Взглянула на нас. Ричард, кажется, настолько опешил, что забыл ответить на мои слова.

— О чем она думает? — спросила я, не сумев сдержать любопытства.

— Не знаю, — сказал муж.

— Как это не знаешь? Ты же говорил, что у вас мысленная связь.

— Была. — И на мой непонимающий взгляд он пояснил, глядя в землю: — Она закрылась от меня после той ночи. Я чувствую лишь отголоски ее присутствия, и больше ничего.

— А Кару чувствуешь?

— Конечно.

— Может, так даже лучше? Ну, что тебя не мучает столько эмоций сразу.

Ричард хмыкнул.

— Помнишь, что с тобой было, когда прервалась связь с Фенькой? Не самые приятные ощущения, да?

Я не нашлась что ответить. Не самые приятные — это мягко сказано.

— Ричард, а могу я прикоснуться к ней? — спросила осторожно. — Ты же рядом, это безопасно. — Он посмотрел на меня с недоумением. — Мне бы очень этого хотелось.

На самом деле мне хотелось успокоить дракона.

Наезднику всегда тяжело смотреть на раненое животное. Я просто желала показать, что меня

не стоит опасаться. Я — друг.

— Не думаю, что это хорошая идея. Она иногда даже меня царапает.

— Ну, если почувствуешь, что она хочет откусить мне руку, оттащи меня.

Я не стала ждать, пока муж скажет свое авторитетное «да». Просто нагнулась, выставила ладонь вперед. Сил прекрасно видела, как я пытаюсь дотронуться до нее.

Она смотрела на приближающуюся руку равнодушно.

А я неожиданно сообразила, что серая чешуя дракона когда-то была черной. Серый цвет — что-то вроде седины для драконьей чешуи. Не знаю, с чего я это взяла. Просто эта мысль ясно врезалась в сознание.

Я осторожно положила руку на грубую морду, провела ею вдоль носа. Сил не выказывала никаких признаков агрессии.

Первые пять секунд.

А потом на меня обрушились чужие эмоции. Она не кусалась, не брыкалась, не пыталась меня убить. Она решила избавиться от меня воспоминаниями. Чужими воспоминаниями.

Я болезненно застонала, когда меня окатило волной ненависти. Эта ненависть когда-то была направлена на другую женщину. Ту, что посмела оседлать темного дракона. Сил ненавидела наездницу. Сердце пропустило удар, когда я остро почувствовала желание спасти ее из шторма только ради Ричарда, ради своего любимого, самого дорогого хозяина, даже несмотря на ненависть.

Сил ненавидела и меня.

Я была для нее той женщиной, осмелившейся прикоснуться к чужому дракону. К раненому дракону.

Ричард оттащил меня в сторону и встряхнул за плечи:

— Марита! Марита, ты чего? Что случилось?

— А-а-ай, — застонала я, обхватив себя руками.

В локоть уткнулся мокрый нос. Фенька. Фенечка... родной...

Ричард обнял меня так крепко, что на мгновение показалась, что все мои кости разом хрустнули. Почувствовала его подбородок на своей макушке. А затем ядовитый шепот:

— Убирайся отсюда. Убирайся! Я попросил всего лишь не трогать ее. Проваливай, Сил!

— Ричард... — дрожащим голосом выдавила я. Ты ведь и ту, другую, просил не трогать ее, да?

— Что? — переспросил он.

Я не смогла пояснить свои слова. Только выдавила, едва не плача:

— Сил нас ненавидит. Она насквозь пропитана ненавистью.

Меня трясло. Отголоски ее эмоций были настолько сильны, что озноб прошибал все тело.

Это был невероятно сильный дракон. Если Ричард нашел яйцо лет в пять, то сейчас Сильвии уже исполнился двадцать один. Она могла не просто самостоятельно решать, когда ей закрываться от хозяина, а когда пускать к нему частичку эмоций. Она могла передавать их другим людям.

Она ясно дала понять: кем бы ни приходилась Ричарду, для нее я лишь ненавистная женщина, которой не стоит здесь больше появляться.

Я и не собиралась, понимая, что действительно недооценила уровень опасности.

— Тише, тише, — услышала успокаивающий голос мужа. — Если она сделала то, о чем я думаю, то сейчас все пройдет.

— Не пройдет, — прошептала я, — это не пройдет, оно во мне.

— Эй, эй, Марита, — позвал муж, но оторваться от себя не дал, — ты... ты лучше расскажи, как ты умудрилась все это время скрывать Феньку.

— В смысле? — сглотнула я.

— Твоя мама не знала, папа тоже. Где ты его прятала... до скольких... до семнадцати лет?

— В домике рыбацком, — прошептала я, чувствуя, как озноб постепенно спадает. — Недалеко от моего поместья есть речка. Фенька его нашел. Домик... домик на берегу реки. Мы там жили. Лет... Ричард...

— Тсс, продолжай.

— ... лет пять. Все нормально было, пока хозяин не вернулся.

— Что он сделал?

— Испугался, — выдохнула я, сподобившись даже усмехнуться.

— А вы?

— А мы убежали.

— И что потом? На вас донесли?

— Нет, мы сдуру вернулись. Я надеялась, что хозяин уже уехал.

— Но?..

— Но не уехал. Он нам про гонки рассказал.

— Вам крупно повезло, — серьезным голосом сказал муж, явно не обрадованный моей историей.

— Ричард, — тихо прошептала я.

— Что?

— Прости меня, пожалуйста. Со мной одни проблемы.

— Это точно. — Он вздохнул с сожалением. — Но тут я сам виноват. Не нужно было позволять тебе ее трогать. Сил иногда даже рядом со мной с ума сходит, не знаю, почему я решил, что с тобой что-то изменится. — Он замолчал на мгновение, а затем добавил тихо: — И, кстати, Марита, на полях растет рожь.

Я прижалась к мужу еще теснее.

Что ж. Одной тайной меньше.

Мы не говорим с Симоной о семейной жизни, потому что ни одна из нас не знает, что это такое. Мы не говорим о детях, потому у Симоны их никогда не будет.

Мы не говорим о наших занятиях, потому что обе в глубине души осуждаем друг друга. Я осуждаю ее нежелание что-то изменить, перестать быть подстилкой для мужчин, а она осуждает мое желание участвовать в гонках.

Я не знаю, как ей объяснить, почему меня тянет на эти соревнования.

Иногда наступает такой момент, когда смерть перестает быть страшной. Пугать начинает жизнь.

Жизнь, в которой тебя ничего не держит.

Вокруг тебя буря, дождь бьет по лицу так сильно, что кажется, будто от капель остаются кровавые порезы, а ты вдруг понимаешь, что это самое прекрасное, что случилось с тобой за все твои семнадцать лет. Быть в эпицентре бушующей стихии, правильно направлять своего дракона, обгонять других наездников, показывая свое превосходство — вот что приносит в твоё существование смысл. Выбраться из безвыходной ситуации, доказать всем вокруг и себе самому, что ты чего-то стоишь, можно только на гонках.

Среди таких же отчаянных участников, которые приходят на эти соревнования не столько ради победы, сколько ради борьбы за нее, ты перестаешь чувствовать себя одиноким.

Там, в небе, мы одна команда. Одна семья, состоящая из врагов, которые понимают друг друга намного лучше, чем обычные родственники.

И когда я спускаюсь на землю, внутри поселяется пустота. Мне надо туда. Моя душа просит неба.

Опасность манит тем, что с ней жизнь приобретает смысл.

Именно поэтому я не могла пропустить следующие гонки.

В день, когда Ричард улетал на соревнования, мы ночевали в разных спальнях, о чем он всегда предупреждал. И это предупреждение было озвучено уже на следующее утро. Как только муж обработал рану, сказал, что этой ночью мне лучше отдохнуть у себя, после чего отправился в тюрьму Буклона поговорить с заключенными урками.

Он вернулся поздно, время близилось к полуночи. Зашел в мою спальню, убедился, что его

жена давно видит седьмой сон, и подстраховался на случай, если она решила всех обмануть.

Как только наступила полночь, я удостоверилась, что Тим Донг выскользнул из дома, и тихонько вышла из комнаты Софи. Прокралась к своей спальне и понимающе хмыкнула, когда не смогла коснуться ручки — руку обожгла тьма. Своей стихией Ричард окутал мои покои снаружи и, уверена, изнутри. Чтобы я не выбралась.

Герцог Бёме сам в этом виноват. Ему не стоило показывать мне, насколько он может просчитывать ситуацию. Если бы не его поведение на балу, я бы не стала обдумывать план побега, искренне полагая, что запирает меня в доме не будут.

Теперь же в моей комнате, мирно посапывая, лежала Софи, которая была очень рада, что для шалости: «Давай чуть-чуть обманем герцога?» — я выбрала именно ее.

На гонках без мелкого Джона Рута ничего не изменилось.

Все те же лица, и громко хохочущие, и улыбающиеся во весь рот, и подшучивающие, и томно строящие глазки, и угрюмые, и решительные, и многие-многие другие.

Я с наслаждением втянула застоявшийся воздух, в котором смешались все самые неприятные запахи, какие только могут быть. Да, ужасное ощущение, зато очень, очень родное. Эти гонки — как второй дом. Невозможно от них отказаться просто потому, что за тебя кто-то все решил.

Думаю, Ричард все понял еще в тот момент, когда Фенька вырвался из стойла и скрылся в небе. Я не хотела лишний раз попадаться на глаза мужу и подкидывать дров в без того пылающий огонь ярости, поэтому, оставив дракона возле кабака, пошла к Симоне.

Вот только подруга была занята. Об этом сообщила Селена, которая пыталась заманить меня в свои порочные сети до гонок, но наткнулась на убийственный взгляд и отстала.

Я решила дождаться старта в каком-нибудь укромном местечке и потянула Феньку к задней стене кабака. Но и тут оказалось занято.

— Джон?! — удивился Рогатый Дог, заметив меня. — Ничего себе! Ты чего пропадал так долго?!

Я посмотрела на него так, словно мысленно воткнула тысячу шипов его же дракона.

— Приболел, — буркнула в ответ. — А ты чего тут си... ошиваешься? — прибавила в голос немного гонора.

Дог задумчиво почесал руку. Он сидел на земле, привалившись спиной к деревянной стене. Его питомца рядом не было. В стойле, наверное.

— Размышляю, — наконец хмыкнул он.

Хотела спросить: «Чем?» — но в последний момент спросила:

— О чем?

— О бабах, конечно.

— А-а, — глубокомысленно изрекла я и повернулась. — Ладно, размышляй. Пока.

— Джон, стой, — остановил Рогатый Дог.

Пришлось повернуться, хотя не было никакого желания общаться с этим крупным, немного грубым мужиком.

— Что? — выгнула бровь.

— Подойди.

Я подошла. Очень осторожно. Жестом указала Феньке оставаться на месте.

— Повернись-ка.

— Зачем? — опасливо уточнила, мигом растеряв весь мужской гонор.

— Повернись, у тебя к куртке что-то прилипло.

Я замешкалась на несколько мгновений, потом подумала, что забота врага — это не так уж плохо, и повернулась.

Дог привстал, поднял куртку и смачно шлепнул меня по попе. Я аж подпрыгнула от неожиданности и резко обернулась.

— Что... — задыхаясь от смятения и ярости, начала говорить, но увидела его гадкую улыбку и подавилась словами.

— А я так и знал, — самодовольно высказался Рогатый Дог. — Нет, ну серьезно, если ты хочешь притворяться мужиком, зачем надевать обтягивающие штаны?

Штаны, к слову сказать, были совсем не обтягивающими.

Я стояла и испуганно смотрела то на своего врага, то на притихшего Феньку, не зная, что делать и как реагировать.

Рогатый Дог устало махнул рукой.

— Зря ты вернулась, — сказал он, почесав нос. — Тим Донг с тебя три шкуры сдерет.

— Не сдерет, — выдавила лишь потому, что нужно было что-то ответить.

— Сдерет, уж поверь мне. Я с ним не первый год общаюсь. Это та еще тварь.

Я огорошенно уставилась в землю. Что мне делать? Бежать? Но тогда Дог запросто растреплет всем о моей тайне. Попытаться уговорить его этого не делать? Получится ли?

— Я могу тебе помочь, — вдруг сказал он. — А ты взамен поможешь мне.

— В смысле? — не поняла я.

— Смотри. Я прикрою тебя перед Донгом, он тебя не прикопает в ближайшей яме, а ты сделаешь кое-что для меня.

— Спасибо, конечно, но меня не нужно спасать от Донга, — сказала спокойно.

— Детка, ты даже не представляешь, насколько он силен. Он тебя раздавит, как таракана, и, поверь, твое тело никто не найдет.

Я даже почувствовала укол зависти. Какую же потрясающую репутацию создал себе мой муж! Интересно, он пустил слух или правда кого-то... того?

— Спасибо, мне покровительство не нужно, — ответила твердо.

Рогатый Дог тяжело вздохнул:

— Ладно, крошка. Тогда пойдем другим путем. Ты же понимаешь, что, если я скажу о том, кто ты на самом деле, путь сюда тебе будет закрыт? Мм?

— Шантажируешь, — догадалась я.

— Именно. Помоги мне, и я буду молчать. Обещаю.

Слышать такое проникновенное «обещаю» от жилистого мужчины с неряшливой щетиной и огромным, устрасшающим лицом было странно.

— Может, я тебе просто помогу? — предложила оптимальное решение.

Рогатый Дог об этом, кажется, не задумывался.

— Я вообще-то не хотел тебя шантажировать, — пожал он плечами. — Но если ты откажешься, придется это сделать. Seriously, мне плевать, что с тобой будет. Расскажу о твоей двойной жизни без всяких угрызений совести.

— Что тебе нужно? — вздохнула я, присаживаясь рядом.

Он вдруг хмыкнул и взглянул на меня близко посаженными глазами.

— Черт побери, я сначала думал, что ты дегенерат. Мы с Донгом даже ставку делали, любишь ты мальчиков или нет.

— И кто победил? — обиделась я.

— По сути, он. На самом деле твой родной голос слушать намного приятнее, чем пыхтение подростка.

— Так чем я могу помочь? — решила вернуться к насущной теме.

— У меня, к сожалению, не так много знакомых магов, владеющих льдом. Ты хорошо справляешься со своей стихией?

— Ну... нормально. А что?

— Ты должна спасти меня.

Это заявление даже немного напугало.

Дог почесал бровь, а потом посмотрел на меня как-то странно.

— Напоминаю, Джон, если ты мне не поможешь, то на эти гонки больше не вернешься.

Я нахмурилась, а наездник схватил ворот моего шерстяного свитера и начал его оттягивать. Но внезапно мы услышали гонг, возвещающий о начале гонок. Рука мужчины замерла.

— Твою мать, — выругался он. — Ладно. Я поймаю тебя после. И только попробуй сбежать. Серьезно, не стоит шутить со мной.

— Ладно, — пробормотала я, совершенно запутавшись в том, что происходит.

Казалось, что Ричард облепил меня взглядом с ног до головы, словно желе. Мужчина смотрел не отрываясь. Ни на секунду не отводил глаз.

Я этого не видела, потому что упорно продолжала глядеть в пространство перед собой. Но не нужно было видеть, чтобы почувствовать, как муж медленно и с наслаждением пропитывает меня своим гневом.

Покрепче сжав тросы, которые оплетали шею Феньки, я с холодной головой дождалась сигнала, означавшего начало гонок. И взмыла в небо, со всей силы ударив дракона в бока.

Сегодня я стремилась к тому же, к чему стремилась всегда, — к победе. Только вперед. Несмотря ни на что.

Ледяные порывы ветра ударили в лицо, заставив с непривычки закрыть глаза. Крылья рассекали воздух, создавая пугающий свист. В первые мгновения я постоянно сжималась, думая, что это шипы летят в мою сторону. Потом сообразила, что последствия травмы не должны повлиять на разум, и постаралась собрать всю силу воли, которую только могла в себе найти.

Мы с Фенькой постепенно переходили в атаку. Бомбочки, ледяные иглы, обгон и подрезание — в ход шло все, что только удавалось придумать во время опасных маневров.

Я подрастеряла навыки. Нас частенько зажимали сразу с двух сторон, пытались атаковать стихией и оружием, которое не могло причинить существенного вреда, но запросто выводило из равновесия. Вот только до нас ничего не долетало.

Когда начался заход на второй круг, я вдруг сообразила, что мы с Фенькой находимся будто бы в коконе. Те, кто остался позади, до нас не добирались, а те, кто пытался подбить сбоку, исчезали в ночной мгле.

Я видела перед собой дракона Рогатого Дога. Он и еще несколько наездников вырвались вперед в самые первые секунды.

Забыв на мгновение о необходимости постоянно отражать атаку, я присмотрелась ко всем, уверенно летевшим к финишу.

Среди этих спин не обнаружилось только одной.

Той, что всегда, всегда была впереди. За все три месяца, что я участвовала в гонках, Тим Донг ни разу не летел в хвосте.

До сегодняшнего дня.

Он обеспечил нам «кокон». Он разгонял всех, кто имел несчастье нас атаковать. Он выводил из строя любого, кто пытался подобраться сбоку или хоть на мгновение замахивался бомбочкой.

Я пересекла финиш четвертой. Тим Донг был пятым.

Никто так и не понял, что произошло. Почему непобедимый наездник вдруг пропустил вперед себя того самого выскочку, который однажды подленько присвоил себе чужую победу? Никто не понял, в чем причина. Мелкий Джон Рут — по недавнему прозвищу еще и Мясо Донга — тоже.

Муж в привычной для себя манере объяснений давать не стал. Он просто направил Кару к земле и, спрыгнув с седла, повел дракона в стойло.

Я продолжала висеть в воздухе, не понимая, то ли догнать Ричарда, то ли попытаться что-то сказать тем, кто удивленно смотрел на меня, ожидая хоть какой-то реакции.

— Похоже, все ставки на то, что кто-то из них убьет соперника, обнуляются! — первым расхохотался Рогатый Дог.

Я смутилась и поняла, что теперь точно пора спускаться.

Направила Феньку вниз. Услышала, как остальные наездники начали подшучивать над нами прямо в воздухе. Наверное, им это доставляло особое удовольствие, не сравнимое ни с чем.

Но мне — нет.

— Ты что это делаешь?! — прошипела я, когда завела Феньку в стойло.

Ричард холодно бросил перчатки на деревянную ограду и, даже не взглянув на меня, направился к выходу из загона.

— Смысл гонок в том, чтобы наездник сам боролся за победу, — тихо говорила я, семена за ним следом и лоя на себе насмешливые взгляды тех, кто уже привел своих питомцев в загон. — Нельзя, чтобы за него боролся кто-то другой, — возмущалась я.

Мы направились в кабак.

Передо мной была непреклонная, молчаливая спина.

— Тим Донг выгораживает мелкого Джона, — продолжала тихое наступление, — какая нелепость. Ты не имеешь права. Ясно? Ты не мой опекун. Я сам могу о себе позаботиться. — Я на всякий случай продолжала басить и говорить о себе в мужском роде. — Ты в небе сам за себя, а я сам за себя.

Ричард не оборачивался. Упрямо шел вперед, словно даже не слышал моих злобных речей.

На пути стали встречаться смеющиеся наездники и девушки, вышедшие подышать свежим воздухом. Я вынуждена была утихнуть.

Муж, заходя в кабак, резко открыл дверь, из-за чего та чуть не захала мне по носу. Молчаливый Донг уверенной походкой приблизился к деревянной стойке и присипел:

— Пиво. Как обычно.

Я подошла менее уверенно.

— Привет, Эрл, — сказала разливающему низким голосом, — мне тоже кружечку налей.

— А ему стакан воды, — холодно поправил меня Ричард.

Странно было слушать, как он разговаривает таким ненормальным хриплым голосом, скрывая свое настоящее «я». Возражать не имело смысла.

Муж схватил кружку пива и, когда отходил от стойки, прошипел:

— В тридцать шестую. Живо.

Даже не удивилась, что он прекрасно знал номер, в котором мы укрывались с Симоной.

Взяла свою воду и, стиснув зубы от обуревающей меня ярости, пошла на второй этаж.

Ричард, чтобы не породить еще больше разговоров о наших персонах, пробрался в нужную комнату через окно.

Я пришла первой, закрыла дверь на ключ и открыла ставни. А когда на подоконнике появился темный силуэт, с ходу воскликнула, уже своим, нормальным голосом:

— Ненавидь меня, ладно? Ненавидь *меня!* Ты имеешь на это полное право. — Я так и не смогла скрыть своего отчаяния. — Ты — мой муж, и у тебя есть полное право приказывать мне, унижать меня, ненавидеть меня! Но не смей, не смей, не смей делать то, что ты сделал сегодня!

Ричард зашел в комнату. Отвернулся, чтобы закрыть окно. А затем яростно содрал повязку и кинул ее, та ударилась о стену.

— Я запретил тебе появляться на гонках! — стиснув зубы, выдавил он.

— А я сразу сказала, что ты меня не удержишь!

— Мне что, в цепи тебя заковать, пока ты не повзрослеешь?!

— Пока не повзрослею? — выдохнула уже без прежней спеси. — Этого ты от меня ждешь? Ждешь, пока я стану идеальной женой? Пока начну слушаться тебя во всем? Откажусь от гонок? От дракона?

— В восемнадцать лет все люди подвержены страстям, Марита. Пройдет время, и ты поменяешь приоритеты, поверь мне. Но ты ведь угробишь себя к этому моменту!

Он злился на мою безрассудность. Что ж, оно и понятно. Сам-то он, видимо, считал себя образчиком здравого смысла.

— Я никогда не повзрослею, Ричард, — сказала холодно.

— Ты еще даже не оправилась от травмы, а уже сунулась на опасные соревнования, которые могут стоить тебе жизни, — зло проговорил муж.

Я скрестила руки на груди:

— Зачем ты это сделал? Зачем ты прикрывал меня сегодня? Остальные ведь не знают, кто я и кто ты. Никто не подумает, что это забота мужа о жене. Ты решил убить последнее, что у меня осталось?

В данный момент речь шла о моем достоинстве, об уважении, которое я так старательно пыталась заслужить. Все рухнуло, когда Тим Донг показал всем, что без его помощи Джон Рут не может прилететь к финишу.

— Как еще я могу тебя оградить, Марита? — Он сделал шаг ко мне. Зло взмахнул руками. — Скажи мне, как? Что мне сделать, чтобы ты не появлялась здесь? Ходить на балы и сверкать там самыми дорогими украшениями тебе не нравится, обычные полеты на Феньке тебя тоже не устраивают. Так как? Как заставить тебя перестать рисковать собой?

Я поджала губы. На лбу пролегла глубокая морщинка, но в темной комнате этого не было видно. Ричард мог лишь услышать мое прерывистое дыхание, а затем и дрожащий голос:

— Тебе очень повезло, что ты знаешь, кто ты. Богатый герцог. Великий наездник, заклинатель драконов. Ты... ты добился всего, чего можно только пожелать. А я кто?

Муж непонимающе нахмурился, но, прежде чем он успел что-либо сказать, я продолжила:

— Я не знаю, кто я, понятно? Во мне живет Марита Хорвин, которая любит балы, и Джон Рут, который любит драконов. И я чувствую, что хочу быть наездником. Ты поклялся перед Богом принимать мои интересы, даже если они будут отличны от твоих. Но ты мне не даешь даже вздохнуть.

Повисло тяжелое молчание. Мне почему-то казалось, что сейчас Ричард станет очень сильно кричать, доказывая, как я не права. Но он сказал только:

— Ты моя жена, Марита. Неужели тебе этого недостаточно?

— Я не твоя жена, Ричард! — резко взмахнула рукой, словно очертила невидимую линию. — Я твоя обуза!

Герцог Бёме зло стиснул кулаки. Ярость на его лице угадывалась даже в темной комнате. Уверена, карие глаза мужа уже давно стали чернее ночи.

— Возвращайся домой, прямо сейчас. Орать друг на друга будем там. Ясно?

Он подошел ближе. Мне на мгновение показалось, что муж дал своим эмоциям выход и хочет встряхнуть меня или, что еще хуже, ударить. Но секундой позже Ричард просто обошел свою жену, вернее обузу, стороной и направился к двери.

— Нормальные мужья хотя бы пытаются понять своих жен! — воскликнула я, наблюдая, как он банально собирается сбежать.

— Нормальные жены сидят под боком у мужей и покорно исполняют их приказы! — стиснув зубы, прошипел Ричард.

Он стоял вполборота ко мне, но его профиль утонул в темноте комнаты.

— Ты же сам видишь, что у нас не получается нормального брака! — Я обхватила плечи руками, меня знобило. На самом деле это была щемящая боль, и, к сожалению, не физическая. — Герцог и герцогиня мы только на балу, но мы не семья и никогда не будем семьей!

Услышав эти слова, Ричард повернулся ко мне всем телом. Он молчал, но с его губ, казалось,

так и рвался отчаянный вопрос: «От меня-то ты чего хочешь?!».

— Нормальные браки выглядят не так, даже когда они заключены по расчету. У меня перед глазами пример отца и матери. Они принимали друг друга такими, какие они есть, хотя у них не было драконов! Отец дарил подарки, мама дарила ему заботу, а когда они в чем-то не соглашались друг с другом, не впивались в глотки. Они просто расходились по разным комнатам, а потом спокойно искали компромисс.

— Вот так, по-твоему, выглядит идеальный брак? — выгнул бровь Ричард.

— Я не жена тебе, я твоя обуза, и ты сам это признаешь. Все, что я принесла тебе, — это огромные траты на мое лечение. Наши отношения даже на партнерские не похожи, не то что на супружеские.

Больше почувствовала, нежели увидела замешательство герцога. Он посмотрел на меня так странно. Выражение лица разобрать не удалось, но появилось стойкое ощущение, будто он решил, что я хочу покончить с собой, лишь бы облегчить его ношу.

Страх.

Вот что мелькнуло в его черных глазах.

— К чему ты клонишь? — спросил уже без прежней злости, но лицо все еще было напряжено, а кожа потемнела.

— Я могу стать идеальной женой, — сказала твердо, ощущая, что в горле почему-то пересохло. — Почти идеальной. Я буду покладистой, буду выполнять каждую твою просьбу, не буду лезть в твои дела, никогда не нарушу твое личное пространство, буду робкой и вежливой. Все, чего ты от меня потребуешь, я тебе дам. Все. И как герцогиня, и как женщина. — Мой голос на мгновение сорвался, но я сглотнула вставший поперек горла ком и продолжила решительно: — Единственное, что я прошу взамен, — позволить мне участвовать в гонках.

Ричард смотрел на меня с прежним замешательством, но теперь его приподнятые брови явно выдавали удивление. Он открыл рот, собираясь ответить, но я быстро выдохнула, понимая, что привела слишком мало аргументов, чтобы он согласился на эту сделку:

— И я не буду попрекать тебя связями на стороне. Клянусь. Научусь любить всех твоих любовниц.

Уж это точно должно было убедить его согласиться на мое предложение. Оно ведь выглядело таким выгодным! У него появилась бы прекрасная жена. Инфантильное подобие той личности, которой я была, зато она устроила бы его полностью.

Ради того, чтобы попасть на эти гонки, я действительно готова была сломать себя, лишь бы он был доволен и отпустил меня туда, где можно стать самой собой хоть ненадолго.

Когда-то я решила, что быть хорошей женой для герцога Бёме не смогу, но зато попробую сделать это для Тима Донга.

У меня не получилось.

— Ты считаешь, мне нужна такая Марита? — выдавил Ричард, едва сдерживая ярость.

Я не поняла, почему он разозлился. Но то, как изменилось его лицо, действительно испугало. Тьма, которая какими-то желваками ходила по его коже, отличалась от того мрака, в который была погружена комната.

— Нет, — выдавила в ответ. — Марита тебе вообще не нужна.

У меня часто случалось так, что я долго держала в себе какие-то мысли, боялась их озвучить, а потом, когда это приходилось делать, наступало облегчение.

Сейчас должно было произойти именно это.

Но почему-то стало еще больнее. Ком в горле, который раньше доставлял лишь легкий дискомфорт, разросся, предвещая рыдания. Я стиснула зубы. Нет. Нет!

— Да, — услышала хриплый голос мужа. — Марита Хорвин была мне не нужна. Я не собираюсь извиняться за то, что не ждал тебя. Это ты веришь в сказки! — Он яростно взмахнул рукой и сжал кулак. — Ты в них веришь. Я — нет.

Я поджала губы и кивнула. Да, не стоило показывать своего недовольства тем, что герцог Бёме давным-давно нашел себе спутницу жизни. Или спутниц.

— Я вообще не собирался на тебе жениться, — вдруг сказал он и заставил меня ошарашенно застыть. — Каждый божий день я искал способ разорвать помолвку, обнулить треклятый договор, сделать хоть что-нибудь, лишь бы тебя не было в моей жизни.

Земля уходила из-под ног очень медленно. Слова воспринимались настолько болезненно, что я отвернулась и уставилась на стену, пытаюсь прийти в себя.

Все нормально. Все нормально.

Так бывает. Иногда люди просто не нужны друг другу.

— Я был готов сделать что угодно. — Ричард словно мстил мне за что-то, стараясь причинить боль. Его тьма наверняка получала удовольствие от моего жалкого вида. — Обвинить тебя в дурной крови, в невозможности принести здоровое потомство, я был готов найти тебе любовника, чтобы ты решила сбежать с ним. Я не просто не ждал тебя, я вообще не хотел, чтобы ты появилась в моей жизни, Марита.

Я вскинула голову, недоуменно посмотрела на потолок. Что за черт? Откуда вода? Прикоснулась к щекам, чтобы стереть капли, и вдруг поняла, что это слезы.

Слезы.

Они текли, а я даже не понимала, что плачу. Не было ни всхлипов, ни прерывающегося дыхания, ни пелены, застилающей глаза. Были просто слезы. И они просто катились по щекам.

Все было очень просто.

— Ладно. — Сказала тоже просто. А потом добавила немного срывающимся голосом: — Тебе не стоило меня спасать. Я бы умерла от шипа. Всем стало бы легче.

— Нет, не стало бы, — покачал он головой. — Я не хотел, чтобы ты была моей женой, но я не жалею, что так случилось.

Я остервенело провела ладонями по лицу, стараясь вернуть себе нормальный вид.

К такому меня не готовили ни матушка, ни гувернантка, ни любовные романы.

— Что мне сделать, ваша светлость? — Откашлялась, чтобы голос не звучал вяло и жалко. — Инсценировать свою смерть? Перебраться в деревню? В монастырь?

Шмыгнула носом и тут же яростно стиснула зубы, всеми силами пытаюсь выглядеть сильной.

— Жить, — тихо попросил герцог.

— Что?

— Просто жить.

Опять все просто...

— Я не хочу, чтобы герцогиня Бёме легла в могилу, — пожал плечами Ричард, и, наверное, только человек, очень хорошо его знающий, мог заметить за этим равнодушием искреннее отчаяние. — Ты хотела знать правду? Я честно ее сказал, без прикрас, без твоего любимого налета сказочности. Не знаю, чего ты ждешь от брака. Лично я не жду ничего. Я просто не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Руки, которыми я в очередной раз принялась тереть щеки, желая избавиться от противных слез, замерли. Сердце пропустило удар. Я смотрела на Ричарда, ждала, когда он рассмеется, ткнет в меня пальцем и воскликнет: «Что, поверила, дура?!» А он взял и сказал:

— Не плачь, пожалуйста.

И осторожно шагнул ко мне.

— Что нам делать? — спросила хрипло, вновь непроизвольно всхлипнув. — Я не знаю, что делать. Не знаю.

Он молчал. Молчал так, словно не мог подобрать достойного ответа. И вместе с тем подходил ко мне все ближе, пока не остановился совсем рядом.

— Может быть... просто жить? — Это должен был быть план действий, а прозвучало как предложение.

— Нет, не просто. Совсем не просто, — покачала я головой, прикусив нижнюю губу и отведя взгляд. — Как вообще можно просто жить? Я не хочу жить с человеком, которому не нужна.

Ну вот. Сказала.

— Ты ничего не поняла, да? — Он взял меня за подбородок и заставил повернуть голову. Непроизвольно посмотрела ему в глаза. — Я не знал тебя. Теперь знаю. И я хочу, чтобы ты была моей женой.

У него действительно все было просто.

Три фразы, вывернувшие душу наизнанку.

А затем холодные руки, аккуратно отлепившие мои накладные усы. Я не успела сообразить,

что происходит, как вдруг почувствовала, что муж меня целует. Нежно, так, словно он очень хотел показать всю искренность своих слов.

Его пальцы коснулись моей щеки, трепетным движением провели по уже высохшим дорожкам слез, будто бы пытаюсь сказать: «Я действительно хочу, чтобы ты жила. Только живи. Я устал терять».

— Ричард, пожалей меня, — прошептала в отчаянии. — Прошу тебя, пожалей. Ты даже не представляешь, как это больно: когда тебя целует тот, чье сердце уже занято.

— О чем ты говоришь? — не понял он, пристально глядя мне в лицо.

Я смахнула вновь выступившие слезы.

— Если ты хочешь заткнуть брешь, которую оставила после себя Джули Бёме, то не надо затыкать ее мной. Пожалуйста. Это слишком жестоко. Я бы и хотела жить, но я не могу, потому что ты меня этим убиваешь, понимаешь?

Он выпрямился так резко, словно я стала раскаленной сковородой. Его взгляд устремился поверх моей головы, губы сжались в одну полоску. Тени на лице сделались еще глубже, будто выжигали в мужчине последние остатки человечности.

С его губ рвался вопрос: «Ты знаешь?» Но Ричард не спрашивал. Все было очевидно.

Я грустно улыбнулась, понимая, что ответа не будет. Он не скажет. Это была та часть души, которой не делятся с другими. Она только его. Он ее никому не отдаст.

Обхватив себя руками, сделала шаг назад. Боль была еще хуже, чем та, от которой я металась в бреду. Никогда бы не подумала, что сломанные кости — лучше, чем сломанная душа.

— Нет, не уходи. — Ричард будто опомнился, сделал шаг и схватил меня за плечи.

Он, наверное, и сам не понимал, что делает. Просто искал якорь, чтобы не утонуть в пучине боли, которую я сама в нем разбудила.

Муж прижался лбом к моему лбу и прошептал:

— Джули Бёме не существует. Эта могила пуста.

— Но... — непонимающе начала я, а он вдруг выдохнул с тихим отчаянием, словно вскрыл надрыв:

— Это моя нерожденная дочь.

И это тоже стало уроком на всю жизнь: никогда не лезть в душу к человеку, если он этого не хочет.

Такую правду Ричард должен был рассказать сам. Он должен был выбрать момент, вдохнуть поглубже и открыться мне, но только при условии, если решит, что я этого заслуживаю. Он должен был убедиться, что мне можно доверять.

Мы не пара.

Не семья.

А я с какого-то перепуга возомнила себя той, кто имеет право знать *такие* тайны.

Эти слова должны были вырваться при мягком свете луны, когда в камине тлели угли, погружая комнату в усыпляющее тепло, мы с мужем прижимались бы друг к другу, и тогда, возможно, он отважился бы рассказать.

Я не понаслышке знаю, как тяжело говорить о прошлом. Вспоминать тех, кто умер.

Я почти не говорю об отце.

Из-за меня Ричарду пришлось сказать про дочь. Даже неродившуюся дочь. Возможно, она погибла в утробе. Произойди этот разговор при иных обстоятельствах, первым делом я узнала бы, что стало с матерью. Но я не посмела. Одно то, что Ричард почтил память своего ребенка могилкой, уже говорило мне о многом.

А большего я не имела права знать.

— Прости, — прошептала, обхватив мужа за талию. Виском прижалась к его щеке, потерлась о нее, словно кошка, а затем положила голову на его плечо. — Прости. Прости.

Мы поссорились. Мы не пришли к компромиссу. Но стоять вот так вот, крепко удерживая друг друга, тесно прижимаясь и неосознанно пытаюсь забрать чужую боль, было прекрасно.

Я повернула голову и посмотрела на темные волосы мужа, забранные в хвост. Улыбнувшись про себя, одной рукой оттянула высокий ворот его куртки и ласково поцеловала в шею. Ричард напрягся.

— Больше не буду лезть, обещаю. — Мое теплое дыхание коснулось его кожи, из-за чего мужчина непроизвольно повел плечом.

Я привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Не буду, — выдохнула с неожиданной для самой себя откровенностью.

В душе порадовалась, что он сбрил отросшую щетину. Она очень кололась.

— Не буду. — Еще один мягкий поцелуй в щеку.

В уголок губ.

В губы.

Я отстранилась.

— Прости меня, пожалуйста.

Вместо того чтобы ответить, Ричард обхватил мое лицо и склонился надо мной, даря куда более упоительный поцелуй, чем тот, которым я вымаливала прощение. Не знаю, что это было. Возможно, он беззвучно говорил, что это все не имеет значения. А может, что заслужить прощение одним поцелуем не выйдет.

А возможно, просто решил, что пора бы жене стать полноценной женой.

Его пальцы были жесткими, движения уверенными, но прикосновения несли нежность. Он распустил косынку, бросил ее на пол. Дотронулся до моих волос, провел рукой вдоль уходящей под одежду косы, принялся расстегивать куртку.

Я прекрасно поняла, к чему все идет.

Наверное, стоило бы напомнить герцогу, что маленькая каморка — не место для первой брачной ночи. Но я хотела быть его женой. Должна была стать его женой. И какая разница, где это произойдет, если один его мягкий поцелуй в шею заставляет все тело трепетать?

— Марита... — хрипло выдавил он. — Отключись от Феньки. Ему не стоит это чувствовать.

Я соображала слабо, но все-таки умудрилась послушаться.

Во время нашего совместного проживания Ричард всегда раздевался сам. Поэтому все мои попытки расстегнуть его рубашку и при этом не мешать снимать с себя куртку выглядели нелепо. Наши руки постоянно сталкивались. В конце концов муж обхватил меня за запястья и заставил остановиться.

— Тсс, я сам, — прошептал он.

Опустил руки, прижался губами к моим губам, к шее, к мочке уха, снова к губам, стал терпеливо ждать, пока я перестану стоять как напряженный истукан и расслаблюсь, обмякну. Только после этого поспешно стянул с меня куртку, за ней свитер.

— Ненавижу эти ваши корсеты, — выдохнул яростно.

— Нет, — вздрогнула я, но было уже поздно.

Ричард одним разъяренным движением разорвал мою хлопковую повязку пополам.

«Господи, чем теперь маскировать свою фигуру?!» — испугалась я в первую секунду.

«Откуда в нем столько силы?!» — удивилась во вторую.

Взглянула на мужа и поняла.

Это была тьма.

Тьма овладела им полностью. Окрасила зрачки в черный, пробежала по коже витиеватыми узорами, похожими на выступающие наружу вены. В первое мгновение вызвала ужас.

А затем я почувствовала странное примирение.

Все хорошо. Все так и должно быть. Кто-то ведь должен сдерживать его стихию.

— Тише, Ричард, я здесь. — Прижалась к нему теснее и провела руками по темным волосам, лбу, щекам. — Я здесь.

Он понял, что от его поцелуев я дрожу, поэтому жадно прижался к нежной коже. Его руки сжали мою грудь, но не задержались на ней, вместо этого продолжили изучать талию, остановились на ягодицах.

А затем муж приподнял меня над полом, и в следующее мгновение я уже лежала на кровати,

ошарашенно пытаюсь прийти в себя. Я ничего не успевала: ни снять с него одежду, ни поцеловать его, ни сделать хоть что-нибудь из того, что советовала Симона. Ричард полностью руководил процессом, зажал мои руки у меня над головой и целовал грудь.

— Боже, — выдохнула непроизвольно.

Он опускался все ниже, жадно целовал белоснежную кожу и заставлял меня буквально плавиться от его прикосновений.

Удовлетворив свое любопытство, вернулся к моим губам и прошептал:

— Будет немного больно.

«Я причинила вам боль, герцог Бёме. Вы имеете полное право отомстить мне».

Вот только месть его была вовсе не болезненной, не жестокой.

— Марита, — хрипло позвал он, нависая надо мной, — пожалуйста, не притворяйся.

— Я и не...

— Будет только хуже, родная, — перебил он. — Иначе мы не поймем, как сделать все правильно.

...сделать все правильно...

Муж и жена должны узнать друг друга полностью. Мы жили разным ритмом, разными фантазиями, разными желаниями. Теперь нам предстояло подстроиться друг под друга. Это я поняла позже.

Ричард посчитал, что нам достаточно только его опыта. Этой ночью он не дал мне сделать ничего, не позволил ответить ему такой же лаской, какую дарил мне.

Одним властным движением муж раздвинул мои ноги в стороны. На мой испуганный вскрик прошептал что-то успокаивающее, но я уже залилась краской до самой макушки, радуясь, что в комнате темно.

Он как-то пообещал мне, что скоро я пойму: язык дан человеку не только для разговоров.

И я поняла. Поняла настолько, что едва не задохнулась от собственных ощущений.

Мне казалось, что все стоны, которые описывались в любовных романах, были не чем иным, как обычной вульгарностью и преувеличением. От меня исходило лишь тяжелое дыхание, казалось, что на большее я точно не способна. Ну как можно кричать во время занятия любовью?

Но губы и пальцы Ричарда вытворяли со мной такое, что в какой-то момент я не выдержала — начала отвечать на его движения. И чем сильнее я выгибалась, тем острее становились ощущения, пока меня не пронзила такая волна экстаза, что отозвалось все тело.

Почувствовала, как Ричард с силой сдерживает мои ноги, желающие сомкнуться и переждать волну. Из горла вырвался стон.

После этого я уже не могла молчать.

Муж распалил мое тело до предела, заставил дрожать от страсти и удовольствия. Я даже не почувствовала боли, когда он вошел в меня. Только выгибалась, стонала, ласкала свою грудь, добавляя остроты ощущениям.

Он двигался медленно, осторожно. А когда усиливал нажим, спрашивал:

— Тебе нравится?

Мне нравилось. Мне очень нравилось.

По мужчине было видно, что такой темп ему не подходит, но он действовал предельно осторожно, боясь причинить мне боль.

Но какая тут могла быть боль...

— А так? — И он усиливал нажим.

— Да... да... — иступленно выдыхала я, приподнималась к мужу, обхватывала его за шею и протягивала к себе, чтобы быть ближе, ближе, ближе к нему.

— Я сделаю кое-что. Скажи, если не понравится, — хрипло прошептал он и несильно сжал мне горло.

Это была тьма. Он был мягок, нежен, заботлив и жесток одновременно. В нем скрестилось невозможное. Но я знала, что смогу с этим справиться. Мне хотелось, чтобы он получил такое же удовольствие, как и я.

Его движения стали резче, рука сжала горло.

Это произошло во второй раз. Меня ослепило дикое, ненормальное, безобразное и самое прекрасное удовольствие в мире, показывающее, ради чего люди совершают грех прелюбодеяния.

Тело напряглось, как струна, а затем наступила разрядка, и я не просто застонала, я закричала низко, утробно. Услышала, как Ричард что-то сказал или, может, тоже застонал.

Разобрать не удалось.

Меня пронзило столько разных чувств, и все — на пике удовольствия, стыда, радости, счастья, сожаления, что только телу стало легче, и страстная дрожь отступила. Дыхание немного успокоилось, из глаз покатились слезы.

Я не сразу поняла, что плачу, ведь мне было так легко, так хорошо, и я с таким упоением обнимала мужа, гладила его руки, спину, что слезы никак не должны были появиться.

Как только раздался первый всхлип, Ричард приподнялся и недоуменно посмотрел мне в лицо.

— Марита? — в его голосе промелькнул испуг. — Ты чего? Что не так?

Я остервенело покрутила головой, сжимая губы, чтобы больше не было никаких всхлипов.

— Тебе больно? — Ричард перекатился на край кровати и сел. — Рана?

— Все хорошо, — гнусаво выдавила я и сама устыдилась того, насколько жалобно это

прозвучало.

— Это я? Тебе было больно из-за меня? — тихо спросил он.

Я не выдержала и закрыла лицо руками, потому что объяснить свои слезы не могла. А когда он видит меня такой, сразу думает какие-то глупости.

— Нет-нет-нет, — поспешно сказал он, склонился надо мной и отнял ладони от заплаканного лица, — не закрывайся от меня. Только не сейчас. Почему ты не сказала, что тебе не нравится?

Даже в полумраке было видно, насколько огорошенный, виноватый у него вид. И в глазах очевидный страх, что, возможно, мы совсем не подходим друг другу.

— Мы с этим справимся, — успокаивающе глядя меня по голове, сказал Ричард. Больше, кажется, для себя. — Нужно просто понять, что тебе нравится. Мы с этим справимся.

Я вырвала свои ладони из его крепких рук и притянула мужа к себе.

— Мне хорошо с тобой, — прошептала быстро, отчаянно, чтобы он понял наконец, что дело не в нем. — Мне с тобой очень хорошо. — И добавила едва слышно: — Не бросай меня. Пожалуйста.

Он, конечно, мало что разобрал. Мои слова вряд ли могли передать весь страх, что я почувствовала, когда поняла, что вынужденный брак перестал быть таким уж вынужденным.

Главное было донести до Ричарда, что мне с ним хорошо. И слезы эти вовсе не из-за него.

Это обычный страх потери.

Обычный... обычный?!

Я ненавижу привязанности. Никогда не знаешь, что чувствует другой человек. Возможно, ты видишь в нем опору, а он в тебе — обузу.

И в один прекрасный день ему не составит труда залезть в петлю, даже не оставив своей дочери предсмертной записки, где он говорит: дело не в тебе. Ты не виновата. Ты не была для меня обузой, и в петлю я полез, потому что слабак.

В Ричарде я видела гораздо большее, чем просто опору. И знала: если он бросит меня так же, как отец, я вряд ли смогу с этим справиться.

Сладко потягиваясь, я медленно приближалась к лестнице.

Меня выпроводили из комнаты первой, чтобы никто ничего не заподозрил и чтобы я заказала «две большие курицы, картошку, томатный сок, кружку нива, сухарики, ну и себе что-нибудь».

Не утруждая себя лишними размышлениями, восстановила связь с Фенькой и банально предавалась счастливым эмоциям, поэтому никаких опасностей не ожидала.

За шиворот меня схватили так резко, что я даже испугаться не успела. Вскрикнуть тоже — рот зажала огромная ладонь. И встрепетаться не получилось, потому что меня уверенным движением втащили в пустую комнату.

— Ты кинуть меня решила?! — разъяренно прошипел Рогатый Дог.

— Зачем так делать?! — возмутилась, чувствуя, как душу накрывает запоздалый страх, смешивающийся с облегчением. — Зачем так пугать?! Совсем сдурел?!

— Я же сказал — после гонок! Ты тупая, что ли?

У меня вырвался огорченный вздох. На подобные ругательства я уже давно не обращала внимания, но в этот раз стало обидно.

— Сейчас я тебе помогу, успокойся. Только покажи, что с тобой, — отозвалась тем не менее вполне добродушно.

Рогатый Дог нахмурился.

— А с тобой что? — спросил он низким голосом. — Ты как-то изменилась.

Я пожала плечами, параллельно разминая мышцы шеи.

— Косынку можно снять? А то у меня все чешется из-за нее.

— Угу, — хмуро отозвался он и подошел к окну, где было лучше видно благодаря луне. А затем закатал рукава. — Вылечи это.

Я только-только положила на кровать головной убор, повернулась, чтобы посмотреть, что там, и застыла в оцепенении.

Всю мою прежнюю радость, счастливую улыбку, притаившееся в душе тепло как рукой сняло. Как будто я упала с огромной высоты облачных мечтаний и с размаху впечаталась в землю.

По медицине мне давали лишь основы, преподаватель никогда не углублялся в эту науку, потому что был в ней некомпетентен.

Все, что я знала, — эта болезнь пришла с южных островов.

Ее называли «красной смертью». Это была не чума, потому что передавалась через кровь. И первые красные бубоны выскакивали не только на шее, но и на руках.

— О господи, — прошептала ошарашенно. — Я... я не знаю, как это лечить.

Шаг назад сделала непроизвольно. Да, болезнь не передавалась по воздуху, но страх перед смертью оказался сильным.

Рогатый Дог яростно стиснул зубы, сжал кулаки, будто хотел ударить. В одно мгновение оказался рядом, схватил меня за локоть и потащил к окну.

— Лечи! Живо!

Я поспешно выдернула руку и спрятала ладони в карманах куртки.

— Я не врач! Я не знаю, как лечить смертельные болезни!

— Ой, да хватит! Просто заморозь!

— Да откуда мне знать, что замораживать, я ведь... — начала лепетать в панике, но меня ожесточенно перебили:

— На востоке эту болезнь только так и лечат! Хватит жеманиться, дура! Или я сейчас возьму и расскажу всем, кто ты, ясно?!

— Может, перестанешь угрожать? — разозлилась не на шутку. — Если я твой единственный шанс, то подставлять меня явно не стоит!

— Единственный шанс! — насмешливо воскликнул наездник. — Да знаешь, сколько ледяных магов в мире!

— Вот и шел бы к ним, — огрызнулась я.

— Ты тупая? Я же тебе сказал, что знаю немногих магов! Вас на этих гонках вообще всего двое!

«И, похоже, только на меня есть возможность надавить», — закончила про себя.

После его слов я едва удержалась, чтобы не расхохотаться от истерики. Господи, он спорит, как младенец. Более забавные и нелогичные аргументы мне еще не приходилось слышать.

— Так. Ладно. — Сделала глубокий вдох и вытащила руки из карманов, чтобы поднять их в примиряющем жесте. — Ты знаешь, что именно делают маги на востоке?

— Замораживают бубоны, что тут непонятного?!

— Да, но, может, есть какая-нибудь техника?

— Я похож на мага льда, который разбирается в этой ереси?!

— Хорошо, — стиснула зубы, призывая себя к спокойствию. — Я сделаю все, что в моих силах. Ладно?

— Да уж, постарайся, — ворчливо отозвался Рогатый Дог. — Если я сдохну, мой дракон тоже сдохнет, так что на тебе будут висеть сразу две смерти.

Я возмущенно уставилась на наездника. С какой стати он перекладывает на меня всю ответственность? Я не собираюсь брать на себя такую ношу!

— Живее! — воскликнул он.

— Руки покажи, — буркнула в ответ.

Он продемонстрировал широкие ладони, чтобы я убедилась: никаких порезов и маленьких ранок нет, так что я могу спокойно прикоснуться к ним.

Как действовать, не имела ни малейшего понятия, но прекрасно понимала: уйти отсюда просто так уже не получится. Во-первых, он не выпустит меня из комнаты, пока не убедится, что я его спасла. Во-вторых, оставить человека умирать — это слишком жестоко.

Я решила воспользоваться той же техникой, которую применяла, когда лечила ожоги Ричарда. В конце концов, больше я действительно ничего не знала.

Удерживая ладони Рогатого Дога слегка трясущимися руками, прикрыла глаза и пустила холод по чужому телу, сосредоточенно рассеивая его на пораженных участках.

В какой-то момент подняла веки, посмотрела, получается ли вообще хоть что-нибудь, и вдруг заметила очень странный взгляд мужчины.

— Что? — спросила недружелюбно.

— У тебя волосы просто загляденье, — с неприятной улыбкой высказался он.

— Мужу тоже нравятся, — буркнула я.

— Ты замужем? — удивился Дог.

— Да, представь себе, — пробормотала, снова закрывая глаза и сосредотачиваясь на стихии.

— А муж знает о твоём милом увлечении?

— Нет, не знает, — ответила тихо, злясь на то, что меня просят помочь и при этом отвлекают, не давая спокойно сделать то, что нужно.

— А что, твой благоверный не выдержит жестокой правды?

— Угу.

— Знаешь, я вот очень люблю опытных наездниц, мм? — даже с закрытыми глазами я ощутила на себе его липкий взгляд.

Раздраженно взглянула на мужчину.

— Сейчас я прекращу тебе помогать, и делай, что хочешь, понял? — отозвалась совсем недружелюбно.

— Ладно-ладно, не сердись, — усмехнулся тот. — Я что, не могу сделать комплимент девушке?

Фу, какая гадость. Меня аж замутило.

— Волосы у тебя действительно загляденье, очень красивые, — продолжал вещать Дог. — Ты мужа-то своего любишь?

Я недовольно поджала губы и холодно сказала:

— Да.

— Ну и хорошо. Любить вообще хорошо. Я сам много раз любил.

Я не выдержала и усмехнулась:

— Книжки учат, что любят один раз и навсегда.

— Глупые книжки ты читаешь, — тут же нашёлся Рогатый Дог. — Любить можно сколько угодно.

— Ладно, — вздохнула, понимая, что спор с ним — гиблое дело.

Мужчина ещё некоторое время пытался меня разговорить, но я отвечала коротко и сухо, поэтому он оставил эти попытки и стал терпеливо ждать, пока я закончу.

Магия действовала агрессивно. С Ричардом, охлаждая ожоги, нужно было быть очень

осторожной. Здесь же пришлось замораживать красные бубоны. Это причиняло боль наезднику и рождало в моей душе справедливое злорадство.

— Все, — наконец сказала я.

— Я тебя обниму? — довольно поинтересовался Рогатый Дог.

— Нет. Я свою задачу выполнила, будь добр, не лезь ко мне.

Развернулась и направилась к двери, одновременно завязывая косынку на голове.

Как только вышла в коридор, поспешно направилась к лестнице, понимая, что Ричард, наверное, уже страдает без своей курицы.

— Джон?! — услышала удивленный голос Тима Донга. Испуганно обернулась. Заметила, как из комнаты вышел Рогатый Дог.

Ричард ошарашенно замер.

— Ха! Вот и Донг! — расхохотался Рогатый Дог. — Дружище! Не трогай этого пацаненка, ладно? Я встану на его защиту, он забавный!

Ричард высокомерно задрал бровь.

— Переманиваешь к себе мою жертву? — холодно спросил сипящим голосом.

— Да ну, ты же знаешь, я не такой, — закатил глаза Дог. — Помню, как ты хотел его того, — и тут последовал витиеватый знак руками, смысл которого я не разобрала. — Но если дойдет до этого, ты хоть позови, мы поржем.

— Я его пока просто придушу, — спокойно сказал муж.

Я затравленно посмотрела на стены, пытаюсь придумать достойное оправдание.

— Пф, как круто, сам же его защищал сегодня.

Это таким образом Рогатый Дог пытался меня спасти от гнева Донга...

— Ага. Иди отсюда, Дог. Я убью его без свидетелей, — невежливо просипел Ричард.

— Ой, да ну тебя, — искренне сплюнул Дог. — Как хочешь.

И, насвистывая песенку, удалился, весело мне подмигнув, мол, смотри, я ваш конфликт разрешил.

— Я спасла его от смертельной болезни, это произошло в темной комнате, потому что он просил прийти после гонок, но я не пришла, и он сам меня нашел, — выпалила шепотом, когда мы остались наедине.

— Ты издеваешься? — тихо возмущился муж. — Я тебя за курицей послал! Ты вообще можешь спуститься на первый этаж и не попасть в неприятности?

— А кто-то хотел меня придушить, — заманчиво улыбнулась я. Когда Ричард подошел ближе,

осторожно уточнила: — Что означал тот жест? Ну, который Дог показал? Я такого еще не видела.

— Лучше тебе этого не знать.

— Он значит что-то плохое? — заинтересовалась тут же.

— О да, — кивнул мужчина. — Впрочем, я и так с тобой это сделал.

— В каком это смы...

— Ты усы свои забыла, — поспешно перебил он и с размаху припечатал их на кожу над губой. Потом аккуратненько разгладил и довольно кивнул. — Не переживай, Дог и так знал, что они накладные, так что ты себя не выдала. На этот раз.

— Угу, — уныло отозвалась я.

— Может, ну ее, эту курицу? Ваши кухарки сегодня готовили жареных креветок.

— Ладно-ладно, полетели домой, — сладко улыбнулась в ответ.

Только когда мы уселись на драконов, я вспомнила, что так и не поговорила с Симоной.

Странное дело. Как только начала думать, что из меня получится хорошая жена, я стала очень неблагодарной подружкой.

О браках говорят многое.

Супругами становятся, чтобы не только создать семью, продолжить род, но и избавиться от общественного давления. Если двадцатипятилетняя девица до их пор не замужем — она старая дева. Если к тридцати годам мужчина так и не остепенился — он либо беден, либо повеса, у которого нет будущего.

Брак — это такая же общественная маска, как титулы герцога и герцогини.

О браках говорят многое. В романах — это единение двух душ, по словам мамы — союз партнеров. Становясь мужем и женой, двое появляются в свете вместе. Вместе посещают балы, благотворительные приемы, вместе катаются по городскому парку, заводят детей, растят их, решают проблемы, навещают родственников.

Это то, что юные девушки знают о браке.

Никто не сможет описать им, как будет выглядеть реальный брак. Мне тоже многое рассказывали о супружеской жизни. Вряд ли кто-то из этих рассказчиков мог предвидеть, что мы с мужем на спор полезем на верхние полки шкафов, ища еду.

— А что я нашел, — довольно протянул Ричард, открывая крышку кастрюли и блаженно втягивая аромат. — Картошечка.

— Твоя часть кухни лучше, — возмутилась я.

— Тут даже соль есть, мм... огурчики.

— Ищи креветки, — разозлилась я.

Поспешно принялась обыскивать полки, но ничего, кроме столовых приборов, не находила. И пока муж поедал картошку, я решила схитрить. Спрыгнула с табуретки, схватила висящий на крючке ключ и побежала к погребу.

— Что-то тут есть поважнее-э-э, — протянула насмешливо, притащив на кухню целую кучу еды.

— Где ты это взяла? — удивился Ричард, так и не успевший откусить огурец.

— Кто-то тут поумне-э-э. Ты только посмотри, соевый соус. — Я восхищенно подняла вверх емкость, чтобы лучше было видно. — Ну, ты кушай, кушай свою картошку с солью. А я поем креветок в соусе.

— Меняемся? — авторитетно предложил герцог.

— Что мне до твоей картошки, — брезгливо повела носом.

— Как насчет конфет? — изогнул он бровь и с непроницаемым лицом вытащил из-за спины тарелку со сладостями. — Вот, к примеру, конфетка «Сладкая ночь». Нет, ее я, пожалуй, оставлю себе. Ой, смотри, тут есть мармелад. А еще «Золотая ива», мм... с орешками внутри, а шоколад какой мягкой, я уже чувствую, как он тает во рту.

— Ладно-ладно, меняемся. Одна конфетка за одну креветку.

— Нет уж, тарелка конфет за тарелку креветок.

— Их не равное количество!

Ричард наглядно развернул фантик, сунул сладость в рот и блаженно зажмурился:

— Мм... ты тоже это чувствуешь? Это полный восторг, шоколад такой терпкий, такой мягкий, он точно теплый водопад...

— Да забирай свои креветки, — проворчала я.

— И соус, — не согласился он, взял салфетку и выплюнул недоеденную конфету, чем вызвал мое возмущенное:

— Ты наглый притворщик! Не дам тебе соус!

— А если я взамен предложу кое-что о-о-очень вкусное?

— Что?

— Секрет.

— Наслаждайся креветками без соуса, — мстительно выдала я.

— Очень-очень-очень вкусное, — проникновенно сказал муж.

— Ты драконов так же заставляешь хлеб есть, да? — возмутилась я. — Это нечестно! Ну ладно, давай меняться.

— На нейтральной территории. — Ричард кивком головы указал на стол.

Мы приближались к столу медленно, внимательно наблюдая друг за другом. Я поставила тарелку с креветками, дождалась, пока муж сделает то же самое. И начала по чуть-чуть подвигать ее к нему, настороженно прищурившись.

Он схватил свою тарелку первым, я поспешно сделала то же и прижала к себе конфетки, как мать прижимала бы родное дитя.

— Теперь соус, — напомнил он.

— Вот тебе, а не соус. — Я поставила емкость на стол, чтобы мстительно изобразить тот самый жест, который увидела у Рогатого Дога.

Ричард сперва удивился, потом улыбнулся, потом хмыкнул, потом расхохотался.

— Что смешного? — обиделась я.

— Ты вообще поняла, что сейчас показала? То есть я-то понял, за кем ты повторяешь, но это неправильно. Правильно вот так. — И муж наглядно научил меня плохому.

— А я что тогда показала? — спросила озадаченно.

Ричард покачал головой и снова рассмеялся, а так как смех — дело заразительное, я тоже улыбнулась, потом хмыкнула, потом расхохоталась.

Но веселились мы недолго. Недалеко от кухни послышались чужие шаги. Ричард моментально умолк, схватил меня за локоть и заставил прижаться к углу между шкафами — там было больше тени. Я слишком поздно поняла, что, увлекшись друг другом, мы забыли об осторожности. Никто не должен был увидеть герцога и герцогиню в одежде наездников.

— Давай скорее, — услышали мы яростный шепот.

Спустя несколько секунд на кухню ворвались два целующихся человека. Одной из них была моя служанка Эми, а вторым оказался шустрый парень. По затылку трудно было определить, кто это.

Они вихрем пронеслись по кухне, задели стол, заставили нас с Ричардом синхронно вздрогнуть. Парочка не обращала внимания на грохот. Они просто срывали друг с друга одежду и, кажется, стремились к кладовой с запасами крупы. Рассмотреть подробнее не удалось. Муж закрыл мне глаза своей огромной лапищей.

Как только хлопнула дверь, Ричард убрал руку. Я потрясенно оглядела помещение, заметила чужие мужские штаны и прошептала:

— А я хотела разбудить Эми, чтобы она мне ванну сделала.

— Осторожно продвигаемся к выходу. — Как истинный герцог, муж быстро разработал план действий.

Мы на цыпочках прокрались к двери, и тут я вспомнила про свои вещи! Освободила руку из его хватки и быстро подбежала к подоконнику, где были сложены наши повязки и мои голубые усы.

— Марита! — прошипел муж.

— Да иду, иду!

Я уже почти подошла к двери, но в последний момент опомнилась и ринулась к тарелке с конфетами. Взяла все, что смогла уместить в руку, и побежала к мужу.

На Ричарда было страшно смотреть. От негодования он аж рот приоткрыл и руками развел, мол, ты что, издеваешься?! Я тоже развела руками (насколько это было возможно). Не оставлять же конфеты тут!

— И нечего так на меня смотреть, — проговорила тихо, когда мы оказались в столовой.

Весь дом спал (ну, почти весь), тратить свечи на ненужное освещение, конечно, никто не стал, поэтому передвигаться приходилось в полутьме.

— Кто бы только знал, как я хочу настучать тебе по голове, — хмуро отозвался Ричард и с силой выхватил у меня вещи, буркнув: — Дай сюда.

— Кто бы только знал, как я хочу в теплую ванну, — вздохнула, пытаюсь сгладить возникшее напряжение.

— Теплая кровать сейчас более реальна, — нейтральным голосом сказал герцог.

— Еще бы ромашкового чая с конфетами, — мечтательно протянула я.

— Лучше бы кружку пива.

— И мягкую подушку, и интересную книжку...

Мы дошли до лестницы и начали подниматься по ступенькам, стараясь, чтобы шаги были легкими и неслышными.

— Большую тарелку чего-нибудь сытного, — шепотом предлагал варианты муж.

— Красивую карету, блестящее платье, серебряные туфельки, — разошлась я.

— Жену нормальную, — скептически высказался он.

— Что-что ты сказал?

— Живу нормально я, — поспешно исправился, но моего настороженного взгляда не избежал.

— Ну-ну.

Мы поднялись на второй этаж. Я медленно побрела к своим покоям, но вдруг Ричард схватил меня за локоть и повернул к себе:

— Ты куда?

— В свою спальню, — ответила честно.

— Нет уж, теперь ты ночуешь со мной, — так, словно это само собой разумеется, выдал он и потянул к своей двери.

Я возмущенно открыла рот, но так ничего и не сказала. В конце концов, я ведь не против. В

своей спальне муж зажег свечи, а мне осталось сложить конфеты на тумбочке и плюхнуться на кровать. Через несколько мгновений Ричард ко мне присоединился.

Так бы мы и задремали, уставшие, измотанные и даже не переодетые, если бы я не изрекла задумчиво:

— У нас в погребе есть вино. Хочешь?

— Мм... — с непонятной интонацией ответил муж.

— Оно вкусное, — добавила я.

— В чем подвох?

— Сходишь? — уточнила невинно.

— Мм... — и в этой интонации явственно прозвучало отрицание, вызванное банальной ленью.

Чувствуя себя размякшим кабачком, я перевернулась на живот и с улыбкой взглянула на мужа. Лежал он довольно далеко от меня, поэтому дотянуться смогла только до его руки. По ней и провела пальчиком.

— Ты за вином сходишь, а я пока переоденусь. — И, подперев щеку рукой, проникновенно добавила: — В красную сорочку.

Ричард посмотрел на меня в упор. Не сводил пристального взгляда с моего лица целую минуту.

— Сейчас вернусь.

Шустро вскочил на ноги и скрылся за дверью.

Вернулся он действительно очень быстро и принес не только бутылку вина, но и тарелку с виноградом. С видом «герцог Бёме вернулся из военного похода, где он в одиночку победил целую армию» муж зашел в комнату, закрыл за собой дверь и замер рядом с ней.

— А где моя красная сорочка? — не понял он, глядя на меня.

— Ну, я же ненормальная жена, любуйся белой, — ответила мстительно.

— Марита, и чего ты такая обидчивая и злопамятная? — возмутился Ричард и быстрым шагом подошел к кровати. Уселся на мягкую перину, поставил тарелку с виноградом на простыни, бутылка вина отправилась туда же, а сам мужчина придвинулся ко мне. — Сейчас вообще без сорочки оставляю.

— Ну и оставь, — ничуть не испугалась я.

Поспешно села и потянулась к мужу, обхватила его за шею и призвала к поцелую. Ричарду дважды намекать не стоило. Одна его рука зарылась в мои распущенные волосы, другая обхватила за талию. Я перестала опираться о колени и увлекла мужчину вслед за собой на простыни.

Но он вдруг прекратил поцелуй и навис надо мной тенью в свете нескольких свечей.

— Что такое? — немного испугалась я, заметив, как он поджал губы и внимательно меня

разглядывает.

— Надеюсь, ты не будешь топтать ногами и плакать от огорчения, если я это скажу. Но нам пора возвращать в мой замок. Не подумай ничего плохого, мне нравится твоя мама, но наш дом не здесь.

— Ричард, я настолько еще не повзрослела, — нахмурилась после его слов. Осторожно коснулась щеки, погладила нежно.

— Даже ногами топтать не будешь? — хмыкнул он.

— Нет, не буду, — покачала головой. — От проблем все равно не убежишь, слуги в твоём замке меня не любят.

— Ты герцогиня Бёме, тебя будут слушаться.

— Эрта при первой возможности запрет меня в северной башне, — вздохнула грустно. — Ну, если что, ты знаешь, где меня искать.

Ричард не удержался от улыбки. Склонился ниже.

— Не переживай, они увидят, что я тебя люблю, и тоже тебя полюбят.

— Что? — Я ошарашенно моргнула.

— Держи виноградинку. — Муж поспешно сунул маленькую сочную горошинку в приоткрытый от удивления рот.

— Но.!

— И еще одну.

— Э...

— Вкусно, да? Держи еще.

— Фатит.

— Кушай-кушай.

— Мм! — промычала возмущенно.

— Еще хочешь? На. Может, проверим, сколько виноградин поместится у тебя во рту? — И, обратив наконец внимание на мой злобный взгляд, добавил: — Ты права, плохая идея. Кстати, почему ты назвала меня заклинателем драконов?

Я надменно выгнула бровь, заложила руки за голову и, глядя на герцога, принялась медленно жевать. А вот нечего было впихивать в меня столько винограда, постыдно пытаюсь уйти от скользкой темы.

Ричард терпеливо ждал.

Прожевав то, что мне заботливо скормил муж, я потянулась к тарелке и взяла себе целую гроздь, сохраняя при этом безмятежное молчание. Принялась срывать виноградинки и по

одной отправлять их в рот.

Ричард ждал.

— А какой был вопрос? — уточнила, когда доела.

— Почему ты назвала меня заклинателем драконов? — милостиво повторил тот.

— Я не называла, — скрестила руки на груди.

Герцог понятливо кивнул и прекратил нависать надо мной, просто сел рядом. Взял бутылку вина, молча открыл и отпил немного из горла. Я понаблюдала за его бесстрастным лицом, затем тоже села. Протянула руку, призывая поделиться выпивкой.

Как только сделала несколько глотков, задумчиво посмотрела на бутылку и сказала, слегка поджав губы:

— Ты не принес бокалы.

— На кухне было несколько не до этого, — пожал плечами Ричард.

И забрал у меня вино.

Я поглядела на его лицо, ставшее уже таким родным, что казалось, я могу моментально читать по нему все изменения настроения. Перевела взгляд на темные волосы, забранные в хвост, затем на шею, на плечи, на руки.

— Тяжело, наверное, владеть тьмой? — сама не знаю с чего вдруг решила спросить.

— Ну я же как-то владею, — резонно заметил муж.

— Я слышала, что она сводит с ума? — уточнила осторожно.

Ричард отпил немного и посмотрел на меня с некоторой веселостью.

— Волнуешься?

— Конечно. Кому хочется быть замужем за сумасшедшим герцогом, — охотно ответила я и хмыкнула, протянув руку. Муж вложил в нее бутылку и проговорил:

— От тьмы с ума еще никто не сходил. Она как соединение огня и воздуха, может обжигать, может просто обволакивать темной поволокой.

Я вернула ему вино, а сама принялась отрывать виноградинки.

— Это тьмой ты оградил мою комнату, чтобы я не попала на гонки?

Ричард кивнул и тоже потянулся к винограду.

— И это тьмой ты защищаешь свой замок?

Его рука замерла на полпути.

— Откуда ты знаешь?

— Стражники обходят только сад, а к замку не приближаются. Но ты бы не оставил его без охраны, я и подумала...

Муж хмыкнул и схватил гроздь винограда.

— Не мог же я допустить, чтобы они видели, как некто неизвестный выбирается из покоев герцога. Еще? — Он протянул мне бутылку.

Я взглянула на его слегка опустившиеся уголки губ и поняла, что за словами стоит что-то другое. Нахмурилась, пытаюсь сообразить, что именно.

Потом как-то неожиданно даже для самой себя вспомнила про урков. Возможно, это дополнительная защита, установленная после нападения.

— Сейчас, правда, замок не защищен, — чуть громче, чем следовало бы, сказал Ричард, словно привлекал мое внимание. — Я могу поддерживать стихию на расстоянии, но это слишком тяжело. Марита. — Он потряс бутылкой.

Я смущенно улыбнулась, забрала ее, отпила немного и поморщилась от горьковатого привкуса.

— Ты решил меня напоить, да? — спросила иронично.

— Идея с вином была твоя, — открестился муж от несправедливого обвинения.

Я перестала улыбаться и снова ушла в себя, уставившись на простыни. То ли алкоголь так на меня подействовал, то ли что-то еще... но я грустно вздохнула. Поймала на себе озадаченный взгляд мужа. Вздохнула еще грустнее.

— Что-то не так? — осторожно уточнил Ричард.

Я пожала плечами, вернула ему бутылку и разлеглась на кровати, запихнув голые ступни под простыню, чтобы не мерзли. А потом сказала:

— Во всем виноват хлеб.

Повисла пауза. Я задумчиво разглядывала потолок, пока настороженное лицо мужа не загородило весь обзор.

— Что это значит?

— Ну, твой хлеб, который ты скормил Феньке. Из-за этого я называю тебя заклинателем драконов. Потому что мой хлеб Фенька не ест!

Ричард посмотрел на меня с легким удивлением, переварил мои слова и вдруг улыбнулся.

— Во всем виноват хлеб? — уточнил со смешинкой в глазах.

— И ничего смешного в этом нет, — обиделась я. — Ты управляешь чужими драконами. Я, может, и мало о них знаю, но уж об этом-то всем известно: драконом управляет его всадник. Никто больше. И тут ты!

— И хлеб.

Я зло прищурилась, намекая, что за такие шуточки могу и в глаз дать.

Ричард засмеялся, пришлось отвести взгляд, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Дорогая, я не управляю чужими драконами. Просто обладаю у некоторых авторитетом, а это заставляет их расценивать мои приказы как беспрекословные. Для Феньки я был именно авторитетом. К тому же у меня есть хлеб.

— *Был авторитетом?* — не поняла я.

— Он мелкий еще и очень ранимый. А я покусился на то, что, возможно, только его.

— Это на меня? — польщенно спросила я.

— Нет, на хлеб, — с каменным лицом ответил Ричард.

Я возмущенно ударила его по груди. И зачем только вообще сказала про этот хлеб?!

— Что ты в него подмешиваешь? — спросила, обиженно надувшись.

— Ничего, — ответил муж, и выглядело это вполне честно.

— Как это ничего? Почему твой хлеб он ест, а мой нет?

— Потому что дело не в хлебе.

Ричард склонился ниже и очень нежно, совсем слегка, прижался к моим губам. Я только-только приоткрыла рот, чтобы ответить, как поцелуй прекратился. Пришлось недоуменно открыть глаза и услышать блаженное:

— Мм... как вкусно, это лучшее, что я пробовал в своей жизни, боже, мне нужно еще...

— Ты жулик, — хмыкнула я, досадуя, что мой Фенька мог повестись на подобную провокацию.

— Вообще-то сейчас я не врал, — притворно возмутился мужчина.

— Предлагаю доказать это еще раз.

Ричард посмотрел на меня уже без прежней веселости. Взгляд был пристальным, изучающим. Мужчина облокотился на правую руку и подтянулся повыше, чтобы его лицо оказалось напротив моего. Склонился ниже и прошептал:

— Отгораживайся от Феньки. Мы с тобой немного поиграем.

— Во что? — не сообразила я и только после этого заметила, как темнеют глаза мужа.

Пояснений не последовало.

У герцога Бёме оказалось необычное понятие об играх.

Еще были свежи впечатления нашей первой брачной ночи, поэтому, как только его губы коснулись моих, я судорожно выдохнула, почувствовав сладкую негу внизу живота. Словно толчок к действиям. Приподнялась и, обхватив Ричарда за плечи, слегка надавила, призывая лечь на спину.

Но он вновь сделал все по-своему.

Холодные руки коснулись моих пальцев, заставили их разомкнуться. А затем уверенным движением Ричард обхватил меня за талию и заставил плюхнуться на живот.

— Ты чего? — опешила я.

— Мы играем в игру.

Он уселся у моих ног, сжал бедра и потянул на себя, приговаривая хрипло: «Иди сюда».

Я чувствовала себя слегка растерянной и не имела ни малейшего понятия, что надо делать. Только когда его ладони легли на попу, стало понятно, в чем заключается игра. Ричард провел руками вверх, задирая ночную сорочку, надавил на поясницу, заставляя прогнуться. И продолжил снимать с меня одежду. Как только камиза полетела в сторону, муж собрал мои волосы в хвост и осторожно, видимо опасаясь причинить боль, потянул их на себя, заставив задрать голову. Он прижался ко мне сзади.

А до меня дошло, что нужно делать.

Ухватиться за что-нибудь, пока не опьянела от того, что происходит за закрытыми дверями герцогской спальни.

...время уже близилось к рассвету. Распаленные, тяжело дышащие, вспотевшие, мы совсем не по-благородному распластались поперек кровати. Эмоции готовы были вырваться наружу или смехом, или слезами, но пока я глядела в потолок и с наслаждением чувствовала, как постепенно расслабляются перенапряженные мышцы.

Спать не хотелось совершенно, а думать о том, какой уставшей и невыспавшейся я буду выглядеть сегодня днем, казалось бессмысленным.

— Ричард, — позвала тихо.

— Мм?

— Ведь рано или поздно я стану старой, толстой и некрасивой. Вот что ты тогда будешь делать?

Муж повернул голову — я с трудом различила это боковым зрением.

— То же, что и сегодня. Только накрою тебя простыней.

— Ты очень заботливый муж, — хмыкать уже не осталось сил, поэтому постаралась передать свои эмоции ироничной интонацией.

— А ты очень заботливая жена, — не остался в долгу тот. Правда, иронии в его голосе не было.

— Знаешь, о чем я подумала?

— Мм?

— Симона может что-то знать про того маньяка.

— Ты очень вовремя об этом вспомнила, Марита. — О, вот и ирония! — Давай спать?

— Давай. — Повисла небольшая пауза. А затем я нерешительно попросила: — Ричард, обними меня, пожалуйста.

Его рука тут же протянулась ко мне.

— Иди сюда, — охотно отозвался он.

— Придвинь меня к себе, — не согласилась я.

Мы синхронно повернули головы, озадаченно посмотрев друг на друга. Да, эта ночь была настолько непростой, что под утро оставила нас без сил.

— Ладно, я тебя притяну, а ты двигайся ко мне, — предложил вариант мужчина.

— Ладно.

Слегка попыхтев, я все же устроилась у мужа на груди, закрыла глаза и понадеялась не только на безмятежный сон, но и на то, что завтрашний день станет еще лучше и подарит намного больше приятных впечатлений.

Спрашивать у Симоны про маньяка нам так и не пришлось.

Он сам нас нашел.

Мне было настолько хорошо, что я даже саму себя начала раздражать.

Вместо того чтобы контролировать служанок, которые готовили вещи для предстоящего возвращения в замок герцога Бёме, я расхаживала по поместью и любовалась картинами. Не представляю, что произошло со мной за последние дни, но внутри царили такая гармония и безмятежность, что это даже начинало пугать.

Никогда в жизни не разглядывала картины.

Во мне, конечно, пытались воспитывать любовь к искусству, но ни одна из выставок, на которых мы были с отцом, так и не произвела впечатления. А теперь я замороженно разглядывала работы, которые повесили на эти стены задолго до моего рождения. Раньше как-то не бросалось в глаза, с каким изяществом выведен каждый штрих на огромных полотнах Артрица Кемпельского — известного художника прошлого века.

В то время, когда многие пытались найти новый путь в искусстве, изобрести уникальные техники, он просто писал о любви. Я разглядывала картину «Прогулка», где принц, выехав на охоту с вельможами, восседал на лошади, дерзко глядя куда-то вдаль, словно уже видел будущую жертву. Вот только рука его — незаметно для остальных — сжимала маленькую ладонь мадам Энклер. Его фаворитка при дворе, уже замужняя дама, а потому — запретная любовь.

По меркам столетней давности такой поступок приравнялся к разврату. Принц делал немислимое и наверняка заработал бы осуждение любого случайного зрителя, ведь если бы их заметили в таком положении, мадам Энклер никогда не избавилась бы от клейма неверной жены и, скорее всего, была бы сослана в монастырь. Я же замороженно разглядывала ее руку и с какой-то странной солидарностью поддерживала поступок принца.

Он просто не мог выдержать.

Наверное, ему было невыносимо видеть ее с мужем, которого мадам Энклер не любила, а потому чувствовала себя несчастной. Он хотел, чтобы она принадлежала только ему, чтобы она улыбалась. От того, как он сжимал ее маленькую ручку, меня бросило в жар. Он ее любил. И возникало впечатление, будто ему все равно, что о них подумают. Он был готов на все, лишь бы провести с ней вместе еще хотя бы секунду.

Их история кончилась плохо.

Мадам Энклер осталась верна своему мужу. Она покинула двор и умерла глубоко несчастной. Зато не взяла на душу грех.

В этот момент я остро поняла, насколько мне повезло. Брак по расчету подарил мне замечательного мужа. Он, конечно, совсем не такой, какого я ожидала. Но тот мужчина, которого я открывала для себя каждый день, нравился мне даже больше. У нас рождалась своя история. Не все наши интересы совпадали, не все в нас было идеально, но мы наездники, мы покоряли небо. Мы чувствовали близость. Особенную близость. Не сливались воедино, не ощущали друг друга на расстоянии, не читали мысли, но словно думали вместе. Просто вместе.

Ниточки наших жизней переплелись, и с каждым днем узел становился все крепче.

И если это и есть та самая любовь, то мне действительно повезло. Я ведь любила своего мужа, а значит, наша история могла закончиться хорошо.

Мысли о Ричарде заставили оторваться от созерцания картин и отправиться на его поиски. Герцог Бёме был в библиотеке, писал какое-то письмо и в сборах тоже не спешил принимать участие.

— С добрым утром, ваша светлость. — Учтивость не удалась, в моем голосе прозвучало больше щемящей нежности.

Муж оторвался от своего занятия, посмотрел на меня. Улыбнулся:

— С добрым утром, герцогиня.

От его улыбки проснулось что-то трепетное. Хрупкий миг искреннего счастья. Я готова была усесться напротив и любоваться ямочками на его щеках.

Легкой походкой вплыла в библиотеку, заставив юбки шуршать, а распущенные волосы развеяться при ходьбе, подошла к мужу со спины, обняла его за шею.

— Чем занимаешься? — спросила, прижимаясь щекой к его уху и заглядывая через плечо.

Ричард отодвинул письмо в сторону и, обхватив мои руки, поднес их к губам.

— Пишу письмо.

— А мне покажешь? — спросила, доверительно положив подбородок ему на плечо.

— А тебе не покажу, — ответил он с доброй интонацией.

— Секреты? Ты ведь понимаешь, что с моим любопытством я скоро все равно все узнаю? — шутливо поинтересовалась я.

Ричард вздохнул:

— Я пишу маме в столицу. Это все-таки довольно личное.

Мне не нужно было повторять дважды. Я дернулась в сторону словно ошпаренная и поспешно выставила руки в примирительном жесте:

— Прости! Прости... я... я не лезу. Пиши... как тебе хочется, в смысле я не смотрю, и вообще, я... я не трогаю твое личное.

Ричард удивленно повернул сначала голову, затем кресло и не менее удивленно посмотрел на свою нервную жену:

— Марита, я...

— Нет, — перебила быстро. — Ты не обязан ничего мне объяснять. Твоя мама. Твое письмо. Это личное, я понимаю. И не лезу. Вот.

— Я рассказываю ей о тебе, — все равно сказал Ричард.

Я застыла.

— Маме? Обо мне? И что ты пишешь?

— Поэтому я не хочу, чтобы ты это читала, — добавил он.

Я опустила глаза, медленно расправила складки платья.

— Надеюсь, ты не станешь ей говорить, что я тебя закидала метательным оружием. Раз уж она знает про драконов.

— Она про них не только знает, когда-то она летала на драконе отца. И я не пишу ничего плохого.

Представить леди Элен верхом на драконе было выше моих сил, поэтому, чтобы отвлечься от забавных картинок, возникших в голове, я спросила:

— А у твоей сестры тоже есть дракон?

— Нет, она не нашла яйца, поэтому родители не посвятили ее в тайну нашей семьи. — Ричард оперся локтями в подлокотники и сложил пальцы домиком. — Это все вопросы?

— Да, — закивала я. — Пойду тоже проведаю маму.

— Хорошо.

Продвигаясь к выходу, не выдержала и сказала:

— Если ты вдруг пишешь, как я тебя ранила, не забудь добавить, что тогда я не знала, кто ты.

— Угу.

— И потом я все равно залечила твои раны.

— Да-да.

— А еще я помогла тебе в проведении спасательной операции, когда напали урки.

— Марита, ты куда-то шла.

— Даже все еще иду. И, кстати, я умею готовить вишневый пирог. Если твоей маме это интересно.

— Вряд ли.

— А еще я смотрю на картины, в том смысле, что я теперь очень люблю искусство.

Ричард вздохнул, отложил перо и подпер щеку кулаком, дожидаясь, пока я выйду.

— Еще что-нибудь?

— Нет, — натянуто улыбнулась. — Уже уйду.

Дверь за мной закрылась ровно на несколько секунд, после чего я поспешно сунула голову в библиотеку и панически прошептала:

— Не пиши про вишневый пирог! Он у меня никогда не получался. Все, все, уйду. Тоже мне муж, даже поговорить с тобой нельзя. Все, ушла, уже ушла!

Мама с Арией занимались новым платьем. Вернее, Ария возилась с модисткой, а мама все контролировала.

Я зашла в комнату и на цыпочках прокралась к родительнице. Села на диван рядом с ней и без лишних слов положила голову ей на плечо.

Ричард подавал хороший пример.

Мои отношения с матушкой нельзя назвать образцовыми, но, узнав, что муж заботится о чувствах своей матери и считает нужным сообщать ей об изменениях в своей жизни, я почувствовала стыд. Мы с мамой не были настолько близки, но все же мне тоже хотелось рассказать ей, как я счастлива.

Вот только открыть рта так и не успела.

— Страсть пройдет, — глядя на хмуриющуюся Арию, тихо и довольно сухо проговорила матушка, даже не спрашивая, с чего бы вдруг я стала проявлять такую нежность. — На первых порах всегда так. Кажется, что это любовь, настоящие чувства. Но скоро ты увидишь, что интерес остывает.

Я грустно посмотрела в пол. Всем детям хочется, чтобы родители всегда их поддерживали.

Моя мама была не такой.

— Я вижу, как он взволновал твое сердце. Но не позволяй ему разбить его.

— Кого? — не поняла Ария. И тут же забыла про свой вопрос, перескочив на более насущную тему: — Мама, мне не нравятся эти банты! Я не пойду на бал в этом кошмарном платье!

— А мне нравится твое платье, — не согласилась я.

— Ты меня услышала? — холодно поинтересовалась матушка, внимательно разглядывая светло-розовое одеяние младшей дочери.

— Да, только партнерские отношения.

Хоть и больно было слышать от нее такие слова, когда душа рвалась встать на защиту Ричарда, я сказала то, что она хотела услышать. И голову с ее плеча не убрала.

Она все же моя мама.

Я часто задумывалась, почему люди совершают плохие поступки. Почему одна женщина строит козни другой, почему мужчины устраивают дуэли, когда кто-то оскорбляет их даму сердца, почему иногда для достижения цели люди не гнушаются даже убийством.

И поняла в какой-то момент.

Когда находишь свое счастье, всеми силами стараешься продлить его, удержать, лишь бы оно никогда не покидало тебя. Твое маленькое счастье. Твой смысл жизни.

Из-за сильного дождя, внезапно обрушившегося на Акторию в последнюю неделю, отменили сразу две гонки подряд. Но нам с Ричардом некогда было переживать.

Мы просто наслаждались друг другом.

Это было похоже на наваждение, будто тебя полностью сметает волна, а ты вроде и хочешь вырваться, барахтаешься, но в конце концов сдаешься — потому что стихия сильнее, да и под водой, оказывается, так уютно. Только дышать тяжело.

Я задыхалась.

Он заставлял меня задыхаться.

Раньше мне казалось, что такие эмоции могут вызвать только гонки или, если брать высокую планку, Недельный залет. Случайный прохожий никогда не сможет понять, почему наездники так стремятся пройти это испытание, за которое, кроме кубка и уважения собратьев, ничего не присуждается.

Все дело в чувствах.

Лететь целую неделю по специальной трассе, без всяких указателей, ориентируясь только на карту, самостоятельно добывая еду и ночлег, — это достойно уважения. Быть победителем — значит быть сильнейшим.

И мне казалось, что этот азарт, адреналин, желание стать лучшей, доказать самой себе, кто я такая, — это все, что мне надо. Но, как выяснилось, чувства могут быть и сильнее.

Особенно когда они взаимны.

Ричард чувствовал это. Чувствовал то же, что и я. Он ничего не говорил, но по его поступкам все было понятно без слов.

Когда мы вернулись в замок, я с удовольствием отметила, что Элина тут больше не живет. А

когда попыталась уточнить у мужа, правда ли, что он ей оставлял синяки во время интимных утех, он недовольно попросил больше никогда ее не вспоминать.

И я, возможно, слишком быстро и слишком наивно, но все же с глубоким умиротворением поняла, что Элины в нашей жизни уже не будет.

Если бы мы с Ричардом не поженились, что предопределило нашу встречу, я бы все равно в него влюбилась. Я бы влюбилась в него на гонках, я бы грезилась Тимом Донгом, отмахиваясь от вопросов Симоны, заверяя ее, что ненавижу этого самовлюбленного наездника. Но я бы не смогла его ненавидеть. А если бы мы встретились на балу — а вдруг? — или в столице, или на благотворительном вечере, или в парке, или случайно перекинулись взглядами на тесной улице, я бы все равно влюбилась без памяти.

Все наездники стремятся к свободе. Такова наша природа. Как только ты оседлал дракона, ты больше не привязан к земле.

Хоть раз вкусив неба, ты уже не сможешь от него отказаться.

Но что, если ты добровольно лишаешь себя свободы? Что, если ты привязываешься к кому-то так сильно, что теряешь кусочек своей личности? Что, если ты просто отдаешь кому-то часть себя?

Так, наверное, иногда бывает: прикрываешь слезящиеся глаза и вдруг остро понимаешь, что если с твоим мужем что-нибудь случится, то никакое небо тебя уже не удержит.

Ты просто не сможешь жить без него.

Мало.

Вот как я могла описать то, что происходило в моей жизни в последнее время.

Мне было мало дней, мало Ричарда, мало счастья. Я, как последняя эгоистка, постоянно желала большего, мне хотелось проводить с мужем каждую свободную секунду.

Я очень боялась все это потерять.

Боялась настолько, что даже переживала, когда Ричард летал на Каре, хотя еще недавно считала его непобедимым наездником. Но ведь даже он не застрахован от случайностей.

Я знала, что счастье не вечно. Что рано или поздно это пройдет. Что невозможно день за днем наслаждаться друг другом так, что от самого тебя не остается ничего.

Я готовилась к пресловутому маминому «вы остынете друг к другу».

Но к этому невозможно подготовиться.

Беда всегда выбирает такой момент, когда ты меньше всего защищен. Когда ты наконец-то вырываешься на гонки, когда ты кокетничаешь с мужем на земле, пытаешься обогнать его в небе, забыв про весь мир. Когда нет ничего важнее, чем скорость, леденящий ветер, твой дракон и адреналин, разгоняющий кровь в организме.

Если я и боялась, то только за Ричарда.

Мы не являлись парой, о которой пишут романы, нас не настигла несчастная, неразделенная любовь. Наша история была бы неинтересна обществу. И это давало мне надежду, что у нас все может закончиться хорошо.

Я думала о многих. О многом.

Только о себе почему-то забыла.

Этой ночью было особенно темно. Небо без луны я никогда не любила. Единственным светом оказалось пламя, вырывающееся из пасти драконов. Стоял туман, хотя он нередок в этих местах, особенно возле земли. Рядом с пиками гор воздух буквально раскалялся, забивая легкие.

Я отстала, потому что Рогатый Дог постоянно меня подрезал, хоть и не причинял видимого вреда. Ричард вырвался вперед. Мне оставалось только с грустью смотреть на его спину, которую я едва-едва могла различить в ночи.

Удар пришел слева.

Это был дракон. Он влетел в нас с такой силой, что Фенька не смог удержать высоту. Его крутануло в сторону. Едва мы сориентировались, как в этот же бок пришелся второй удар, отталкивающий нас дальше с трассы.

Перед глазами поплыло. Я не успела среагировать. А когда головокружение прекратилось и я сумела сфокусировать взгляд на противнике, выпуская первые метательные льдинки, он ответил нам шипами.

Рогатый Дог приказал дракону бить на поражение.

Животное размахнулось хвостом, и в Феньку полетел целый ряд шипов. Они были намного длиннее того, что когда-то вонзился в меня. Шины без труда пробili драконью чешую.

Фенька взвыл. Я согнулась от боли, передавшейся мне через нашу связь.

А затем последовал еще один удар.

Мы с драконом могли думать только о боли, она вызывала утробный вой — и его, и мой, он разносился на многие километры вперед, отражался от скал и затихал в тумане. Мы даже не поняли, когда рухнули на землю.

Фенька не мог лететь. Я не могла думать, слезы катились из глаз — как реакция на нечеловеческую боль. Но я взывала еще громче, когда ногу зажало телом дракона.

Рядом приземлился Рогатый Дог — его очертания с трудом различались в крошечной безжизненной тьме.

Я ничего не понимала. Что происходит? Почему он это делает? За что с нами так? Не понимала ничего, кроме надвигающейся опасности. Больше желая защитить не себя, а Феньку, выставила руки вперед и, когда наездник приблизился, ударила по нему стихией.

Дога прижали к скале ледяные оковы. Его дракон встал на дыбы, и от его воя, смешавшегося с постанываниями Феньки, я не выдержала и захныкала как маленький ребенок, зажмурилась и скривила губы в ужасающей гримасе.

— Освободи меня! — заорал Рогатый Дог.

Я почти ничего не видела, кроме шевелящихся теней, поэтому действовала наугад, исключительно желая защитить своего дракона во что бы то ни стало.

Вскинула руки, создавая вокруг Рогатого Дога плотный ледяной кокон. Слышно было только, как наездник колотит по нему руками, но крики уже стали невнятными.

Дракон, учуяв опасность, двинулся на потенциального врага. Из последних сил пришлось вырастить на его пути острые ледяные пики.

Они задержали бы его на минутку. Возможно, на две.

— Джон? — сначала услышала удар лап о землю. Только потом вопрос.

Это был голос Факса. Кажется.

— Позови Донга, — провыла я, чувствуя, что еще немного и потеряю сознание от боли. Ногу под Фенькой начало сводить. — Позови Донга!

— А что происходит? Я заметил, как ты потерял управление, но...

— Позови Донга!!! — закричала я, отрывая голову от земли и снова падая на твердую поверхность.

— Ладно, я сейчас, — пробормотал наездник.

Только когда услышала свист взмывшего в воздух дракона, ко мне постепенно начало приходить осознание произошедшего. Не имея почти никакой возможности пошевелиться, я могла только вскидывать руки. Вой Феньки и его тяжелое дыхание вызывали дикие приступы паники, но каким-то чудом я начала прерывать связь, чтобы вернуть себе сосредоточенность и возможность управлять стихиями. Это дало нам еще немного времени.

— Марита! — услышала испуганный голос Ричарда. Потом земля сотряслась от веса Кары.

Муж оказался возле меня через секунду.

— Как это произошло? — Его руки зависли надо мной, не зная, то ли прикоснуться, то ли не трогать, чтобы не причинить еще большего вреда.

— Я не знаю, я ему ничего не сделала, я жизнь ему спасла, а он с нами так, — очень хотелось всего лишь всхлипывать в этот момент, но слова я провыла, не прекращая рыданий.

— Тьма!!! — ошарашенно воскликнул Ричард. Видимо, увидел шипы.

— Останови его дракона, — заикаясь, выдавила я, стискивая зубы от боли, — останови, он идет.

— Потерпи чуть-чуть.

Услышала шаги — и человеческие, и драконьи. Потом, кажется, Ричард воспользовался магией, и тьма обхватила шею питомца Рогатого Дога. Прозвучал яростный приказ:

— За мной!

И муж, восседая на Каре, увел от нас опасное животное.

Мне же оставалось только всхлипывать, закрывать связь между собой и Фенькой, сосредоточившись на боли в ноге, лишь бы не слышать приглушенных криков Дога, заключенного в ледяной кокон.

— Все будет хорошо, дружок, — жалостливо проговорила я, с трудом дотянувшись до голубоватой чешуи, — все должно быть хорошо. Это же наша история. Она должна хорошо закончиться.

Ричард вернулся через недолгий промежуток времени.

Почти сразу же Кара схватила зубами седло Феньки, приподнимая дракона над землей. Руки мужа потянули меня, вытаскивая из-под ужасающей тяжести.

— Ты в порядке? Ты ранена? — быстро спросил он, ощупывая меня с ног до головы.

Только после того как убедился, что я жива и относительно невредима, прижал к себе. У меня тряслись руки. Дрожали губы. Я разрыдалась у мужа на плече.

— Он его убил, эти шипы убьют его, — выла, почти не соображая, что именно говорю.

— Марита, никто не умрет, слышишь?

— За что он так, за что так жестоко? — не укладывалось у меня в голове.

— Послушай, Кара не сможет поднять Феньку, он для нее слишком тяжелый. Я должен слетать за Сил, она сумеет его перенести. Это займет минут десять. Ты справишься?

— Ты меня оставляешь? — всхлипнула я и разрыдалась по новой.

— Я слетаю за Сил, чтобы она помогла Феньке.

— Ты ему поможешь?

— Да, помогу, — объятия Ричарда стали еще крепче. — Ты побудешь с Фенькой?

— Тут этот, — выдавила, срываясь на гнусавый хрип.

— Я уже окружил его тьмой, он не вырвется. Ты справишься, Марита? — сменив тон с успокаивающего на жесткий, спросил Ричард.

— Да, да, — закивала судорожно, — только помоги ему.

— Я помогу, — пообещал муж и, оторвав меня от себя, вскочил на ноги, запрыгнул на Кару и взмыл в воздух.

А я прижалась к уже не воющему, но с трудом дышащему Феньке.

И вернула связь, не переставая плакать от раздирающей душу боли.

Это мне за то, что я когда-то заставила дракона переживать свою лихорадку и три дня метаться в бреду вместе со мной. Это за то, что случайно закрылась от него и заставила изнывать от страха за мою жизнь. Это мне за то, что не уследила. Не спасла.

— Фенечка, если ты вдруг увидишь апельсиновый сад, слушай мой голос. Я рядом, дружок, — шептала из последних сил, перемежая слова с отчаянными всхлипами. — Не уходи от меня. Не нюхай апельсины. Ими пахнет смерть. Слушай мой голос. Только не уходи.

Какая же я слабая, глупая, беспомощная. Доказывала самой себе, что могу быть смелой и участвовать в соревнованиях наравне с настоящими мужиками.

Если бы не Ричард, я давно бы уже была мертва.

Мы с Фенькой были бы мертвы.

Осознав это, я заплакала с таким отчаянием, что из горла вырвался жалостливый полустон-полувовай.

А если бы все сложилось по-другому? Что, если бы наши отцы остались живы и расторгли заключенный договор? Что, если бы Ричард не был наездником? Что, если бы я никогда его не встретила?

Что, если бы...

Что, если бы.

Чем дальше мы отлетали от места катастрофы, тем больше ослабевала моя магия. Я чувствовала, что уже не могу ее контролировать, а значит, разбить лед теперь станет просто. С Рогатым Догом остался Факс, который должен был доставить наездника в Буклон.

Но...

Я в сотый раз проверила веревку, которой мы привязали Феньку к Сил, и крепления, которыми соединили их седла.

— Не дергайся, осталось немного, — с трудом различила настойчивый голос Ричарда, прерывающийся из-за порывов ветра.

Зло посмотрела на его напряженную спину и спросила резко:

— А если он не дотянет?

— Дотянет, куда денется, — сказал как отрезал муж.

— Я верну связь, чтобы проверить, как он! — проорала сквозь ветер.

— Даже не думай об этом, мы почти на месте!

Ричард с трудом заставил меня прервать нашу связь, заметив, как я корчусь от боли рядом с Фенькой. Наверное, я бы тоже пришла в ужас, увидев его в таком состоянии.

Но...

Мы начали спускаться. Ричард внимательно контролировал Сил, чтобы она бережно уложила Феньку на землю. Я же, поняв, что процесс затянется, первой прыгнула с огромного дракона, но несколько не рассчитала размеров Сил. Нет, я знала, что она большая, но не думала, что настолько. Пролетев несколько метров, не смогла нормально приземлиться и, после того как

ноги подкосились, упала лицом в траву.

— Марита? — встревоженно позвал Ричард.

— Я в порядке, не отвлекайся. — Поспешно отползла от Сил. Резкие порывы ветра от ее крыльев придавили к земле. Оказавшись на безопасном расстоянии, усиленно потерла ушибленную ногу. Ричард меня убьет.

Как только Фенька лег на землю, я тут же поковыляла к нему.

— Что с ногой?! — заметил муж, и его грозный вопрос разнесся по всей низменности.

А мы были именно там.

Та самая поляна, где обитала Сил. Почему он привез нас сюда?

— Ее Фенька придавил! — огрызнулась, падая на колени рядом со своим драконом.

— Сможешь отцепить крепления с его седла? — все еще находясь в воздухе, крикнул Ричард.

Я кивнула и принялась за работу. Руки тряслись, поэтому тросы ходили ходуном.

— У тебя нож есть? — разозлилась от собственной беспомощности и спросила, задрав голову.

В следующую секунду в землю вошло острое холодного оружия. В нескольких сантиметрах от моей ноги. Воскликнуть: «Ты с ума сошел, а если бы в меня?!» — не стала. Он бы в меня не попал.

Это же Тим Донг.

Судорожно разрезала все тросы и веревки, скрепляющие Феньку с Сил. Мне казалось, что теперь муж посадит своего дракона и скажет, зачем мы вообще сюда прилетели и как помочь Феньке.

Но...

Ричард крикнул:

— Я слетаю в Буклон и проверю, что там с Рогатым Догом. Оставайся тут и ничего не бойся!

Сил с необычайной силой взмахнула крыльями, в одно мгновение поднялась в небо и скрылась среди темных облаков.

Я даже сообразить ничего не успела. А когда сообразила, панически воскликнула:

— Ричард, нет! Ты что! Нет! Не оставляй меня!

Но было уже поздно.

Мы остались одни в пустынной, промозглой местности: я, Фенька и Кара, медленно приближающаяся к нам. Я неверяще уставилась на свои трясущиеся руки. Приложила их к вздымающемуся брюху Феньки и почувствовала, как слезы, которые уже давным-давно кончились, брызнули из глаз с новой силой.

— Он что, оставил нас? Вот так взял и оставил?

Мой вопрос не был направлен в пустоту. Я посмотрела на Кару, которая присела рядом с нами.

— Р-ра-а, — успокаивающе рыкнула та. Или мне показалось, что успокаивающе?

— Твой хозяин вообще хороший человек? — вдруг холодно спросила я.

Стиснула зубы, неожиданно понимая, что, похоже, вновь выстроила вокруг себя сказочную реальность, где Ричард Бёме был внимательным, заботливым мужем.

— Р-ра-а! — прикрикнул дракон. Или показалось, что прикрикнул? Фенькины интонации я всегда разбирала, а тут...

Отвела взгляд от шипов, поскольку не могла больше смотреть на то, что убивает моего лучшего друга, без которого я просто не представляла себе жизни.

— Можешь сказать Ричарду, что мне жаль. Я без Феньки просто не выживу. Так что если он найдет тут мой труп, это его вина. Он обещал, что поможет, а вместе этого просто взял и...

— Р-р-р-ра-а-а-а!!!

Яростное рычание Кары было настолько оглушительным, что я инстинктивно припала к земле, укрываясь от опасности.

Тяжело дыша, пыталась прийти в себя несколько мгновений, затем приподнялась на руках и только теперь обратила внимание, что с поляной что-то не так.

Трава покрылась белоснежным инеем. Пришлось моргнуть несколько раз, чтобы убедиться: это реально. Иней слегка светился. Он напоминал мурашки, которыми покрывается кожа, когда становится холодно.

Я недоуменно провела ладонью по траве, но белоснежная россыпь никуда не исчезла, словно ее вообще не было.

Заметив непонятное движение, поспешно повернула голову и едва не вскрикнула, увидев, что на Феньке кто-то сидит.

— Кыш, кыш! — попыталась согнать то ли мошку, то ли бабочку, но та, взлетев в воздух и сделав несколько кругов, снова уселась на моего дракона.

Уселась она в прямом смысле. У нее были ноги.

— Что за черт? — вырвалось непроизвольно.

Внезапно кое-что вспомнилось.

Софи как-то раз сунула мне рисунок, на котором она нарисовала... это. Именно то, что сейчас сидело на Феньке. Она сказала, что это фея.

Я ошарашенно пялилась, не зная, что мне делать и как реагировать. После того, что пришлось пережить этой ночью, после страха, после всей боли, которая раздирала изнутри, мне казалось, что чувства притупились. Голова соображала слабо. Ей было тяжело воспринимать и

ужас от потери лучшего друга, и происходящее перед глазами чудо одинаково адекватно.

Наверное, именно поэтому я как-то сразу приняла на веру, что это может быть фея. Что мне не мерещится.

Осторожно протянула руку. Трогать не стала. Дала ей возможность самой выбирать — идти ко мне или нет. Она не пошла. Зашевелила широкими крыльями, похожими на крылья бабочек, и взмыла в воздух.

Да-да, Софи их рисовала именно такими. Маленькие человечки с тоненькими вытянутыми ногами, серебристой кожей, огромными черными глазами, заостренными ушками и белоснежным пушком волос на голове.

Я проследила за феей восторженным взглядом, а потом испуганно вздрогнула, когда увидела, сколько их собралось на этой поляне.

Софи заплакала бы от счастья, узнав, что серебристые феи не единственные в этом мире. Есть еще те, у которых кожа полностью черная, точно смола. Есть красные феи. Есть с почти прозрачной кожей.

Я как-то сразу сообразила, что это разделение на четыре стихии.

Феи, которые принадлежали к моей стихии, окружили Феньку и принялись осыпать его чем-то очень похожим на сахарный порошок.

— Вы чего делаете? — насторожилась я, испугавшись, что они решили забрать его в мир иной. Но на мое восклицание никто не обратил внимания. Заметив, что ничего плохого не происходит, я немного успокоилась.

Остальные маленькие человечки кружили по поляне, и она будто бы преображалась: иней на траве освещал низменность блеклым светом, жилки листьев тоже озарялись зеленоватым свечением, ветра не было вовсе, словно поляну окружал кокон. Стало заметно теплее.

Кара пыталась разогнать лапой фей, которые принадлежали к темной стихии. Я даже улыбнулась против воли, понаблюдав за ней несколько мгновений. А затем услышала мягкое:

— Почему-то нам очень легко поверить в чудо, да?

Я обернулась. Ричард стоял чуть поодаль. За ним возле небольшого возвышения разлеглась Сил, явно пытаясь согреться на теплой траве.

Странно. Даже не услышала, как они приземлились.

— Я думаю, это потому, что у нас есть драконы, — продолжил муж, медленно приближаясь. — Сама подумай, весь мир не верит, только мы верим в то, что они добрые и преданные. После такого и феи не выглядят бредом сумасшедшего.

Ричард подошел и опустился на землю рядом со мной.

— Они помогут Феньке, — добавил он, разглядывая мое лицо. — Однажды они вытащили Сил чуть ли не с того света. Лапу только вернуть не удалось, но зато она жива.

Я рассеянно поглядела на светящийся серебристым светом порошок, который сыпался на Феньку.

— Марита? — обеспокоенно позвал Ричард. — Почему ты молчишь? Ты ведь не думала, что я бросил тебя?

— Нет, — соврала я, опустив глаза. — А что с твоими руками?

Недоуменно обхватила его ладонь и приподняла, чтобы лучше рассмотреть. Костяшки пальцев оказались разбиты до крови. Этого точно не было, когда он улетал отсюда.

— Да на гонках кто-то пытался подрезать, не важно. — Муж вяло махнул свободной рукой.

— Но... — только начала говорить, как вдруг огромная морда Кары сунулась к нам поверх плеча Ричарда.

— Когда ты успела соскучиться? — хмыкнул он, обнимая ее за массивную шею. Вытащил из кармана кусок хлеба, сунул ей под нос и попросил при этом: — Иди к маме, она сегодня полетала, так что настроение у нее хорошее.

Кара недовольно засопела, но, видимо получив какой-то мысленный приказ, убрала морду от хозяина и с крайне оскорбленным видом оставила нас.

— Ты давно знаешь? — спросила тихо, когда поняла, что пауза между нами затянулась. — В смысле, про фей.

— С самого рождения. — И на мой удивленный взгляд пояснил: — Эту поляну нашел отец.

— Поэтому он не давал строить фабрики в герцогстве? — догадалась я.

— Да, он расформировал присоединенные города, чтобы они не уничтожили природу. — Ричард задумчиво посмотрел на кружащих над нами человечков. — Она вообще была создана не для нас, а для них.

— Но ты ведь не тронешь Буклон? Там же столько людей имеют свои дома, работу, да и организаторы гонок руководят всем оттуда.

— Марита, города расформировывал мой отец, а не я, — с доброй улыбкой сказал муж.

— Но мне на занятиях по истории говорили, что... — Я смущенно поерзала.

Ричард покачал головой:

— Отец столкнулся с огромным количеством бунтов рабочих, так что я по его пути не пошел. Главное то, что эти места защищены. Присоединенные территории я не трогаю.

— Разумно, — только и сказала в ответ.

— Пойдем, я тебе кое-что покажу, — неожиданно попросил Ричард. Взял меня за руку и потянул за собой, призывая встать.

— Стой, а как же Фенька?

— Мы недалеко и ненадолго, а он в надежных руках. — И, видя, что я все еще сомневаюсь, добавил: — Ты ему сейчас ничем не сможешь.

— Куда ты меня ведешь? — спросила, когда муж потащил меня в сторону холма, где обитала

Сил.

— Ты все увидишь, — отстраненно отозвался он.

Мы приблизились к темному углублению. Постояв на пороге, Ричард потащил меня внутрь.

— Стой, ты что, тут же живет Сил, — зашипела я, попыталась остановиться, но споткнулась и налетела на спину мужчины.

— Смотри. — Поддерживая меня под локти, он помог мне выпрямиться и кивком головы указал на пространство перед собой.

Почему-то я была уверена, что внутри этого холма будет как в горной пещере — холодно, сыро, темно. Но действительность заставила ошарашенно застыть. К одной из стен примыкал колодец, огороженный каменной кладкой. Ее увивали зеленые растения. Вода переливалась всеми цветами радуги, и блики плясали по неровным стенам.

Ричард подтолкнул меня вперед, и чем ближе мы подходили к колодцу, тем сильнее становилось мое удивление. Неожиданно с тихим бульканьем из углубления вырвалась серебристая феечка с голубоватым драконьим яйцом в руках.

— Ты спрашивала, откуда берутся драконы, — тихо сказал Ричард. — Вот отсюда.

Я удивленно приоткрыла рот.

— А там они откуда? — выдавила с легкой хрипотцой, потому что горло пересохло.

— Не знаю, если честно. Но можешь сплавать, проверить.

— Нет уж, спасибо, — не разделила его веселья. Осторожно сделала шаг ближе и заглянула в колодец. Хоть вода и была прозрачной, но дно совсем не проглядывалось.

— Феи приносят драконьи яйца? — повторила скорее для себя, просто чтобы осознать.

— Да. Они подкидывают их людям. Тем, кто этого достоин. У кого доброе сердце и кто не попытается уничтожить яйцо.

— Но если они так избирательны, почему люди до сих пор уничтожают драконов?

— Ну, я думаю, феи тоже не застрахованы от ошибок. К тому же это всадники верят в то, что драконы хорошие. Обычные люди — нет. В смысле не все.

Я нахмурилась, разглядывая небольшие круги на переливающейся воде, а затем ошарашенно выдохнула и резко посмотрела на Ричарда:

— Софи!

Тот пояснений не потребовал, просто кивнул.

— Ты думаешь, у нее уже есть дракон?

— Уверен почти на сто процентов.

— Она нарисовала одну из фей, и драконов тоже постоянно рисует, а я не догадалась, —

виновато покачала головой.

— Тебе нужно будет поговорить с ней, выяснить, где она его прячет. Рассказать, с какими трудностями столкнется. Ты теперь хранитель знаний, начиная с тебя в вашем роду появились драконы, — тихо проговорил муж.

— В нашем роду, — не согласилась я. — Я ведь теперь Бёме.

— Да. — Ричард улыбнулся и притянул меня к себе. — Ты теперь Бёме.

— А кто еще знает про это место? — спросила, теснее прижимаясь к мужу.

— Только я и мама. И ты. Надеюсь, понимаешь, что распространяться об этом не стоит, даже среди наездников? Феи сами раскрываются перед человеком, если считают его достойным.

— Мама, ты и я? — уточнила недоверчиво. И, прежде чем успела сообразить, насколько опрометчиво поступаю, спросила: — И больше никто? Ее ты сюда не приводил?

Если судить объективно, то это должно было рано или поздно произойти. Я бы долго так не протянула: узнать одну часть истории и каждый раз подавлять в себе любопытство и желание узнать другую часть, лишь бы не задеть чувства дорогого тебе человека. Но у меня тоже были чувства. И сегодня они эгоистичным образом стали важнее.

Я испуганно прижала ладонь ко рту, оторвалась от Ричарда. В замешательстве взглянула на него, пытаясь подобрать нужные слова, чтобы соскользнуть с темы «про нее». Сделать это было просто, я ведь не уточняла, про кого именно говорю.

Но Ричард все прекрасно понял.

Стоило мне открыть рот, как он перебил:

— Ровно восемь дней.

Я растерянно моргнула:

— Что?

— Ты продержалась ровно восемь дней, — пояснил он. — Честно говоря, думал, что спросишь раньше.

Впервые за долгое время почувствовала себя очень глупо. На его слова трудно было подобрать ответ, поэтому я продолжала стоять в странном оцепенении и самозабвенно разглядывала воду. Игры света завораживали, погружали в прекрасное забытие, где все было так безмятежно, что ни одна душа не могла почувствовать боли. Из транса вывел спокойный голос мужа:

— Мия не была наездницей, поэтому ей не стоило знать об этом месте.

Почему-то я не сомневалась, что ее имя будет созвучно «Майе», про которую постоянно твердил Роберт.

— Ты... ты не обязан мне рассказывать, — пробормотала, пнув камешек. Тот врезался в ограду колодца с таким громким звуком, что мне стало стыдно.

— Знаю, — кивнул муж. И тоже пнул камешек. — Вождь племени урков был одним из организаторов гонок за морем. Мы с Сил раньше летали там. Там же и познакомились с дочерью вождя.

Я решила посмотреть на герцога. Он выглядел собранным, сосредоточенным, но никак не убитым горем, не скорбящим. Даже тьма не проявила себя на его спокойном лице.

— Я искал способ расторгнуть договор о нашей свадьбе, потому что хотел жениться на ней. Хотя это, наверное, очевидно, — чуть быстрее, чем следовало, добавил Ричард.

— Нет-нет, говори, — поспешно попросила, заметив его виноватый взгляд. — Сегодня меня чуть не убили, уж слова о твоей бывшей невесте я переживу.

Улыбнулась как-то неловко, сконфуженно. Не получалось у меня нормально вести откровенные разговоры. Понимая, что сказала глупость, добавила уже тише:

— Я хочу, чтобы ты был честен со мной.

— Я сделал ей предложение, — сухо сказал Ричард, не сводя с меня пристального взгляда.

Наступил странный момент, когда мысленно пришлось сотню раз обругать себя за собственные слова, а внешне постараться выглядеть доброй и учливой, еще и спросить ободряющим голосом:

— И что было дальше? — Я машинально прикусила нижнюю губу, наморщила лоб, после чего шутливым тоном поинтересовалась: — Ты на ней женился? Я спрашиваю просто потому, что у тебя может оказаться две жены, а это запрещено законом. Если бы мы жили где-нибудь... не знаю... у кочевников? Или, может, на юге, то там вроде бы разрешены гаремы, и...

— Я не женился, — перебил он, так и не прекратив меня разглядывать. — Я пообещал ей, что найду способ расторгнуть навязанный брак. Мы назначили дату свадьбы, но в этот день она сбежала со своим любовником.

Я готовилась к любому ужасающему продолжению этой истории, но только не к такому.

— Что? — ошарашенно выдохнула.

— Я тоже не понял, в чем смысл ее поступка, — хмыкнул Ричард, заметив мое замешательство. — Если бы я оказался на ее месте, то сначала вышел бы замуж за герцога, получил бы кучу денег и уже потом сбежал бы с любовником. Но, честно говоря, не хочу копаться в мотивах ее поступков. Может, ей противно было, может, что еще. Опустим этот момент, ладно?

— Ладно, — выдохнула я, теперь уже шокированная не действиями его бывшей невесты, а тем, с какой простой интонацией об этом рассуждает Ричард.

— Она ладилась с Сил, — сказал он так, словно вставил незначительную ремарку, а затем продолжил: — Они оседлали ее и, прихватив фамильные драгоценности, попытались сбежать... куда-то. Но попали в бурю. Мия, конечно, идиотка, вместо того чтобы развернуть дракона, которым не умеет управлять, решила лететь дальше. И угробила всех.

— Все погибли? — уточнила тихо.

— Да, все, кроме Сил. Мм... забыл сказать, что Мия была беременна. Не уверен, что от меня, но на ее совести все-таки три смерти.

Ричард понаблюдал, как я молча перевариваю его слова, затем не выдержал и присел на каменный бортик колодца.

Я продолжала стоять.

— Мия была дочерью вождя урков? — уточнила после минутной паузы. Дождалась кивка. — То есть поэтому они нападают?

— Думают, что это я ее убил, и мстят мне, — подтвердил Ричард. И добавил тише: — Вождь думает.

— Но ты... не пробовал как-то объяснить ситуацию? Из-за них ведь страдают невинные люди.

Я, наверное, была наивной дурочкой, если так просто поверила рассказу мужа, хотя это свидетельство только одной стороны, участвующей в конфликте.

Тем не менее я была на его стороне. И, скорее всего, даже если вдруг окажется, что Мию оклеветали, я все равно буду поддерживать Ричарда. Я его жена. По-другому просто не может быть.

— Марита, ты правда думаешь, что я не пытался? — выгнул он бровь.

— Ну...

— Само собой, я пытался поговорить, пытался даже не отвечать агрессией на агрессию. Все без толку, они не хотят слушать.

— Но так ведь не может долго продолжаться, это же как неофициальное объявление войны...

— Послушай, — вздохнул Ричард, — я разберусь. Сейчас тебя должны волновать Фенька и его выздоровление. Не загружай голову лишними проблемами.

— Но ведь тогда ты загрузишь свою, — воспротивилась я. Присела рядом с ним и сказала уверенно: — Хочешь, я поговорю с вождем урков? Я отлично нахожу общий язык с людьми.

Ричард посмотрел на меня как на ненормальную.

— Забудь об этом, — отрезал он. И прежде чем последовало мое строптивное высказывание, добавил: — Тебе сейчас важно быть рядом с Фенькой. Очень важно, — настойчиво выделил эти слова. — Ты даже не представляешь, насколько легко потерять доверие дракона. Хочешь, чтобы он отгородился от тебя так же, как от меня отгородилась Сил?

— Нет, но не думаю, что...

— Она была совсем другой, Марита, — перебил он довольно резко. Смотрел при этом прямо в глаза. Мне стало не по себе. — Если бы ты увидела ее прежней, ты бы влюбилась с первого взгляда. Она была... лучше всех. Она... — Ричард не мог подобрать нужных слов, поэтому просто взмахнул рукой, выражая свои эмоции. — Представь, что тебе руку отрезали и придется ходить так всю оставшуюся жизнь. Это я подпустил к ней Мию, это моя вина, что Сил чуть не погибла в ту ночь, теперь она меня ненавидит, и мне приходится жить с этой отрубленной рукой. Ты что, хочешь так же мучиться с Фенькой?

Я застыла на мгновение, удивленно всматриваясь в лицо мужа. Нет, на нем не проступили боль, отчаяние, злость. Это было похоже на вину и вместе с тем — смирение.

Он пережил эту грустную часть своей жизни. И пытался жить дальше. Просто для меня не хочет такой же участи, слишком тяжела эта ноша.

— Ты так на меня смотришь, как будто я привидение, — слегка улыбнувшись, заметил муж.

— У меня просто такое чувство, что ты не прав, — сказала я и заставила его удивленно поднять брови.

— В чем же?

Вздыхнув, доверительно положила голову ему на плечо. Посмотрела в пол, вспоминая, как Сил передала мне свою ненависть к Мие и часть воспоминаний о той ночи. Я хорошо запомнила ее эмоции.

— Мне кажется, Сил тебя не ненавидит, Ричард. Она тебя любит. — И добавила тихо, прекрасно понимая, что сейчас самый подходящий момент: — Мы обе тебя любим.

У следователя были усики.

Они уже давно вышли из моды и выглядели даже забавнее, чем лощеные бакенбарды. Грозный мужчина напоминал человека, застрявшего в прошлом веке. Симпатии он не вызывал. Особенно неприятным показался его цепкий взгляд.

— Меня зовут Роберт Тиль, я заведу Канцелярией особо тяжких преступлений при его величестве. Прежде чем перенаправить преступника в столичную тюрьму, я вынужден составить протокол и взять ваши показания.

Я медленно кивнула и осторожно расправила складки платья.

— Вы хорошо себя чувствуете, миледи? — насторожился господин Тиль. — Может быть, водички?

— Все хорошо, благодарю, — покачала головой.

Посмотрела на огромную стоику бумаг на его столе. Перевела взгляд на шкаф. С полок выглядывали неровно сложенные листы. Голова немного кружилась.

— Вы сможете описать, что произошло в ту ночь?

— Конечно, — слегка кивнула. — Я шла по Ринвер-стрит...

— Сколько было времени? — тут же вклинился следователь, что-то черкая на бумажке.

— Не знаю. Была ночь.

— Что вы делали ночью в Буклоне? — насторожился он.

— Следила за своим мужем, — ответила сухо. — Пожалуйста, не вносите это в протокол. Я чувствую себя неуютно, поскольку информация может просочиться за пределы этих комнат.

— Простите, но это слова свидетеля, на их основе ведется суд, и...

— Тогда я вынуждена прервать нашу беседу, — оборвала его на полуслове.

— Хорошо, — недовольно вздохнул Роберт Тиль и отложил бумагу. Встал и совсем не в джентльменской манере уселся на краешек стола. — Почему вы следили за мужем?

— Подозревала его в измене.

— Вы поймали его с поличным?

— Нет, он посещал петушинные бои.

— Что было дальше?

— Я возвращалась к кучеру, когда произошло... это. — Мне с трудом удалось сохранить выдержку.

Господин Тиль прищурился, изучая меня, словно подопытную крысу.

— Что он с вами сделал?

— Ничего. Мне повезло, в это же время муж проходил той же дорогой.

— Занятое совпадение.

— Вы правы. Я мало что запомнила о той ночи. От вида крови мне стало плохо, и я упала в обморок, а очнулась уже в родном замке.

— Как вы думаете, почему он напал на вас?

— Я думала, вы здесь именно для того, чтобы узнать.

Роберт хотел что-то сказать, но вдруг нахмурился и спросил обеспокоенно:

— Миледи, вам плохо?

Я прижала руку к горлу и выдавила:

— Простите, у вас нету... чего-нибудь...

Договорить так и не смогла. Панически оглядела комнату и сама поняла, что приемлемого — нет. Поэтому вскочила на ноги, подбежала к декоративной вазе и склонилась над ней. Меня тошнило.

— Боже милостивый, какой конфуз, — виновато проговорила, когда немного отпустило.

— Ничего страшного, миледи. На допросах и не такое случается. — Роберт сохранял железную выдержку.

— Прошу прощения, мы возместим все убытки. Надеюсь, вы не станете настаивать на продолжении разговора? — ухватилась за подвернувшуюся возможность сбежать.

— Конечно, не смею вас больше задерживать, — поспешно закивал господин Тиль. — Ваш муж сейчас в приемной.

— Благодарю. Еще раз прошу прощения.

С искренним вздохом облегчения покинула комнату следователя. Но как только оказалась в коридоре, направилась в противоположную сторону от того места, где меня ждал муж. У Буклона не было достаточного финансирования, чтобы строить множество разных зданий для похожих нужд. Тюрьма соединялась с отделом расследований всего лишь длинным переходом.

Ричарду не обязательно было знать, что я собиралась сделать.

В темнице оказалось очень, очень холодно. Я шла медленно, обхватив себя руками, чтобы хоть немного остановить эту дикую дрожь. Мне должно было стать страшно, инстинкт самосохранения должен был остановить меня. Но страха не было. Во мне как будто вообще ничего не было.

Я делала шаг за шагом, слегка опираясь на стену, чтобы спуститься по неровным каменным ступенькам.

— Миледи, я могу чем-нибудь помочь?

— Просто идите, — ответила сухо.

Стражник ударил по рукам какого-то заключенного, с любопытством припавшего к решетке камеры.

Я двигалась дальше, словно ничего не происходило. Последние несколько часов Ричард только и слышал от меня, что я в порядке.

Вот только страха не было.

Не было понимания того, на что я решилась. Я даже не могла разобрать, что бормочут узники, потому что не слушала их. Не из-за того, что не хотела. Просто не могла. Внимание сосредоточилось исключительно на предстоящей встрече, поэтому думать о чем-то еще было выше моих сил. Я не замечала ничего вокруг, не обращала внимания на вонь, не слушала вразумительные речи стражника.

Я была не в порядке.

— Он здесь. Прошу вас, будьте осторожны, — хмуро сказал грузный мужчина, проводивший меня до нужной камеры.

Пришлось вынырнуть из собственных мыслей.

— Спасибо. Возьмите. Как и договаривались. — Я отсыпала в протянутую ладонь несколько монет. — Подождите меня у выхода, прошу вас.

— Конечно, миледи, — поспешно поклонился стражник.

Обычно опасных преступников сажали не просто в одиночные камеры, но еще и в отгороженные от реального мира плотной железной дверью с небольшим решетчатым окошком.

К сожалению, у Рогатого Дога камера была стандартной.

— Пришла попрощаться? — услышала сиплый голос мужчины.

Он говорил гнусаво и постоянно шмыгал носом. Дог не плакал. Он простыл. В таком холоде... неудивительно.

— Нет, — ответила спокойно, не сводя с него пристального взгляда.

Я прекрасно могла разглядеть наездника, несмотря на единственный факел, висящий у выхода с нижнего этажа.

Дога знатно потрепало. Кто-то стащил у него обувь, ступни кровоточили от небольших ранок. На лице кровоподтеки. Когда-то жилистый мужчина сейчас сидел согнувшись в три погибели и разговаривал со мной, слегка приподняв голову. Похоже, шевелиться ему было слишком больно.

Увидев его в таком состоянии, я почувствовала удовлетворение.

— Приговор уже вынесли? — спросил Дог.

— Нет.

Он едва повернул голову, зыркнул на меня так, словно я была мясом на вертеле. И хотя Рогатый Дог находился за решеткой, а я в любой момент могла развернуться и сбежать, ужас напал именно на меня. Потому что, какое бы расстояние нас ни разделяло, я все равно оказалась беспомощной перед убийцей.

— Кто бы мог подумать, что ты герцогиня, — выплюнул он титул, словно ругательство.

— Да.

— У меня не было шансов, — покачал он головой и зашипел от боли.

— Да, — сказала, не вполне понимая, о чем он.

— Меня казнят? — Его голос окончательно охрип.

— Да.

Рогатый Дог уставился на пол. Мужчина дышал тяжело, прерывисто, но смотрел внимательно, так ни разу и не моргнув.

— Когда я умру, мой дракон тоже умрет.

— Да, — сказала я холодно.

— Кто-то должен быть рядом с ним. — Дог приподнял голову, посмотрел на меня в упор. Его взгляд прожигал насквозь. — Я хочу, чтобы кто-то хороший оказался рядом с ним. Чтобы он ушел с миром.

Я не двигалась. От холода онемели кончики пальцев, но я продолжала стоять, будто меня приморозили к полу. И смотрела. Смотрела в глаза своего неудавшегося убийцы.

— Нет, — ответила почти сразу, не тратя лишнее время на раздумья.

— Пожалуйста, — прошептал Рогатый Дог, опуская голову. — Он же умрет в одиночестве. Он будет корчиться от боли.

— Надо было подумать об этом прежде, чем пытаться меня убить, — процедила сквозь зубы.

— Что ты несешь? Я не пытался тебя убить. — Он, наверное, хотел это выкрикнуть, но закашлялся и выговорил так, словно находился при смерти.

— Поэтому ты ранил Феньку? Поэтому ты опрокинул нас на скалу? Поэтому натравил своего дракона? — У меня задрожала нижняя губа. Пришлось стиснуть кулаки, чтобы вернуть себе самообладание.

— Нет, нет, нет, — затараторил он с удивительной прытью, хоть голос и звучал очень тихо. — Нет! Я бы никогда, никогда!

— Ты пытался меня убить, — холодно сказала, чувствуя удовольствие от того, что могу причинить ему боль этими словами.

— Я не хотел тебя убивать, я тебя любил, — прохрипел он.

Тут моей выдержки не хватило. Я сделала шаг ближе и с ненавистью выдавила:

— Я спасла тебе жизнь, ничего — ничего! — не попросив взамен. А ты. Хотел. Меня. Убить.

— Нет, нет! — взвыл он от боли, видимо, попытавшись пошевелиться.

И если до этого мужчина сидел, прижав к себе колени, то теперь завалился на бок и припал щекой к холодному полу.

— Ты любишь своего герцога? — зашептал он. — Любовь не бывает одна на всю жизнь. Любви много. Любят много, много, много раз. Я любил семь раз, я люблю тебя, ты восьмая. Я. Тебя. Люблю.

Пришлось закусить губу, чтобы он не услышал моего судорожного вздоха.

Я не выдержала. Отвернулась. Стоя к нему спиной, подняла руки и поняла, что пальцы не слушаются. Дрожат так, словно это я кого-то убила. Внутри разгорались ярость, отчаяние, страх. Медленно приходило осознание случившегося.

Волна неизбежности происходящего захлестнула с головой. Показалось на секунду, что я действительно нахожусь под водой и у меня нет ни единого шанса вырваться на поверхность, глотнуть хоть немного свежего воздуха. Будто вокруг всегда будут только эта удушающая вонь и боль, которая расплзается по всему телу. Боль других семи девушек.

Не выдержав, я согнулась пополам, открыла рот и заорала беззвучно. Из горла вырвался лишь сиплый выдох. Так должен был подумать психопат, сидящий позади меня.

На самом деле я выплескивала отчаяние.

Спустя несколько мгновений стиснула зубы, вытерла костяшками трясущихся пальцев слезы под глазами и повернулась к Рогатому Догу.

— Ты убил их всех, — сказала ему ледяным голосом.

— Я не убивал! Я их любил! — яростно заорал он и застонал хрипло, надрывно.

— Ты их убил, — повторила, хоть и понимала, что это бесполезно.

Рогатый Дог родился психопатом.

Он прекрасно адаптировался в мире, был отличным товарищем, хорошим наездником, шутил и ругался так же, как и все мы. Он прекрасно нас копировал.

И сделался убийцей. Так он понимал любовь.

Уходя, я приложила ладони к ушам, чтобы не слышать его отчаянного стога:

— Я их любил! Любил! Я их любил!

Уже схватившись за ручку двери, вдруг вздрогнула, когда он особенно надрывно воскликнул:

— Джон!!! — Не хотела останавливаться, но ноги словно налились свинцом и вросли в землю. — Джон! Забери эти апельсины! Зачем ты их принесла?! Забери! Я ненавижу апельсины!

Он захныкал, поняв, что я не вернусь.

Не знаю, каким чудом умудрилась все-таки открыть эту чертову дверь. Вышла за порог темницы, увидела стражника, терпеливо ожидающего возле лестницы.

— Вы в порядке, миледи? — услышала его обеспокоенный голос.

После чего согнулась пополам, чувствуя лишь невероятное омерзение.

Меня снова стошнило.

Я говорила Ричарду, что все хорошо. Улыбалась ему тепло, нежно. Обнимала его. Смеялась над его шутками. Я заверяла, что в порядке.

Но я была не в порядке.

Ричард ворвался в ванную как раз тогда, когда сознание медленно начинало ко мне возвращаться. Сквозь пелену прорвался испуганный голос Эрты:

— Я зашла, чтобы потереть ей спину, милорд! А она лежит на полу! Я так испугалась!

— Мм, — болезненно застонала я, поморщившись от надрывных ноток в интонации женщины.

— Марита! — Ричард присел рядом, приложил руку ко лбу, пощупал пульс на шее. — Дорогая, что случилось? — Он волновался, а я ведь так долго добивалась, чтобы он не смел переживать!

— Все хорошо, — прошептала с трудом.

Муж перевернул меня на спину, схватил полотенце и прикрыл мое обнаженное тело.

— Что мне сделать, милорд? — спросила Эрта, обеспокоенно заглядывая хозяйину за плечо.

— Выйдите и закройте за собой дверь.

— Но...

— Я вас позову, если мне нужна будет помощь. — Его тон не предусматривал возражений. Эрта кивнула и исполнила приказание.

Ричард смотрел на меня то ли негодуя, то ли с искренним беспокойством. На лбу у него пролегла глубокая морщинка. Нет, нет... я ведь так старалась оградить его от этого.

— Иди сюда, — тихо сказал он.

Уселся на пол, схватил меня за руки и подтянул к себе. Его пальцы осторожно убрали мокрую прядь со лба.

— Ты поранилась, — вздохнул он. Подушечкой большого пальца вытер струйку крови, стекающую к брови.

— Я просто хотела взять полотенце, поскользнулась и вот, — шмыгнула носом.

Муж крепко прижимал меня к себе. Расстроено посмотрела на его намокающую рубашку. Ричард, правда, этого не замечал. Лишь поплотнее закутал меня в полотенце.

— Что произошло, Марита? — настойчиво повторил он вопрос.

— Ничего, — улыбнулась ободряюще. — Все хорошо. Я в порядке.

— Все хорошо, — эхом подхватил муж. — Ты, наверное, так и не успела вымыться, да?

— Да, — кивнула поспешно. — Я поскользнулась. Просто поскользнулась. Вылезла за полотенцем и поскользнулась.

— Угу, — услышала тихое. — Только зачем тебе полотенце, если ты не домылась?

— Я... я... я не знаю, — прошептала растерянно.

— Ладно. Мы сейчас встанем и вернем тебя в ванну. Хорошо?

— Хорошо.

Я приподнялась, села. Ричард поднялся на ноги и, нагнувшись, помог мне подняться. Осторожно забрал полотенце, повесил его на крючок. Довел меня под руку до ванны, проследил, чтобы я без проблем забралась в теплую воду.

Мне почему-то казалось, что сейчас он позовет Эрту — обещал ведь, но он остался. Рядом со мной. Уселся возле ванны на небольшой, уже давно промокший коврик.

Я согнула ноги в коленях и принялась задумчиво выводить круги на воде. Между нами возникло странное молчание, медленно обрастающее напряженным непониманием. Ричард хотел, чтобы я заговорила, а я не хотела говорить. Не хотела его расстраивать.

И мы молчали, будто познакомились только вчера и, оказавшись в одной ванной комнате, испытывали жуткую неловкость.

— Герда уже на шестом месяце, — неожиданно сказал герцог, сменив позу на более расслабленную: прислонился спиной к бортику, одну ногу вытянул, другую согнул и уперся

локтем в колено. — После родов сестра хочет на время уехать из столицы. Говорит, ребенку нужен свежий воздух.

— Хорошо, — кивнула я.

— Нам придется подготовить несколько комнат к их приезду.

— Да, — согласилась, а затем задумчиво добавила: — Нужно ведь устроить детскую.

— Думаю, стоит сделать кроватку на заказ.

— Чтобы не возникло никаких неурядиц, — поддержала я. — И игрушки. В детской должно быть много игрушек.

— Если будет девочка, то никаких фарфоровых кукол.

— Разобьются, она поранится, дети вечно все ломают.

— К тому же она маленькая, вряд ли ей интересны куклы.

— Нужно весь пол застелить мягким ковром, — внесла я предложение. — Если ребенок упадет, то на мягкое.

— Сделаем камин, чтобы было тепло. В последнее время ночи холодные. Только надо подумать, как лучше вывести дымовую трубу.

— Придется убрать все острые предметы, — пробормотала я.

— Да, снимем со стен картины, мало ли что. И тумбочки тоже уберем, там же острые углы.

— На окнах нужно сделать решетки, дети ведь такие неугомонные. На секунду отвернемся, и все, ребенок выпадет. Страшно даже представить.

— Лучше разместить детскую на первом этаже. — Ричард, похоже, все продумал.

Оценив в уме составленный план, мы озадаченно переглянулись.

— Если мы ей расскажем об этом, твоя сестра к нам не приедет, — пробормотала я.

Муж усмехнулся и покачал головой.

— Мы придумали для ребенка какую-то тюрьму, — согласился он.

— Я ничего не знаю о детях, — откровенно поделилась с ним.

— Я тоже.

Вдруг стало тихо-тихо, будто мы оба оказались в совершенно пустой комнате.

— Ты вовсе не обязан сидеть рядом со мной, — пробормотала негромко.

— Знаю.

— Я в порядке.

— Нет, — покачал он головой, — ты не в порядке, Марита. И не пытайся убедить меня в обратном, я не слепой.

— Ты не должен забивать себе голову всякими пустяками, — нарочито безмятежно пожалла плечами, безотрывно глядя на воду.

Ричард перестал изображать из себя путника, случайно оказавшегося в этом месте и пристроившегося передохнуть с дороги.

Он резко сел на корточки и облокотился на бортик.

— Мы поклялись друг другу «и в горе, и в радости»! — зло сказал мужчина.

— Нет, не клялись.

— Ладно. Хуже моих клятв трудно что-то придумать, но нормальные люди клянутся друг другу быть вместе и в горе, и в радости.

Я стиснула зубы, отвернулась от мужа, уставилась в потолок. Сморгнула слезы, затем повернулась и выдавила:

— Я не хочу быть в горе. Я устала быть в горе. Я больше не могу переживать, не могу больше плакать. От меня... от меня уже ничего не осталось, я так больше не могу! Я хочу только «в радости». Только «в радости», Ричард.

Он грустно усмехнулся, почему-то посмотрел на меня не с привычным негодованием, а с нежностью.

— Не может быть радости без горя. Так не бывает, — сказал тихо. Вытянул руку и погладил по мокрым волосам.

Я стиснула зубы еще сильнее, но потаенная боль вырвалась наружу. Даже страшно представить, какую жуткую гримасу увидел мой муж.

— Я боюсь, — выдавила, не сумев сдержать рвущиеся наружу рыдания.

— Хорошо, — кивнул Ричард, придвигаясь ближе и обнимая меня за шею. Моя голова прижалась к его груди. Он промок из-за меня. — Поплачь, станет легче.

— Нет, нет, не могу.

Оказалось, еще как могу.

Так мы и сидели. Он меня обнимал, а я рыдала у него на груди, смешивая всхлипы с невнятными фразами, отчаянно рвущимися наружу:

— Я боюсь неба, Ричард. Я боюсь летать. Я туда больше не хочу.

— Тихе-тише, — успокаивающе гладил он по голове. Знал прекрасно, что никакие слова тут не помогут, поэтому просто был рядом.

— Как такое могло случиться? Я столько времени жила только небом, а теперь? Я боюсь, я боюсь!

— Все будет хорошо, — говорил он.

— Рогатый Дог меня чуть не убил! Еще бы чуть-чуть, и все, все, все! Как... как представляю, что снова сяду на Феньку, а он получит еще шипов. Из-за меня.

— Тише...

— Я тогда эмоции включила. Просто чтобы проверить, что он еще жив. И мне стало... так... так больно. Я упала, потому что боль была невыносимая.

— Я знаю. — Объятия стали еще крепче.

— Ты прекрасный наездник, а я нет. Я не умею летать, я не могу.

— Это не так, — прошептал он мне на ухо, — без мелкого Джона эти гонки потеряют всякий смысл.

От этих слов я заплакала еще сильнее.

...и в горе, и в радости...

Я лежала на кровати, смотрела в потолок и раздумывала над этой фразой.

Ведь это обоюдная обязанность: быть друг с другом и в горе, и в радости. А я постоянно создаю условия исключительно для горя. Рядом со мной нет никакой радости.

Я не заслужила такого мужа, как Ричард.

Он заботился обо мне так, как не заботилась даже мама. Просидел со мной в ванной целый час, а может, больше. Без лишних слов помог домыться, затем отвел в свои покои, уложил спать. И лежал рядом, не отходил никуда, делал вид, что спит. Но он не спал. Когда Ричард засыпает, он начинает сопеть. А сейчас его дыхание было ровным.

— Я чувствую твой взгляд, — сказала тихо.

Молчание, а затем насмешливое:

— Что, мне теперь на жену нельзя посмотреть?

— Можно.

Перестала разглядывать потолок. Вместо этого повернулась на бок и легла лицом к мужу. Сложила ладони под щекой и принялась смотреть на него. А он смотрел на меня.

— Что? — не выдержала первой.

Взгляд у него был уж больно... необычный.

— Ничего, — сказал он и улыбнулся с какой-то грустью.

— Что? — настойчиво повторила вопрос.

Ричард поджал губы, слегка сощурился. Помолчал мгновение, а затем решил:

— Просто я пытаюсь кое-что понять.

— Что именно? — приподняла брови.

— Я считал, что свадьба с тобой станет худшим событием в моей жизни.

— И?

— И я не понимаю, в какой момент оно стало лучшим, что случилось со мной за все эти годы.

— А ты — лучшее, что случилось со мной, — улыбнулась в ответ. Высунула одну руку из-под щеки и нежно коснулась ладонью лица своего любимого мужа.

Это мог стать один из самых романтических моментов в нашей жизни, о которых потом вспоминают, сидя на уютном ковре перед камином и попивая ромашковый чай. Да, этот момент мог запомниться нам навсегда. Если бы живот герцога негодуя не забурчал.

— Надеюсь, это не бабочки, — испугался Ричард.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Думаю, ты просто провел со мной весь день и ничего не поел.

Приподнялась на локтях, позволив простыне упасть ниже, обнажая плечи и часть груди. Придвинулась ближе, нависла над мужем. Склонилась и нежно поцеловала.

— Давай потом спустимся вниз, и я приготовлю тебе вишневый пирог.

— Давай, — охотно согласился Ричард, обхватил меня за затылок и взял инициативу в поцелуях на себя. Потом нахмурился и отстранился. — Нет, подожди, ты же говорила, что он у тебя никогда не получался.

— Брось, я великолепно готовлю, — небрежно отмахнулась и настойчиво потянулась за своей дозой поцелуев.

Но муж снова нахмурился и снова отстранился.

— А почему потом?

— Дорогой, у тебя в постели находится голая жена.

Ричард благоразумно не стал комментировать мои слова. Только понятливо приподнялся, обхватил меня за талию, собираясь, как обычно, опрокинуть на спину и полностью перехватить инициативу.

— Нет, — высказалась поспешно, придавив его рукой. — Лежи, — добавила грозно, чем заставила его удивленно выгнуть бровь. — Сегодня моя очередь доставлять удовольствие, — пояснила с каверзной улыбкой.

В одно мгновение уселась на мужа и принялась расстегивать пуговицы на его рубашке. Как только избавилась от одежды, схватила Ричарда за запястья и в добровольно-принудительном порядке завела руки ему за голову. Склонилась ниже, осыпая его лицо, шею, грудь ласковыми поцелуями.

— Ты самый лучший, — прошептала ему на ухо.

Услышала его судорожный вздох, победно улыбнулась.

Начала спускаться ниже, исследуя губами его грудь, пальчиками водила по грубой коже. Втайне радовалась тому, с каким исступлением он хватал мои волосы и собирал их в хвост.

Чувствуя, как муж начинает подаваться вверх, навстречу моим движениям, принялась расстегивать ремень.

Как бы там ни было, эта ночь запомнится нам надолго.

Я настороженно покосилась на Эрту. Служанка со спокойным видом убирала тарелки с первым блюдом и расставляла десерт. Неужели она действительно ничего не замечает? Может, у меня паранойя?

Я медленно отломил кусочек пудинга и осторожно поднесла ложку ко рту.

Да нет, ничего мне не показалось!

Когда мы с Ричардом остались в столовой одни, я грозно прошептала:

— Прекрати так на меня смотреть! Я из-за тебя поесть нормально не могу!

Муж изобразил настолько оскорбленное лицо, словно его поймали с поличным прямо на месте преступления.

— Родная, я читаю утреннюю газету.

— Ты таким взглядом провожаешь каждую ложку, как будто хочешь меня съесть!

— Я читаю утреннюю газету, — отрезал муж и закрылся от меня огромным листом с печатными буквами.

— Ну ладно, — смиловилась я. — Так как ты сегодня отправляешься на охоту, я съезжу в Буклон. К Симоне.

— Как пожелаешь, — холодно сказал Ричард, не опуская газеты.

— Поеду прямо сейчас, — добавила с милой улыбкой.

— Прямо сейчас? — совсем не обрадовался супруг и выглянув из-за газеты. — Но до сборов еще полчаса. Я думал, мы...

— Пока, дорогой, — расплылась в злорадной улыбке и поспешно сбежала, оставив его в крайне раздосадованном настроении.

В Буклон я ехала не к Симоне.

Роберт открыл почти сразу и с милой улыбкой поинтересовался:

— Чем могу быть полезен, милая леди?

— Здравствуйте, Роберт. Я герцогиня Бёме. Надеюсь, вы меня еще не забыли? — ответила, вежливо склонив голову в знак признательности и уважения.

— Мм... конечно, миледи. Конечно, помню. — Роберта аж перекосило. — Проходите, прошу.

Я зашла в небольшую квартиру, настороженно вглядываясь в хмурое лицо доктора.

Ничего себе прием. Не на такое я рассчитывала, когда ехала сюда. При Ричарде он со мной хорошо обращался. Да и без Ричарда тоже!

— Чем могу помочь? — оскалился мужчина.

Я испуганно сглотнула:

— Ну, дело в том, что я, кажется, беременна.

— А, ну поздравляю.

— Нет-нет, я не уверена. Мне надо точно знать. Вы сможете это выяснить?

Роберт прищурился и задумчиво принялся меня разглядывать.

— Вы знаете, — напевно произнес он. — Я один из лучших хирургов в Актории. При постановке диагнозов я использую исключительно научные методы, — авторитетно заявил врач.

— Я в этом не сомневаюсь, — уверенно закивала в ответ.

— Пройдемте за мной, — важно сказал Роберт.

Он развернулся и направился вглубь коридора, на ходу приговаривая:

— Мой отец — один из лучших докторов столицы, а я его прямой потомок. Мои методы самые хорошие. Но знайте, что я прибегаю к ним в крайних случаях, чтобы уж действовать наверняка и поставить самый точный диагноз.

— О, это очень хорошо, — обрадовалась я.

Но Роберт внезапно остановился, чуть не заставив меня впечататься ему в спину. Мужчина развернулся и протянул мне монетку.

— Это что? — не поняла я.

— Подкиньте ее, дорогая. Орел, значит, вы беременны. Решка, значит, нет.

— Вы что, смеетесь надо мной? — спросила удивленно.

— Миледи, я хирург, а не повивальная бабка!

— То есть вы не сможете помочь?

— Нет.

— А почему раньше нельзя было об этом сказать?

— Чтобы вы на всю жизнь усвоили урок.

Я зло стиснула зубы, но ответила сдержанно:

— Хорошо, Роберт. Надеюсь, вы не откажетесь осмотреть рану, на которую сами недавно накладывали швы?

Лицо мужчины мигом просветлело.

— Запросто! Проходите в эту комнату, раздевайтесь, ложитесь.

Я сделала все, как он велел. Через несколько минут ко мне подошел врач с каким-то непонятным инструментом в руке.

Роберт пододвинул стул, склонился над раной и вдруг обрадовался:

— Марита! Это вы! Как я рад вас видеть!

— Роберт! — воскликнула наигранно. — То-то я смотрю, вы меня не узнали.

— Ах, простите, — махнул он рукой. — Столько пациентов, по именам всех не запомнишь. Зато вот швы свои я никогда не забуду. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Уже не обезболиваю.

— Это очень, очень здорово. Мазью мажете?

— Да.

— Вы здоровы.

— Это я и без вас поняла. Роберт, мне надо знать, беременна я или нет.

Тот мученически закатил глаза, после чего тяжело вздохнул:

— Ладно, одевайтесь. Сейчас принесу кое-что.

Он отсутствовал несколько минут. Вернулся с какой-то баночкой в руках.

— Это отвар, изготовленный по рецепту моего отца, — поделился мужчина. — Способ не самый приятный, но действенный. Вы выпиваете немного. Если стошнит, значит, вы в положении.

— Давайте сюда. А через какое время последует результат?

— Минут через десять.

Меня стошнило через пять.

— О боже мой! — воскликнула, пока Роберт ворчливо уносил тазик из комнаты. — Я беременна?

— Мне стоит поздравить или посочувствовать?

— Я не знаю, — отозвалась растерянно.

— А отец ребенка Ричард?

— Это что, вопрос?! — возмутилась я.

— Нет-нет, это просто вопросительное утверждение.

— О боже мой! — опять воскликнула я. — Что же мне делать? Мне надо ему сказать?

— Ну, если отец он, то, думаю, надо.

— А если он заплачет?

Роберт недоуменно уставился на мое растерянное лицо.

— Отец плакал, когда узнал, что в семье скоро появится моя младшая сестра, — пояснила ему. — И это... это было ужасно. Если мой муж заплачет, я... я просто не смогу воспринимать его... потом... нормально.

— Ну, это еще не самое страшное. Он может свернуться калачиком и причитать: «Я подарил этому миру новую жизнь!» — Роберт увидел, как я изменилась в лице, и добавил поспешно: — Но я уверен, Ричард не такой! Каждый мужчина реагирует по-своему! Я думаю, все будет хорошо.

— Я ему скажу?

— Скажите.

— Сегодня?

— Можно и сегодня.

— Да, я ему скажу! Сегодня!

— Скажите-скажите.

Но судьба вновь решила сыграть со мной злую шутку.

Только-только дав нам кусочек счастья, она тут же его отняла.

Ричард так и не вернулся с охоты. Ни через день, ни через два.

Устроившись на софе, грела руки, крепко сжимая чашку с ромашковым чаем. Руки почему-то последнее время постоянно мерзли. Ноги были укрыты шерстяным пледом. Они тоже почему-то мерзли.

— Повторите, пожалуйста, еще раз, — потребовала сухо.

Сэр Кэлинг не сдержал тяжелого вздоха.

— Простите, герцогиня, но я не понимаю, почему мы...

— Еще. Раз. — Не терпящим возражений тоном перебила я. И добавила чуть спокойнее: — Пожалуйста.

— В десять утра мы выехали на охоту. — Мужчина опустил глаза. — Герцог Бёме запрещает охотиться в непосредственной близости от трех долин, поэтому мы погнали лошадей в

северную часть герцогства. Нас было двенадцать человек: я, герцог, барон Мирвайер, барон Кронбур, мистер Прончвиль — профессиональный следопыт, все остальные — лакеи. Достигнув северной части леса, мы разделились. Герцог Бёме отправился выслеживать кабана в западном направлении.

— Зачем вам лакеи, сэр Кэлинг? — спросила, прикрывая глаза и вдыхая терпкий аромат ромашки.

— Простите?

— С вами было семь лакеев. Зачем?

— Их задача — защищать господ от опасности, если таковая возникнет. — На лице рыцаря не дрогнул ни один мускул.

Рыцарь... в современных армиях это звание было почти упразднено. Король Актории запретил посвящать в рыцари мужчин, кроме тех, которые становились правой рукой главнокомандующего.

В королевской армии главнокомандующим был король.

В армии герцога Бёме — герцог Бёме. Его рыцарь — сэр Кэлинг. Его правая рука.

— Их задача — защищать господина, — задумчиво повторила я. — Тогда где они были, когда мой муж выехал на охоту?

— Миледи, герцог Бёме всегда предпочитал охотиться в одиночестве.

— Как вы могли допустить такое? — жестко спросила у мужчины.

— Я не мог послушаться своего господина, — спокойно ответил тот. — Мне очень жаль, миледи, но вы не должны терять надежду. Три отряда прочесывают лес вдоль и поперек. Прошло всего два дня, и...

— Повторите, пожалуйста, еще раз, — перебила его, глядя на светлую поверхность ароматного напитка.

Сэр Кэлинг молча посмотрел на меня. Его поза была достойна рыцаря — идеально прямая спина, ноги на ширине плеч, руки сцеплены за спиной. Только взгляд виноватый.

— В десять утра мы выехали на охоту. Герцог Бёме запрещает охотиться в непосредственной близости от трех долин, поэтому мы погнали лошадей в северную часть герцогства. Нас было двенадцать человек: я, герцог, барон Мирвайер, барон Кронбур, мистер Прончвиль — профессиональный следопыт, все остальные — лакеи. Достигнув северной части леса, мы разделились. Герцог Бёме отправился выслеживать кабана в западном направлении.

— Почему он отправился выслеживать кабана в одиночку? — спросила, не отводя взгляда от небольших чайных листочков.

Я принимала сэра Кэлинга в голубой гостиной. Тут было теплее, чем в кабинете Ричарда. Теплее, чем в столовой. Теплее, чем в нашей спальне.

Разумеется, в последних двух местах я не стала бы принимать сэра Кэлинга.

— Герцог Бёме всегда так поступал, миледи.

— Всегда выслеживал кабана в одиночку?

— Да.

— Удачно?

— Его гончие обычно выходили на след первыми.

— Ясно, — слегка улыбнулась я. Присела на краешек софы, нагнулась, чтобы взять с маленького столика чайную ложку, и вновь откинулась на спинку. Принялась помешивать напиток. — Зачем вам лакеи, сэр Кэлинг?

— Их задача — защищать господ от опасности, если таковая возникнет, — спокойно ответил мужчина.

— А зачем моему мужу вы? — в моем голосе проскользнули холодные нотки.

— Я его рыцарь, миледи. Служу верой и правдой своему господину.

На моих губах появилась кривая улыбка.

— Из вас вышел ужасный рыцарь.

— Да, миледи.

Он не хотел со мной спорить. Он знал, что из него вышел худший рыцарь, какого только можно вообразить. Его виноватый взгляд говорил мне о многом. Жаль, только не о том, где сейчас находится мой муж.

— Повторите, пожалуйста, еще раз.

— В десять утра мы выехали на охоту. Герцог Бёме запрещает охотиться в непосредственной близости от трех долин, поэтому мы погнали лошадей в северную часть герцогства. — Сэр Кэлинг замолчал, сделал глубокий вдох.

— Продолжайте, — потребовала я.

— Нас было двенадцать человек: я, герцог, барон Мирвайер, барон Кронбур, мистер Прончвиль — профессиональный следопыт, все остальные — лакеи.

И он снова замолчал.

— Дальше.

— Достигнув северной части леса, мы разделились. Герцог Бёме отправился выслеживать кабана в западном направлении.

Я задумчиво посмотрела на голубой потолок. Очень приятный нежный цвет. Поразительно схожий с цветом моих волос.

— Кроме его лошади и собак, поисковые отряды ничего не нашли? — спросила у замершего

возле дверей мужчины.

— Нет, миледи, — покачал тот головой.

— Это значит, что моего мужа не разодрал кабан, — сказала я.

В ответ получила утвердительный кивок.

— Это значит, что мой муж еще может быть жив. — В упор посмотрела на сэра Кэлинга. Он кивнул. — Вы считаете, что он просто сбежал, не так ли?

— Нет, миледи, — с холодной решимостью ответил мужчина.

— Тогда что вы считаете?

— У герцога Бёме много врагов, — честно ответил он. — И первый в их списке — король Актории. Влияние семьи Бёме слишком возросло, территории герцогства занимают почти половину страны. Если бы я мог вести расследование, то начал бы именно с этого.

— Так начните, — раздраженно отозвалась я. Чашка в руках дрогнула.

— У меня нет полномочий, миледи. Все, что я сейчас могу, — посылать поисковые отряды.

— Что ж, хорошо. Начните сначала, пожалуйста.

Сэр Кэлинг поджал губы.

— В десять утра мы выехали на охоту...

Его спас неожиданный стук в дверь.

— Войдите, — отозвалась я.

В гостиную просеменил дворецкий.

— Герцогиня Бёме, к вам прибыла леди Элен Бёме.

Я удивленно замерла. Мать Ричарда? Что она здесь делает? Узнала о том, что ее сын пропал? Но как вести смогли столь быстро достигнуть столицы?

— Миледи, мне пригласить ее в голубую гостиную? — осторожно уточнил дворецкий, видя, что я никак не реагирую.

— Нет-нет, я спущусь к ней. Сэр Кэлинг, простите, наш разговор придется отложить на некоторое время.

— Как пожелаете, миледи, — не особо расстроился тот.

По-прежнему сжимая в руках чашку, я поднялась. Шерстяное одеяло упало на пол. Сделав вид, что не заметила этого, вяло отправилась встречать мать Ричарда.

Элен Бёме была, как и всегда, обворожительна. Она носила титул герцогини слишком долго, чтобы так просто проститься со статностью, элегантностью и привлекательностью, что в ее возрасте считалось редкостью.

В этот раз леди Бёме дожидалась в гостиной, нервно расхаживая из стороны в сторону. Заметив меня, она взволнованно сказала:

— Марита! Как я рада вас видеть. Мы можем поговорить наедине?

Я пребывала в слишком апатичном состоянии, чтобы быстро подстроиться под этот энергичный ритм, поэтому успела сказать лишь:

— Конечно.

А мама Ричарда уже схватила невестку под руку и, не теряя королевской осанки, потащила в кабинет сына. Только сейчас я заметила, что она растрепана с дороги, шляпка съехала набок, платье не по фигуре, словно шнуровка разошлась.

— Я, наверное, должна вас предупредить, что Ричарда нет в замке, — пробормотала, едва поспевая за женщиной. — Он... никто не знает, где он.

— Я знаю, дорогая, — ответила леди Бёме.

Вот только непонятно было: она знает, что его нет в замке, или знает, где он? Или знает, что никто не знает, где он?

Мы зашли в кабинет Ричарда. Я тут же поежилась. Надо было захватить с собой шерстяное одеяло. Просто невероятно холодно!

Леди Бёме отпустила мою руку, открыла клатч и извлекла оттуда конверт. Протянула мне. Я приняла его вялым движением, вытащила письмо, пробежалась глазами по строчкам.

Мои брови плавно взлетели вверх.

— Тут требуют выкуп, — сказала удивленно.

— Да, — кивнула леди Бёме.

— За Ричарда.

— Да.

— Вождь урков.

— Да.

Элен была сама холодность, хоть и тяжело дышала — после быстрой ходьбы.

Пока я молча перечитывала письмо, мать Ричарда продолжила:

— Как только я нашла это послание, незамедлительно отправилась на аудиенцию к королю. Наша семья имеет немалый вес в обществе, поэтому я смогла попасть во дворец в тот же день.

— Это дало результат? — спросила, поскольку женщина замолчала.

— Увы. Королю Актории выгодно, чтобы семья Бёме лишилась прямого наследника. Тогда временно герцогством будет владеть граф Эсбьерн, пока моя дочь или ты не родите мальчика. И хорошо, если король попытается воспользоваться только дружбой с графом, а не уничтожить

всех прямых наследников, — жестко сказала она.

Бессонные ночи сказались на мне ужасно. Я недоуменно моргнула и глупо переспросила:

— Король вам отказал?

— Нет, конечно, он не смог бы мне отказать. Похищен герцог. Такое нельзя оставить без внимания. Король пообещал, что сделает все возможное.

— Но он не сделает, — понятиливо кивнула в ответ. — Все-таки сумма баснословная.

Господи, я что, защищаю короля?!

Леди Бёме замерла на мгновение и взглянула на меня с явным беспокойством.

— Для казны это капля в море, — наконец сказала она.

— Тогда мы можем взять эти деньги из казны герцогства.

— Да. Я уже дала управляющему распоряжение собрать нужную сумму.

— И когда... когда вы получили письмо? — Я все-таки сподобилась задать нормальный вопрос.

— Два дня назад.

Я опустила глаза и вновь перечитала письмо. Затем ошарашенно посмотрела на мать Ричарда:

— Но тут сказано, что на выплату выкупа дается четыре дня.

— Именно поэтому я села в карету и приехала сюда. Кучер гнал на всех парах, мы сменили пять лошадей. — Леди Бёме внимательно посмотрела на меня. — У нас осталось два дня. Мы должны что-то придумать, Марита.

— Что? — тупо спросила я.

— Когда вы в последний раз спали? — не выдержала женщина.

Она подошла ближе и обхватила мое лицо руками, обтянутыми перчатками.

— Вы выглядите так, словно восстали из мертвых.

С губ так и рвалось едкое: «Уж извините, что меня чуть не убили, а единственный человек, который помогал мне не сойти с ума, теперь пропал. А два дня я не спала, потому что не знала, где он, что с ним и мог ли он просто сбежать». Но я сказала только:

— Простите.

Леди Бёме недовольно покачала головой, до боли напомнив этим движением своего сына.

— Марита, послушайте, я считаю, что дело тут вовсе не в деньгах. Это месть. А извещение о похищении и выплате долга всего лишь предлог, чтобы сообщить нам, что на самом деле случилось с Ричардом. Вы ведь знаете о его... увлечении? — спросила она осторожно, делая шаг назад. — Ричард писал мне, что знаете.

Я чуть не брякнула, что у него их много, но в самый последний момент опомнилась:

— О драконах? — моргнула. — Да. Да, конечно, знаю.

Леди Бёме слегка прищурилась:

— Он вас уже катал на своем драконе?

— Да, — ответила тихо.

— Вы знаете кого-нибудь из наездников? Он знакомил вас с ними?

Я молча уставилась на нее, пытаюсь увидеть признаки того, что она шутит. Но мать Ричарда была предельно серьезна.

И тут я сообразила: она не знает, что Марита Бёме тоже наездник.

— Я спрашиваю только потому, что нам нужна помощь драконов. Вы знаете, на каких именно гонках он летает?

— Да, знаю, — ответила, уставившись в пол.

— Нам нужно попасть туда. Конечно, я не надеюсь, что у него есть лучший друг, который без колебаний отправится спасать моего сына. Но мы сможем найти того, кто сделает это за определенную плату.

— Это место находится за расщелиной в горах. Мы туда не попадем, — мертвым голосом сказала я.

— Марита, право слово, прекратите. Вы стали еще бледнее.

— Простите.

— Думайте, дорогая. Возможно, у вас есть знакомые наездники, которые согласятся вас перевезти?

Я покачала головой.

— Хорошо. Где его Кара? — спросила леди Элен.

— В стойле. Рядом есть... есть только Сил, — пробормотала я.

— Нет-нет. Даже не думайте об этом! Ни за что в жизни не пытайтесь приближаться к ней. — На секунду в глазах леди Бёме проскользнуло удивление, словно она не могла поверить, что ее сын рассказал мне про Сил. Но затем ее лицо вновь стало предельно сосредоточенным. — А... может быть, имеются площадки, откуда прилетают сами организаторы?

— Из Буклона, — кивнула я.

— Видите, — довольно улыбнулась женщина. — Это наш шанс. Нужно лишь дождаться, пока они посетят гонки.

Я закрыла лицо руками и испустила горестный вздох. Отчаянно покачала головой и, словно не выдержав тяжести свалившегося на меня за последние дни несчастья, опустила на колени. Прямо так, на пол. При леди Элен, матери моего мужа.

— Марита, — испугалась леди Бёме, бросившись ко мне.

Зашуршали юбки — она присела рядом.

Я почувствовала мягкое прикосновение к своему плечу.

— Тут написано, что они его казнят, — тихо сказала я.

— Марита, вам нужно отдохнуть. Сколько вы уже не спите?

— Гонки начнутся через три дня, леди Бёме, — прошептала, обхватывая себя руками и чувствуя невероятный озноб. — Через три дня. К этому времени Ричард будет уже мертв.

— Дорогая моя, всегда есть человек, который знает, как связаться с организаторами. Послушайте, вы сами на себя не похожи. Вам нужно отдохнуть, — серьезным тоном сказала женщина.

— Я не могу.

— Отправляйтесь в свою комнату и полежите хотя бы несколько часов. Я попробую связаться с одним другом моего покойного мужа. Возможно, он сможет нам чем-нибудь помочь. А вы поспите.

— Я не могу...

— Марита, это не просьба. Быстро отправляйтесь в свою комнату и поспите, ради бога!

Я без него просто не могла. Меня словно больше не существовало. Меня разделили надвое: тело оставили здесь, а душу унесли за море.

Я постоянно думала о том, где сейчас Ричард, что с ним.

Мне казалось, будто невидимо он рядом. Я лежала в кровати, укутавшись в три одеяла, и чувствовала его взгляд. И вот уже муж протягивал руки, обнимал меня — как обычно, нежно, но его объятия были крепкими, руки сильными, и я прижималась к нему теснее, касалась его обветренных ладоней. И ничего мне больше не требовалось.

Но как только я оборачивалась — раз, два, три, десять, — понимала, что его нет.

Я не могла находиться в этой постели в одиночестве. Не могла жить в одиночестве в замке. Под тремя одеялами продрогла так, словно попала на самый лютый север и по неосторожности угодила в буран.

Не выдержав, вскочила на ноги, открыла шкаф и извлекла оттуда свитер Ричарда. Надела. Обхватила себя руками и простояла так несколько минут, глупо вдыхая запах мужа и представляя, что он сейчас рядом, стоит и обнимает свою нерадивую жену.

Стало даже как-то теплее.

Понимая, что уснуть уже не смогу, ведь и так столько времени проворочалась, лишь на несколько минут впадая в полубредовые сны, спустилась вниз и прошла на кухню.

На дворе уже стояла ночь. Время утекало сквозь пальцы.

Поставила на огонь чайник. Проверила, есть ли заварка. В огромном помещении не было слуг, и каждое мое движение сопровождалось гулким эхом.

Уселась на лавочку, с громким скрипом пододвинула ее к огромному деревянному столу. И опустила голову на локоть, уткнувшись носом в теплый свитер.

Ричард словно был здесь.

Будто обхватил меня за талию, прижался сзади. Его губы коснулись моей шеи. Я блаженно прикрыла глаза. А он с недовольством прошептал:

— Я тебя убью за эти мысли.

На моих губах появилась грустная улыбка. В глазах стояли слезы. По телу побежали мурашки. Так и слышались его слова:

— Не надо, не делай этого.

Но я ведь не могла его потерять.

Наваждение развеялось, как только со стороны входа раздались чужие шаги. Я приподняла голову, убедилась, что кухня пуста, мужа рядом нет. А через несколько мгновений ко мне присоединилась леди Бёме.

Она явно не ожидала меня здесь увидеть. Замерла на мгновение, с удивлением разглядывая подавленную герцогиню. Затем, собравшись с мыслями и гордо задрвав подбородок, спросила:

— Вы меня избегаете, Марита?

— С чего вы взяли? — спросила тусклым голосом, не утруждая себя тем, чтобы нормально сесть в присутствии леди.

— После нашего утреннего разговора вы так ко мне ни разу и не зашли, — сказала она, спускаясь по лестнице и приближаясь к столу.

— Вы правы, Элен, — обратилась к ней по имени. Подняла голову, чтобы взглянуть на нее. — Вы неважно выглядите.

Предполагалось, что мне нужно произвести на свекровь хорошее впечатление. Но я каким-то образом постоянно умудрялась все портить.

С распущенными седыми волосами она будто постарела на несколько лет. Под глазами пролегли глубокие морщины, лицо осунулось, и весь вид выдавал глубокие душевные переживания. Эта Элен кардинально отличалась от той, которую я видела сегодня утром.

Леди Бёме присела на лавочку.

— Когда мой муж заболел, — тихо сказала она, рассматривая солонку с сахаром, — Ричард постоянно рвался в комнату к отцу. Я его не пускала. Даже когда поняла, что мужу осталось несколько часов, сына я к нему не пустила.

Я грустно улыбнулась, хоть и вышло кривовато: одна щека безмятежно покоилась на свитере.

— Ричард всегда обо всех заботился, — сказала зачем-то, как будто его мать этого не знала.

— Я часто ему что-то запрещаю. Мы любим ссориться. Да ты слышала после вашей свадьбы. Так выглядит наш обычный семейный завтрак. Он считает меня строгой, — добавила она с некоторым сожалением. — Но это моя обязанность. Я же его мать.

— Вы хотите как лучше, — пожала я плечами.

— Да, я желаю ему только добра. И уж поверьте, так, как мать переживает за своего ребенка, не переживает никто другой.

Наверное, еще с утра я бы этому не поверила. Слишком уж собранный и уверенный у нее был вид.

Но при виде той Элен, что сейчас сидела передо мной, поверить в это было нетрудно. Думаю, она немало бед пережила за свою жизнь, тем более что ее муж тоже был наездником. К нервотрепке она привыкла. Но вряд ли сейчас спокойно спит по ночам. Ее сына похитили. Я о материнстве знала немного, но любая нормальная мать станет переживать.

На ее слова у меня не нашлось ответа, поэтому женщина продолжила:

— Марита, мое сердце не найдет покоя, пока вы не возьмете себя в руки.

— Простите? — не поняла я, но голову от свитера не оторвала.

— То, как вы изводите из-за моего сына, причиняет мне еще больше боли, — серьезно сказала она.

— Вы не обязаны переживать за меня, — пробормотала глухо.

— Если Ричард пишет мне, что его сердце целиком и полностью принадлежит вам, значит, обязана.

— Он так написал? — внутри что-то екнуло.

— Да, он так написал.

— И вы не боитесь? Не боитесь, что он ошибся? Один раз он ведь уже ошибся! — хрипло проговорила я сама не знаю зачем. Просто вырвалось.

Наверное, горе действительно сближает.

— Ты знаешь про Мию? — И снова удивленный взгляд. Кажется, она совсем-совсем не ожидала, что Ричард поделится со мной этой историей.

— Знаю.

— Марита, он не ошибся тогда, — глядя с грустью на мою поникшую голову, проговорила Элен Бёме. — Я бы рада была сказать, что Мия плохая. Но это не так. Ричард никогда не ошибался в людях. То, что произошло потом... так сложились обстоятельства.

— Я люблю вашего сына, — не желая продолжать эту тему, выпалила гнусаво, потому что уткнулась лбом в мягкий свитер. — Люблю больше всего на свете.

— Хорошо, — только и сказала она.

Я глубоко вздохнула, оторвалась от своей руки, пригладила растрепанные волосы. Вылезла из-за стола, подошла к плите. Плеснула ковш воды, чтобы затушить огонь, на котором разогревался чайник.

Начала вытаскивать чашки — мне и Элен.

— Мы с ним познакомились на гонках, — начала говорить сухо. Взгляда матери мужа я не видела, потому что стояла к ней спиной, однако могу поклясться, что та удивленно замерла. — Он вам не сказал, поэтому должна сказать я. Мы не знали друг друга, потому что оба скрывали свои личности. Правда открылась только тогда, когда мы поженились.

Я разлила кипяток и повернулась к леди Бёме. Поставила чашки на стол и принялась наливать заварку с ромашкой.

— Представляете иронию судьбы? Мы встретились еще до того, как поженились. Встретились там, куда тянется душа любого наездника. Встретились в небе.

— Ты тоже наездница? — удивленно посмотрела на меня леди Бёме.

— Да.

— Как неожиданно, девушки крайне редко получают дракона.

Я пододвинула к ней чашку.

— Он моя судьба, — сказала жестко. — Я его люблю. И не позволю, чтобы с ним что-нибудь случилось.

— Значит, ты можешь доставить нас на гонки? — приподняла она брови, а во взгляде промелькнуло обвинение, мол, неужели нельзя было сказать раньше? Столько времени упустили!

— Мой дракон ранен и не летает. Кара сейчас в стойле и до нее не доберется.

Я отпила немного ромашкового чая. Он вроде бы успокаивал.

— Леди Бёме, у меня есть сестра по имени Софи. Она тоже нашла дракона. Если... кхм... если я не вернусь, пожалуйста, найдите ее и помогите ей. Она еще маленькая и ничего о драконах не знает. Нужно, чтобы кто-нибудь о ней позаботился.

— Марита, — непонимающе сказала женщина, но я повелительно приподняла руку, призывая ее к молчанию.

— Да, я избегала вас сегодня, потому что дожидалась, когда наступит ночь. Я верну вам сына. Клянусь, чего бы мне это ни стоило, я вытащу Ричарда.

— На ком ты полетишь? — На ее лицо легли тени. Она догадалась намного раньше, чем спросила.

— У меня есть только Сил.

— Марита, ты не понимаешь, о чем говоришь! Этот дракон неуправляем!

— Леди Бёме, у меня нет выбора. Я должна оседлать ее.

Сделала еще один глоток ромашкового чая. Он почему-то не успокаивал.

Я собрала все, что посчитала нужным. Сумка получилась огромной: в ней поместились и шерстяное одеяло, и еда, и два ножа — один кухонный для мяса, другой... не знаю уж, для чего, я в этом плохо разбираюсь. Но оба были внушительных размеров. Взяла свои бомбочки. Кусок сырого мяса для Сил. Да, Ричард просил не травить его дракона, но другой еды для Сильвии у меня не было. Карту. На ней отметила, как нам лучше пересечь море. Компас, на всякий случай. И маленький театральный бинокль — другого у меня тоже не нашлось.

Гримироваться не стала. Только лишняя трата времени. Если меня поймают, то в любом случае поймут, что я девушка. Заплела волосы в косу, скрутила ее в пучок. Надела штаны, ботинки, свитер снимать не стала, просто натянула поверх еще и куртку. Взяла перчатки, водрузила на свою кобылку мужское седло и отправилась в путь.

Ехать до долины пришлось долго, хотя я и гнала лошадь.

На том месте, где раньше трава покрывалась светящимся инеем, где деревья склоняли ветви к маленьким летающим человечкам, теперь было тихо и очень темно.

Я осадил кобылу, забрела в чащу и выбралась в низину.

Хоть луна и возмужала, света от нее почти не было, я передвигалась едва ли не на ощупь. Несколько раз наступила на ветку, один раз чуть не подвернула ногу, угодив в яму.

Постоянно поправляя ляжку сумки, которая свисала с плеча, кое-как доковыляла до нужного холма. Ступила в кромешную тьму и на секунду замерла, пытаюсь привыкнуть к ослепляющим бликам.

А когда прекратила щуриться и огляделась, чуть не поседела от страха.

Феньки не было. В пещере находилась только Сил, занимающая половину пространства — крылья в странном положении, а головы так и вообще не видно.

— Феня! Феня! Феня! — первым делом заголосила я, боясь сдвинуться с места. Только через несколько мгновений сообразила, что нужно просто вернуть связь.

Раны дракона залечивались медленно, но с каждым днем стараниями фей ему становилось лучше. Фенька находился где-то совсем рядом и, кажется, крепко спал — боли я не почувствовала совсем.

Недоуменно осмотрелась. В пещере его не было совершенно точно. Затем я вдруг заметила его хвост, выглядывающий из-под крыла Сил.

— О господи! — воскликнула панически. — Нет! Нет-нет-нет!

Бросилась к темному дракону, но все, что смогла увидеть, — огромную тушу Сил и кончик Фенькиного хвоста.

На секунду подумала, что не чувствую боли своего дракона, потому что эта огромная сумасшедшая ящерица его съела. Съела моего Феньку!

— Что ты сделала?! Что ты сделала?!

Я нервно прижала руки к лицу, пытаюсь придумать, как сдвинуть с места эту глыбу. Сил недовольно зашевелилась, вытянула шею, и я наконец смогла увидеть ее морду. Янтарные глаза смотрели на меня с ненавистью. В них ясно проглядывало желание выставить меня вон.

— Клянусь богом, если ты что-то ему сделала, я тебя своими руками придушу, и даже Ричард тебя не спасет! — ядовито прошипела ей.

Сил фыркнула. Подняла правое крыло, прижала его к телу, вызвав тем самым сильный порыв ветра. Я удивленно уставилась на представшее глазам зрелище.

Фенька безмятежно посапывал, прижавшись к брюху темного дракона.

Сил начала переворачиваться, с трудом опираясь на лапы. Я едва успела отпрыгнуть к стене и присесть, иначе она сбила бы меня хвостом.

— Стой, ты что делаешь? — задала странный вопрос, наблюдая, как дракон Ричарда поднимается на лапы.

Фенька остался лежать на земле.

— Сил, прости, — виновато выдавила я. Но она, не обращая внимания на слова, хромая, вышла из пещеры.

Я мысленно выругалась. Господи, вот дура! Ну зачем, зачем надо было рубить сгоряча?! Я глупая, ненормальная... дура!

Погладив Фенечку по голове, поцеловала в лоб, вновь отгородилась от его эмоций и, тяжело вздохнув, отправилась на улицу.

Низина была погружена во мрак. Различить что-нибудь и увидеть темного дракона было невозможно.

— Сил! — крикнула я. — Сил, прости меня! Я не хотела тебя обидеть. Сил, я... — Стиснула кулаки, чтобы собраться наконец с мыслями. — Спасибо тебе за то, что ты ухаживаешь за Фенькой. Ему нужна поддержка. Ему тяжело. Спасибо.

Мне захотелось настучать себе по голове.

Слова выходили глупыми, так до дракона не достучаться.

— Сил, послушай, Ричарда похитили, — решила перейти к делу.

Услышала в темноте грозное всхрапывание.

— Его похитил вождь урков. Думаю, мне не стоит напоминать тебе, кто это. Я не могу лететь на Феньке, не могу взять Кару. Сил, мы должны полететь туда вместе.

Земля странным образом начала подрагивать, ветки подозрительно затрещали, словно дракон наворачивал круги туда-сюда.

— Обещаю, что не буду тебя трогать. Просто доставь меня за море, это единственный способ спасти...

Договорить не успела. Меня сшибло неожиданным порывом ветра. Сил яростно взмахнула

крыльями, и я, упав на спину, наконец смогла увидеть ее зловещую тень, взметнувшуюся в небо.

— Нет! — заорала вслед, с трудом вскакивая на ноги. — Нет, Сил, ты одна его не спасешь! Тебе нужна я! Ты ничего не сможешь без меня сделать! Они тебя схватят! Они же тоже устраивают гонки! Они все знают о драконах! Ты угодишь в ловушку, а Ричарда из-за тебя убьют! — тщетно орала я аргументы, которые заготовила, чтобы уговорить ее позволить мне залезть в седло.

Ответом послужили лишь молчащая ночная мгла и свистящий ветер, размеренно покачивающий деревья.

Я плюхнулась на землю, ожесточенно сорвала лямку сумки, кинула ее в сторону. Разочарованно ударила кулаком по траве.

Сил была моей последней надеждой! У меня не имелось запасного плана.

Я упрямо ждала ее еще четверть часа, но, когда поняла, что она не вернется, едва переставляя ноги, пошла к Феньке. Легла на его крыло и прижалась к боку дракона.

Я не знала, что теперь делать.

Сил вернулась на рассвете. Не знаю уж, подействовали на нее мои вопли или она самостоятельно поняла, что своей огромной задницей может только раздавить несколько домов, но она вернулась.

От ее приземления земля содрогнулась, и это вырвало меня из полудремы. Фенька даже ухом не пошевелил. Я поморгала, пытаюсь сориентироваться в пространстве и прийти в себя. Поднялась на ноги, схватила сумку и выглянула наружу.

Сил смотрела на меня так, словно в мыслях медленно, с наслаждением сжигала на костре, и недовольно виляла при этом хвостом. Вся ее поза выдавала крайнее напряжение и готовность в любую секунду улететь отсюда как можно дальше.

Видя, что я опасливо прижимаюсь к стене пещеры, она зло зарычала и открыла пасть настолько широко, что я искренне ужаснулась размеру ее клыков.

Поняв, что таким образом меня не выманить, Сил нетерпеливо привстала на задние лапы и одной передней ударила по земле. Я едва смогла удержать равновесие. Она тоже.

Испытывать ее терпение не стоило. Я осторожно высунулась из укрытия, медленно начала приближаться к огромному дракону.

Сил была выше Феньки раза в два, если не в три. На своего-то дракона мне каждый раз удавалось взбираться с трудом, а уж на нее я даже не представляла, как залезть. Главное, что помогать мне в этом деле она конечно же не собиралась.

Внимательно осмотрев ее чешуйчатый бок, я раздраженно вздохнула и подошла к недовольной морде.

— Мы с тобой не друзья, не товарищи, не знакомые, не партнеры, — твердым голосом сказала ей. — Мы с тобой друг другу никто. И обе делаем все только ради Ричарда.

Она согласно фыркнула мне в лицо. Я поморщилась от неприятного запаха.

— Чтобы все получилось, нам придется проявить терпение. Мне не нужно твое уважение, можешь вообще обдавать меня своей ненавистью всю дорогу. Но тебе придется проявить терпение, Сил.

Янтарные глаза прищурились. Мне стало жутко.

— Ты не выкинешь меня из седла, ясно? Ты будешь проявлять терпение.

Она снова фыркнула. На этот раз презрительно.

— Ты будешь проявлять терпение, — настойчиво повторила ей, — потому что я ношу под сердцем ребенка Ричарда. И если по твоей вине я его потеряю, ты навсегда потеряешь Ричарда.

Сил фыркнула еще презрительнее.

— Решать тебе. — Я пожала плечами.

Мы прожигали друг друга тяжелыми взглядами, теряя драгоценное время. В конце концов темный дракон уступил. Плюхнулся на живот, чтобы я хотя бы смогла зацепиться за седло и подтянуться.

— Спасибо, — проговорила тихо.

Не знаю, как было бы лучше: вылететь мы глубокой ночью, чтобы я вздрагивала от каждого странного свиста, постоянно оглядывалась, ища в темном небе угрозу, которая всегда появляется неожиданно. Или так, как сейчас. Нам предстояло лететь среди облаков, встречать рассвет и бояться, что дракона заметят с земли.

Как бы то ни было, в обоих вариантах мне оставалось только одно: испытывать страх.

Я не соврала Ричарду, когда сказала, что больше не хочу в небо.

Я действительно не хотела.

Сил была крупным, жилистым драконом. Лететь на ней казалось непривычным. Первое время я принаравливалась к ее манере полета, и это отвлекало от нерадостных мыслей. Но потом подстроилась под резкие взмахи крыльев, неожиданные планирования вниз или вверх, свыклась с невозможностью управлять этой чешуйчатой массой, и страх вернулся.

Я держалась только потому, что знала: не справлюсь, и Ричард умрет.

Тело словно парализовало. Больше не было удовольствия ни от полета, ни от прекрасного неба, ни от свистящего ветра. Мысли раз за разом возвращались к той ночи, когда из ниоткуда появились смертельные шипы. Фенькина боль была настолько осязаемой, что мне казалось, будто нас обоих живьем разорвало на части.

Опасность никогда не предупреждает о своем приходе. Она не стучится в дверь, не просит вежливо разрешения войти. К ней невозможно подготовиться. Вот сейчас передо мной безмятежная облачная гладь, а в следующее мгновение прилетит десяток шипов. И Сил погибнет. Из-за меня.

Ричарда рядом нет.

Я не знаю, что делать, как действовать, если нас атакуют в небе. Тут негде укрыться, я не могу управлять Сил. Мы погибнем.

Мы погибнем.

Еще немного, и мы погибнем.

Зачем же я сунулась в небо? Надо было найти корабль, надо было плыть на лодке, на чем угодно! Мы погибнем. Мы с ней погибнем.

Я вцепилась в седло, припала к дракону всем телом и тяжело задышала. Нельзя смотреть, что происходит вокруг. За каждым облаком мне чудилась скрытая угроза. Но если я не буду смотреть по сторонам, значит, даже не успею отреагировать?!

Я не спасу Ричарда. Я ничего не могу. Не могу лететь, не могу управлять драконом, я беспомощна в этом огромном небе!

Под нами сплошное море. Если что-то произойдет, мы сгинем под водой. Ричард даже не узнает, что я не бросила его, что я пыталась его спасти.

Сил неловко спланировала ниже, а меня чуть не стошнило от волнения. Когда-то мы с Фенькой так же пытались спланировать, уходя от Рогатого Дога. Мы пытались выжить, а я кричала так громко, что должна была сорвать голосовые связки. Я рыдала, и весь мир сжался до горошины из-за паники и непонимания. Ричард спас меня тогда. Теперь меня никто не спасет.

Сил издала странный рык, а потом резко ухнула вниз.

Я вцепилась в седло еще сильнее и заорала:

— Ты что?! Что ты делаешь?!

Она ничего не слышала или просто делала вид, что не слышит. Мы спустились напрямик к рифам. На мелководье волн не было.

Сил тяжело приземлилась на более-менее устойчивую площадку, покрытую илом. Тряхнула телом, намекая на что-то.

Я ничего не поняла. Тогда Сил просто начала заваливаться на бок. Делала она это очень медленно, поэтому, поспешно сообразив, что происходит, я успела спрыгнуть раньше, чем мне придавило ногу.

— Ты с ума сошла?! — опешила я.

Сил презрительно фыркнула и взмахнула крыльями, уносясь вверх.

— Нет!!! — заорала я.

Но дракон, вместо того чтобы улететь подальше от меня, мешком брякнулся вниз. Я испугалась еще больше и быстро кинулась к краю рифа.

В эту секунду огромная тень замерла напротив меня, размахивая жилистыми крыльями. В следующее мгновение Сил облила меня водой. Просто взяла и выплеснула ее из своей

устрашающей пасти.

Я ошарашенно замерла, чувствуя, как намокла и отяжелела одежда.

— ...!!! — в сердцах выплюнула нецензурное ругательство, пытаюсь отдышаться. Провела руками по мокрому лицу и заметила, как Сильвия хлебнула еще воды.

— Нет!!! Не надо!!!

Она пустила в меня ледящую струю.

— А-а-а!!! — простонала я. — Ты спятила?! Совсем из ума выжила?! За что?! Что я тебе сделала?!

Сил так тяжело приземлилась на три лапы, что риф содрогнулся. Я покачнулась и едва не упала. Дракон недовольно замахал хвостом.

Под пронизывающим ветром я дрожала от холода, не переставая прожигать чокнутую ящерицу ненавидящим взглядом.

— Ну что, довольна?! Дальше что?! Выкинешь меня в море?! Или лучше оставишь тут, на этом рифе?! Хочешь от меня избавиться?! Сейчас самое время!

«Это седло предназначено только для смелого наездника».

Я схватилась за голову. Боль в висках была настолько неожиданной и сильной, что казалось, мозг решил свариться и вытечь через уши.

«Ты боишься летать. Тебе здесь не место».

— А-а-а! — застонала я от боли, и только после этого до меня дошло, из-за чего все происходит. Она разговаривала со мной.

«Приди в себя».

Господи, как же больно слышать этот голос в голове.

Ричард общался с Карой мысленно, наверняка когда-то и с Сил тоже. Он говорил, что скоро это произойдет и у нас с Фенькой. Но о том, что Сил может залезть в голову к чужому человеку, он не предупреждал.

Темный дракон плюхнулся на брюхо, намекая, что я могу забираться обратно.

— Я мокрая! — прорычала в ответ. — Я не полечу, пока не обсохну! Кстати, спасибо большое, что из-за тебя мы потеряем столько времени!

Даже не поднимаясь на ноги, ведь ее морда и так находилась напротив меня, Сил открыла пасть, и на этот раз оттуда появилась совсем не вода.

Черный огонь сплошной стеной рванул на меня. Я так и застыла с занесенными руками — собиралась поправить лямку сумки. Все, на что меня хватило, — зажмуриться.

Тьма является соединением воздуха и огня. Меня опалило с ног до головы, стало до ужаса

жарко, но при этом осталось впечатление, будто я угодила в баню, а не в горящий дом.

Открыла глаза и увидела остатки развеивающейся стихии.

Одежда высохла. Темный огонь оставил после себя копоть, будто я побывала в печи. Но я была жива. И даже не обгорела.

— Чокнутая ящерица, такая упрямая, просто слов нет, как тебя Ричард вообще терпел! — Мне ничего не оставалось, как, недовольно ворча, забраться в седло.

Тяжело было это признавать, но «метод Сил» сработал.

Вода действительно остудила голову. Находиться в небе стало намного легче. Я устыдилась, что так запаниковала, да еще и на полном серьезе уверилась, что мы погибнем.

Теперь страх сменился решимостью. Я прекрасно понимала, на что пошла и чем это может нам грозить, но отступить не собиралась. Сидя на драконе, развернула карту, с трудом сложила развевающийся лист и принялась разглядывать нужную мне территорию, прикидывая, как мы будем действовать на месте.

В небе наш покой нарушали лишь птицы. Но и те были редкими попутчиками, мы летели довольно высоко. Как только замечали корабль, тут же уходили в сторону. Вернее, Сил уходила. Я в ее полет не вмешивалась. Среди облаков нас и так не должны были заметить, но рисковать не стоило.

Время начало клониться к вечеру.

Дракона неожиданно тряхнуло, да так, что я чуть не выпустила из рук карту.

— Ты чего? — недоуменно выглянула за шею Сильвии, пытаюсь рассмотреть морду.

Она упрямо продолжала лететь, но вдруг крыло подогнулось, словно не выдержало такого напряжения.

— Сил! — воскликнула я. — Сил, ты устала! Тебе нужен отдых!

Мне захотелось настучать себе по голове. С Фенькой такого не произошло бы. Я всегда чувствовала, когда он уже не мог лететь.

Всмотрелась в карту, определяя, где примерно мы сейчас находимся.

— Тут есть остров! — крикнула дракону. — Он вроде недалеко. Сил, нам нужно передохнуть хотя бы пару часов! — придала голосу настойчивости, заметив, что на мои слова не последовало реакции.

«Мы с ним долетали за день».

Я болезненно поморщилась — скоро начну ненавидеть мгновения, когда она мысленно обращается ко мне.

— Если ты не отдохнешь, мы не долетим вообще. У тебя крылья не выдерживают, хватит уже строить из себя не пойми кого! — разозлилась я.

Словно в подтверждение моих слов нас вновь встряхнуло. Сил упрямо замахала крыльями.

— Хватит! Ты только хуже делаешь! Мы упадем, и тогда Ричард точно погибнет! — Я перетащила сумку со спины на живот и принялась в ней рыться. — У меня есть компас, сейчас найдем этот остров.

«Не надо. Я знаю, где это».

Они с Ричардом тут уже останавливались. Сил приземлилась возле небольшой пещеры в пологом склоне. Увидеть ее невооруженным глазом практически не представлялось возможным из-за обилия пальмовых деревьев и высокой травы.

Мы приблизились к пустынным землям. Тут было ощутимо теплее, чем в Актории.

Сил забралась вглубь пещеры и разлеглась вдоль стены, будто это ее любимое место. Понимая, что теперь дракона лучше не трогать, сняла куртку, вытерла мокрый лоб и отправилась за хвостом.

В этих местах было тепло, но не настолько, чтобы в сумерках отдыхать на остывающей земле.

На самом деле спать я не собиралась. Мне просто требовалось чем-то заняться, пока Сил восполняет запас энергии. Набрав достаточно веток, вернулась в пещеру. Кинула недалеко от дракона, стараясь не нервировать лишними телодвижениями, но так, чтобы и животное чувствовало тепло.

И только порывшись в сумке, сообразила, что спички не положила. Разочарованно вздохнув, чуть не подпрыгнула от испуга, когда в ветки полетел черный огонек.

Сил не спала. Она умиротворенно положила голову на одну лапу и наблюдала за мной янтарными глазами, от которых становилось жутко.

Сделав вид, что не замечаю, как она изучает меня, расстелила одеяло. Села, подогнув под себя ноги. Порылась в сумке, вытащила еду. Осторожно подняла глаза и убедилась, что Сильвия не сводит с меня подозрительного взгляда.

Она вообще не моргала.

Смотрела и смотрела. В упор. Мне даже есть расхотелось.

Нервно почистив яйцо, съела его, закусывая черным хлебом. Отхлебнула воды из фляжки. Посмотрела на Сил. Та будто решила прожечь во мне дыру.

Понимая, что от такого пристального внимания еда точно застрянет в горле, вернула все обратно в сумку и легла на одеяло. Пламя было черным, но заставляло заворуженно наблюдать за ним — так же, как и привычный огонь.

Я легла на бок и принялась следить за игривыми язычками стихии, которая не отбрасывала тени и света, к сожалению, не добавляла. На землю уже опустились сумерки, поэтому в пещере царил умиротворяющий полумрак.

— Может, ты поспишь? — не выдержала, взглянув на Сил. — Я тебя разбужу через пару часов.

Та фыркнула так сильно, что пламя покачнулось. Затем прикрыла веки, так и не сменив позы

за все то время, что мы провели здесь.

Я упрямо не давала себе спать, внимательно прислушивалась к дыханию дракона и дожидалась, пока Сильвия уснет. Минут через двадцать решила, что момент настал. Осторожно села, тихонько извлекла из сумки мясо и на цыпочках прокралась к животному.

Но стоило мне приблизиться, как Сил резко распахнула глаза. От неожиданности я выронила кусок мяса.

— Ну, это тебе, — смущенно пробормотала и поспешно ретировалась к своему одеялу.

Легла спиной к дракону, чувствуя себя мерзкой подлизой. Наверняка Сил тоже решила, что я пробовала задобрить ее едой.

— Я просто хочу, чтобы ты поела, — тихо проговорила, с ужасом слушая, как мой голос эхом отражается от стен.

Сил наконец-то сменила позу.

Она презрительно отвернула морду и уткнулась носом в стену.

Я боялась засыпать. Стоило на мгновение прикрыть глаза, и в голову начинали лезть удручающие мысли, одна хуже другой.

Мне хотелось быть сильной, думать только о хорошем, без страха идти к своей цели. Я была наездницей. Мне приходилось попадать в разные ситуации. Полететь к уркам и вытащить своего мужа — в этом ведь нет ничего особенного.

Так я старалась думать.

Но вместе с тем я думала о том, что с рассветом наступит четвертый день. Думала о том, что могу опоздать. Могу не справиться. О том, как мне жить дальше без Ричарда.

Что я буду собой представлять? Кем стану без него? Смогу ли когда-нибудь вернуться в небо? Если я потеряю Ричарда, даже Фенька не вытащит меня из того ада, в который превратится моя жизнь.

Но ведь у меня родится ребенок. Он не должен остаться без папы. Без мамы.

У меня останется герцогство. Конечно, управление, скорее всего, перейдет в руки мужа Герды, но, если у меня родится мальчик, мой сын станет герцогом. Когда-нибудь. А я останусь герцогиней. Нет, не в титуле дело. Но это и мои люди тоже. Я несу за них ровно такую же ответственность, как и Ричард. Всегда буду нести.

Если моего мужа не станет, я не справлюсь. Я не выплыву.

Пещера уже давно погрузилась во мрак, не слышалось потрескивания веток в костре, не доносилось пения птиц, стрекотания кузнечиков, и ветер гулял как-то бесшумно, словно его и вовсе не было.

А я все вглядывалась в крошечную тьму, тщетно пытаюсь увидеть очертания дракона. Сил не спала. Почему-то я была в этом уверена.

— Как же ты можешь летать, — тихо выдохнула, нарушая тишину. — Как вообще можно вернуться в небо после всего, что с тобой произошло?

Я не ожидала, что дракон фыркнет в ответ. Мне было достаточно того, что она меня просто слышит.

— Знаешь, ты права, Сил. Я боюсь летать. Со мной произошли ужасные вещи. Но то, что случилось с тобой, во много крат страшнее. — Замолчала на мгновение и добавила непонимающе: — Как ты это делаешь? Как ты не боишься?

Наверное, такие вопросы стоит задавать собеседнику, который не отмалчивается и ведет с тобой диалог.

Сил не реагировала.

— Та ненависть и боль, которую ты передала мне когда-то, они до сих пор в тебе? — Я спрашивала не для того, чтобы добиться ответа. Всего лишь размышляла вслух. — Ты его любишь, — прошептала чуть громче, чем следовало бы. — Связь между драконом и всадником нерушима. Ричард думает, что ты закрылась от него, потому что эта связь прервалась. Но она ведь не может прерваться, да? — Я зачем-то сжала край шерстяного одеяла. — Если бы во мне было столько ненависти и боли, я бы тоже от него закрылась. Ты не хочешь, чтобы он чувствовал это.

От Сил по-прежнему доносилось едва слышное посапывание.

— Зря ты это делаешь. Он ведь винит себя за то, что подпустил к тебе Мию. Он имеет право знать, что ты не ненавидишь его.

Я вздохнула. Жаль, что эта тьма разъела ее изнутри, ненависть к той девушке истерзала душу. Чувство вины за то, что не смогла ее спасти и причинила этим столько боли своему хозяину, сводило Сил с ума.

Не знаю, как получилось, что я настолько прониклась сопереживанием к дракону. Мне вовсе не хотелось искать подход к Сильвии, я размышляла больше для себя. Но все вдруг как-то само собой встало на свои места.

Жаль только Ричард так и не узнает об истинных чувствах своего дракона, потому что Сил слишком гордая, чтобы позволить себе дать слабину. Она слишком долго защищала его от пережитого в ту ночь страха, от боли, от терзаний, от чувства вины.

Я прикрыла глаза. Меня против воли начинало клонить в сон.

Пока Ричарда не было рядом, я не могла спать долго, острое ощущение одиночества тут же вырывало из мира грез.

Правда, на этот раз из мира грез вырвал кусок сырого мяса, который Сил милостиво бросила мне на лицо. Наверное, это был злорадный намек на то, что пора вставать.

Я подскочила как ошпаренная.

— Сил!!! — зарычала, стиснув кулаки от злости. — Ну сколько можно-то!!!

Дракон, жутко довольный собой, поковылял из пещеры, едва не прибив меня хвостом.

Я наклонилась, запихнула одеяло в сумку, прислушалась к костру — не торит. Нашупала кусок злосчастливого мяса и вышла вслед за Сил.

— Эй! У меня нет для тебя ничего, кроме этого! — крикнула ей. — Ты должна поесть, нам еще лететь и лететь! И вообще, ты куда?!

Темный дракон хромал в сторону берега, протискиваясь огромной тушей среди высоких деревьев, заставляя стволы наклоняться к земле, а то и вовсе ломая их.

Я испустила отчаянный стон и пошла за ней. Да что же за животное! Просто слов нет! Никакой злости на нее не хватит!

— Сил! Ты ведешь себя как ребенок! Какую пакость ты задумала? Сил! Мы теряем время!

Я споткнулась о торчащий из земли корень, упала и застонала, когда тяжелая сумка придавила спину. Темный дракон тем временем спокойно добрался до берега и скрылся. Яростно ударив кулаком по траве, я поднялась на ноги и пошла по проложенной животным тропке.

Когда же выбралась из листвы на песчаный берег, с удивлением замерла, наблюдая, как Сил по брюхо забралась в море и сунула пасть в воду. Она вытащила огромную рыбину и, хромая, отправилась к берегу.

— Слушай, я ведь тебя не трогаю, — воскликнула я, подходя к ней. — Ты же летишь сама, путь выбираешь сама, кормишь себя сама. Можно проявить хоть немного терпения? Я ведь к тебе не лезу!

Сил подкинула рыбу в воздух и, поймав на лету, сожрала. Почавкала, облизнулась и уставилась на меня своими прожигающими янтарными глазами. А потом выплюнула рыбные косточки прямо на мыски моих ботинок.

Я зло уставилась на «подарочек».

«Ты хоть раз видела, чтобы драконы летали сами по себе?».

Болезненно поморщилась. А она продолжила мысленно взрывать мою голову:

«Дракону нужен всадник».

Как только она замолчала, боль начала понемногу отступать. Я попрыгала, избавляясь от косточек, и нерешительно замерла, наблюдая, как Сил медленно опускается на брюхо. Подошла к ней, схватилась за седло и начала подтягиваться. Чешуя была мокрой, поэтому ботинки скользили. С трудом забравшись на спину, уселась в седло. Видя, что дракон никаких действий не предпринимает, сказала осторожно:

— Ричард все команды мысленно отдает. Я так не смогу.

«Я не глухая».

— Ладно. Тогда полетели.

Фенька обычно разгонялся в два-три прыжка, а уже потом взлетал. Сил из-за отсутствующей лапы такой роскоши себе не позволяла. Она расправила крылья и в одно мгновение взмыла в небо, заставив песок вздыбиться.

Я вдруг сообразила, насколько ужасно поступала, думая, что даю ей свободу действий.

Когда-то она уже летала сама. Вся ответственность тогда была на ней.

И она не справилась.

— Возьми еще выше, а то птицы покоя не дадут, — уверенным голосом скомандовала я, поглаживая черную чешую. От этого движения Фенька обычно успокаивался.

Западный и южный континенты считались частью отстающего мира. На юге по-прежнему сохранялся рабовладельческий строй, а на западе пустыня диктовала кочевникам свой образ жизни и не позволяла привнести в их быт новые технологии.

Мы с Сил пересекли море и тут же попали в пустынную зону. Под покровом ночи оценить пейзаж в полной мере было трудно. С высоты драконьего полета различались темные пески, из которых выглядывали горки больших острых камней. Мне казалось, что поселения появятся возле берега, ведь тут вода, но мы летели все дальше, а вокруг не было ни одной живой души.

Долина простиралась до бесконечности, под нами лежала песчаная земля, на которой иногда возвышались широкие горы. В некоторых частях пустыни встречалась вода, с неба похожая на лужицы, из-за чего песок вокруг развозило, и он напоминал грязь. Тут виднелись следы от буксующих колес — значит, где-то поблизости все же были поселения.

В ночное время у воды не встречалось даже животных.

Из растительности виднелись лишь небольшие кустарники с сухими стеблями, переплетенными между собой. Мне казалось, что тут должно быть засилье кактусов, но за время нашего пути я так ни одного и не увидела.

Поселения урков расположились в ущелье между двумя самыми высокими горами, встреченными за время полета. Они напоминали огромные стены, наверняка и функцию выполняли соответствующую. Вся их поверхность была неровной, с мелкими и крупными выступами, образующими перекаты наподобие волн, где-то виднелись глубокие щели.

Сил приземлилась на объемную песчаную гряду, прилегающую прямо к одной из таких гор. Песок оказался зыбким, из-за чего лапы Сил сразу погрузились в него наполовину. Я спрыгнула с дракона и припала к земле.

Животное тут же съехало вниз, оставляя за собой облако из тысячи песчинок.

— Будь тут, — приказала я ей, а сама начала подниматься к вершине горы.

Благодаря небольшому весу песок подо мной был более устойчивым.

На пути все-таки вынужденно остановилась перевести дух. Понимая, что сумка слишком тяжелая и замедляет движение, я вытащила бомбочки, нож и бинокль. Саму сумку скинула к Сил. Бомбочки распихала по карманам штанов. Нож и бинокль остались в руках — спрятать их было некуда.

Добравшись до вершины, припала к земле и стала наблюдать.

Мы очень удачно прилетели именно ночью. Множество прочитанных приключенческих романов доказывало, что это идеальное время для преступления.

Часовой сидел на вершине одной из гор. Он должен был наблюдать за обстановкой в пустыне, но явно клевал носом и больше наблюдал за обстановкой в общине. Одет он был в пышные легкие штаны и рубаху без рукавов, а за спиной у него был лук.

В ущелье расположилось поселение. Долина среди гор оказалась невелика, поэтому небольшие хижины были выстроены в два ряда и едва ли не вплотную примыкали боками друг к другу. Дома сделаны из дерева, в окнах нет стекол, лишь ткань, причем, судя по натянутости, она была приколочена гвоздями.

Театральный бинокль увеличивал дальность обзора не так сильно, как хотелось бы, но я смогла различить несколько домиков, которые отличались от остальных тем, что окна в них отсутствовали. Рядом стоял стражник с копьём.

Я не удержалась, тихонько хмыкнула.

Узнав все, что нужно, начала спускаться по песку. Сделать это оказалось труднее, чем подняться по нему же. Ноги вязли сильнее, из-за чего я постоянно скользила, а зацепиться было не за что, поэтому приходилось падать на попу, чтобы остановиться. Почему-то все время в уме всплывали такие герои книг, которые терпели неудачи в важном деле. Я старалась держать кухонный нож подальше от себя, но каждый раз представляла, что неосторожно оступлюсь и напорюсь на лезвие. Так и закончится моя операция по спасению мужа.

Выдохнула, только когда оказалась рядом с Сил.

— Нам нужно к концу ущелья, — сказала ей. — Его держат с той стороны.

Дракон тут же обошел меня и похромал в нужном направлении. Схватив сумку и перекинув ее через плечо, я нагнала Сил спустя несколько минут.

— Что ты задумала? — спросила требовательно. Взглянула на скалистую гору. Хоть стражник и находился с другой стороны, все же рисковать не стоило...

Сил продолжала идти.

— Эй. — Я обогнала ее и встала прямо перед мордой. — Знаю, ты хочешь помочь. Но даже не думай соваться туда и давить всех подряд. Это только усугубит ситуацию.

Она фыркнула в ответ и обошла меня стороной.

Я покачала головой и отправилась вслед за ней. Горы были внушительными, так что идти нам предстояло долго. Через несколько минут я строго сказала:

— Не смей устраивать дебош. Ты нас всех погубишь. Укройся неподалеку, поняла?

Сил никак не отреагировала.

Я высоко подняла бровь, внимательно поглядела на нее. Дракон сделал вид, что никому ничего не должен.

— Помни о том, как твои действия могут отразиться на Ричарде, — махнула я рукой и отвернулась.

Надеюсь, она не наделает глупостей.

Я долго сомневалась, брать ли с собой нож. Мне не хотелось никого убивать. С другой стороны, а если выбора не будет? Холодное оружие взять пришлось.

Я так и не смогла достучаться до Сил. Устав от моих нравоучений, она просто развернулась и пошла вдоль скалы в обратном направлении. Правда, далеко не ушла. С трудом получилось различить ее тень — Сильвия остановилась неподалеку и улеглась, ожидая моих действий.

Я проверила наличие бомбочек, покрутила в руках нож, вытерла пот со лба и, глубоко вздохнув, пошла вызволять своего мужа.

Самую главную опасность представлял часовой. Было бы неплохо отвлечь его чем-нибудь, к примеру, Сил могла бы пошуметь, но уговаривать дракона уже не оставалось времени. Утро надвигалось неумолимо, и свое преимущество — темноту — я могла быстро потерять.

Мне крупно повезло, что предполагаемая тюрьма находилась недалеко от выхода из расщелины. Судя по виднеющимся следам колес и копыт каких-то животных, тут нередко проходили караваны. Племена кочевников напоминали древние общины — устаревшие фасоны одежды, устаревшее оружие и странный взгляд на некоторые вещи, в частности на безопасность.

Один часовой, наблюдавший за въездом в ущелье, скорее всего, отслеживал именно караваны (кто знает, на каких условиях осуществляется проезд?). Я прислонилась к неровной скале и начала продвигаться вдоль нее. Мне нужно было тихо подобраться к стражнику, но сделать это, увы, не получилось. Подошва у ботинок была слишком грубой, чтобы передвигаться бесшумно.

Стражник услышал непонятные звуки, повернулся, взгляделся в темноту и, конечно, заметил меня.

Мне ничего не оставалось, как среагировать первой. Я резко вскинула руки, и, прежде чем мужчина успел издать хотя бы звук, его заковало льдом. Он застыл практически на виду у второго часового. Если тот заметит, что фигура его товарища неестественно синяя, решит проверить и в итоге поднимет тревогу.

Именно то, что мне надо.

Я открыла дверь предполагаемой тюрьмы и проскользнула внутрь.

И это действительно была тюрьма. Но не такая, как в Буклоне.

Здесь, прямо напротив входа, располагалось всего четыре камеры, больше напоминавших клетки. На полу солома, койки сделаны из дерева, отходные ямы исключительно в углах. Сплошные решетки, даже между камерами, что позволяло узникам общаться без помех.

Я с замиранием сердца уставилась на единственного человека, который находился во второй клетке. Мужчина лежал на койке, повернувшись лицом к стене. Я в страхе сделала шаг, другой, боясь обнаружить, что это — труп.

От волнения к горлу подкатила тошнота, почему-то перед глазами встала сцена нашей первой встречи, когда я увидела герцога, стоящего на пороге замка. Он тогда так смотрел на меня... так же, как Сил. С такой же ненавистью.

Мужчина услышал звуки и повернулся.

Я облегченно выдохнула, и этот выдох разнесся по небольшому помещению жутковатым эхом. От него мурашки побежали по коже, но они были лишь толикой того мороза, который сковал тело, когда Ричард обреченно сказал:

— Нет, нет, нет!!!

— Привет, — не придумала я ничего умнее.

Муж вскочил на ноги и в одно мгновение приблизился к решетке. На его лице лежала темнота.

— Что ты здесь делаешь? — то ли ошарашенно, то ли взволнованно спросил он.

— За тобой пришла.

Почему-то я никак не могла заставить себя приблизиться. Делала шаги, но такие медленные, будто с трудом отрывала подошвы ботинок от пола.

— Марита... — Он почесал переносицу, а потом приложил лоб к решетке. — Почему ты не можешь просто сидеть дома? Ну почему тебя всегда тянет в самое пекло?

Это немного отрезвило. Собравшись с силами, я трянула головой и быстро подошла к камере.

— За моего мужа потребовали выкуп. Неужели ты думал, что я еще деньги за тебя буду платить?

— Что, так много стою? — выгнул бровь Ричард. Он решил пошутить, но я его не поддержала.

— Дело не в этом. Им не нужны деньги, им нужна месть. Они все равно убили бы тебя. — Я обеспокоенно оглядела мужа, отметила, что он выглядит больше усталым, нежели измученным пытками. — Нам нужно уходить как можно скорее.

Я принялась ожесточенно дергать замок, но тот моих методов не оценил и открываться не пожелал.

— У тебя есть нож? — спросил Ричард. — Давай сюда.

Герцог без труда просунул руку сквозь прутья, я вложила в нее прихваченное оружие, и муж принялся взламывать замок острием.

Вот только тот не поддавался.

— Проклятье! Нож слишком толстый! — Ричард нервно ударил кулаком по железным прутьям, а потом взглянул на меня и приказал: — Повернись.

Я непонимающе нахмурилась, но времени спорить не было, поэтому выполнила странную просьбу.

Он ловкими движениями распустил мои волосы и вытащил шпильку. Ею и принялся взламывать замок. Как только дверь открылась, я тут же притянула мужа к себе и обняла крепко-крепко, так, будто собиралась раздавить.

Ричард стиснул меня в своих объятиях, грозя переломать все кости.

Стоять на цыпочках уже не было сил, ноги и так болели от постоянной нагрузки, поэтому я

слегка потянула мужа за шею, заставив склониться еще ниже. А затем прошептала на ухо:

— Прости меня, прости меня, пожалуйста, что не сказала тебе этого раньше. Но я тебя люблю. Люблю. Люблю.

— Марита... — каким-то странным голосом начал он, и я вдруг испугалась, что Ричард ответит совсем не так, как мне хотелось. Поэтому не придумала ничего умнее, как перебить нарочито громко:

— Ты не ранен?

— Марита...

— С тобой все хорошо? — повторила настойчиво.

— Да.

— Тогда нам нужно торопиться.

Я поспешно вывернулась из его объятий и направилась к выходу. Но Ричард неожиданно схватил меня за руку, заставив остановиться:

— Как ты сюда попала? На ком ты прилетела?

— На... на... драконе, — подарила ему нервную улыбку.

Судя по тому, как он отреагировал на мое появление, новость о Сил задержит нас надолго, Ричард начнет вправлять мозги и возмущаться моим поступком. Я его знаю. Так что пусть впадает в шок, когда минует главная опасность.

— Да, но на ком? Фенька уже поправился?

— Идем, — поторопила его, и, воспользовавшись тем, что мы держимся за руки, потянула за собой. — Ричард, у меня есть план. Ты мне веришь?

— Что ты задумала?

— Так. — Я повернулась и уперла руку ему в грудь. — Мы не выйдем отсюда, пока ты не скажешь, что веришь мне.

Он непонимающе нахмурился:

— Да, конечно, я верю тебе.

— Хорошо. Тогда делай так, как я скажу.

— Что...

— У меня есть план, — перебила я. — Просто доверься мне.

Крепче сжала его ладонь в знак ободрения. Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо. Ричард кивнул, и я кивнула ему в ответ. Затем толкнула дверь от себя, и мы вышли наружу.

Замороженный стражник никуда не делся. Вокруг никого не было.

— Да уж, у них тут проблемы с безопасностью, — пробормотала я.

Ричард удивленно оглядел «ледяного человека».

— Отсюда все равно без дракона не сбежать, за ущельем зыбучие пески, — сказал он.

— Да? — икнула я.

— Ты не знала?

— Знала.

— Хорошо. А то я бы подумал, что ты обходила скалы с другой стороны.

— Не-э-эт, — уверенно покачала головой, вздрогнув от привидевшейся картины собственной смерти.

Но ведь Сил без колебаний пошла по тому пути, а я шла по ее следам. Надеюсь, она хорошо знала местность, и это не чистое везение.

— Ладно, идем, — поторопил Ричард. — Где Фенька?

Я сделала шаг назад и покачала головой:

— Ты обещал довериться мне.

— Да, но...

— Ричард, — грозно перебила его, — ты обещал.

— Что ты хочешь предпринять? — насторожился он.

— Все хорошо, просто делай, как я скажу. Мы должны остаться здесь.

— Сейчас сюда сбежится вся стража, — глядя на меня как на умалишенную, сказал муж.

— Да.

— Что ты задумала?

— Увидишь.

— Марита, скажи мне.

— Ричард. Ты обещал.

— Я обещал довериться тебе, а не позволить себя загубить!

— Все будет хорошо.

— Скажи мне, пожалуйста, что ты задумала?

— Увидишь.

— Марита, я сейчас силой заставлю тебя бежать.

— Нет, мы должны покончить с этой ситуацией раз и навсегда, — твердо сказала я.

— С какой си...

В этот момент со стороны домов донеслись громкие звуки: кто-то кричал, слышался лязг железа, а затем и быстрый топот. Невдалеке зажегся факел.

Я стояла на месте и в упор смотрела на Ричарда. Тот замер в нерешительности: ему очень хотелось схватить меня и утащить как можно дальше отсюда, но в то же время его останавливал мой грозный вид.

— Скажи мне, когда появится вождь. И встань-ка вот сюда, — попросила я.

Герцог совершенно ничего не понимал, было видно, как отчаянно ему не хочется верить в то, что я сошла с ума. На моих губах заиграла ободряющая улыбка. Я взяла его под локоть и поманила на нужное место — рядом с замороженным стражником.

— Стой тут, — приказала мужу, а сама расположилась по другую сторону.

И принялась ждать.

— Ты уверена в том, что делаешь? — спросил Ричард, не сводя глаз с приближающихся людей.

— У нас нет выбора. Мы должны покончить с этим раз и навсегда.

Урки были в похожих одеяниях: широкие штаны, кофты без рукавов, у некоторых лица, точнее глаза, разрисованы черным углем.

Они приближались быстро, от топота закладывало уши, в страхе хотелось плюнуть на все, развернуться и бежать со всех ног.

— Марита! — угрожающе позвал муж.

— Стой.

— Марита!

— Знаю. Стой.

Они окружали нас. Их было с десятков, а то и больше. У каждого в руках по копьё. Острия упирались в нас со всех сторон.

— Среди них есть вождь? — холодно спросила я, не меняя напряженной позы и стараясь без страха смотреть на лица кочевых людей.

— Нет, — сухо сказал Ричард.

— Мне нужно поговорить с вашим вождем! — крикнула я. Мы не проявляли агрессии, и они не нападали. — Им понятно, что я говорю? — обратилась к мужу.

— Да.

— Мне нужен ваш вождь! — воскликнула громче.

Толпа мужчин остановилась вокруг нас, замерла с оружием.

— Где Галлах Великий? — рявкнул Ричард, заставив нас всех вздрогнуть.

Я бросила на него удивленный взгляд. Муж хмуро кивнул. Он не до конца понимал, что я задумала, но решил поддержать.

— Он стоит перед вами, — раздался раскатистый мужской бас.

Галлах Великий выглядел совсем не великим. Он почти ничем не отличался от других урков — такие же помятые широкие штаны, больше напоминающие воздушный шар, рубаха с рукавом до локтя, странные лапти из непонятного материала. На вид ему было около шестидесяти, сам — худощав, морщинистая кожа обтягивала тощие руки. Голова слегка тряслась. Но вот глаза...

Глаза сказали мне о многом.

Такие глаза бывают только у глубоко опечаленных людей, души которых день за днем разъедает горе. Эти люди застревают в прошлом, раз за разом возвращаются к пережитым событиям, анализируют их, прикидывают варианты возможного исхода. В них день изо дня зреет ненависть.

Такие же глаза были у Сил.

— Меня зовут Марита, — представилась без титула и фамилии, после того как несколько мужчин расступились и я смогла увидеть перед собой вождя. — Вы видите, что я сильный маг. — Моя рука указала на замороженного человека. — Полагаю, в силу моего мужа вы никогда не сомневались. Мы без труда сбежали из ваших клеток, поэтому не советую вам в ответ применять силу. Мы здесь, чтобы поговорить с вами.

Галлах Великий не подавал признаков заинтересованности. Он вообще был похож на сухой овощ. Лишь глаза горели лютым огнем, и заметно это было даже в предрассветных сумерках.

Вождь никак не отреагировал на мои слова, только молча смотрел в мое лицо, поэтому я продолжила:

— Вы вините моего мужа в том, что погибла ваша дочь. Его слова не могут открыть правды. Мои тоже. Нас там не было. Но я знаю того, кто там был. Я знаю того, кто пытался спасти вашу дочь. Он расскажет вам правду, если вы позволите.

«Вернее, она», — добавила мысленно.

— О ком ты говоришь? — не понял Ричард, глядя на меня во все глаза.

— Вы позволите? — настойчиво спросила я у вождя.

Галлах Великий, казалось, настолько привык к маске глубокой скорби, что не способен был испытывать какие-либо другие эмоции. Лицо его застыло в печальной гримасе, будто было выковано из камня.

— Позвольте мне помочь вам. Вы же хотите узнать правду.

Он смотрел на меня, не моргая, но через несколько секунд мучительного раздумья медленно кивнул.

Я набрала в легкие побольше воздуха и заорала во всю глотку:

— Сил!!! Сил!!! Лети сюда! Сил!

— Марита, — хрипло проговорил Ричард. Его лицо осунулось, по коже побежали тени. — Родная, что ты наделала?

— Сил! — громко звала я, не обращая ни на кого внимания. — Сил!

Через несколько мгновений в небе показалась огромная тень, уверенно взмахивающая мускулистыми крыльями. Она стремглав взлетела, а затем с такой же скоростью устремилась к земле.

Сил приземлилась рядом с нами, подняв облако песчаной пыли. Все копыта тотчас устремились на животное.

— Р-р-а-а!!! — зарычал дракон, взволнованно делая шаг назад и едва не заваливаясь набок.

Как только кольцо мужчин слегка расступилось, я протиснулась между ними и встала напротив Сильвии.

— Тихо, тихо, не трогайте ее! Вы ее пугаете! — Но, понимая, что урков не угомонить, провернулась к животному: — Сил, ты должна поделиться своей болью прямо сейчас. Откройся вождю, давай же.

«Улетаем!» — услышала ее строгий голос.

Стиснула зубы от боли.

— Сил! Только ты сейчас можешь помочь Ричарду. Ты хотела этого? Хотела его спасти? Давай же, сделай это!

«Нет!»

— Ты ведь можешь общаться с другими людьми, ты передаешь воспоминания. Покажи вождю, как погибла его дочь.

«Нет!»

— Сил, пожалуйста!

— Ты что, мысленно разговариваешь с ней? — услышала ошарашенный голос мужа.

— Мне нужна твоя помощь, Сил! — воскликнула в отчаянии.

Дракон предупреждающе зарычал, слегка склонил голову.

«Ты не заставишь меня вновь пережить это!»

— Тише, тише, — вклинился успокаивающий голос Ричарда. — Марита, прекращай.

— Нет! Нет! Сил! Давай! Ты наша последняя надежда!

Животное нервно взмахнуло крыльями, и это заставило нас прикрыть лица ладонями и

закашляться.

«Мы должны улетать! Летим! Посади его на меня!» — заорала Сильвия в моей голове.

Я едва не согнулась пополам от боли.

— Это не ради меня, — выдавила сквозь зубы, — это ради него. Только так вождь сможет узнать, что же на самом деле произошло в ту ночь.

«Ричард! Ричард!» — мысленно долбила мою голову Сил, а из ее пасти вырывалось грозное, призывное рычание.

— Сил, тише, тише! — Муж подходил к ней все ближе, примирительно выставив руки. — Дорогая, я здесь. Сил, посмотри на меня. Это я. Смотри на меня.

«Посади его в седло! — грозно воскликнула она. Я схватилась за виски. — Я его спасу! Давай! Давай! Давай!!!»

— Марита! — услышала испуганное восклицание мужа. — У тебя кровь льется из ушей. — В следующую секунду он отступил от Сил и подошел ко мне, отгородив меня от своего питомца. — Что бы ты ни делала, прекращай, Марита. Она тебя убивает.

Я не успела сказать ни слова.

Темный дракон поднялся на задние лапы и разъяренно зарычал. Не знаю уж, собиралась она так спасти своего хозяина, или то, что он выбрал не ее, а меня, полностью сорвало ей крышу от ярости, но она выпустила тьму.

— Нет! — Ричард среагировал быстрее всех, подскочил к ней и выставил огромный барьер из такой же стихии.

Я поспешно взмахнула руками и хотела вырастить стену изо льда, но в этот же момент воздушные кочевники встали в шеренгу и выпустили на волю свою стихию, не давая тьме добраться до людей.

В следующее мгновение кто-то кинул на лапы Сил цепь. Я испуганно вздрогнула и обернулась, чтобы увидеть, кто это сделал, но по затылку пришелся чей-то удар.

Не устояла, упала на землю, едва успев выставить руки, чтобы не расквасить лицо.

Входная дверь, ведущая в тюрьму, закрылась с гулким звуком.

При первом посещении этого места я как-то не обратила внимания на кандалы, цепями прикрепленные к стенам. Теперь заметила. Даже смогла почувствовать их на себе.

Они неожиданно сильно жгли запястья. Похоже, их чем-то смазали, потому как каждый раз, когда я пыталась выпустить стихию, руки не подчинялись. Магия просто не хотела проходить через них.

— Ричард, скажи хоть что-нибудь, — попросила шепотом.

Повернула голову, заглянула в соседнюю камеру.

Его руки также были заключены в железные оковы и приподняты над головой. Он упрямо смотрел на решетки.

— У меня не было другого дракона, — тихо сказала я. — Фенька ранен, Кара в стойле, она не отзывалась на мой зов. Твоя мама пыталась связаться с другими наездниками, но ничего не вышло. Была только Сил.

Ричард походил на каменную статую.

— Я думала, она сделает это, — призналась в отчаянии. — Она ведь передавала мне свою боль. Она всеми силами пыталась тебя спасти, и мне казалось, она сделает это. Ради тебя.

Ричард наконец повернул голову. Его ледяной взгляд заставил вздрогнуть.

— Что тебе стоило просто сбежать? — сквозь зубы проговорил он.

— И оставить все как есть?

— Я бы разобрался, — зло выдавил муж.

— Ты уже сколько лет разбираешься? — возмутилась я. — Люди гибнут из-за вашей вражды!

— Да! — воскликнул Ричард. — А теперь погибнешь и ты!

Я хмуро поджала губы, а муж вдруг сорвался, резко дернулся вперед, отчего цепи натянулись и зазвенели.

— Марита, черт тебя подери!!! — Он яростно встряхнул руками. — Ну что тебе стоило сбежать?! Просто сбежать?!

— Я не могла оставить все как есть, — сказала тихо.

— Зато ты была бы жива!

— Я и сейчас жива.

— Это ненадолго. Теперь они нас всех убьют. И Сил тоже. — Ричард стиснул зубы и вновь уставился на решетки.

— Я тоже Бёме. Это и мои люди, — воспротивилась я.

— Да, ты Бёме, — холодно подтвердил мужчина. — Ты умудрилась совершить худшую ошибку в своей жизни и оседлать Сил.

— Я ее не оседлала, Ричард. Только ты можешь ее оседлать, ты ее хозяин. Но ты ее бросил.

— Прости? — обманчиво спокойно переспросил тот.

— Да, ты ее бросил. Ты заменил ее Карой, вместо того чтобы попытаться понять своего дракона. А Сил тебя любит больше всего на свете, Ричард.

— Она закрылась от меня! — вскипел муж. — Я с этой дырой живу черт знает сколько времени, а ты знаешь нас несколько месяцев. Не тебе судить.

— Да? А ты знаешь, что она закрылась от тебя, потому что не хочет, чтобы ты чувствовал ее боль? Ей больно, Ричард, она винит себя за то, что не смогла спасти Мию. Об этом тоже не мне судить? В ту ночь твоя благоверная отдалась на волю дракона, а драконы не летают без всадников. Сил была в том шторме одна. Она думала только о том, чтобы спасти Мию и ребенка. И она не справилась. Она слишком тебя любит, чтобы заставить переживать эту ночь вместе с ней.

— Откуда тебе это знать? — сухо спросил мужчина, не отводя взгляда от решеток.

— Часть воспоминаний она передала мне на той поляне. Часть я поняла сама во время нашего полета.

Ричард ничего не сказал в ответ. Он молча пялился на треклятые решетки.

— Слушай, мы ведь в разные передряги попадали, из этой тоже выкарабкаемся, — более спокойно сказала я.

Через несколько часов мы можем умереть. И что, последним нашим разговором будет ссора?

— Не надо было на тебе жениться, — внезапно огорошил меня муж.

— Что? — не поверила своим ушам.

— Надо было довести тогда свой план до конца. Из-за гибели Мии я остановился и все бросил. Мне стало все равно, кто будет моей женой. Не нужно было останавливаться.

Я открыла рот и... закрыла. Мне нечем было ответить на такое заявление.

— Когда ты упала в ущелье, я тебя еще не знал, — задумчиво продолжил Ричард. — Я бы спас тебя в любом случае, Марита ты или Джон. А вот шип в тебя не попал бы, если бы меня не было рядом.

— Что ты такое говоришь? — тихо ужаснулась я.

— Нет, вспомни, — с легкой безуминкой хмыкнул герцог. — Ты помнишь, как ты тогда летала? Вот именно в тот день. Это было истинное наслаждение полетом, ты отдалась небу полностью, без остатка. Ты ведь уже знала, что я твой муж?

— Да, но...

— Ты хотела, чтобы я понял, как ты любишь небо, и не отбирал его у тебя, — грустно покачал он головой. — И ты отвлеклась из-за этого. А потом чуть не умерла из-за шипа.

— Ричард, перестань.

— Если бы ты не приехала в мое герцогство, ты бы никогда не познакомилась с Сил. Тебе не пришлось бы пережить ее боль, не пришлось бы седлать ее.

— Ричард, — покачала головой, пытаюсь остановить мужчину.

— Урки похитили бы меня. А ты бы сейчас танцевала с каким-нибудь милым парнем на тех балах, что любишь. Или летала на Феньке.

— Нет, не летала бы, — не выдержала я и воскликнула грозно: — Прекрати нести эту чушь! Без

тебя я — никто, понятно? Меня без тебя не существует, неужели это не очевидно? Если бы тебя не оказалось рядом, я бы уже была мертва. Рогатый Дог убил бы меня и моего дракона. Ты нас спас, Ричард, подумай об этом.

— А ты подумай о Феньке, который умрет, если тебя не станет.

— Не смей, — прикрыла глаза и поджала губы. — Хватит. Может, тебе и не нужна наша свадьба, но мне она нужна. Ты — мой муж, хочешь ты этого или нет. Мы теперь семья.

— Нет, Марита, в семье люди защищают друг друга, а не толкают на верную смерть. — Он откашлялся и добавил хрипловато: — Прости, что толкнул тебя на смерть.

— А кто мне говорил «и в горе, и в радости»? — возмутилась я.

Ричард не ответил, и я решила очень-очень тихо добавить:

— В день, когда ты пропал, я не ездила к Симоне. Я была у Роберта.

— Что случилось? — Он оторвал голову от стены и обеспокоенно взглянул на меня.

Не выдержав, перевела взгляд на соломенный пол.

— Я беременна. — Помолчала и добавила: — Мы семья, Ричард.

Повисла тишина. Я смотрела и смотрела на этот треклятый пол, ожидая, когда муж скажет хоть слово. Но он молчал. Молчал так долго, что мне даже захотелось услышать от него «я подарил новую жизнь!» — лишь бы разрушить эту убийственную тишину.

А затем воздух сотрясся от звучного удара. Я от испуга подскочила на месте и в страхе взглянула на мужа.

Тот яростно дергал кандалы. Раз, другой, третий! Мышцы на руках проступили даже сквозь грязную рубашку, лицо покраснело от напряжения. Он со всей дури попытался вырваться.

— Ричард! — позвала я, чувствуя, как сердце сжимается от жалости. — Ричард, пожалуйста, перестань.

— Нет, — выдавил он и дернулся еще раз.

Он бился затылком о стену и все равно продолжал вырываться.

— Ричард, не надо.

— Я вытащу тебя отсюда.

Обреченно прикрыла глаза, вздрагивая от каждого нового удара.

— Ты переломашь себе руки, Ричард!

Он прекратил дергаться. Вместо этого отклонился до предела и начала вытягивать кандалы, намереваясь вырвать их из стены. Донесся полустон-полурык. Внутри все сжалось.

— Умоляю, перестань, — в отчаянии попросила я.

— Нет, не перестану! — заорал муж и так посмотрел на меня, что мне стало еще страшнее. — Ты хоть на секунду можешь представить, как я тебя люблю?!

Я замерла, удивленно уставившись на герцога.

— Я тебя не потеряю! Я вытащу тебя отсюда!

Он дернулся, еще раз, и еще, и еще. А потом застонал.

— Ричард, — испугалась я и в ужасе увидела, как он выгибается от боли. — Ричард, что случилось? Что с тобой?!

Он низко прохрипел:

— Это Сил.

И с болезненным стоном прислонился затылком к стене.

— Что Сил? — не поняла я. — Она возвращает связь? Ричард, не молчи! Говори со мной, пожалуйста, говори!

Он тяжело и прерывисто дышал, глаза были закрыты, на одежде появились мокрые пятна.

— Ричард, говори вслух, что она с тобой делает, — твердым голосом приказала я.

— Она... она показывает, — прохрипел муж.

— Что она показывает?

— Как научилась мысленно общаться с другими людьми.

— Хорошо. — К сожалению, все, чем я могла сейчас помочь, — это говорить успокаивающим голосом, чтобы он чувствовал поддержку извне. — Расскажи мне.

Я видела, как он стиснул зубы, а на шее у него выступили вены. Под глазами появились тени.

— Она кричала ей тогда... она умоляла вернуться домой...

Я поджала губы. У меня были догадки на этот счет.

Видимо, Сил в ту ночь испытала настолько сильные эмоции, что они прошибли барьер в мыслях Мии. Так она поняла, как залезать в головы к другим.

Ричард медленно открыл глаза и посмотрел в потолок. Я внимательно наблюдала за мужчиной — он больше не стонал, не сжимал зубы, только тяжело дышал.

— Она прервала связь? — спросила я тихо.

— Да. — Он глядел в одну точку, а потом перевел взгляд на меня. — Ты заставила ее открыться.

— Нет, я... я не заставляла, — пробормотала, испугавшись его холодного голоса.

Мне очень не хотелось ссориться в такую минуту, но Ричард вовсе не ссорился.

— Теперь я восхищаюсь тобой еще больше, Марита Хорвин.

Внутри все затрепетало от этих слов.

— Я Бёме, — ответила тихо.

— Да, ты Бёме. — Он помолчал секунду и добавил: — Жаль, что я сейчас не могу тебя обнять.

— И мне жаль. Но я люблю тебя.

— А я люблю тебя.

— Мы не умрем сегодня. Мы столько всего пережили совсем не ради того, чтобы умереть, — пробормотала шепотом.

— Да, — тихо протянул он, не сводя с меня нежного взгляда.

— В нашей истории нет ничего особенного, — продолжала шептать я. — Она должна закончиться хорошо. Она заслуживает того, чтобы закончиться хорошо.

— Мы теперь семья, — сказал Ричард чуть громче.

— И в горе, и в радости.

— Мы не умрем, — покачал он головой.

— Мы не умрем, — улыбнулась я.

— Не умрем.

— Ни за что не умрем.

— Я тебя люблю, — сказал муж.

— А я тебя.

В этот момент дверь в тюрьму с грохотом отворилась. Мы не повернули головы. Мы не собирались поддаваться страху и отчаянию. Мы смотрели друг на друга, искали поддержки и утешения, купались в любви, забывались в нежности, предавались неизбежности.

— Ваш дракон вырвался на волю, — услышали мы грозный голос вождя. Он сделал еще несколько шагов, видимо, решив, что мы не услышали, раз не смотрим в его сторону. А затем добавил тише: — Он мне показал.

Ричард моргнул и первым оторвался от меня. Поглядел на Галлаха Великого.

Я тоже перевела взгляд.

Вождь смотрел на нас, не скрывая ненависти, презрения, жажды убийства. Ему очень хотелось вымесить свою злость. Он хотел, чтобы кто-то ответил за смерть его дочери.

— Отворите клетки, — приказал старик.

Два человека подошли к решеткам и открыли замки.

— Освободите их из кандалов.

Мы с Ричардом удивленно уставились на Галлаха Великого.

Тот смотрел на нас.

Да, он хотел, чтобы кто-то ответил за смерть его дочери. Но ссутулившаяся спина старика и его полный ненависти взгляд, в котором застыла обреченность, говорили о том, что он прекрасно знает: ответить некому.

И он сделал первый шаг на пути к долгому и тяжелому перемирию.

Два месяца спустя

— Ричард со мной не разговаривает, — уныло сказала я.

— Да вы только и делаете, что разговариваете, — закатила глаза Симона.

— Да, но мы больше не разговариваем так, как раньше. Он мне не доверяет, — объявила трагически.

— Чувствую, я пожалею об этом, но все же спрошу: что заставило тебя так думать, дорогая подруга? — иронично осведомилась девушка.

— Дело в том, что неделю назад он поговорил с Софи, — охотно принялась я делиться. — С тех пор он ходит сам не свой. Говорит, конечно, что все хорошо. Но я-то вижу. А мне он рассказывать не хочет.

— Спроси у Софи, — пожала плечами подруга.

— Я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Не знаю. А вдруг это конец нашему браку? Вдруг... вдруг она спросила у него, хочет ли он ребенка? И он задумался. И понял, что не хочет.

— Слушай, у тебя еще даже живота нет, а ты уже невыносима, — возмутилась подруга.

— Как это нет? — обиделась я. — Ты только посмотри, как я растолстела.

— Ты не изменилась, Марита. Вообще.

От меня донесся грустный вздох.

— Я тебя замучила?

— Да, дорогая. И еще меня замучило это платье.

Симона набрала побольше воздуха, наглядно демонстрируя, насколько узок ее корсет. Несколько благородных дам неодобрительно глянули в ее сторону.

— Да уж, столица немного отличается от моих представлений, — ответив им колючим

взглядом, заметила подруга. — До сих пор не понимаю, как ты умудрилась затащить меня сюда.

Мы неспешно прогуливались по королевскому парку. По широким аллеям проезжали дорогие экипажи, стук колес и копыт не прекращался ни на секунду. По узким аллеям гуляли роскошные дамы, статные джентльмены и их слуги.

— Это была идея Ричарда, — перевела я стрелки.

— Брось, твой муж меня недолюбливает, — скептически высказалась Симона.

— Это не так, — покачала я головой. — Это действительно была идея Ричарда. Он считает, что, если я сорвусь и решу поехать на казнь, ты меня остановишь.

— Тебя никто не остановит, — хмыкнула подруга.

— Это правда.

Я взяла ее под локоть и прижалась виском к плечу девушки.

Мы приблизились к нашему экипажу, позволили слугам помочь нам в него забраться и весь путь до особняка Эсбьерн разговаривали о веселых, но малозначительных вещах.

Как только кучер остановил лошадей, мы вышли возле парадного входа, отделанного позолотой, поднялись по ступенькам и зашли внутрь.

Сестра Ричарда родила раньше положенного срока, но, судя по показаниям врачей, ребенок был вполне здоров. Мы, конечно, не могли пропустить такое событие и тут же приехали в столицу поздравлять новоявленных родителей.

— А где сейчас герцог Бёме? — спросила я у дворецкого, отдавая служанке шляпку.

— Он в детской вместе с графом и графиней Эсбьерн, миледи, — важно ответил немолодой мужчина.

— Благодарю.

— Я лучше пойду к себе, — кисло сказала Симона. — Нет никого желания смотреть на это маленькое чудовище.

— От моего тоже будешь бегать? — беззлобно рассмеялась я.

— А то.

— Я-то хотела попросить тебя стать крестной.

— В таком случае я подумаю, — хмыкнула подруга.

Мы расстались на втором этаже. Она отправилась в свои покои, а я плавно всплыла в детскую, где вокруг люльки собралось сразу три заинтересованных зрителя.

— Марита! — обрадовалась Герда, заметив меня. — Иди к нам! Посмотри, она улыбается. Она тебя узнала.

Я расплылась в улыбке и, подойдя вплотную к Ричарду, заглянула в люльку.

— Приве-э-эт, — поздоровалась с маленьким комочком, завернутым в сотню розовых простыней. — А имя уже дали?

— Да, ее будут звать Амалией, в честь моей бабушки, — отчего-то нахмурилась Герда.

— Нет, мы решили, что ее будут звать Розитой, в честь моей бабушки, — раздраженно втянул воздух Роланд.

— Мы же с тобой сотню раз это обсуждали. Моя бабушка была сестрой милосердия, ее заслуги прекрасно скажутся на карме нашей дочери.

Мы с Ричардом переглянулись.

— Ладно, — махнул рукой Роланд. — Решим потом, — и все же последнее слово оставил за собой. — Марита и... Ричард, — он нерешительно посмотрел на моего мужа, видимо, все еще помня, как тот ему не давал покоя, когда Роланд сделал Герде предложение, — мы с женой хотели немного прогуляться по городу. Наша гувернантка придет только через час, и мы попросим вас недолго побыть с нашей дочерью.

— Да, — подтвердила слова мужа Герда. — Я так не хочу ее бросать, но нам действительно нужно проветриться. В последнее время столько всего произошло. Мы наедине не оставались... я уже даже не помню сколько. Я так истосковалась по нему. — Красноречивый взгляд упал на нерешительно замершего Роланда.

— Только без подробностей, пожалуйста, — поморщился Ричард.

— Ну, мы, наверное, с радостью останемся, — поспешно вклинилась я. Посмотрела на герцога. — Да?

— Да, — пожал плечами тот.

— Спасибо! — расплылась в улыбке Герда. — Марита, тебе это особенно полезно, ты же скоро сама станешь мамой.

— Да-а, — протянула я.

— Хочешь поддержать малышку?

— Нет-нет, — поспешно закрутила головой, увидела страшные глаза Роланда и тут же закивала: — Конечно-конечно, хочу!

— Держи. Она в эти часы очень крепко спит, так что ничего страшного не произойдет. Но если все же проснется, ты покачай ее на руках, она успокоится и опять заснет. А если будет плакать, вы замените пеленки или покормите, молоко стоит на кухне...

Увидев наши огорошенные лица, Герда исправилась:

— Впрочем, лучше позовите маму.

С трудом оторвавшись от ребенка молодая мама все же была уведена мужем на прогулку. Я осталась стоять с кульком в руках и панически не понимала, что мне делать.

— Ричард. Ричард. Ричард, — зашипела на мужа и замерла на месте так, словно держала перед собой нож с ядом.

— Так, сейчас, сейчас. — Герцог начал оглядываться. — Клади, клади на диван.

Я сделала шаг по направлению к нужному месту, но вдруг услышала странный звук, будто ребенок что-то вякнул.

— Она просыпается, — прошептала я.

— В люльку! — испугался Ричард.

— Она проснется!

— Держи оборону с этой стороны, а я подстрахую с другой, — начал раздавать указания супруг и обогнул кровать, подставив свои руки под кулек.

Вместе мы очень осторожно вернули ребенка на его законное место.

Выдохнули облегченно.

Постояли немного, наблюдая за маленьким созданием природы.

Я грустно вздохнула и шепотом задала философский вопрос:

— Неужели мы станем такими же? Тоже будем ссориться из-за имени? У нас тоже не останется времени друг на друга?

Ричард оторвался от созерцания малышки и внимательно взглянул на меня.

— Пойдем, сядем, — мотнул он головой.

Мы уютно устроились на диване, с которого прекрасно было видно детскую люльку. Я положила голову мужу на плечо, а он в ответ уже привычным движением обнял меня за талию.

— Да, — сказал он.

— Что «да»?

— Такими же станем. Будем спорить и дурью маяться.

— Не хочу спорить, — погрустнела я.

— А я хочу.

— Ну и спорь сам с собой.

— Без тебя неинтересно. — Муж поцеловал меня в макушку. Я вздохнула. — Хочешь, покажу кое-что? — спросил он.

— Давай, — охотно согласилась.

Ричард привстал и извлек из нагрудного кармана белую розу.

В ответ на мой непонимающий взгляд мужчина пояснил:

— Вчера голубь принес. Это из пустыни.

Я тут же посерьезнела.

— Что это значит?

— Это значит мир.

— Совсем?

— Совсем.

Облегченно прижалась к Ричарду, шумно выдохнула:

— Слава богу.

— Да, долго мы к этому шли, — покачал он головой.

— Сегодня дракон Рогатого Дога умрет, — сказала я тихо, не отрывая головы от уютного плеча.

Почувствовала, объятия стали крепче.

— Не думай об этом.

— Не могу не думать.

— Знаю, но постарайся. — Его щека прижалась к моим волосам. — Может, тебя волнует еще что-то?

— Угу.

— Что?

— Ты расскажешь мне, что такого тебе сказала Софи, что ты теперь весь такой... вот такой.

— Какой? — хмыкнул муж.

— Задумчивый.

— Да там нечего рассказывать.

— Ричард! — тихо возмутилась я и оторвалась от его плеча. Быстро села, вывернувшись из объятий. — Почему ты не говоришь? Ты мне больше не доверяешь? Дело во мне? Ты не хочешь детей? Я толстая?

— Что? — Ричард удивленно поднял брови. — Нет.

— Нет — это ответ на все предположения или только на одно?

Он мученически закатил глаза, точно как Симона сегодня.

— На все. Если тебе так хочется, я расскажу. Но обещай, что отнесешься с пониманием, — серьезно попросил он.

— Конечно, — кивнула я.

— Мне двадцать шесть лет, Марита, — сказал он хмуро. Начало мне не понравилось. — Я многое повидал за это время, иногда даже такое, что вспомнить страшно. Это накладывает отпечаток, понимаешь? Человек в любом случае становится мудрее.

— К чему ты клонишь? — сглотнула я.

— Софи задала мне вопрос, на который я не смог ответить.

— Что за вопрос?

Ричард в упор посмотрел на меня и с самым серьезным видом процитировал:

— Что будет, если улитка растолстеет и не сможет вернуться в раковину?

Я моргнула. Поглядела на хмурого мужа. Моргнула еще раз.

— Что? — спросила недоуменно.

— Вот ты знаешь, что будет с улиткой, если она растолстеет и не сможет вернуться в раковину? Я думаю над этим всю неделю, но у меня нет ответа. У меня нет ответа, Марита.

— Э-э-э...

— А если мой сын спросит меня об этом? А я не отвечу? Я ведь буду примером для него, а что я за отец такой, который не знает, что будет с улиткой, если она растолстеет.

Я поспешно зажала рот рукой. Поняла, что истеричный смех рвется наружу, пришлось приложить ко рту и вторую руку.

— Ты же обещала отнестись с пониманием, — тихо возмутился муж.

Я закрутила головой, не выдержав, ударила лбом о его плечо и начала трястись от истеричных всхлипов.

— Эй, я ради тебя Недельный залет пропустил, — праведно вознегодовал Ричард.

— Прости-и-и-и, — провыла сквозь смех.

К нашему огромному огорчению, кулек в люльке все услышал и начал заходиться более истеричными рыданиями, чем опрометчивая герцогиня.

— Я пошел за мамой, — вздохнул муж. — А у тебя вообще ни стыда ни совести.

— Ричард, стой. — Я вытерла выступившие от смеха слезы и поспешно схватила мужа за локоть. — Знаешь, нам надо составить список подобных вопросов, чтобы знать ответы. Просто я тоже без понятия, что будет с улиткой.

— Ты права. Надо подготовиться.

— Чтобы стать лучшими родителями в мире, — хихикнула я.

— Осталось только научиться успокаивать детский плач. Сиди тут, а я за мамой.

Муж поцеловал меня в лоб и поднялся. А когда он скрылся за дверью, я принялась

успокаивающе покачивать люльку и действительно озадачилась.

Нет, правда, что будет с улиткой, если она растолстеет и не сможет вернуться в раковину?

mir-knigi.org